

В. В. СОГРИН

ИДЕОЛОГИЯ
В АМЕРИКАНСКОЙ
ИСТОРИИ

ОТ ОТЦОВ-ОСНОВАТЕЛЕЙ
ДО КОНЦА XX ВЕКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт всеобщей истории

В.В.СОГРИН

ИДЕОЛОГИЯ
В АМЕРИКАНСКОЙ
ИСТОРИИ
ОТ ОТЦОВ-ОСНОВАТЕЛЕЙ
ДО КОНЦА XX века

Москва
• НАУКА •
1995

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
согласно проекту № 94-06-19216

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН А.О. ЧУБАРЬЯН

Рецензенты:
доктор исторических наук А.А. КИСЛОВА,
академик РАН Г.Н. СЕВОСТЬЯНОВ

Согрин В.В.

С54 Идеология в американской истории: от отцов-основателей до
конца XX века. – М.: Наука, 1995. – 238 с.
ISBN 5-02-009570-2

Впервые в отечественной историографии рассматриваются общественные идеалы Америки, различных ее социальных слоев, политических партий и групп от образования США до наших дней. Основываясь на обширном круге источников, автор раскрывает 200-летнюю идейную историю США через мировоззрение американских мыслителей и политических деятелей Т. Джефферсона и А. Гамильтона, Д. Кэлхуна и А. Линкольна, В. Вильсона и Т. Рузвельта, Г. Гувера и Ф.Д. Рузвельта, Д.К. Гэлбрайта и Б. Голдуотера, Д. Кеннеди и Р. Рейгана и многих других. Автор показывает, как конкуренция разнообразных идейно-политических традиций обогащала каждую из них и оказывала плодотворное воздействие на американскую историю в целом.

Для специалистов и широкого круга читателей.

С 0503010000-344 28 – I полугодие 1995
042(02)-95

ББК 63.3(0)

ISBN 5-02-009570-2

© Согрин В.В., 1995
© Российская Академия наук, 1995

Многие считают Соединенные Штаты Америки сугубо прагматической страной, не обремененной богатым духовным наследием и идеологическими традициями. Это крайне упрощенное представление. Сегодня, освобождаясь от вульгарно-экономического детерминизма прошлых десятилетий, мы начинаем более глубоко осознавать значение духовных, морально-нравственных и идеологических факторов в общественном развитии самых разных стран и регионов. Огромную роль сыграли они и в истории США.

Уже американские отцы-основатели обустроивали Соединенные Штаты в соответствии с определенными замыслами, теориями, планами. Один из самых знаменитых отцов-основателей США, Джон Адамс, с полным основанием утверждал, что Американская революция, в горниле которой родились конституция, федерация, Билль о правах, двухпартийная система, "прежде чем разразиться на полях сражений, в течение пятнадцати лет совершалась в умах людей". И действительно, на протяжении 15 лет, предшествовавших Войне за независимость, американцы при помощи своих духовных лидеров овладевали непреходящими идеями Просвещения об естественных и неотчуждаемых правах человека, общественном договоре, разделении властей, правовом государстве, плодотворности экономической и политической конкуренции. В соответствии с этими заветами создавалось американское государство. На протяжении последующей американской истории различные общественные движения, политические партии и деятели с помощью разнообразных доктрин, концепций, программ мобилизовывали на свою поддержку массы, а придя к власти, стремились воплотить свои идеалы в жизнь.

Так, в десятилетия перед Гражданской войной 1861–1865 гг. было выдвинуто много проектов радикальной реорганизации американского союза. Время отобрало те из них, которые в наибольшей степени соответствовали интересам нации: они и были воплощены в жизнь. В знаменитую эпоху Нового курса 1930-х годов реформаторские усилия Ф.Д. Рузвельта неизменно подкреплялись теоретическими и программными разработками его "мозгового треста", состоявшего из профессуры Колумбийского университета. Концепция Новых рубежей Д. Кеннеди была разработана интеллектуалами из Гарвардского университета. Р. Рейган, осуществлявший социально-экономическую контрреформу, опирался на рекомендации чикагской экономической школы и других научных и идеологических центров неоконсервативного толка.

Так что у автора книги были весомые основания посвятить ее эволю-

ции американских общественных идеалов и идеологий, выявить их роль в американской истории. Полагаю, что у такого замысла найдутся и оппоненты, особенно из числа тех, кто сегодня твердо уверен, что идеологии оказывают только "вредное" влияние на историю и от них, а вместе с ними и от "искусственного" вмешательства в историю непременно нужно избавляться. На это могу ответить коротко: идеология идеологии рознь. И если в нашей стране потерпела крушение идеология казарменного коммунизма, то это не значит, что вслед за ней огульно должны быть осуждены все идеологии.

Чем провинилась, например, перед историей идеология Просвещения, выразители которой от Д. Локка до Т. Джефферсона выдвинули сомнительные, оригинальные проекты преобразования общества. Они воплотились тогда в общественном устройстве США, Англии, Франции, что позволило этим государствам на десятилетия обогнать в историческом развитии другие регионы и страны. Так что воздействие идеологии благоприятно, когда соответствует реалистическому определению потребности общественного развития, и пагубно, когда не учитывает объективных запросов исторического процесса. История отсеивала и будет отсеивать, какие бы препятствия ей ни чинили, ложные идеологии, идеологии-утопии, противоречащие потребностям общественного развития, но она же будет давать жизнь тем идеологиям, которые высвобождают эти потребности.

Подобным образом неоднократно распоряжалась и американская история. Она отбрасывала, "забраковывала" множество идеологий-утопий, но она же сохраняла жизнь, усваивала множество идеалов, отвечавших насущным требованиям общества и различных классов. Именно с помощью этого критерия – историческая практика как критерий истины автор и пытался оценивать те или иные общественные идеалы, концепции и программы партий, классов, социальных групп, которые действовали на протяжении более чем 200-летней американской истории. Какие идеалы и как влияли на Америку, как ее реалии изменялись под воздействием различных идеологий – ответ на эти вопросы позволяет дать им объективную оценку.

Сегодня у наших американистов есть основание и возможность по-новому взглянуть на многие, в том числе идеологические, процессы американской истории, критически переосмыслить прежние наши оценки и подходы. Следует признать, что прежде нашим американистам был присущ гиперкритический взгляд на либеральные и консервативные концепции и идеалы, которые-то, как правило, и приравнивались к идеологическим утопиям. Вместе с тем преувеличивалось влияние в США радикальных и социалистических идеологий. В книге предпринята попытка преодолеть эти односторонние оценки: ведь совершенно очевидно, что именно либеральная и консервативная идейно-политические традиции на протяжении более 200 лет определяли развитие американской общественной практики, оказывая на нее часто позитивное воздействие. Но автору книги чужда и другая крайность, присущая уже многим американским историкам, – возвеличивание только либерализма и консерватизма и приравнивание к утопиям радикализма и социализма. За-

мысел книги состоял во всестороннем раскрытии роли каждой из рассматриваемых в ней американских идеологий.

Американские идеологические традиции никогда не превращались в застывшие догмы, но обновлялись, отвечая на вызов времени, на каждом новом этапе истории. При этом идейная история США может быть разделена на четыре крупных этапа, которые и определили композицию книги.

Первый этап – с 1770-х до 1820-х годов – эпоха образования США, формирования национального государства, качественных изменений в экономических и социальных отношениях и складывания на этой основе национальных идейно-политических традиций. 1776 год – год начала Американской революции, означал радикальную ревизию предшествующего колониального опыта Америки. Революция ниспровергла не только колониальный гнет, сковывавший свободное развитие капиталистических отношений в экономике и демократии в политическом управлении, но и разнообразные феодально-аристократические пережитки, которые так или иначе, в той или иной мере существовали в колониальный период во всех 13 штатах. Сокрушая их, революция взяла на вооружение идеологию Просвещения – самое передовое общественное учение XVIII в. В американском Просвещении, в ходе и под воздействием революции, сложились две главные идеологические традиции – либерально-демократическая, представленная такими титанами, как Джефферсон, Франклин, Пейн, и умеренно консервативная, выразителями которой стали Гамильтон, Мэдисон и Джон Адамс.

Второй период – с 1820-х до 1870-х годов – отмечен резкими размежеваниями и острейшими идейно-политическими дебатами по вопросу о рабстве. Рабство, укоренившееся в Америке еще в колониальный период, в силу конкретно-исторических причин не было отменено в эпоху революции конца XVIII в. Впоследствии же оно стало разрастаться, превратилось в самостоятельную социально-экономическую систему, подчинившую себе американский Юг. Но эта система и прогрессивное развитие Америки, как доказал исторический опыт, оказались несовместимыми. В вопросе о рабстве Соединенные Штаты разделились на два главных лагеря: его противников и сторонников. Соответственно этому делению осуществлялось идеологическое противоборство: противники рабства во главе с У. Гаррисоном, А. Линкольном, другими демократами развивали заповеди Т. Джефферсона применительно к новым историческим условиям, а их оппоненты конструировали схемы рабовладельческой утопии, своего рода первого американского варианта правого радикализма.

Третий этап – с 1870-х до 1920-х годов – это эпоха триумфа американского капитализма, свободного и от феодальных пережитков, и от рабовладельческой аномалии. "Чистый" капитализм весьма энергично перерастал в монополистический. В ходе этой глубинной трансформации в Соединенных Штатах углубились противоречия между трудом и капиталом, а также между разными слоями буржуазии. На этой почве развивалось соперничество между консерватизмом, либерализмом и впервые выступившими во весь рост левыми идеологиями. Обильно черпая из

духовного наследия Америки, их представители выдвинули и множество новых идеалов, соответствовавших изменившимся историческим реалиям.

Консерватизм, либерализм и левые идеологии продолжали и продолжают соперничать и на новейшем этапе американской истории – с 1920-х годов по настоящее время. Но соотношение между ними, как и сами они, претерпели изменения. Так, внутри консервативной мысли выделилось сразу три течения: ортодоксально-индивидуалистическое, социально-консервативное и неоконсервативное. Американский либерализм, развивавшийся в 1930–1960-е годы на основе все большей его социал-демократизации, в последние два десятилетия обнаружил уже отчетливую тенденцию эволюции "вправо", выражением которой стал неолиберализм. Серьезные и разнообразные метаморфозы характерны и для развития леворадикальной и социалистической мысли. Идейная история США в новейшее время напоминает подлинный концерт идеологий.

Конечно, данная монография не исчерпывает всего богатства американских идеологий. Автор сосредоточился на главных, характерных тенденциях развития идеологии на крупных этапах истории США. Некоторые из "малых" идеологий остались за рамками исследования. Объясняется это тем, что автор стремился реализовать с максимальной полнотой собственный исследовательский замысел, который уже, а главное, иной, нежели задача характеристики всех и всяческих идеологий, известных американской истории.

РЕВОЛЮЦИЯ XVIII ВЕКА: НАРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИЙ

Идейные поиски демократов: Джефферсон, Франклин, Пейн и другие

Революция бурлила. Едва 4 июля 1776 г. было провозглашено образование независимых Соединенных Штатов Америки, как их граждане решительно обратились к переустройству своего дома. Многие патриоты, словно забыв о внешней опасности, о том, что независимость предстояло еще отстоять на полях сражений, всецело отдались подготовке всевозможных социальных и политических реформ. Один из них, Ф.Л. Ли, с удивлением констатировал, что все американцы, умеющие пользоваться пером, "обратились к написанию конституций"

Ведение войны было передоверено генералу Вашингтону. Разве этот виргинский плантатор с его железной волей и мощными кулаками, рассуждали новоявленные ликурги и солоны, не справится с несколькими десятками тысяч английских солдат? И хотя война Вашингтону с самого начала давалась с трудом, это ничуть не охлаждало пыл реформаторов. Уже в первые два года независимости во всех 13 штатах, считавших себя суверенными республиками, были обсуждены и одобрены сотни всевозможных проектов, преобразовавших государственную власть, изменивших социальное и экономическое развитие Америки.

Один из самых пылких реформаторов, Томас Джефферсон, дал объяснение всеобщей тяги своих соотечественников к преобразовательным проектам: "Сейчас это, по сути, самое увлекательное занятие, которому желает посвятить себя каждый гражданин. В нем смысл всей нашей нынешней борьбы. Если у нас утвердится плохое правительство, это будет означать, что американцы вполне могли удовлетворяться дурным правлением, навязываемым из-за океана, не подвергая себя ненужному риску и не принося жертв на полях сражений"¹.

О серьезном переустройстве американского общества мечтало большинство патриотов, но единодушия в понимании будущего страны отнюдь не существовало. Одни, представлявшие по преимуществу социальные верхи, намеревались сосредоточиться на ремонте государственной власти, другие, выражавшие волю средних и низших слоев – фермеров, мастеровых, лавочников, – были убеждены, что вслед за отменой колониального гнета должны быть ограничены или вовсе ликвидированы экономические и политические привилегии верхов и осуществлены глубокие экономические и политические реформы. Дискуссии патриотов

вокруг злободневных экономических, социальных и политических вопросов опирались неизменно на теоретические принципы Просвещения, радикальной философии XVIII в. Американская революция, первой взявшая на вооружение идеалы этой философии, потребовала от своих идеологов максимальной конкретизации абстрактных доктрин, перевода их в осязаемые программы, проекты, предложения. Духовные лидеры революции, впрочем, не ограничивались осмыслением ближайших перспектив американского общества, многие из них, как и подобает настоящим революционерам, мыслили очень широко, заглядывали, часто очень прозорливо, порой пророчески, на многие десятилетия вперед. Именно им Америка обязана оформлением национальных идейных традиций, определяющих на протяжении уже более 200 лет первоосновы духовного мира американцев.

У каждого крыла революции были свои лидеры и герои. Среди демократов выделялись трое – Томас Джефферсон, Бенджамин Франклин и Томас Пейн, не только завоевавшие славу среди соотечественников, но и вставшие в один ряд с европейскими гигантами Просвещения.

Томас Джефферсон, почти единодушно признаваемый у себя на родине демократом № 1, прожил долгую (1743–1826), наполненную яркими политическими победами и духовными взлетами жизнь. Он единственный среди выдающихся просветителей покорила крупнейшие политические вершины: избирался губернатором Виргинии и вице-президентом, назначался министром иностранных дел, наконец, в течение двух сроков, с 1801 по 1809 г., являлся хозяином Белого дома. Но мировую известность Джефферсону принесли не только эти высокие должности, но и передовые, подчас намного опережавшие время политические и социальные идеалы.

Удивительным было то, что идеалы эти выдвигались человеком, связанным по происхождению с плантаторским классом Виргинии. Как, каким образом сумел проникнуться заботами простого люда человек, выросший и воспитанный в рабовладельческой семье? Конечно, Джефферсон испытал влияние плантаторского окружения: он до конца жизни оставался связан с ним прочными нитями и так и не смог отказаться от многих привычек и правил, усвоенных с молоком матери (многие его биографы поражаются, как могли столь органично сочетаться в одном человеке аристократ и демократ). Но в его становлении как личности на первый план все более выступало отторжение предрассудков и норм рабовладельческой среды, их критическое соотнесение с наблюдениями и выводами, почерпнутыми из других истоков.

Именно эти истоки, а не семья и плантаторская среда формировали эгалитарные начала мышления этого человека. Жизненный путь и мировоззрение Джефферсона – просветителя и демократа – являли собой результат своеобразного сплава незаурядного ума и характера, с одной стороны, и противоречивой американской реальности и той удивительной исторической эпохи, которая заслужила название Века Просвещения, Века Разума и Века Революций – с другой.

Американская реальность XVIII в. воплощала разнообразные противоречия. Взять хотя бы то, что ее северная часть развивалась на чисто

буржуазной, а южная – на рабовладельческой основе. И на Севере, и на Юге имелись свои контрасты. Но особенно сильны они были на Юге. В приатлантической части южных штатов, в том числе и Виргинии, утверждалась плантаторская собственность на землю. Сюда с самого начала устремлялись предприимчивые сельские буржуа, поведение которых определяли накопительские мотивы. Владельцы плантационных хозяйств в силу крайней узости рынка наемного труда должны были очень рано (с 1619 г.) прибегнуть к труду черных рабов. Использование рабского труда не прошло бесследно для сельской буржуазии Юга, превратившейся в особый класс, в котором странно и в то же время закономерно соединялись черты типичных капиталистов и рабовладельцев. Рабство стало не только спецификой, но и проклятием американского капиталистического развития, на протяжении двух с половиной веков сочетавшего передовые тенденции буржуазного прогресса с сохранением отвратительного общественного уклада.

Крупные плантации встречались тут и там на Атлантическом побережье. Но по мере удаления на Запад, в глубь материка, они попадались все реже. А в западной глубинке их не было вообще. Здесь, в том числе и в западных районах Виргинии, развивался другой уклад: сюда устремлялись попытать счастья менее удачливые и зажиточные плантаторы, малоземельные фермеры и безземельные арендаторы, попросту белые бедняки. В западных поселениях властвовали более демократические законы и нравы, здесь одевались скромнее и питались дешевле, чем в приатлантических районах.

Поместье Джефферсонов разместилось на границе между Западом и Востоком, но было гораздо ближе к западным поселениям, нежели к богатому Атлантическому побережью. В детские и юношеские годы Джефферсон подпитывался фольклором, бытом и нравами американского Запада, проникался симпатией к его обитателям, мужественным и трудолюбивым землепашцам. Здесь, на бескрайних просторах Запада, у него зарождалась мечта о приобщении к независимому фермерскому труду всех неимущих американцев и развитии Америки как союза демократических, основанных на прямом народоправстве фермерских республик. Впоследствии, когда Джефферсон приобщился к взглядам и идеям Локка и Монтескье, Руссо и Вольтера, эта мечта естественно соединилась у него с теорией просветителей об утверждении на земле "царства разума". Разве сама природа не уготовила эту счастливую участь американскому Западу?

В отличие от Джефферсона Бенджамин Франклин формировался как личность и мыслитель на буржуазном Севере. С XVII в. здесь селились потомки трудолюбивых, предприимчивых и набожных английских пуритан, которые избрали Америку в качестве убежища от преследований английского монарха и церкви. Здесь преобладали мелкие и средние фермы, имелись во множестве всевозможные мастерские, но в XVIII в. возникали уже и крупные купеческие дома, происходило имущественное расслоение, правда не способное перекрыть границы между разными социальными слоями и классами. Подтверждением тому служит и судьба Франклина. Простолудин по происхождению, он провел детство и

юность в Бостоне, с малых лет работая сначала в мыловарне отца, а потом в небольшой типографии брата. Семнадцати лет с шиллингом и пенсом в кармане он прибыл в Филадельфию – город, ставший для него родным. Здесь на протяжении многих лет оставался связан с издательским ремеслом, со временем приобрел собственную типографию и даже субсидировал создание дочерних предприятий в других колониях.

Чтобы добиться этого, понадобилась огромная самодисциплина, упорство, предприимчивость, бережливость, переходящая в самоограничение. Когда Франклин в 1730-е годы в заповедях "бедного Ричарда" преподносил читателям истины, которые звучали как этические и экономические принципы создания из ничего мешка с деньгами, это были правила, проверенные на собственном жизненном опыте. К чести Франклина, накопительство не превратилось для него в смысл жизни. Он достиг возможности не заботиться о хлебе насущном к 40 годам и после этого посвятил себя научной и политической деятельности.

В середине 1760-х годов Франклин прибыл в качестве представителя Пенсильвании в Лондон и оставался там вплоть до начала Американской революции. Наблюдая за репрессивными антиамериканскими актами парламента, он ищет идеологическое и политическое противодействие им и формулирует концепцию гомруля – государственного самоуправления Северной Америки в рамках Британской империи. Верховная власть в вопросах внутривнутриполитического управления в Северной Америке закреплялась Франклином за местными ассамблеями, приравнивавшимися к парламенту. Колонии, доказывал он, возникли на основе договорного соглашения переселенцев с королем, который мог править Северной Америкой только с согласия ассамблей. Обнаружившиеся позднее попытки парламента распространить законодательную власть на колонии являлись образцом политической узурпации. Колонии были основаны на средствах самих поселенцев, а не Англии, ассамблеи были их парламентами, хартии – конституциями. Идеи Франклина, усвоенные всеми передовыми американцами, оставались на знамени патриотического движения вплоть до 1775 г.

Так получилось, что радикальную концепцию Франклина преобразовал в революционную доктрину не американец, а англичанин Томас Пейн. Отвергнутый своей родиной за смелые просветительские идеи, он прибыл в Америку в 1774 г. и сразу с головой окунулся в патриотическое движение. А 10 января 1776 г. в Филадельфии вышел его памфлет "Здравый смысл", в котором были просто и убедительно изложены разнообразные аргументы в пользу независимости. В мгновение ока небольшая книжечка, разошедшаяся тиражом в 120 тыс. экземпляров, стала настольной книгой патриотов.

Пейн бескомпромиссно – а патриоты, вынужденные в 1776 г. уже обратиться к оружию для защиты своих прав, заждались именно такого подхода – отвергал "местные и давно устоявшиеся предрассудки" относительно целей борьбы с Англией. Один из таких предрассудков – стремление патриотов добиться самоуправления в Британской империи. Пейн доказывал, что отказ в имперских прерогативах парламенту при сохранении их за королем не обеспечит прав американцев. Он беспощадно крити-

ковал английскую конституцию, которая представлялась многим духовным вождям колонистов вместилищем всех возможных прав и свобод. По убеждению же Пейна, английская конституция – это выдумка; за нее выдавалось хаотичное собрание парламентских актов, зачастую взаимоисключающих друг друга. Пейн утверждал, что принципы общественного соглашения и представительного правления попораны в Англии. Два из трех китов хваленого английского "смешанного правления" – монархия и палата лордов – не имели никакого отношения к воле избирателей, являлись остатками монархической и аристократической тирании. Выборной была только палата общин. Но она, по заключению Пейна, не в состоянии обуздать тиранию.

Сам Пейн горячо выступал в пользу республики. Наследование власти одной семьей, язвительно указывал он, неугодно самой природе, иначе она бы не преподносила столь часто в качестве правителя "осла вместо льва". Проследившая родословную "коронованных негодяев" Англии от "французского убудка" Вильгельма Завоевателя до "его королевского свинства" Георга III, Пейн показывал, что их "божественные" права замешаны на коварстве, предательствах, крови и страданиях как их ближних, так и подданных². Столь смелые идеи в то время не высказывались даже в Европе. В Америке же накануне Войны за независимость патриоты и даже их радикальное крыло сохраняли приверженность конституционной монархии. Pamфлет Пейна как раз и преследовал цель вытравить из сознания американцев монархические настроения.

Смелость и новизна "Здравого смысла" были настолько необычны, а его влияние среди патриотов столь велико, что не только современники, но и историки наделяли его чудодейственными свойствами. Некоторые даже доказывали, что в 1776 г. никто из американских лидеров, в том числе и Джефферсон, не был в состоянии написать Декларацию независимости, ставшую свидетельством о рождении Соединенных Штатов Америки, и что ее в действительности написал не Джефферсон, а по тайному его поручению не кто иной, как Пейн. Конечно, подобные версии рассчитаны на доверчивых сверх меры читателей. "Здравый смысл" оказал огромное воздействие на Джефферсона: при написании Декларации он сверял свои формулы с принципами Пейна. Но перо Джефферсона направлял все же не Пейн, а революционный порыв американского народа.

В момент провозглашения американской независимости и Джефферсон, и Франклин, и Пейн являлись признанными властителями дум в Америке. При этом они никогда не были чистыми мыслителями, всегда активно участвуя в политической деятельности, а после 1776 г., в период революции, их активность оказалась наивысшей. Но, несмотря на всепоглощающую увлеченность политикой, именно в революционную эпоху ими были выдвинуты наиболее оригинальные, всесторонне обоснованные концепции и программы. Таков закон развития общественной мысли: повышенный спрос на обновленческие теории и идеалы революционных и переходных эпох вдохновляет их духовных лидеров на неординарные, радикальные способы решения общественных проблем, которые не могут родиться в спокойные времена.

В своих духовных исканиях три идеолога неизменно опирались на теорию естественных прав человека, которая брала начало еще в античности, но обрела подлинную жизнь и революционное звучание в философии Просвещения. Европейские просветители утверждали, что в естественном состоянии не существовало разделения людей на монархов, дворян, священников и простолюдинов. Все индивидуумы были наделены равными естественными правами, которые были утрачены с образованием государства, подчинением одного сословия другому. Теперь задача сводилась к тому, чтобы восстановить естественную справедливость – равные изначальные права людей. Но в понимании естественных прав существовали различия – взгляды Локка не были похожи на воззрения Монтескьё, а воззрения Монтескьё отличались от взглядов Руссо. Одно из основных различий между теоретиками естественных прав состояло в том, что для большинства главным и неприкосновенным оставалось право на частную собственность, меньшинство же считало, что это право должно быть так или иначе, в той или иной мере подчинено обществу.

Подобные разногласия в столь важном вопросе в существенной мере объясняются расплывчатостью естественноправовой концепции собственности. Провозглашенное ею естественное право на собственность каждого индивидуума давало некоторым идеологам основание утверждать: люди, лишённые собственности в гражданском обществе, заслуживали от него какой-то компенсации. В конечном итоге идеологи Просвещения разделились в этом вопросе на умеренных и демократов: первые доказывали, что люди, лишившиеся собственности, отнюдь не могли претендовать на возвращение им данного *естественного права*, а вторые настаивали, что государство должно так или иначе позаботиться о восстановлении *естественной справедливости*.

Все три американских просветителя в период революции и после нее утверждали, что земля была создана как общее достояние людей, что собственность была продуктом исторического развития, установлением самого общества, которое, следовательно, могло ограничивать крайности неравенства. Эта идея выражена Б. Франклином в 1783 г. в письме к Р. Моррису, тогда главе финансов североамериканской республики: "Вся собственность, за исключением временной хижины дикаря, его лука, шкуры и других мелких приобретений, абсолютно необходимых для его существования, представляется мне продуктом общественного соглашения. Следовательно, общество имеет право на контроль за отступниками и всеми другими, заключившими соглашение о собственности, и даже право на ограничение ее количества и способов использования"³. Так же рассуждали Джефферсон и Пейн, при этом конкретным материалом для создания картины "естественного состояния" им служили уклад, быт и нравы индейских племен, еще не перешедших к гражданскому обществу⁴. Томас Джефферсон, автор Декларации независимости 4 июля 1776 г., не считал возможным включить собственность в число перечисленных там неотчуждаемых прав. Декларация оказалась единственным среди подобного рода документов XVIII в., в котором триада неотчуждаемых прав включала не "собственность, жизнь и свободу", а "жизнь, свободу, стремление к счастью".

Эгалитарные суждения американских просветителей не были простым заимствованием из какого-либо европейского источника, например близкого им по взглядам Ж.-Ж. Руссо. Они были навеяны и стали теоретическим выражением устремлений и чаяний широких масс американцев. Среди них же протест против крайностей неравенства громко зазвучал уже с начала революции. 27 июля 1776 г. в Филадельфии местные радикалы, сумевшие добиться большинства в Комитете по подготовке конституции штата Пенсильвания, провозгласили в своем проекте: "Сосредоточение огромных богатств в руках отдельных индивидуумов опасно для прав и разрушительно для общего счастья человечества; исходя из этого, каждое свободное государство имеет право препятствовать накоплению такого количества собственности"⁵.

В Нью-Гэмпшире вооруженная толпа в составе около 400 человек осадила законодательное собрание штата и потребовала "равного распределения собственности". В Коннектикуте один из членов Законодательного собрания штата выступил с утверждением, что "хорошее правление неосуществимо без определенного равенства между людьми в владении собственностью". Газета в Род-Айленде сообщала, что в местном законодательном органе депутатам предложен проект, предусматривающий периодическое перераспределение собственности между соотечественниками.

Даже в южных плантаторских штатах низы посягали на экономическое могущество местной элиты. Конвент графства Кентукки, расположенного в западной части Виргинии, принял резолюцию, в которой утверждалось: предоставление кому-либо земельного надела, который индивидуум не в состоянии обработать сам или при помощи своей семьи, есть зло. Сосредоточение больших земельных владений в одних руках, утверждала резолюция, создает угрозу "фундаментальным принципам свободного республиканского правительства". В графстве Ансон, на западе Северной Каролины, 250 мелких фермеров подписались под петицией, призывавшей вводить налоги строго пропорционально доходам, извлекаемым из недвижимости⁶.

Принимая и теоретически обосновывая эгалитарные устремления своих соотечественников, Джефферсон, Франклин и Пейн никогда не выступали против самой частной собственности. Социалистический лозунг не прозвучал ни из их уст, ни из уст кого-либо из других радикальных идеологов Американской революции. Это было ее существенным отличием от предшествовавшей Английской революции XVII в., породившей утопический аграрный коммунизм Д. Уинстенли и диггеров, и Французской революции конца XVIII в., выдвинувшей целую плеяду коммунистических мыслителей. Это отражало важную особенность исторического развития в США, которая заключалась в гораздо более благоприятных в сравнении с Европой возможностях развития капитализма "вширь". Выступая против крайностей неравенства, просветители США преследовали цель обращения в "средний класс", т.е. наделения правом собственности, всех без исключения своих сограждан вплоть до самого последнего бедняка и одновременно определенного ограничения возможностей обогащения "верхов".

В наибольшей степени соответствовали условиям США эгалитарные проекты Джефферсона. Огромные просторы неосвоенных плодородных западных территорий, в десятки раз превосходивших по площади заселенное Атлантическое побережье, представляли, по его убеждению, идеальную возможность для обращения в добропорядочных мелких фермеров не только всех американских, но и миллионы европейских бедняков. В голове Джефферсона в самом начале революции вызрел проект аграрного закона: огосударствленные западные земли должны впредь распределяться бесплатно участками по 20 гектаров между гражданами, не имеющими такого надела, доступ к незанятым территориям плантаторов, латифундистов, земельных спекулянтов прекращается⁷.

Заветная мечта просветителей о "царстве разума" приобрела в сознании Джефферсона конкретные очертания демократической республики независимых трудолюбивых фермеров и мастеровых, пользующихся всеми политическими правами, управляющих собой на основе прямого волеизъявления. Безусловно, в этой фермерской республике, раскинувшейся в западной части Северной Америки, не должно было быть места рабству. Распространение рабства на новые территории по проекту Джефферсона запрещалось. Джефферсону казалось, что эта эгалитарная демократическая республика может восторжествовать мирным путем, без кровопролития: чтобы предоставить наделы неимущим, не нужно было посягать на владения плантаторов и латифундистов, ведь в Соединенных Штатах было предостаточно пустующих земель. Впрочем, длительное сосуществование свободных фермерских республик Запада и рабовладельческих штатов также не представлялось ему возможным. В годы революции Джефферсон много размышлял о постепенной ликвидации рабства и ограничении богатств плантаторов: этому должны были содействовать запрещение работорговли, отмена феодальных принципов майората и первородства, способствовавших концентрации земельной собственности в руках узкой горстки плантаторов, и запрещение рыночной распродажи западных земель.

Подобно Джефферсону, об американском "царстве разума" мечтал и Франклин: он хотел, чтобы независимая Америка превратилась в общество "золотой середины", "страну труда", где "большинство людей обрабатывает собственные земельные участки", где встретишь "единицы крупных собственников и очень мало арендаторов", где, конечно же, нет таких бедняков и таких богатеев, как в Европе⁸. Как и Джефферсон, он не был приверженцем полного экономического равенства, полагая, что такое уравнительство являлось бы несправедливым в отношении самых бережливых, трудолюбивых и предприимчивых.

И Джефферсон, и Франклин оставались приверженцами аграрно-демократического пути США до конца жизни. Этот путь противопоставлялся ими не только развитию сельского хозяйства на основе крупного землевладения, но и развитию страны по торгово-промышленному пути. Аграрный и торгово-промышленный пути, по их убеждению, воплощали добро и зло: первый путь, доказывали просветители, исключает возможность массовой нищеты, аграрные страны в отличие от промыш-

ленных застрахованы от возникновения и развития политической коррупции, которая превратилась в подлинное бедствие в торгово-промышленной Англии, только эти страны могли избежать разложения нравов и упрочить моральные устои. Джефферсон настаивал на исключительных гражданских добродетелях независимых земледельцев: "Земледельцы являются самыми ценными гражданами. Они в высшей степени трудолюбивы, в высшей степени добропорядочны, они связаны со своей страной самыми прочными узами и, как никто, преданы ее свободе и интересам"⁹.

Оба просветителя в духе рационалистической философии представляли фермерско-аграрный путь развития США и как воплощение самого закона истории. Джефферсон был убежден, что в Америке аграрный путь имеет под собой неискоренимую экономическую основу. Огосударствление Континентальным конгрессом в годы революции западных земель вселяло в него уверенность, что в земледельцев будут обращаться многие поколения американцев. Просветитель высказывал в качестве абсолютной истины ту мысль, что пока в Америке не образуется аграрного перенаселения, здесь не смогут возобладать торговля и промышленность. Зато перспектива аграрного пути рисовалась ему в самом радужном свете: "Сейчас мы располагаем достаточным количеством земли, чтобы обеспечить на ней работу для любого числа людей"¹⁰. Конечно, предстояло побороться за демократическое распределение западных территорий, но и эта задача казалась вполне достижимой.

Франклин был убежден: Америке аграрный путь развития уготован по меньшей мере в течение следующего столетия. Нарождение в Соединенных Штатах класса рабочих и мастеровых, доказывал он, сомнительно, поскольку "дешевая земля способствует тому, что люди оставляют свое ремесло и начинают заниматься сельским хозяйством". В Америке, развивал свою мысль мудрец, отсутствуют возможности для оформления сколько-нибудь устойчивого рынка наемного труда, поэтому надеяться на рост в стране мануфактур значило питаться иллюзиями. В письмах в Старый Свет он разъяснял: "Большие предприятия требуют большого числа бедняков, готовых работать за небольшую плату, таких бедняков можно найти в Европе, но не в Америке до тех пор, пока не будут разобраны и обработаны все земли и пока не будет излишка людей, которые не получают земли и должны будут наниматься"¹¹.

Если идеал аграрного развития США приравнялся и Джефферсоном, и Франклином к экономическому закону, то идея торгово-промышленного пути рассматривалась ими как утопия. Искусственное поощрение в США промышленности являлось, по их убеждению, равнозначным попытке "принудить природу": в подтверждение этого вывода они указывали на конкретные провалы попыток создать в США большие предприятия по изготовлению льняных и шерстяных товаров. Демократам импонировало, что в стране развита преимущественно кустарная и домашняя промышленность, позволявшая земледельцам самим одевать и обувать себя и исключавшая надобность в городских мануфактурах и заграничных товарах. Джефферсон даже в 1785 г. доказывал, что до тех пор, пока Соединенные Штаты могут занять свое население сельскохозяйственным

трудом, им следует предпочесть ввоз промышленных товаров из Европы производству их у себя. Америке, по образному выражению Джефферсона, следовало "держать своих рабочих в Европе", снабжая их всем необходимым сырьем.

И Джефферсону, и Франклину были чужды требования Гамильтона и других вождей торгово-промышленной буржуазии о защите национальной промышленности посредством высоких ввозных пошлин. Джефферсон доказывал, что торговые отношения США с другими странами должны строиться на основе полной свободы. И только Англия в наказание за причиненное Америке зло должна быть лишена доступа к ее рынкам. Франклин не видел смысла в протекционистской политике, поскольку она преследовала абсурдную цель защитить промышленность, не обладавшую жизнеспособностью в условиях Соединенных Штатов, и могла только озлобить землевладельцев, составлявших единственную надежную опору республиканского правительства. Кроме того, полагал Франклин, защита от иностранной конкуренции не сделает счастливее и богаче и мастеровых, так как при более высоких в этом случае доходах "они будут только больше пить и меньше работать".

Отнюдь не все демократы разделяли веру Джефферсона и Франклина в преимущества аграрного развития США, но таковых было меньшинство. От их имени выступали Пейн, разошедшийся в данном случае с Джефферсоном и Франклином, а также известный просветитель из Филадельфии Бенджамин Раш. Оба они настаивали на поощрении банков, мануфактур и коммерции, постоянно имея при этом в виду вопрос: какую пользу извлечет из развития промышленности и торговли простой люд? Но большинство демократов, как и простой народ, отдавали тогда симпатии фермерскому пути развития США.

По прошествии двух веков вера Джефферсона и Франклина, как и их единомышленников-демократов, в аграрно-демократический путь развития США может показаться безнадежной утопией. Такое суждение, однако, страдает очевидным антиисторизмом. Дело в том, что в течение еще нескольких десятилетий после революции аграрный путь развития в США успешно соперничал с торгово-промышленным. При этом в самом аграрном пути были заложены две возможности: первую можно определить как плантаторский путь развития капитализма в сельском хозяйстве, а вторую – как фермерский. Последний воплощал образцовый демократический путь экономического развития. Теоретическое обоснование ему дали именно Джефферсон и Франклин, вполне реалистически осветившие на многие десятилетия вперед линию прогрессивно-демократического развития капитализма в сельском хозяйстве Соединенных Штатов.

В концепции Джефферсона и Франклина присутствует ядро знаменитой американской мечты, которая состоит в вере в способность каждого индивидуума, в том числе бедняка, стать экономически независимым. Вера эта, вот уже два столетия отличающая социальную психологию американцев, меняла идеологические формы, но первое ее идеологическое обоснование в полной мере сложилось в революционный период.

Джефферсон и Франклин не только теоретизировали по поводу аграрно-демократического пути, но активно боролись за его претворение в жизнь. Главным его защитником после смерти Франклина в 1790 г. выступил Джефферсон. Занимая высокие политические и государственные посты, он последовательно боролся за облегчение простым американцам доступа к западным землям. После того как его проект о бесплатном наделении каждого бедняка участком в 20 гектаров был отвергнут американской элитой, Джефферсон стал выдвигать требования снижения цены на распродаваемые западные земли. Наибольшего успеха здесь он добился в годы пребывания на президентском посту. Борьба за демократический путь аграрного развития США была продолжена и последователями Джефферсона, а самый выдающийся из них, Авраам Линкольн, сумел в 1862 г. осуществить джефферсоновскую мечту: Конгрессом США был-таки одобрен закон о предоставлении американским гражданам земельных участков на Западе. Этот закон стал основой массовой фермеризации Америки и стремительного выхода сельского хозяйства США на ведущие позиции в мире.

Важное место во взглядах демократов заняла концепция разделения естественных прав людей на неотчуждаемые и отчуждаемые. Под отчуждаемыми понимались права, реализация которых оказывалась не под силу самому индивидууму или была сопряжена с опасностью для других и по этой причине должна была быть передана для осуществления правительству. Например, разъясняли просветители, человек имеет право защищать свою жизнь и свободу, добываясь сатисфакции в случае ущемления его прав. Но его попытка быть судьей в собственном деле создала бы угрозу для прав других. В этом случае обеспечение его законного права должно быть передано публичной власти.

Иное дело – неотъемлемые естественные права, которые являются абсолютным достоянием человека, не создают опасности другим и не могут ни под каким видом быть отчуждены государством. Пейн, наиболее полно развивавший доктрину об отчуждаемых и неотчуждаемых правах, понимал под последними "все интеллектуальные и духовные права, а равно и право человека добиваться своего благосостояния и счастья, если это не ущемляет естественных прав других"¹². Иначе говоря, под неотчуждаемыми правами человека понимались прежде всего свобода совести, вероисповедания, слова, а также вытекающие из них свобода печати, собраний и т.д. Общество, доказывали просветители, не вправе ограничивать и отменять эти свободы, оно может только декларировать и защищать их. Вот как обосновывал неотъемлемое право человека на свободу совести Джефферсон: "Права на свободу совести мы никогда никому не передавали, мы просто не могли их передать. Мы отвечаем за них перед своим богом. Законодательные полномочия государства распространяются только на такие действия, которые оскорбляют других. Но меня не оскорбляет, если мой сосед заявит, что существует 20 богов или ни одного. Это не опустошает мой карман, и от этого у меня не ломается нога"¹³.

Суждения американских демократов о правах человека серьезно отличались от суждений признанного лидера европейских демократов

Ж.-Ж. Руссо. Руссо обосновывал полное отчуждение всех прав индивидуума обществом, американские демократы твердо заявляли о неотчуждаемости ряда фундаментальных прав человека. Законодательной же формой закрепления неотчуждаемых прав человека они считали Билль о правах. Последний в годы Американской революции был одобрен всеми штатами, приобрел широкую популярность, а когда общеамериканский Конституционный конвент 1787 г. отказался включить Билль о правах в основной закон страны, демократы заявили решительный протест. В конце концов восторжествовало именно мнение демократов: в 1791 г. Билль о правах был включен в Конституцию США.

Одним из главных, если не главным среди всех прав человека американские демократы признали право на участие в образовании политической власти. Единственным законным способом реализации этого права в идеологии Просвещения объявлялся общественный договор. В политическом словаре американских демократов понятие *общественный договор* уступило место понятию *конституция*, которая и рассматривалась как его конкретно-правовое выражение. Демократами было единодушно признано, что конституции и их положения не могут быть результатом актов парламентской или судебной власти, как это имело место в Англии. Единственным возможным источником конституции демократы США объявляли народную власть. Что касается правительства, указывал Пейн, то оно "есть всего лишь детище конституции" и не может ни изменять, ни отменять ее¹⁴.

Большую популярность среди американцев приобрело требование демократов о передаче любого конституционного проекта для непосредственного обсуждения и одобрения избирателями. В двух штатах – Массачусетсе и Нью-Гэмпшире – это требование получило практическое воплощение. Другим способом принятия конституции демократы считали выработку и одобрение ее специально созданным с этой целью конвентом. В отличие от обычных законодательных собраний он должен был избираться на гораздо более демократичной основе. В 1787 г. все демократы единодушно потребовали, получив широкую поддержку, передачи федеральной конституции для ратификации чрезвычайным конвентам штатов, обладавших более широким представительством в сравнении с обычными легислатурами. Результатом стало то, что проект федеральной конституции, выработанный умеренными отцами-основателями в Филадельфии, был подвергнут на многих конвентах штатов острой критике, а более половины среди них согласились одобрить конституцию только при условии, что она будет дополнена Биллем о правах.

Некоторые демократы потребовали наделить народ правом вынесения окончательного суждения по поводу любого законопроекта. Уже в 1776 г. в обращениях избирателей графства Олбемарль (Виргиния) и механиков Нью-Йорка почти слово в слово утверждалось о верховенстве народных референдумов в принятии или отклонении всякого закона. Эта идея была созвучна доктрине лидера европейской демократической мысли Ж.-Ж. Руссо о неделимости и неотчуждаемости народного суверенитета. В политическом словаре Американской революции она обозначалась, как идея простой или прямой демократии. Она, правда, не получила

единодушной поддержки среди демократов. Т. Пейн, например, полагал, что в государствах с большой территорией практически осуществима лишь представительная демократия, и советовал американцам не доверяться слепо опыту древнегреческих полисов. Б. Раш также считал представительную демократию единственно возможной политической формой в США.

Иное мнение высказывал Т. Джефферсон. По его убеждению, в США должно было произойти соединение прямого народовластия и представительной демократии. Этот идеал Джефферсон вынашивал на протяжении всей жизни, а в окончательном виде сформулировал его уже в 1810–1820-е годы. Государственное управление в Соединенных Штатах разделялось в проекте Джефферсона на четыре уровня: "общая федеральная республика для всех вопросов, относящихся к внешней и федеральной политике; 2) республика штата, ведающая всеми внутривнутриполитическими проблемами; 3) окружные республики, занятые делами и интересами округа; и 4) районные республики для мелких, но в то же время важных местных вопросов"¹⁵.

Особое внимание Джефферсон уделял "районным республикам", управление которыми должно было осуществляться сходами всех граждан, проживающих на их территории. На этих регулярных сходах должны были избираться судьи, констебли, создаваться милицейские формирования, приниматься решения о содержании школ, помощи бедным, строительстве дорог. Собрания "районных республик" должны были принимать резолюции и по вопросам, относящимся к компетенции округов и штатов. Создание "районных республик", доказывал Джефферсон, превратит "каждого гражданина в активного члена правительства, сотрудничающего в тех ведомствах, которые ему ближе всего и больше всего его интересуют, и привяжет его самыми сильными узами к независимости своей страны и ее республиканской конституции".

На склоне лет Джефферсон был особенно озабочен расширением местного самоуправления и строгой регламентацией прав центрального правительства. Его знаменитая формула, ставшая девизом для всех последующих поколений американских демократов: "Лучшее правительство то, которое правит меньше", – означала, помимо всего прочего, перераспределение государственных полномочий в пользу "штатных", "окружных" и "районных" республик.

Кто из американцев должен быть включен в число голосующих граждан и получить тем самым право заключения общественного договора? Наиболее последовательные среди демократов, исходя из того, что политические, юридические и духовные права должны быть в равной степени гарантированы всем гражданам США независимо от их имущественного положения, профессиональных занятий, вероисповедания, требовали освободить избирательное право от всяких цензов. Остроумно отвергал имущественный ценз Пейн: "Собственность не сможет защитить государство в случае вторжения врагов; дома и земли не могут быть введены в бой, а овцы и быки не могут быть обучены стрельбе". Массачусетский патриот Уильям Гордон видел в имущественном цензе "самый опасный пережиток феодальных конституций". Одним из первых

в США он высказался за предоставление права голоса свободным неграм, ибо отказ им в избирательном праве станет явлением "более черным, нежели цвет кожи негров"¹⁶. Демократическое избирательное право решительно поддерживалось Франклином, Джефферсоном, Рашем.

Да и сам народ подал голос в пользу отмены имущественного ценза. Во время обсуждения проекта массачусетской Конституции 1780 г. в избирательных округах штата не менее 34 из них высказались за его отмену. В ряде округов противники ценза сочли необходимым аргументировать свою точку зрения. Избиратели Стаутона считали право голоса "естественным правом, являющимся краеугольным камнем правительств" Избиратели в Нью-Мальборо видели в имущественном цензе покушение на Билль о правах, граждане Фритауна приравнивали его к рабству. Автор анонимного памфлета "Народ – лучший правитель" взывал к соотечественникам: "Не дадим оснований будущим поколениям утверждать, что собственность оказалась для основателей американских штатов главным мерилom способности людей к управлению"¹⁷.

Насколько популярны были эти призывы? Факты свидетельствуют, что их разделяло все же меньшинство революционного лагеря: имущественный ценз был отменен только в двух штатах – Пенсильвании и Вермонте, в других же штатах он был так или иначе – порой существенно – снижен, но сохранен. Но требование о равном праве каждого американца на участие в общественном договоре со времен революции прочно вошло в анналы демократической мысли.

Демократам не однажды приходилось слышать из уст умеренных, что ликвидация имущественного ценза развяжет руки толпе и неизбежно приведет к охлократии и тирании демагогов. Не отрицая подобной опасности, демократы видели единственное противоядие от нее в самом широком просвещении народа. Принципу "народ нужно укрощать" они решительно противопоставляли принцип "народ нужно просвещать".

Пристальный, порой всепоглощающий интерес американских демократов эпохи становления США к реформе образования может у кого-то вызвать удивление. Разве самая смелая реформа образования сравнится по значению с радикальным изменением государственных учреждений? Но в сознании американских демократов именно реформа образования являлась надежным фундаментом политической демократии.

Образование и всестороннее просвещение народа были важны для демократов не сами по себе. Всеобщее образование американских граждан, по убеждению демократов, могло стать самой прочной основой святая святых – народного суверенитета. Только просвещенный народ, доказывали они, мог использовать политические права в интересах всеобщего блага и справедливости; забитый и невежественный народ неизбежно превращается в толпу, покорную воле искусных политических демагогов и религиозных мракобесов. Кредо Просвещения было со всей откровенностью и страстью изложено Томасом Джефферсоном в письме к Д. Уайту: "Взывайте, дорогой сэр, к крестовому походу против невежества, введите и совершенствуйте закон об образовании простого люда. Пусть наши сограждане знают, что только народ может сопротивляться сохраняющемуся злу и что налоги, вводимые на нужды просвещения, не

составят и тысячной доли расходов на содержание королей, знати и священников, которые возьмут верх среди нас, если народ будет пребывать в невежестве"¹⁸.

В пользу широкого просвещения народа активно выступал Бенджамин Раш. В 1786 г. в письмах к английскому вольнодумцу Р. Прайсу он заявил о необходимости второй Американской революции, означавшей как раз самое широкое распространение знаний среди масс. Он объявлял глубоким заблуждением представление о том, что Американская революция завершилась с завоеванием независимости. Изменение форм правительства в США, доказывал Раш, означает окончание только "первого акта великой драмы". Политические свободы и права, завоеванные революцией, развивал он свою точку зрения, могут прочно утвердиться в обществе лишь тогда, когда они овладеют умами и убеждениями народа, станут осознанной программой поведения широких масс¹⁹. Американскими просветителями были выдвинуты проекты введения всеобщего образования для детей простого люда на государственные средства. Они не получили законодательного воплощения, что, однако, ничуть не ослабило настойчивых попыток демократов добиться своей цели.

На всем протяжении образования и становления США для демократов одним из центральных оставался вопрос об устройстве государственной власти. Наследие, доставшееся здесь молодым Соединенным Штатам от колониальной поры было крайне противоречивым: демократические начала, пустившие корни в дореволюционный период, оставались все же неразвитыми. Действительно, в подавляющем большинстве колоний высшая власть была сосредоточена в руках губернаторов, назначаемых Англией. Губернаторы обладали правом абсолютного законодательного вето, могли созывать и распускать по своему усмотрению ассамблеи, в целом располагали прерогативами, которые уже были утрачены монархией в Великобритании. Вместе с членами Советов, верхних палат ассамблей, губернаторы часто выступали в качестве высшей судебной власти провинций.

Выборными в колониях являлись только нижние палаты ассамблей. Выборы их, однако, не отвечали демократическим требованиям: голосование повсеместно было открытым, избиратели, как правило, отдавали предпочтение экономическому и политическому патрону своего округа, что позволяло высокопоставленным семьям править бессменно, из поколения в поколение, т.е. практически наследовать политическую власть не только в Советах, но и в нижних палатах ассамблей. Оценка в канун революции одним из лидеров патриотов, Р.Г. Ли, политического управления Виргинии, в которой, по его словам, "две трети законодательной, вся исполнительная и вся судебная власть оказались сосредоточены в одних руках, что на практике вылилось в тиранию", может быть распространена в той или иной мере и на другие колонии.

Демократы сразу после провозглашения независимости Северной Америки решительно выступили в пользу переустройства государственной власти, при этом на первых этапах революции, когда в США возобладало убеждение, что они будут существовать как объединение 13 суверенных штатов, главное внимание уделялось именно штатам, а не федерации.

Джефферсон одновременно с подготовкой Декларации независимости написал сразу три проекта конституции для родной Виргинии. Другой виргинский демократ, Д. Мейсон, подготовил проекты Билля о правах и конституции: именно они и были одобрены законодателями штата. Победой демократов завершилась борьба вокруг конституции штата в Пенсильвании. Президентом конвента штата, принявшего самую передовую конституцию революционного периода, был Б. Франклин. Среди историков долгое время бытовало мнение, что проект пенсильванской конституции был составлен Пейном. Но в действительности Пейн не имел к ней отношения, что не мешало ему неизменно восхищаться пенсильванской конституцией, а в 1778 г. выступить с блестящей защитой ее принципов в памфлете "Серьезное обращение к народу Пенсильвании". Пейн считал образцовой процедуру принятия конституции: "Пенсильванский конвент, президентом которого являлся Бенджамин Франклин, после выработки конституции распорядился опубликовать ее текст, но не для того, чтобы представить его как нечто узаконенное, а с целью ознакомить с конституцией народ и выяснить, согласен он с документом или нет. Сам конвент на это время прервал заседания"²⁰.

В проектах нового государственного устройства демократы Америки опирались на принципы, ставшие классическими в философии Просвещения. Наипервейший среди них – разделение властей. Большинство американских демократов давали ему своеобразную трактовку: судебной власти особого значения не придавалось, законодательная власть серьезно возвышалась, а исполнительная умалялась. Исполнительная власть казалась демократам наиболее опасной для свободы: она ассоциировалась в их сознании с деятельностью губернаторов колоний и английского монарха. Некоторые патриоты испытывали такое недоверие к исполнительной власти, что предлагали вообще упразднить ее. Например, избиратели округа Бусбей в штате Массачусетс в своих конституционных проектах доказывали, что должности губернатора и вице-губернатора "излишни в свободном государстве"²¹. Требования о столь решительной расправе с исполнительной властью были все же нетипичны для демократов. Большинство из них выискивали средства превращения исполнительной власти в служанку законодательной.

Демократы решительно отвергли доктрину "неделимой" исполнительной власти, которую выдвинул авторитетный французский просветитель Ш. Монтескье, предполагавший наделение ею во всей полноте одного лица. Сами же они были поборниками коллегиальной исполнительной власти. В 1776 г. коллегиальная исполнительная власть была утверждена пенсильванской конституцией, декларировавшей создание исполнительного совета из 12 человек. Должность губернатора отменялась, президент исполнительного совета признавался только первым среди равных. Примеру Пенсильвании последовал и ряд других штатов.

Многие демократы требовали ввести максимально частые – ежегодные – пере выборы губернатора и ограничить пребывание в этой должности одного лица двумя-тремя сроками. Частыми были требования о передаче исполнительной властью законодательной права создавать

армию, объявлять войну и заключать мир, вводить налоги, даровать помилования. Эти и другие требования получили весьма широкую поддержку и были воплощены в конституциях большинства штатов. Так, в 9 из 13 штатов, возникших первоначально в Северной Америке, вводились ежегодные пере выборы губернаторов, в 7 штатах ограничивались возможности переизбрания одного лица в должности губернатора. В подавляющем большинстве штатов главе исполнительной власти было отказано в праве законодательного вето в любом виде. Во всех штатах был введен импичмент – досрочное отстранение от должности за злоупотребления представителей исполнительной власти²².

Возвышая среди всех ветвей власти законодательную, демократы много размышляли о ее наилучшем устройстве. Признанный европейский авторитет в этом вопросе Ш. Монтескье полагал, что законодательная власть должна воплощать "смешанное правление": одна ее палата призвана защищать интересы привилегированного сословия, а другая – представлять народ. Так по замыслу знаменитого француза достигалось бы согласие разных классов и слоев общества. Американская элита с самого начала революции попыталась приспособить схему Монтескье к своим интересам: выступая в пользу двухпалатной законодательной власти, ее представители предполагали, что верхняя палата будет защищать интересы богатого меньшинства, а нижняя – представлять малоимущее большинство.

Демократы отвергли принцип "смешанного правления" как ставивший элиту в привилегированное положение. Пейн ратовал за "чистую демократию", означавшую общее и равное представительство граждан в законодательном собрании. Идея Пейна пользовалась весьма широкой популярностью среди простых американцев, при этом "чистая демократия" сводилась ими на практике к организации законодательного собрания из одной палаты. Избиратели графства Мэклленберг из Северной Каролины, например, требуя утверждения "чистой демократии в такой степени, в какой это только возможно", настаивали, что законодательная ассамблея должна состоять из одной палаты. Избиратели местечка Бусбей из Массачусетса постановили: "Мы не согласны на создание ветви законодательной власти под названием сенат, или Совет, который бы мог контролировать народных представителей"²³.

Наибольшую популярность идея "чистой демократии" завоевала в Пенсильвании, где и была создана однопалатная законодательная ассамблея. Ее ревностным защитником здесь был Франклин, заявивший во время заседаний Конституционного конвента штата, что организация законодательной ассамблеи из двух палат равнозначна попытке "впрячь в один экипаж с разных концов двух лошадей и погонять обеих нещадно кнутом". При этом, предостерегал он, "если лошади окажутся равной силы, колеса экипажа не сдвинутся с места, а если же они будут особенно мощны, экипаж разлетится на куски". В 1789 г., уже после революции, когда пенсильванская элита организовала решительное наступление на однопалатную законодательную власть, требуя дополнить ее сенатом, предназначенным единственно для защиты собственности, Франклин решительно осудил корысть сторонников "смешанного правления". "На

каком основании, – возмущался он, – право контроля вопреки духу и принципам демократии должно быть вверено меньшинству, а не большинству? И почему верхняя палата, избираемая меньшинством, должна получить право делить власть с палатой, получившей мандат от большинства? Неужели кто-то полагает, что мудрость является неотъемлемым свойством одного богатства?"²⁴

Некоторые демократы, среди них Джефферсон, Раш, Мейсон, поддерживали двухпалатную законодательную власть, но при этом подчеркивали: назначение палат не в представительстве разных социальных интересов, а в обеспечении важного принципа "сдержек и противовесов" внутри самой законодательной власти. Раш доказывал, что сосредоточение власти в одной палате, независимо от того, представляет она меньшинство или большинство, неизбежно обернется тиранией.

В ходе, а особенно на исходе революции некоторые из демократов поменяли свои представления об оптимальной модели разделения властей, в частности отказались от слепого поклонения законодательной власти. Особенно показателен пример Джефферсона: он пришел к убеждению, что ни одна из властей не должна возвышаться над другой и что исполнительная власть должна стать такой же полноправной и полнокровной, как и законодательная. К такому выводу привел его горький опыт пребывания на губернаторском посту в Виргинии: Джефферсон оказался связан по рукам и ногам всемогущей законодательной ассамблеей. Тогда он и выступил с утверждением, что законодательная, исполнительная и судебная власти должны быть строго разделены, уравновешивать и контролировать, но не подменять друг друга: "Концентрация этих властей в одних руках как раз и определяет деспотическое правительство. Не легче, если эти власти находятся в руках нескольких лиц, а не кого-то одного. 173 (число депутатов виргинской ассамблеи. – В.С.) деспота, несомненно, будут угнетать народ так же, как и один. Избранный деспотизм – это не то правительство, за которое мы боролись"²⁵. Американцам, полагал Джефферсон, нужно еще много подумать и много поэкспериментировать, прежде чем будет найдена идеальная форма взаимодействия властей.

В начале революции большинство демократов были убеждены, что реальная государственная власть должна быть сосредоточена в суверенных штатах, а центральное правительство максимально ослаблено. Такие взгляды поддерживались тогда многими патриотами, что отразилось в первом союзном договоре между штатами – "Статьях конфедерации" 1781 г. Центральное правительство – Континентальный конгресс – выглядело жалким политическим образованием. В нем не было ни исполнительной, ни судебной ветвей власти. Конгресс состоял из одной палаты, его депутаты ежегодно сменялись законодательными собраниями штатов и могли быть в любой момент отозваны. Он не располагал никакими средствами принуждения к исполнению своих решений, был лишен права вводить налоги, регулировать торговые отношения штатов. Члены Конгресса воспринимали себя как представителей суверенных штатов, обязанных неукоснительно проводить их волю. Временами правительства штатов как будто забывали о существовании Конгресса: в 1784 г. в нем

едва наскребли кворум для утверждения договора с Англией, согласившейся наконец-то на независимость Америки.

"Статьи конфедерации" отразили и общее недоверие патриотов к сильному центру, и неразвитость национального самосознания американцев. Но развитие революции с каждым годом, каждым месяцем и днем обнаруживало нежизнеспособность конфедеративного устройства и пагубность разобщенности штатов: это дезорганизовывало военные силы молодой североамериканской республики, мешало укреплению ее авторитета на международной арене. Между штатами возникли острые экономические конфликты, тяжбы из-за западных земель. Под давлением революционной целесообразности демократы вынуждены были существенно менять прежние взгляды, отказываться от концепции неограниченного суверенитета штатов в пользу усиления центрального правительства.

Наиболее ревностным защитником единения американского государства оказался Пейн. Суверенитет штатов мало заботил его, и в начале революции, еще в 1776 г., он убеждал американцев: "Сила наша – в континенте, а не в отдельных провинциях". На исходе революции он со всей определенностью отверг "Статьи конфедерации" и потребовал созвать чрезвычайный конвент штатов, чтобы радикально пересмотреть эту "полуконституцию". В многочисленных статьях и памфлетах Пейн убеждал американцев: "Наша гражданская принадлежность к Соединенным Штатам определяет собой наше национальное лицо. Наша гражданская принадлежность к отдельному штату является лишь нашим местным отличием. Наше великое звание – американцы"²⁶. Со всей решительностью в пользу усиления центрального правительства выступили тогда также Франклин и Раш.

Один за другим демократы склонялись к идее укрепления федерации. Особенно важным было одобрение ее Джефферсоном, утвердившимся в конце революции в качестве политического вождя демократии. И хотя он и не участвовал в заседаниях филадельфийского конвента 1787 г., разработавшего проект сильного федерального правительства, решение об укреплении власти центра было Джефферсоном одобрено. Правда, с рядом оговорок. Не устраивали его в проекте два момента: отказ от ограничения срока пребывания в должности президента одного лица и отсутствие Билля о правах. Было бы хорошо, рассуждал Джефферсон, если бы проект был поддержан двумя третями штатов, что обеспечило бы его ратификацию, и отклонен остальными, что вынудило бы авторов конституции внести в нее демократические поправки. Развитие событий благоволило пожеланию Джефферсона – конвенты штатов высказались за дополнение конституции Биллем о правах.

Демократы, одоббившие в 1787 г. федеральную конституцию, были далеки от ее апологии. В дальнейшем же, особенно в 1790-е годы, когда конституция стала интерпретироваться правительством федералистов с охранительных позиций, они стали все чаще выступать с критикой основного закона страны. В 1795 г. Пейн обнаружил наличие в конституции неприемлемых для него черт: он раскритиковал наделение исполнительной властью президента в одном лице и объявил слишком долгим срок

полномочий сената. В 1798 г. после принятия правительством Джона Адамса законов, ограничивших свободу слова и печати, Джефферсон, тогда лидер одной из двух главных партий – Демократической, выступил с новой трактовкой федеральной конституции. В этой трактовке упор делался на суверенных правах штатов. Правительства штатов, доказывал Джефферсон, вправе бойкотировать любые законы центрального правительства, ущемляющие их суверенитет.

Со временем критическое отношение Джефферсона к федеральной конституции усиливалось. В 1816 г., когда Соединенные Штаты отмечали свое 40-летие, он в пику юбилейным словословиям заявил, что в конституции присутствуют недемократические черты. По его убеждению, президент должен избираться напрямую самим народом, а не через выборщиков, народу же должно быть вверено и избрание Верховного суда (по конституции он назначался президентом с согласия сената). Вообще, доказывал Джефферсон, революция воплотила принципы республиканизма далеко не в полной мере: в революционный период республиканским считалось все, что не было монархией, а в действительности подлинной основой республики являлось полное равенство всех граждан в управлении государством.

Как, каким образом должны были осуществляться перемены в обществе? В начале революции Джефферсон и другие демократы отстаивали "естественное право" каждого народа на восстание и насильственное ниспровержение неугодного правительства. Джефферсон, обосновывал это право в Декларации независимости, отказался от осторожных формулировок Д. Локка, родоначальника идеи о праве народа на революцию, и предпочел им чеканное утверждение о праве и обязанности народа свергнуть деспотическое правительство.

Но в конце революции и Джефферсон, и другие демократы склонялись к мысли, что право на революцию, по крайней мере в Соединенных Штатах, себя исчерпало. Правда, Джефферсон, защищая в 1787 г. восстание массачусетской бедноты под руководством Д. Шейса, доказывал, что периодические бунты народа "угодны Богу и природе" и должны повторяться каждые 20 лет, но цель этих "маленьких бунтов" он видел в выявлении и устранении злоупотреблений правительства, а не в его насильственном ниспровержении. Маленькие восстания выступали в его воззрениях как форма прямой демократии, которая должна была сосуществовать рядом с представительной демократией и не позволять последней нарушать народный суверенитет. Что касается Пейна, Раша, Франклина, других демократов, то они осудили восстание Шейса, а вместе с ним любое политическое насилие, как неуместное, по их убеждению, в республике с широким избирательным правом.

В 1790-е годы Джефферсон и его последователи вновь подняли на щит право народа на насильственное ниспровержение деспотического правительства, но уже в связи с Великой Французской революцией. Возможность же использования такого права в республиканских Соединенных Штатах отвергалась. Это не означает, что демократы отрицали возможность изменения конституции и форм правления в США, напротив, они провозглашали право каждого поколения американцев на перезаключо-

чение общественного договора, но реализовываться оно должно было исключительно в мирной, ненасильственной форме.

Право каждого поколения на перезаключение общественного договора и одобрение новой конституции всесторонне обосновали Пейн и Джефферсон. Их мысли совпадали почти дословно. Ни одно поколение, доказывая Пейн, не имеет права собственности на другое, мертвые не распоряжаются никакими правами, их права и договорное выражение этих прав – конституции – должны исчезнуть вместе с ними. Джефферсон незадолго до своей смерти, накануне 50-летия Соединенных Штатов, высказывал своего рода политическое завещание: "Могут ли конституции не изменяться? Может ли одно поколение навеки связывать другое и все последующие? Думаю, что нет. Творец создал землю для живых, а не для мертвых. Власть и права могут принадлежать лишь людям, а не вещам, не какой-то материи, лишенной воли... Поколение может связывать себя, пока его большинство продолжает жить; когда же оно исчезает, на его место становится другое большинство, которое держит в своих руках власть и права, принадлежавшие когда-то его предшественникам, и может изменять их законы и учреждения по своему усмотрению"²⁷.

Не будет преувеличением сказать, что одним из главных общественных идеалов для просветителей США была свобода мысли, совести, слова, печати. В период революции они отчаянно сражались за отделение церкви от государства, утверждение свободы вероисповедания и совести и добились здесь немалых успехов. Показательно бескомпромиссное суждение Джефферсона: "Миллионы невинных мужчин, женщин и детей с начала введения христианства были сожжены, замучены, подвергнуты штрафам, заточены в тюрьме, но все же мы ни на дюйм не приблизились к единомыслию. Принуждение может привести только к одному: одна половина мира становится дураками, другая – лицемерами"²⁸.

Суждения о свободе совести, мысли и слова Джефферсона представляют особый интерес по той причине, что на его примере истории было угодно практически испытать искренность демократических убеждений просветителей. Джефферсон с честью выдержал это испытание: будучи в течение восьми лет президентом страны и подвергаясь непрерывно грубейшим клеветническим нападкам со стороны противников (по меньшей мере трижды его обвиняли в прелюбодеяниях!), он ни разу не попытался привлечь клеветников к ответственности или как-то ограничить для них свободу высказываний. Первая статья Билля о правах, о свободе слова, печати, собраний, ущемленная его предшественником Д. Адамсом, была в полной мере восстановлена Джефферсоном.

Как это ни покажется странным и даже парадоксальным в свете вышесказанного, но Джефферсон и другие американские демократы в период образования Соединенных Штатов относились скептически, а то и негативно к возможности возникновения в стране политических партий, составивших в будущем основу американского политического плюрализма. Свое отрицательное отношение к партиям они неизменно обосновывали с помощью теоретических аргументов. Относительная социальная однородность Америки, отсутствие сверхбогатых и сверхбедных исключали, по их мысли, возникновение антагонистических социальных инте-

ресов и выбивали почву из-под политических партий. На исходе революции Франклин, не отрицая того, что "в некоторых штатах есть партии и разногласия", полагал, что они расходятся только в целях достижения единой цели "общественного благоденствия" и не делают политической погоды. Джефферсон при объяснении причин политических конфликтов в республиканских Соединенных Штатах давал им психологическую трактовку, упирая на различие темпераментов, физические, нравственные особенности людей. Он предпочитал, чтобы разделения на партии вообще не существовало в его стране: "Если бы мне пришлось вознестись на небеса вместе с партией, я бы предпочел отказаться от этой чести"²⁹.

В 1790-е годы последователь Джефферсона Д. Тейлор утверждал, что наличие соперничающих политических партий противоречит природе республиканского правительства, и предлагал даже для пресечения опасных партийных размежеваний, если потребуется, внести поправку в федеральную конституцию. Филипп Френо, ведущий издатель-демократ, даже в 1799 г. придерживался мнения, что искоренение невежества и заблуждений, настойчивая просветительская деятельность покончат с партийными размежеваниями. К тому времени две ведущие партии – демократы и федералисты – уже прочно встали на ноги. Одна из них, которую возглавил не кто иной, как Джефферсон, исповедовала демократическую аграрную мечту, другая – федералисты – присягнула развитию страны по пути торгово-промышленного капитализма. Перед лицом этой новой реальности, возникшей вопреки их теоретическим схемам, Джефферсон и его единомышленники смогли отказаться от собственных догматов и признать право партий на существование.

Демократы эпохи образования США не могли обойти молчанием вопрос о рабстве, взаимоотношении черной и белой рас. К активному обсуждению этого вопроса побуждала и антиамериканская пропаганда Великобритании: как могут, вопрошали английские политики, рядиться в тогу поборников естественного равенства люди, обращающие в рабство чернокожих собратьев и утверждающие наихудшую форму человеческого угнетения? Нет, революция не могла проигнорировать вопрос о рабстве, и демократы потребовали начертать на ее знамени лозунг отмены позорного института. Но между ними возникли и серьезные различия по поводу способов ликвидации рабства. Демократов разделила географическая линия: на Севере прозвучала остро радикальная критика рабства, на Юге она оказалась весьма умеренной.

На Севере тон критике рабства задал Д. Отис, который еще в 1765 г. провозгласил: "Колонисты по закону природы являются свободнорожденными, как, безусловно, и все люди, белые или черные. Неужели короткие курчавые волосы, приплюснутый нос, удлинненное или укороченное лицо могут служить основанием для обращения людей в рабство?" Аргументы Отиса были развиты Рашем, который отверг идею о врожденной неполноценности черной расы, укоренившуюся в сознании многих его соотечественников, и отстаивал идею абсолютного равенства физических и духовных свойств и способностей черных и белых. Поддерживая Раша, Франклин также решительно отверг идею расовой неполноценности чернокожих: физическим и интеллектуальным способностям негров-

рабов, доказывал он, не давали раскрыться античеловеческие условия существования, в которые их заключила десятилетия назад белая Америка. Вершиной же антирабовладельческой критики стала программа Пейна, потребовавшего незамедлительного запрещения работорговли, освобождения всех чернокожих и наделения их земельными участками за умеренную плату. Антирабовладельческая критика в северных штатах имела и практические последствия: в результате революции рабство там было отменено, афроамериканцам стали предоставлять некоторые гражданские права.

Другое дело – Юг: отношение к критике рабства и в период революции оставалось там в целом враждебным, на нее осмеливались немногие, а среди этих немногих выделялся все тот же Джефферсон. Проблему рабства Джефферсон всесторонне рассмотрел в 1781 г. в "Заметках о штате Виргиния", адресованных европейскому читателю. Мысли Джефферсона оказались более умеренными, нежели у демократов из северных штатов. Высказываясь по вопросу о биологических различиях между белой и черной расами, он рассуждал как находящийся в начале опыта естествоиспытатель, воздерживаясь от категорического и тем более окончательного ответа: "Мнение, будто они (чернокожие. – В.С.) стоят ниже по умственным способностям и воображению, следует высказывать с большой осторожностью. Чтобы сделать общий вывод, необходимо провести множество наблюдений... К своему стыду, следует сказать, что, хотя в течение ста пятидесяти лет перед нашими глазами прошли расы черных и краснокожих, мы никогда не рассматривали их с точки зрения естественной истории"³⁰.

Вопрос о возможных расовых различиях между черными и белыми Джефферсон отделял от вопроса об их естественных правах, которыми, по его убеждению, все люди были наделены в равной степени. В отличие от собратьев-плантаторов он решительно настаивал на праве негритянского народа на самоуправление. Но революционного уничтожения рабства он не мыслил. Отмена рабства в южных штатах, где оно составляло основу основ хозяйственного развития, могла быть только постепенной.

Освобождаться, излагал свой проект Джефферсон, могли только новорожденные рабы. Гуманность требовала, чтобы до определенного возраста они оставались с родителями, но при этом правительство должно было позаботиться об обучении их ремеслам и наукам и, конечно же, обработке земли. По достижении освобожденными зрелого возраста – для девушек он определялся в 18, а для юношей в 21 год – им надлежало предоставить оружие, домашнюю утварь, орудия труда и переселить их на свободные территории за пределы Соединенных Штатов.

В ответ на возможный вопрос европейцев: почему бы не поселить освобожденных рабов на территории Соединенных Штатов? – Джефферсон давал давно выношенный и, как казалось ему, убедительный ответ: "Глубоко укоренившиеся предрассудки, свойственные белым; десятки тысяч воспоминаний о несправедливостях, перенесенных черными; новые провокации, реальные различия, созданные природой, и много других обстоятельств будут делить нас на два лагеря и вызовут такие общест-

венные потрясения, которые, возможно, окончатся не иначе как истреблением той или другой расы"³¹.

Любопытно, что, считая невозможным мир с освобожденными неграми, Джефферсон полагал вполне реальным сосуществование белых американцев и коренных обитателей Северной Америки, индейцев. Его отношение к чернокожим и индейцам, как свидетельствовали "Заметки о штате Виргиния", имело серьезные отличия. У Джефферсона не возникало никаких сомнений в расовой полноценности индейцев, более того, он исходил из общего происхождения "белой" и "красной" рас и считал, что различия между ними определялись не биологическими, а историческими и социальными причинами. Виргинский мыслитель смело оспаривал выводы знаменитого европейского естествоиспытателя Буффона, настаивавшего на биологическом и моральном "превосходстве" белых над индейцами.

На чем основывались заключения Джефферсона? Как указывал он сам, его выводы в отличие от положений Буффона опирались на опыт личного общения с сотнями индейцев. Общественные отношения индейцев, по его убеждению, были наиболее близки идеальному "естественному состоянию" и заключали в себе очевидные доказательства того, что люди могут обойтись без сильной публичной власти, избежать имущественных контрастов, жить в согласии друг с другом. Индейцы, по убеждению Джефферсона, были более счастливы, чем угнетенные европейские крестьяне или белые американские бедняки. Наблюдение за жизнью индейских племен еще больше укрепляло его в той вере, что подлинная свобода имеет наибольшие шансы утвердиться в небольших гражданских общинах. И уж, конечно, у Джефферсона не возникало никаких сомнений по поводу более совершенных, чем у белых, моральных качеств краснокожих американцев.

Идейные поиски американских демократов эпохи образования США невозможно оценить однозначно: сегодня в них можно разглядеть немало противоречий и иллюзий, подчас их можно упрекнуть и в утопизме. Но нельзя не видеть и другого: под благотворным воздействием революции демократами был осуществлен прорыв в развитии передовых общественных идеалов, ими была обогащена, а главное, наполнена конкретными программами и концепциями философия Просвещения, определены цели и средства всестороннего преобразования американского общества.

Идеологическая традиция, выпестованная Джефферсоном, Франклином, Пейном и их единомышленниками, предстает как соединение трех доктрин: либерализма, центральным постулатом которого является приоритет прав личности, умеренного социального эгалитаризма, отвергавшего имущественные контрасты и отстаивавшего право каждого на обладание собственностью, и демократии, провозглашавшей равенство всех граждан в образовании и отправлении политической власти. Эта модель эгалитарно демократического либерализма, ставшая ведущей в либерализме США, существенно повлияла на весь облик американской цивилизации. Именно она смогла сплотить вокруг себя широкие массы американцев и резко снизила шансы на успех левых идеологий, в том числе и социалистической.

Американский демократический либерализм в ретроспективном рассмотрении обнаруживает в себе черты как реализма, так и утопизма. Многие его доктрины и программы были воплощены в жизнь. Так, эгалитарная аграрная мечта Джефферсона и Франклина нашла в последующие периоды воплощение в серии законодательных актов, главным из которых стал конституционный акт 1862 г. Политические концепции демократов, как было показано выше, воплотились в конституциях большинства штатов, а частично и в федеральной конституции. Концепция естественных и неотчуждаемых прав человека реализовалась в Билле о правах.

Вместе с тем некоторые доктрины демократического либерализма так и остались достоянием лишь идеологии. Потерпела поражение концепция преимущественно аграрного развития США, как и идея о возможности избежать в Соединенных Штатах социальных контрастов. Никогда не получила практического воплощения концепция Джефферсона и Пейна о праве каждого поколения принимать новую конституцию. Столь дорогая их сердцу "прямая демократия" не смогла потеснить с ведущих позиций представительной демократии.

Ряд основополагающих доктрин демократов должны быть, как видно, занесены в сферу социально-политического утопизма. Но такая оценка, на мой взгляд, вряд ли объективно определяет их историческое значение. Дело в том, что некоторые из принципов Джефферсона и его единомышленников, не получившие практической реализации, явились все же реальным фактором американской истории, оказывая огромное влияние на массовое демократическое сознание и движение Соединенных Штатов вплоть до наших дней. Отдельные среди них получали время от времени и законодательное воплощение. Так, концепция прямой демократии реализовалась отчасти в законах о прямых выборах сенаторов и прямых первичных выборах, одобренных в XX в. Многие идеалы американских просветителей-демократов и по нынешний день не превратились в музейные экспонаты, застывшие традиции и реликвии, а остаются важным фактором либеральной идеологии и массового сознания.

Между Гамильтоном и Мэдисоном: у истоков консерватизма

Александр Гамильтон, главный противник Джефферсона, пророк и крестный отец торгово-промышленного развития США, появился на свет 11 января 1755 г. Обстоятельства рождения Гамильтона неоднократно становились предметом насмешки и издевок в буржуазных и плантаторских семьях Северной Америки, во многом усвоивших мораль и предрасудки английских верхов. Он был дитя адюльтера и оказался, по понятиям американских ханжей, отмеченным печатью незаконорожденного (Джон Адамс, не выносивший Гамильтона, цедил о нем за глаза: "Внебрачный ублюдок шотландского лотошника").

В 13 лет Александр Гамильтон остался круглым сиротой и вынужден был начать службу у богатого купца Николаса Крюгера на одном из островов Вест-Индии. Условия жизни рано приучили Гамильтона полагаться во всем на собственное трудолюбие и предприимчивость. Он не

был обделен умом и разнообразными способностями. Стимулируемые усердием, они проявились очень быстро. Уже через два-три года службы у Крюгера глава фирмы стал поручать Гамильтону самостоятельно торговые операции. Последний так набил руку в составлении бухгалтерских отчетов, что впоследствии, будучи министром финансов, без труда отводил попытки сторонников Джефферсона обвинить его в коррупции. У юноши обнаружилось и другие, в том числе литературные, способности. Талант было решено поощрить: в конце 1772 г. Гамильтон прибыл в Нью-Йорк с намерением получить образование в королевском колледже (будущий Колумбийский университет).

Учился Гамильтон блестяще, а в промежутках между занятиями успевал писать вдохновенные памфлеты в защиту интересов колонистов. Вскоре после начала войны с Англией он оказался одним из ближайших помощников главнокомандующего континентальной армии Джорджа Вашингтона и близко сошелся с самыми влиятельными политиками молодой республики. Общаясь с ними поначалу в качестве доверенного лица главнокомандующего, подполковник Гамильтон вступил со многими из них в личную переписку. Он постоянно размышлял о проблемах революции, выдвигал конкретные программы выхода из всевозможных тупиков. Финансы, состояние промышленности и торговли, политическое единство штатов, мудрость государственных деятелей, успехи дипломатии – вот факторы, которые, с его точки зрения, предопределяли победы или поражения на полях сражений. Гамильтон опасался стихийного действия этих факторов. С начала революции он считал, что они должны быть подчинены единой регулирующей и направляющей воле в лице центрального правительства.

Читая письма Гамильтона, многие из которых напоминали трактаты и памфлеты (они нередко публиковались в прессе) и содержали развернутые и четкие экономические и политические рекомендации для "верхов" страны, адресаты Гамильтона не могли не прийти к мысли: "Вот человек, который необходим в руководстве государства". С конца 1770-х годов его стали рекомендовать на самые высокие государственные должности.

Покоря одну политическую вершину за другой, Гамильтон во второй половине 1780-х годов становится признанным политическим лидером торгово-промышленных и финансовых кругов страны. А когда была одобрена федеральная конституция, любимое детище Гамильтона и его единомышленников, граждане Нью-Йорка соорудили 32-пушечный фрегат "Александр Гамильтон" со статуей кумира на носу. Написанная им в защиту основного закона страны серия статей под общим названием "Федералист" была объявлена Вашингтоном политической классикой. В первом правительстве США Гамильтон занял пост министра финансов, но претендовал на большее – роль премьер-министра. Острой мыслью и твердой рукой прокладывал он путь торгово-промышленному развитию США, который стали называть не иначе как "гамильтоновским путем".

Запечатлевшие идеологическое кредо американских "верхов" 85 статей "Федералиста" были написаны Гамильтоном не в одиночку, а в соавторстве с Джеймсом Мэдисоном и Джоном Джейем. Роль Джейя была

минимальной – ему принадлежало 5 статей, не имевших особо важного значения. Основная часть статей – 51 – принадлежала Гамильтону, 15 – Мэдисону, 3 статьи написали совместно Гамильтон и Мэдисон. Авторство 11 статей принадлежит или Гамильтону, или Мэдисону. Так что Мэдисон был в полном смысле соавтором лидера северо-восточной буржуазии. Удивительным в их тесном альянсе являлось то, что Мэдисон был глашатаям иных социальных интересов – южных плантаторов-рабовладельцев. Как и почему оказался возможен этот союз?

В отличие от Гамильтона Мэдисон по происхождению принадлежал к американской элите – родился в 1751 г. в богатой плантаторской семье. Он получил прекрасное образование – учился в частной школе и престижном Принстонском колледже (будущем университете). Государство и право, история и философия стали его любимыми предметами. Занимался юный Мэдисон очень прилежно и в будущем даже не мог припомнить, приходилось ли ему в студенческие годы спать более трех часов в сутки. Настоящим испытанием для юноши оказались, однако, не многочасовые бдения над мудреными текстами, а неожиданно открывшаяся неприятная и тяжелая болезнь. Мэдисон никогда не давал названия своей болезни, не смогли точно определить ее и медики того времени. Уже много лет спустя его шурин Д.П. Эйн писал, что во время Войны за независимость Мэдисон был освобожден от воинской службы по причине "неожиданных эпилептических по природе припадков". Доверимся в этом вопросе самому авторитетному биографу Мэдисона И. Бранту, который полагает, что "зрелый возраст Мэдисона во время начала припадков и их полное исчезновение в будущем дают основание определить его болезнь как истерию, проявившуюся в эпилептической форме"³².

Четыре года до начала Войны за независимость Мэдисон провел безвыездно в семейном поместье Монпелье в Виргинии. Недуги не оставляли его, а слова лучшего друга У. Бредфорда о том, что слабые здоровьем, уделяя ему повышенное внимание, часто живут дольше самых сильных от природы, утешали плохо (они, однако, оказались пророческими для Мэдисона – он дожил до 85 лет). По редким газетам и письмам докатывались до Мэдисона сообщения о набравшем в те годы силу антианглийском движении в колониях. Юный затворник относился к нему с несомненной симпатией, но смог активно включиться в борьбу патриотов уже после провозглашения независимости Америки.

В 1776 г. Мэдисона избирают членом первого исполнительного совета Виргинии, а в 1779 г. направляют в Континентальный конгресс представлять интересы штата. В годы пребывания Мэдисона в Континентальном конгрессе его политическая эволюция заключалась в постепенном переходе от защиты интересов родного штата к общенациональному видению перспектив Америки. Окончательно этот переход завершился в 1782 г.

Сторонников резкого усиления центрального правительства среди известных политиков США насчитывалось тогда немного. Это были почти исключительно представители торгово-финансовых и промышленных кругов. В заинтересованности промышленников, купцов, банкиров в усилении центральной власти можно увидеть непосредственные экономические мотивы: они являлись кредиторами Континентального конгресса,

принимали от него всевозможные промышленные заказы и т.д. Но что привело под знамена федералистов, как стали называть сторонников сильного центра, Мэдисона, выразителя плантаторских и аграрных интересов страны?

Внешнеполитические соображения находились, безусловно, среди главных мотивов, давших толчок переходу Мэдисона на федералистские позиции. Участвуя непосредственно в руководстве иностранными делами, он был прекрасно осведомлен о внешнеполитических затруднениях североамериканской республики. Подлинные глубоко корыстные мотивы сотрудничества французской и испанской монархий с ужасной, на их взгляд, заокеанской простолюдиной в республиканских одеждах не являлись для него тайной. Его возмущали намерения Франции и Испании провести западную границу США по Аллеганским горам, оттянуть для себя за "участие" в борьбе с Англией свободные западные земли, ограничить районы рыбных промыслов и навигационные права штатов. Истина, извлеченная из этих факторов Мэдисоном, состояла в том, что США могут заставить уважать себя и постоять за свои интересы на международной арене, только опередившись на единое, с широкими правами и полномочиями государство.

На исходе революции Мэдисон в отличие от других политиков-южан проявлял острый интерес не только к проблемам плантаторского класса, но и к послевоенным трудностям северной буржуазии. Его тревожили сообщения о том, что после заключения мира с Англией ее суда вновь заполнили американские порты, а всемогущие торговые дома бывшей метрополии проявляли намерение монополизировать вывоз и ввоз всех товаров. Путь к этому расчищала несогласованность действий, взаимная зависть и вражда штатов. Так, в то время как Массачусетс, Нью-Йорк, Пенсильвания попытались ограничить английскую конкуренцию высокими протекционистскими пошлинами, Коннектикут, Нью-Джерси, Делавэр свели их усилия на нет, объявив свои порты открытыми для всех судов. Суверенитет штатов, перераставший в сепаратизм и междуособные распри, наносил непоправимый ущерб общенациональным интересам.

Мэдисона возмущали и антипатриотические действия виргинских плантаторов, перевозивших свой табак и зерно не на американских, а на английских судах, потому что так выходило дешевле. Он призывал плантаторов руководствоваться не голым экономическим расчетом, а патриотическими соображениями и перечислять деньги за перевозку табака и зерна "нашим братьям, а не тем, кто еще не заслужил права называться друзьями". У виргинцев, доказывал он, имелись и непосредственные экономические интересы в создании сильного центра: им надлежало опереться на федеральное правительство в споре с Испанией за право судоходства в низовьях Миссисипи, борьбе за выход на европейские рынки.

Требование возвысить национальные интересы над интересами штатов сомкнуло Мэдисона с Гамильтоном. Но федералистские мотивы Мэдисона, так же как и мотивы Гамильтона, не исчерпывались лишь этим. Сильное национальное правительство, единодушно провозглашали оба политических деятеля, необходимо было не только для того, чтобы преодолеть сепаратизм штатов и защищать суверенитет США на

международной арене, но и для того, чтобы поддерживать внутри страны социальный порядок. Мотив преодоления с помощью сильного центрального правительства социальных конфликтов выступил на первый план у Гамильтона и Мэдисона, впрочем как и у других идеологов "верхов", во время принятия федеральной конституции. И это не было случайностью.

Социальные конфликты в Соединенных Штатах присутствовали и в период Войны за независимость. И все же народные массы, возмущавшиеся и тогда дороговизной, накопительскими устремлениями "верхов", готовы были сносить огромные лишения ради достижения победы. 1783 год исчерпал объединяющие патриотические цели революции, как бы освободил разные социальные слои антианглийского лагеря от негласных обязательств друг перед другом. На первый план выступил конфликт между ними. Армия жестко, приставив штык к горлу правительства, требовала выплаты жалования за все годы войны. Огромная масса мелких должников настаивала на продолжении широкого выпуска бумажных денег, надеясь рассчитаться с кредиторами на льготных условиях – обесцененными дензнаками. Среди "низов" ширилось убеждение, что революция не выполнила своих обязательств перед народом и не может быть закончена одним только актом признания независимости США.

Стремление народа продолжить революцию одним из первых уловил Гамильтон: "низы", возмущался он, ведут себя так, будто мы находимся в разгаре революции, хотя она "счастливо доведена до успешного конца"³³. Другой представитель "верхов", Д. Рамсей, с ужасом обнаружил в 1783 г. такой разгул анархии, на подавление которого, как утверждал он, понадобится столетия. Особенно опасным в их глазах было то, что правительства штатов часто не могли устоять перед напором масс и уступали их требованиям. Так, в 1785–1786 гг. в 7 из 13 штатов были приняты законы в пользу должников.

Страх и возмущение "верхов" достигли высшей точки во время восстания Д. Шейса в Массачусетсе в 1786–1787 гг. Власти штата оказались не в состоянии собственными силами справиться с восставшими, а у центрального правительства не нашлось средств помочь правительству Массачусетса. Тогда из уст власть имущих раздались панические голоса: Д. Мэдисон включил в намерения восставших "уничтожение общественных и частных долгов и перераспределение собственности", военный министр конфедерации Г. Нокс объявил, что бунт преследует цель – ни много ни мало! – обобществления всей собственности, А. Клэр, политик из Пенсильвании, обвинил народ в "сумасшествии"³⁴. Размеры восстания в страхе преувеличивались, ему приписывались фантастические цели, и за всем за этим скрывался очевидный замысел: резко усилить государственную власть.

Этому замыслу было дано и теоретическое обоснование: наиболее полное его выражение содержалось в выступлениях Гамильтона, Мэдисона, а также еще одного знаменитого американского отца-основателя – Джона Адамса. Они отвергли как идеалистические, вредные и крайне опасные представления демократов о господстве в Америке социальной однородности, отсутствии реальных классовых антагонизмов и ненуж-

ности по этой причине сильной публичной власти. Сами идеологи умеренных обнаружили в стране разделение на враждебные социальные фракции и острую борьбу между ними.

Первым с концепцией фракций и фракционной вражды выступил Д. Адамс. В 1786 г. в пухлом сочинении под названием "Защита конституций Соединенных Штатов Америки" (в ней будущий президент США защищал отнюдь не все конституции штатов, а в первую очередь, Конституцию Массачусетса, составленную при его активном участии и отличавшуюся умеренностью) он утверждал: каждое общество неизбежно разделяется на противоборствующие части – привилегированное меньшинство и лишенное привилегий большинство. Пути образования враждебных социальных групп были различны: в Западной Европе такое разделение покоилось на различиях, вытекающих из наследуемых политических и правовых привилегий титулованной знати, а в США, где сословные отличия отсутствовали, разделение на меньшинство и большинство происходило вследствие неравенства имуществ, а также естественного неравенства в способностях и талантах людей, что позволяло одним из них возвышаться над другими³⁵.

При обозначении верхушки американского общества и идеальной, на его взгляд, элиты вообще, Адамс использовал понятие "естественная аристократия", имея в виду, что она, в отличие от европейских верхов, добивается авторитета и власти не с помощью наследуемых привилегий, а опираясь на врожденные таланты и предприимчивость. К несчастью для Адамса, в суть используемых им терминов вникли не все его соотечественники, а многие из них обвинили федералиста в симпатиях к реальной наследственной аристократии (хотя Адамс, подобно всем федералистам, как раз видел превосходство США над феодальной Европой в том, что в его стране была уничтожена раздача титулов и других сословных привилегий).

Мэдисон и Гамильтон в отличие от Адамса использовали при обозначении социальных разделений в обществе осторожное и нейтральное понятие *фракции*, преимущество которого с политической точки зрения состояло в том, что "верхи" и "низы" обозначались с его помощью совершенно одинаково. Мэдисон высказал идею о фракциях в апреле 1787 г. в заметках "О недостатках политической системы Соединенных Штатов": "Все цивилизованные общества разделяются на различные интересы и фракции, среди которых различаются кредиторы и должники, богатые и бедные, домовладельцы, купцы и промышленники, члены разных религиозных сект, последователи различных политических лидеров, жители различных районов, владельцы различных видов собственности и т.д. и т.п." В выступлении на Конституционном конвенте в Филадельфии 25 июня 1787 г. он назвал фракции уже "различными классами" и отнес к ним в основном экономические группы: кредиторов, должников, фермеров, промышленников, купцов. Схожие определения фракций давал в то время и Гамильтон³⁶.

В конечном итоге и Мэдисон, и Гамильтон пришли к тому, что общество разделяется на два главных класса, которым могут быть даны очень простые названия: "богатые" и "бедные", "меньшинство" и "боль-

шинство". Четко устанавливался источник разделения общества на два класса. "Неравенство во владении собственностью лежит в основе великого и фундаментального разделения общества на фракции" – это суждение Гамильтона, а вывод Мэдисона таков: "Наиболее общим и неуничтожимым источником разделения общества на фракции является неравное распределение собственности"³⁷. Благословенная свобода конкуренции, проорочил Гамильтон, будет углублять пропасть между богатыми и бедными: "Совершенно очевидна та истина, что не может существовать ничего похожего на равенство во владении собственностью, неравенство же во владении ею есть следствие существования самой свободы... Различие во владении собственностью уже существует между нами. Дальнейшее развитие промышленности и торговли будет все более увеличивать эту пропасть"³⁸.

Каковы неконтролируемые последствия этого процесса? Они, утверждал Мэдисон, очевидны: фракция большинства неизбежно поставит перед собой уравнивательские цели, и тогда опасный левеллеровский дух, призрак которого уже бродит в США, проявится в полной мере. Выход? Он для Мэдисона тоже очевиден: создавая политическую систему, которой "все мы желаем существовать в веках", необходимо вверить меньшинству надежные средства защиты своих интересов и контроля над большинством³⁹.

С этими идеями лидеры федералистов прибыли на общеамериканский конвент в Филадельфию, заседавший с мая по сентябрь 1787 г. Он проходил в глубокой секретности, а по его окончании вниманию общественности был предложен проект федеральной конституции. Что же касается протоколов конвента, то они были вручены Джорджу Вашингтону, который передал их на хранение в государственный департамент. В 1819 г. по решению Конгресса США протоколы были опубликованы. Увы, они содержали только сухой перечень обсуждавшихся вопросов, имена выступавших, результаты голосования. Однако вскоре выяснилось, что некоторые делегаты конвента вели подробные записи заседаний (конечно, делали они это по собственной инициативе) и после публикации официальных протоколов сочили себя вправе обнаружить их. В 1911 г. все относящиеся к заседаниям конвента материалы были изданы в четырех объемистых томах.

Тон конвенту задавали 8–10 человек, а его идейными вдохновителями были Мэдисон, которого не случайно нарекли "философом американской конституции", и Гамильтон. Мэдисон в ходе конвента обнаружил большую гибкость и способность считаться с демократическими настроениями масс, Гамильтон занимал более жесткую позицию. Линия Мэдисона брала верх и в конечном итоге Конституция США воплотила компромисс не только между двумя группами буржуазно-плантаторской элиты, но также и между нею и патриотическим лагерем в целом. Она вобрала в себя утонченные средства защиты фракции собственников, вполне согласовавшиеся с теми принципами, которые отстаивало умеренное крыло Просвещения.

На компромиссной основе решался в конституции вопрос о соотношении прав штатов и федерального правительства: прерогативы послед-

него были перечислены, что соответствовало требованиям сторонников прав штатов, но были весьма многочисленными, что удовлетворяло поборников сильного центра. Среди новых полномочий правительства США особое значение имели введение и сбор любых, как прямых, так и косвенных федеральных налогов и регулирование торговых и коммерческих отношений между штатами. Конституция, законы и договоры Соединенных Штатов объявлялись верховным правом страны, обязательным для исполнения даже в случае противоречия конституциям и законам отдельных штатов. Законодательные собрания штатов сохраняли роль "конечной инстанции" при ратификации поправок к конституции, но каждый из штатов должен был согласиться с поправкой, если три четверти одобряли ее.

Острую дискуссию на конвенте вызвал вопрос о народном суверенитете. Многие участники были убеждены, что государственное устройство штатов, как оно сложилось в революционный период, привело к перерождению народного суверенитета в систему "демократического деспотизма", направленную, как считал Мэдисон, на подчинение интересов имущих "верхов" неимущему большинству. Э. Рандольф, делегат из Виргинии, провозгласил: "Главную опасность для страны представляют демократические статьи конституций штатов". Делегат из Коннектикута Р. Шерман осудил демократию еще более резко: "Народ должен иметь столь незначительное касательство к правительству, как это только возможно". Их поддержал Э. Джерри из Массачусетса: "Трудности, переживаемые нами, проистекают от избытка демократии"⁴⁰.

Но как ограничить демократические принципы, утвердившиеся в революционный период? Здесь мнения делегатов разошлись. Одни требовали просто-напросто отменить их: резко сократить представительство западных районов, где в наибольшей степени были распространены демократические настроения, восстановить избирательное право дореволюционного периода и т.д. Другие изыскивали утонченные методы ограничения демократических "перехлестов". Во главе последних оказался не кто иной, как Мэдисон.

Д. Мэдисон, а также поддерживавшие его А. Гамильтон, Д. Ратледж, Д. Вильсон, О. Элсворт доказывали, что при решении вопроса об избирательном праве необходимо соразмерять собственные политические симпатии с господствующим по данному вопросу в нации мнением. Они исходили из того, что если в вопросе об избирательном праве, который, по всеобщему убеждению, был фундаментальной статьей республиканского строя, не довериться точке зрения, восторжествовавшей в штатах, то проект федеральной конституции просто-напросто не будет ими одобрен. Мэдисон, Гамильтон и их единомышленники поступали, как опытные архитекторы, пытавшиеся точно рассчитать, сколько именно демократии – не больше и не меньше – нужно подвести в качестве фундамента (социальной базы) под государственную власть, чтобы обеспечить ей поддержку белого населения США.

Решение Конституционного конвента 1787 г. о допуске к национальным выборам всех американцев, наделенных избирательным правом в годы Войны за независимость, означало признание одного из важных

политических нововведений Американской революции. Совершив это, отцы-основатели США обратились к иным средствам ограничения "издержек" демократии.

Первым среди них стала попытка наделения сената США специальной функцией защиты интересов имущего меньшинства. Сенат согласно замыслу авторов федеральной конституции должен был принципиально отличаться по своей природе от палаты представителей. Государственная власть в целом, рассуждали они, создавалась для защиты естественных прав человека, но сенату предназначалось заботиться специально о защите главного среди них – на частную собственность, представлять "богатство нации". Одновременно сенат должен был ограничивать демократические "перехлесты" палаты представителей, являться оплотом стабильности и порядка.

В ходе дискуссий о назначении сената была высказана концепция прав человека, существенно отличающаяся от демократических трактовок. "Говорят, что жизнь и свобода, – рассуждал Г. Моррис, – должны цениться выше, чем собственность. При более внимательном рассмотрении вопроса необходимо будет, однако, признать, что высшей ценностью общества является именно собственность". "Собственность, безусловно, высшая ценность общества", – вторил ему Д. Ратледж. В том же духе высказывались и другие участники конвента. А сразу после обнародования конституции один из ее защитников, А. Хансон, провозгласил: "Утверждают, что предложенный проект конституции рассчитан на особое покровительство интересов богатых. Но во всех государствах, и не только в деспотических, богатые должны извлекать преимущества из владения собственностью, которая во многих отношениях составляет высшую ценность и смысл существования человечества"⁴¹.

При обсуждении вопроса о сенате США на конвенте в Филадельфии его участники разделились на две группы: одну из них волновала исключительно социальная функция сената; другую, представителей мелких штатов, заботила проблема обращения сената в средство, способное противостоять утверждению господства в федеральном Союзе крупных штатов. В результате компромисса схема организации национального сената, одобренная конвентом, отразила устремления обеих групп.

Приверженность сената стабильному социально-политическому курсу обеспечивалась, по убеждению авторов федеральной конституции, длительным сроком полномочий его депутатов и малочисленностью состава. Введенный федеральной конституцией шестилетний срок полномочий для сенаторов США оказался в несколько раз продолжительнее срока полномочий большинства верхних палат штатов. Предоставив каждому штату два места в сенате, конвент в Филадельфии ограничил число участников последнего 26 депутатами (в США тогда еще насчитывалось 13 штатов). Сенату были приданы более широкие полномочия, нежели палате представителей. Только он мог давать "совет и согласие" президенту по вопросам государственных назначений и заключения международных договоров. Наконец, право избрания сенаторов было закреплено не за рядовыми избирателями, а за законодательными собраниями штатов.

В федеральной конституции была пересмотрена и утвердившаяся в штатах модель нижней палаты. Срок полномочий палаты представителей вдвое превышал полномочия депутатов нижних палат законодательных собраний штатов. Следуя английскому образцу, авторы конституции установили норму представительства, примерно повторявшую норму представительства в нижней палате британского парламента. Ко времени принятия федеральной конституции палата представителей Конгресса США должна была насчитывать 65 депутатов, в то время как, например, в нижней палате законодательного собрания штата Массачусетс тогда заседало около 400 человек.

Но именно деятельность этой палаты, обнаружившей колебания во время восстания Д. Шейса, подверглась критике федералистов. Вот как осудили широкое представительство избирателей в нижних палатах авторы "Федералиста": "Во всех многолюдных ассамблеях, из каких бы талантов они не состояли, страсти никогда не будут подчинены воле рассудка. Даже если бы каждый житель Афин был Сократом, афинское собрание все равно осталось бы сборищем толпы"⁴².

Важную роль в защите социальной стабильности авторы федеральной конституции отвели сильной и независимой исполнительной власти. На конвенте в Филадельфии Мэдисон усматривал опаснейшую тенденцию государственного развития США в поглощении всей полноты власти "законодательным молохом". Гамильтон в 71-й и 73-й статья "Федералиста" объявлял, что узурпация всей власти законодательными органами выступает как закономерность в республиканских обществах и именно в республиках законодательные ассамблеи представляют главную опасность для свободы⁴³. Цель федеральной конституции, как считали ее авторы, заключалась в том, чтобы изменить сложившуюся в революционный период систему разделения властей, перераспределив государственные прерогативы в пользу исполнительного органа. Только таким образом, по их убеждению, достигалось истинное равновесие ветвей власти.

Особое место в воззрениях авторов конституции занимала концепция "неделимой" исполнительной власти, позаимствованная у французского мыслителя Ш.-Л. Монтескьё. Формула "неделимой" исполнительной власти означала, во-первых, наделение таковой во всем объеме одного лица, а во-вторых, отстранение законодательного органа от контроля над аппаратом исполнительной власти и предоставление исключительного права формирования и руководства этим аппаратом президенту США.

Выгоду максимальной концентрации исполнительной власти авторы американской конституции, подобно Монтескьё, усматривали в быстром и эффективном проведении решений в жизнь. Поддержание социального мира на огромной территории США, как и управление таким государством в целом, защита его от внешних врагов, утверждали они, возможны лишь при условии принятия быстрых решений и энергичного осуществления их одной сильной рукой – президентской. Разделение же исполнительной власти между двумя, тремя или большим числом лиц было, по их мнению, губительно для государства. Некоторые участники конвента в Филадельфии разделяли мысль Монтескьё, что "неделимая"

исполнительная власть должна быть облачена в монархические одежды и что республика вообще не может устоять на большой территории. С монархической идеей выступали А. Гамильтон, Д. Дикинсон, Г. Моррис, Д. Брум, Д. Макклюр.

Эта идея не получила поддержки большинства делегатов, которые склонились к наделению исполнительной властью президента США, переизбираемого раз в четыре года. При определении полномочий президента формула "неделимой" исполнительной власти была урезана после того, как за сенатом было закреплено право давать "совет и согласие" президенту при назначении высших должностных лиц и заключении договоров. Тем не менее власть президента была велика. В глазах многих американцев он предстал как "выборный монарх", ибо монархия, согласно широко распространенным понятиям того времени, означала не только институт наследственного правления, но и сосредоточение полноты исполнительной власти в одних руках. Кроме того, было очевидно, что президент США наделен гораздо большей властью в сравнении с той, какой обладал тогда король Англии.

Компромиссом между северными и южными штатами завершилось на конвенте обсуждение вопроса о рабстве. Ради утверждения прочного государственного союза делегаты северных штатов поступились заповедью о равенстве естественных прав человека. Выражая их мнение, Г. Моррис, один из признанных вождей северо-восточной буржуазии, заявил, что если будет поставлен перед необходимостью выбора между сохранением единства с Югом и верностью правам человека, то предпочтет союз с плантаторами. Рабы на конвенте были признаны собственностью, посягательство на которую объявлялось таким же кощунством, как и посягательство на недвижимость или банковские вклады. Авторы "Федералиста" пошли, правда, на компромисс, "раздвоив" личность раба: он объявлялся на три пятых собственностью и на две пятых человеком⁴⁴.

Конституция США санкционировала институт рабства и предоставила южным штатам право расширенного политического представительства в Конгрессе с учетом трех пятых численности подневольного негритянского населения. Конгрессу запрещалось вплоть до 1808 г. ограничивать работу рабства. Правда, участники филадельфийского конвента не упоминали само слово "рабство" в конституции: во всех случаях в основном законе США о нем говорилось иносказательно.

Конституция США, воплотившая мировоззрение элиты североамериканской республики, предстает в целом как противоречивый документ. С одной стороны, большинству американских отцов-основателей, принявших участие в ее разработке, было присуще стремление к пересмотру с умеренных позиций принципов, воплотившихся в конституциях штатов и "Статьях конфедерации". С другой стороны, идейно-политические лидеры Америки, обладавшие широким политическим мышлением и примыкавшие по своим взглядам к умеренному крылу Просвещения, сочли необходимым закрепить в конституции ряд важных нововведений революции (избирательное право, республиканское устройство, разделение властей и др.). Отход же их от популярных в революционную эпоху демократических принципов проявился в существенном увеличении в

федеральной конституции в сравнении с конституциями штатов сроков полномочий законодательных и исполнительных органов власти, усилении охранительной функции сената, пересмотре концепций "разделения властей" и "сдержек и противовесов" в сторону возвышения исполнительной власти и сосредоточения ее в одних руках. Все это было призвано обеспечить в стране экономическую и политическую стабильность.

После одобрения федеральной конституции Соединенные Штаты вступили в новый этап своего развития. Через 12 лет после провозглашения независимости в США был избран национальный Конгресс, принес присягу первый президент страны, Джордж Вашингтон, создан Верховный суд. В первом правительстве страны Гамильтон, заняв пост министра финансов, предложил конгрессу цельную философию социально-экономического развития нации и отточенные конкретные программы преобразований в США. Они были изложены в четырех докладах конгрессу: "Об общественном кредите" (14 января 1790 г.), "О национальном банке" (13 декабря 1790 г.), "О монетном дворе" (28 января 1791 г.), "О мануфактурах" (5 декабря 1791 г.).

Президент страны поддержал замыслы политического лидера федералистов, как стали именовать сторонников Гамильтона. Гамильтон надеялся и на прохождение своих планов через Конгресс. Министр финансов предпологал, что демократы и часть южан выступят против, но он не мог допустить и мысли о том, что во главе оппозиции окажется Мэдисон. Но именно так и случилось: его соавтор по статьям "Федералиста", избранный виргинскими избирателями в первый Конгресс США, решительно выступил против экономической доктрины и проектов министра финансов.

Гамильтон расценил поведение южанина как предательство и в будущем отмечал, что, заступая в должность министра, был абсолютно уверен в полной поддержке Мэдисона, в противном же случае, сознавая силу его влияния, не согласился бы взвалить на себя это бремя.

Абсолютного единства взглядов между Гамильтоном и Мэдисоном не было, впрочем, и на конвенте в Филадельфии. Тогда они расходились в отношении к политической демократии: Гамильтон считал ее вообще излишней, а Мэдисон предлагал только ограничить ее. Причиной их разрыва стало, однако, не это различие, а начавшийся на новом витке американской истории разлад в буржуазно-плантаторском блоке.

Буржуазно-плантаторский блок, возникший на почве антиколониальной борьбы, достиг наибольшей прочности в момент принятия федеральной конституции, закреплявшей политическую власть двух социальных групп. Но единство этих групп, обладавших во многом разными интересами, не имело исторической перспективы. Оно стало давать трещину, как только к началу 1790-х годов было достигнуто некоторое упрочение внутривластного и международного положения США. Федерализм образца 1787 г. начал рушиться, а приход к кормилу власти Гамильтона, поставившего федералистскую партию, первую в независимых Соединенных Штатах, на службу торгово-промышленным и финансовым интересам, привел к отходу от федералистов влиятельных политиков-южан во главе с Мэдисоном.

Первый доклад – "Об общественном кредите" – был оглашен министром финансов лично в палате представителей. Одной из главных потребностей государства, доказывал министр финансов, является потребность в кредите. Но чтобы получить его, нужно научиться расплачиваться с долгами. Для начала, потребовал Гамильтон, необходимо погасить по нарицательной стоимости все внешние и внутренние долги Конгресса и штатов.

Демократы увидели в предложении министра происки капиталистического дьявола: львиную долю внутренних долгов составляли "солдатские" сертификаты (долговые расписки, выдававшиеся Контиентальным конгрессом за отсутствием денег солдатам в годы войны), которые от первоначальных владельцев, утративших в них веру, перекочевали в руки денежных воротил. Учитывая, что спекулянты скупали у солдат сертификаты из 10–12% их номинальной стоимости, можно было легко сосчитать, что барыши воротил в случае осуществления плана Гамильтона составили бы до 1000%.

У виргинских депутатов во главе с Мэдисоном имелись свои причины для недовольства планом Гамильтона: правительство Виргинии сумело почти наполовину расплатиться со своими внутренними долгами, в то время как в ряде других штатов решение вопроса едва сдвинулось с мертвой точки. Гамильтон же требовал, чтобы федеральное правительство приняло на себя долговые обязательства как Контиентального конгресса, так и правительств штатов. Одобрение плана Гамильтона об оплате по нарицательной стоимости всех долгов США означало в случае с Виргинией, что налогоплательщики-плантаторы должны были способствовать прямому обогащению финансовой буржуазии, во-первых, и раскошелиться ради неплатежеспособных штатов, во-вторых. Такая жертва со стороны плантаторов казалась чрезмерной даже для южан, в том числе и Мэдисона, благожелательно настроенных в отношении "северных братьев".

Контрпредложение оппонентов Гамильтона было очень простым: оплатить по нарицательной стоимости только сертификаты, находившиеся в руках первоначальных владельцев, а остальные облигации оплачивать по фактической стоимости или вовсе аннулировать. Гамильтон разъяснил противникам, что цель состояла вовсе не в том, чтобы отменить долг, а в том, чтобы выплатить его людям, которые затем охотно предоставят новые кредиты правительству. А такими людьми являлись как раз не бывшие солдаты, а ограбившие их спекулянты.

Победой Гамильтона стало создание в 1791 г. Национального банка. Конгресс после недолгих дебатов о его конституционности уступил министру финансов и в этом вопросе. Уж очень настойчиво убеждал он в том, какие выгоды сулит США финансовый гигант. Посулы Гамильтона основывались на анализе практики английского банка. Национальному банку отводилась функция кредитования государственных и частных нужд и эмиссии бумажных знаков. Ему приписывалась чудотворная роль источника возрастания капиталов и богатства нации. Банк, объявлял Гамильтон, будет кредитовать не только за счет имеющихся фондов, но станет выпускать банкноты сверх своих запасов благородных металлов.

Так будет создан искусственный капитал, который явится мощным дополнительным рычагом воздействия на развитие промышленности и торговли⁴⁵.

В годы войны Гамильтон был одним из ярких противников безудержной эмиссии бумажных денег штатами, объявлял ее причиной краха экономики. В 90-е годы в его речах высказывалась та мысль, что инфляция инфляции рознь. Она зло, когда является результатом анархии, разобщенности в действиях множества банков. Но она же превращается в благо, когда осуществляется под жестким контролем банковской монополии, соразмеряется с фондами банка и процентами с кредитов, которые являются возвратом уже с реального капитала и гасят инфляцию.

Национальный банк США был создан совместно государством (ему принадлежала пятая часть всех акций) и владельцами денежных капиталов, что соответствовало замыслам Гамильтона об упрочении унии между правительством и финансистами. Вкладчиками банка стали многие владельцы скупленных солдатских сертификатов, которые взамен обесцененных долговых обязательств Континентального конгресса приобретали полноправные акции с гарантированным годовым доходом.

Настойчиво проповедовал Гамильтон идею создания в стране крупных мануфактур. На возражения критиков, доказывавших полную несостоятельность плана развития в США крупных предприятий в силу крайне недостаточного предложения рабочих рук на рынке труда и отсутствия больших состояний, он приводил весомые контраргументы. Ручной труд на предприятиях, указывал Гамильтон, будет уступать место машинному, и при условии энергичного внедрения новых технических изобретений на американских мануфактурах дефицит рабочей силы может быть легко преодолен. Кроме того, в США, по его мнению, совершенно не использовался английский опыт по привлечению на мануфактуры женщин и детей. Что же касается отсутствия в стране достаточного количества больших индивидуальных состояний, необходимых для массового развития крупных предприятий, то эта проблема, разъяснял Гамильтон, будет легко разрешена с созданием Национального банка, который субсидирует любые суммы любому числу предпринимателей.

Последней частью экономической программы Гамильтона явилось государственное покровительство развитию промышленности. Министр финансов предложил на рассмотрение Конгресса широкую серию мер: защитительные или даже, если необходимо, запретительные ввозные пошлины на товары—дубликаты отечественной продукции; запрещение вывоза сырья из страны и поощрение в случае его нехватки ввоза из-за границы; способствование изобретениям и открытиям внутри страны и внедрение в американской промышленности технических достижений других стран; государственный надзор над качеством производимой продукции; строительство новых дорог, каналов и улучшение старых и т.д.⁴⁶

Гамильтон требовал предоставления правительству "универсальной направляющей власти" в торгово-промышленном развитии США, содержание которой сводилось к серии широких мероприятий, направленных

на поощрение национальной торговли и мануфактур. Он выдвинул концепцию развития американской торговли в промышленности на путях "активной коммерции". "Активная коммерция", разъяснял он суть вводимого в политический словарь соотечественников понятия, означает для нации интенсивное мореплавание, превышение вывоза товаров над ввозом, процветание мануфактур, наиболее полное использование внутренних экономических ресурсов. "Активная коммерция", доказывал он, обеспечит США независимость, а потом и лидирующее экономическое положение в мире. В этом ее отличие от "пассивной коммерции", которая неизбежно восторжествует в США, если они сохранят приверженность к "саморегулируемой торговле", что приведет к экономическому порабощению страны иностранными державами⁴⁷.

Гамильтон при этом не выступал противником экономического либерализма вообще и сторонником всякого регулирования промышленности и торговли. Он решительно осуждал, например, регулирование цен, экономические регламентации феодального образца, т.е. в целом все виды регулирования, которые препятствовали частнокапиталистическому накоплению и экономическому росту. Гамильтон принимал только такое регулирование, которое обеспечивало бы возможность наиболее полного развития национальных производительных сил. Конкуренция в его схеме должна была оставаться единственным регулятором внутриэкономического развития. Но в то же время государство призвано было оградить национальную промышленность от конкуренции извне.

Такова была обширная экономическая платформа министра финансов, которая и получила название "гамильтоновского пути развития США". Сторонникам аграрного развития США министр финансов пытался показать, что рост фабрик и городов благоприятно отразится и на развитии сельского хозяйства, ибо одним из следствий этого будет увеличение спроса на продукцию фермерства. Конгресс внял доводам министра финансов и быстро приступил к осуществлению его рекомендаций на практике. Главные планы Гамильтона нашли законодательное воплощение. Они на десятилетия составили основу платформ партий – сначала федералистов, а потом вигов, выступавших в качестве выразительниц интересов торговой, финансовой и промышленной буржуазии.

В политической области Гамильтон и другие ведущие федералисты, в первую очередь Д. Адамс, выступали так или иначе за ограничение демократических нововведений Американской революции, проявив себя в качестве партии порядка. Джефферсон и его единомышленники попытались даже обвинить Гамильтона, Адамса, в целом федералистов в монархических устремлениях, что явилось явной пропагандистской передержкой. Федералисты были убеждены, что в США искоренены сами условия для нереспубликанских государственно-политических форм. Вместе с тем они серьезно разошлись с джефферсоновцами в определении республиканизма, попытавшись отделить его от демократии.

Центральный аргумент в критике федералистами конца XVIII – начала XIX в. политической демократии состоял в утверждении, что именно эта форма является врагом республиканского строя и несет в себе истоки всякой деспотии, в том числе и монархии. Это призвано было утвердить

федералистов в роли истинных ревнителей республиканских устоев, а демократов – в качестве злейших врагов республиканизма.

Федералисты ссылались на примеры из истории античных республик, свидетельствовавшие, как те или иные политические вожди-демагоги использовали завоеванную в народе популярность для сокрушения республиканских свобод. Но чаще всего вожди федералистов апеллировали к опыту совершившейся на их глазах Великой Французской революции. Ее неожиданные метаморфозы, стремительные переходы от широкого участия в политической деятельности народных масс к утверждению деспотического правления Директории, консулов, а затем и бонапартистского режима должны были служить в глазах американцев живой иллюстрацией к тезису – народ не может разумно распоряжаться политическими правами, диктатура вырастает из демократии, является ее оборотной стороной.

Переворот 18 брюмера 1799 г. и провозглашение Бонапарта первым консулом, фактически диктатором означали, с точки зрения федералистов, завершение закономерного перерождения демократической республики, начало которого неизменно связывалось с приходом к власти якобинской партии и Робеспьера, в тиранию. "Вот вам исход знаменитой Французской революции, – провозгласил в 1799 г. один из признанных лидеров федералистов, Р.Г. Харпер, – на ее останках мы видим в конце концов диктатора... наделенного властью, неизмеримо большей в сравнении с той, какой когда-либо обладали короли Франции". Проследившая путь первого консула к власти, Харпер не преминул указать, что Бонапарт на словах действовал от имени масс, что, даже став диктатором, он продолжал "использовать в своих обращениях лозунги Свободы и Равенства и рассуждать не менее рьяно, чем сам Робеспьер, о народном суверенитете"⁴⁸.

Конституция США 1787 г., которая по замыслу ее авторов должна была стать оплотом социальной стабильности, на взгляд лидеров федералистской партии конца XVIII в., уже не выполняла этой функции. Критическое отношение с их стороны вызывал в первую очередь Билль о правах, не предусмотренный авторами федеральной конституции, но одобренный американскими законодателями под давлением демократических сил в 1791 г. Открытая попытка ограничения федералистами Билля о правах была предпринята в связи с обсуждением в 1798 г. законов об иностранцах и измене. Эти законы, приравнивавшие к уголовному преступлению клевету на внутри- и внешнеполитические действия правительства, ограничивали первые статьи Билля о правах, провозглашавшие свободу слова, печати, собраний. Ряд федералистов, подобно, например, Д. Аллену из Коннектикута, призывали без оглядки на Билль о правах наказывать каждого, кто при помощи печатного или устного слова ставил под сомнение верность законодателей или членов правительства "конституции, свободам, и счастью народа"⁴⁹. С другими, утонченными аргументами, выступил Р.Г. Харпер.

Харпер один из первых показал, что и Билль о правах может быть истолкован в консервативном духе, если это отвечает интересам властей. Да, соглашался он, конституция гарантирует свободу слова и печати. Но

разве право на свободу слова и печати, задавался он вопросом, включает право на клевету и измену? Он же доказывал, что границы свободы, т.е. квалификацию печатного или устного слова как клеветы и измены, могут определять законодатели⁵⁰.

Идеальная политическая система, согласно федералистской доктрине, должна была быть полностью освобождена от влияния страстей и подчинена однажды принятым правовым нормам и законам. Одна из главных в идеологии федералистов идея "власти законов" обнаруживает в них консервативную партию. Это суждение на первый взгляд может вызвать сомнение, ибо популярный в XVIII в. принцип "власти законов" изначально был лозунгом революционной буржуазии и направлялся ее духовными вождями против произвола монархов, на утверждение правового государства. Но дело в том, что, придя к власти, американские федералисты стали использовать его уже в консервативных целях, для освящения сложившегося порядка и направлять против неприемлемых, в первую очередь демократических, нововведений.

Впрочем, федералисты не отказывались от возможности определенного варьирования правовых норм и принципов. Но предпринималось оно преимущественно в целях упрочения властных позиций элиты. На протяжении 12 лет пребывания федералистской партии у власти ее излюбленным теоретическим новшеством оставалась идея дальнейшего расширения прерогатив президента. Концепция сильной исполнительной власти приобрела наиболее решительного защитника в лице Д. Адамса, президента США 1797–1801 гг. Он первым среди федералистов провозгласил, что федеральная конституция 1787 г. создала недостаточно сильную президентскую власть. Адамса не удовлетворяло, что президент должен был делить прерогативу заключения международных договоров и назначения высших должностных лиц с сенатом и обладал правом ограничительного, а не абсолютного законодательного вето⁵¹. Высказанная Адамсом первоначально в умозрительной форме идея усиления президентской власти получила поддержку и развитие в идеологии федералистской партии под воздействием непосредственной политической практики, основанной на соперничестве политических партий. Возвышение президента-федералиста над Конгрессом означало для поддерживавшей его партии автоматическое увеличение возможностей проведения удобного ей внутри- и внешнеполитического курса, ибо в законодательных палатах она никогда не могла рассчитывать на единовластие. В период пребывания федералистов у власти они усиленно насаждали культ исполнительной власти, изобретали аргументы, обеспечивающие президенту наибольшую свободу рук.

Федералистская партия, находившаяся у власти в 1790-е годы, возглавлялась многими авторитетными отцами-основателями страны, но завоевать широкую и прочную поддержку среди американцев ей не удалось. Ориентация на торгово-промышленные и финансовые круги и пренебрежение аграрными интересами не могли обеспечить ее длительное сохранение у власти в сельскохозяйственной стране. Не имела перспективы и консервативная политическая установка федералистов, ибо Американская революция объективно не закрывала, а лишь откры-

вала эпоху демократических преобразований в США. Оппозиционные федералистам силы сплотились вокруг демократической партии Джефферсона, которая медленно, но верно оттесняла партию Гамильтона и Адамса от власти, а победив на выборах в 1800 г., на целую четверть века заняла место у руля государства.

Обобщая сходство и различия между двумя главными американскими идеологиями, либерализмом и консерватизмом, эпохи их становления, можно прийти к следующим выводам. Теоретическим источником обеих идеологий явилась философия Просвещения, из которой вышли как либерализм, так и консерватизм. Это предопределило их принципиальные отличия от европейских аналогов. Если в Европе либерализм и консерватизм формировались по сути как антагонистические идейно-политические традиции – первый "вышел" из идеологии Просвещения и защищал буржуазные ценности, а второй служил интересам аристократии, то в Соединенных Штатах два этих идеологических течения представляли разную интерпретацию фундаментальных принципов Просвещения – демократическую и умеренноконсервативную.

Двумя главными доктринами Просвещения, воспринятыми, но по-разному интерпретированными основателями американского либерализма и консерватизма, являлись доктрины естественных и неотъемлемых прав человека и общественного договора. Если демократы возвеличивали интеллектуальные, духовные и политические права человека, объявляя их естественными и неотъемлемыми, то консерваторы главенствующим среди таковых считали право на частную собственность, которое в их интерпретации не было подвластно никаким регламентациям. Если демократы доказывали, что Америка должна быть страной "среднего класса", создание и поддержание которого являлись одной из главных задач государства, то консерваторы верили в неустранимость имущественных различий и контрастов. Если демократы исповедовали веру в прямую демократию, которая должна была "подправлять" деятельность представительных органов власти, то консерваторы твердо верили, что вся полнота власти должна быть делегирована политической элите, и одобряли только представительные формы правления.

Различия между идеологическими принципами Джефферсона, Франклина и Пейна, с одной стороны, и Гамильтона, Мэдисона и Джона Адамса – с другой, в глазах некоторых исследователей были столь существенны, что они объявляли их классово разнородными идеологиями. Такого вывода придерживался, например, классик американской историографии в изучении общественной мысли В.Л. Паррингтон, который, в частности, усмотрел во взглядах Джефферсона "окончательный разрыв с учением вигов о правах собственности, завещанным Локком английской буржуазии"⁵². Это явное преувеличение. Взгляды Джефферсона и его единомышленников представляли демократическую интерпретацию либерализма, которой и суждено было стать классической в США, в то время как взгляды их оппонентов воплотили элитарную интерпретацию, которая составила в США основу консерватизма⁵³.

При всех различиях между нарождающимися либерализмом и консерватизмом между ними существовало и согласие по ряду фундаментальных

вопросов. Обе идеологии не подвергали сомнению теорию естественных и неотчуждаемых прав человека, республиканизм, общественный договор как основу государственного правления, разделение властей, приоритет индивидуума и гражданского общества по отношению к государству. Обе идеологии были весьма гибки, что позволяло им нейтрализовать крайние идеологические доктрины. Так, американский либерализм в своей трактовке прав человека опирался не только на локковские, т.е. классические буржуазные принципы, но включал в себя и социально-политический эгалитаризм, что позволяло ему успешно конкурировать с соперниками "слева".

Неразвитость, а практически отсутствие лево- и праворадикальных идеологий определялись и социально-экономическими особенностями Соединенных Штатов. Благоприятные возможности развития капитализма вширь и вглубь, наличие огромного фонда неосвоенных, доступных многим западных земель обуславливали восприятие массой простых американцев идеала "равенства возможностей", а не имущественного уравниательства. Не случайно в эпоху Американской революции – и это составляло ее важное отличие от европейских буржуазных революций – в США не возникло коммунистической и социалистической идеологий. Но в стране не смогла укорениться и монархическая идея, хотя некоторые умеренные отцы-основатели были благосклонны к ней даже на Конституционном конвенте 1787 г., восхваляя британскую политическую систему. Однако они быстро убедились, что социальная почва для подобной идеологии напрочь отсутствует в Соединенных Штатах, и монархическая модель тихо умерла в конце XVIII в.

КАПИТАЛИЗМ И РАБСТВО

От Кэлхуна до Фицхью: мир рабовладельцев

На следующем историческом этапе – 30–60-е годы XIX в. – главное содержание американской истории составляло бурное развитие промышленного и аграрного капитализма и нараставшее противоборство между ним и рабством. Консерватизм и либерализм оставались двумя главными идеологиями, но их содержание претерпело серьезные изменения, объяснявшиеся выдвиганием во главу угла американской истории проблемы рабства. Именно она стала определять содержание идеологических баталий, влиять на программы и аргументацию ведущих политических сил. Наиболее серьезное воздействие рабство оказало на консерватизм. В новую эпоху он разделяется на два течения. Признанным идейно-политическим лидером первого среди них стал Генри Клей. В историю он вошел как создатель "американской системы", которая в теоретическом плане по большей части воспроизводила идеи А.Гамильтона и Д. Адамса. Зато второе течение американского консерватизма, оформившееся на новом этапе и характеризовавшее мировоззрение плантаторов-рабовладельцев, обнаружило идеологическую оригинальность и усиливало свое влияние. В этом течении консерватизма, приобретшем черты редакционной утопии, впервые проявились свойства, ставшие типичными для праворадикальных идеологий в Соединенных Штатах. Главное среди этих свойств – приспособление для реакционных целей либеральных и демократических принципов, прочно вошедших в национальное кредо.

На протяжении двух с половиной веков историческое развитие Северной Америки сочетало в себе передовые тенденции буржуазного прогресса с сохранением рабства. Американское рабство не было подобием римского. Оно возникло в недрах капитализма и отразило особенность становления капитализма в сельском хозяйстве Северной Америки: американские плантаторы по причине крайней узости рынка наемного труда вынуждены были прибегнуть к труду черных рабов. Но использование рабского труда не прошло бесследно для американской сельской буржуазии, превратившейся в особый класс, в котором странно и в то же время закономерно переплелись черты типичных капиталистов и рабовладельцев.

Рабовладельческие стороны мировидения плантаторов наиболее полно проявилось в десятилетия перед Гражданской войной. Именно в те годы мировоззрение американских плантаторов обнаруживает несовместимость с классическими буржуазными ценностями. Обращение к нему

убеждает в фундаментальном характере конфликта Севера и Юга, который сделал Гражданскую войну неотвратимой.

Почему же проблема рабства выдвинулась во главу угла идейно-политических баталий в Соединенных Штатах только в 20–30-е годы XIX в., сменив дискуссии джефферсоновцев и гамильтоновцев? Тому существует несколько объяснений, главное же состоит в том, что именно в те десятилетия плантаторы-рабовладельцы обрели ту силу и самосознание, которые позволили им оформить идеологически систему социально-политических притязаний, обрести и четко высказать то, что можно с полным основанием назвать мировоззрением класса.

Идеологическое созревание плантаторского класса опиралось в свою очередь на его резко возросшую в первой четверти XIX в. экономическую мощь. А колыбелью экономического подъема американского рабовладения явился... капиталистический промышленный переворот! Да, именно стремительное развитие промышленного переворота в Англии, укоренявшегося, в первую очередь, в легкой промышленности, породило беспрецедентный спрос на хлопок-сырец и вдохнуло в результате подлинную жизнь в американское плантационное рабство.

В мгновение ока хлопок потеснил на рабовладельческих плантациях другие культуры, сделал плантаторские хозяйства рентабельными, и в знак признания его выдающихся заслуг перед рабовладельческим Югом был поименован там ни много ни мало "королем". "Король-хлопок" нанес сокрушительный удар по мечтам просветителей-демократов эпохи Американской революции о постепенном, но весьма скором в силу, как им казалось, фундаментальной естественной причины – методично нарастающая убыточность! – отмирании рабства в Соединенных Штатах.

Вот он, поразительнейший парадокс истории: промышленный переворот, способствовавший в Европе сокрушению старого феодального миропорядка и торжеству капиталистического строя, расставил мощнейшее препятствие на пути капитализма в Соединенных Штатах. Чтобы сокрушить его, демократической Америке понадобились десятилетия острейших политических схваток с плантаторами-рабовладельцами и еще одна революционная война, на этот раз уже не антиколониальная, а гражданская.

Теснейшая связь с мировым капиталистическим рынком отнюдь не подорвала рабовладельческих производственных отношений. Напротив, эксплуатация рабского труда становилась все более изощренной, а плантаторы усваивали замашки, манеры и нормы поведения крепостников. Запрет на ввоз с 1808 г. в Соединенные Штаты черных невольников, как это было предусмотрено американскими отцами-основателями, был компенсирован в результате специализации отдельных южных штатов на "разведении" чернокожих рабов. Правительство США не посягнуло на невольничьи рынки в южных штатах, работорговля там почиталась одним из самых престижных занятий и приносила большие прибыли, нежели даже экспорт хлопка. Антирабовладельческая пропаганда на Юге, имевшая место вплоть до 1820-х годов (еще в 1827 г. там насчитывалось 106 антирабовладельческих обществ, объединявших 5150 членов), была строго-настрого запрещена и преследовалась в уголовном порядке¹.

В отношении черных рабов на Юге был установлен репрессивный режим. Им не разрешалось отлучаться с плантаций, контактировать со свободными гражданами, в том числе и со свободными неграми, собираться даже маленькой группкой без надзора надсмотрщика. Рабам запрещалось иметь какое-либо оружие, а также горны, барабаны – все, что могло представить угрозу жизни и покою хозяев. Некоторые американские либеральные историки доказывали, что чернокожие рабы оказались заключенными в своего рода чудовищные концентрационные лагеря и были низведены рабовладельческим режимом до уровня покорных и инфантильных "говорящих обезьян". С этим жестоком заключением согласиться невозможно: попытки рабовладельцев подавить в черных невольниках все человеческое успехом не увенчались, негритянский народ в условиях репрессивного рабовладельческого режима обнаружил жизнеспособность, сумев не только сохранить, но и развить свое достоинство, культуру и самосознание.

Сопротивление невольников рабству достигло пика именно в 30–50-е годы XIX в. В тот период с рабовладельческих плантаций, несмотря на угрозу жестокой физической расправы, ежегодно бежало до 2 тыс. рабов, а страх перед грядущим "якобинским восстанием" черных американцев стал для белых хозяев навязчивым кошмаром². Собственно говоря, восстание негров-рабов под руководством Ната Тэрнера в 1831 г. стимулировало выдвижение плантаторами-рабовладельцами развернутой идеологии, способной сплотить вокруг них белое население Соединенных Штатов. Поиски идеологического оправдания рабовладельческой системы стимулировались и нараставшей критикой ее со стороны аболиционистов из свободных северо-восточных штатов. Создание У. Гаррисоном все в том же 1831 г. радикальной антирабовладельческой газеты "Либерейтор" было воспринято рабовладельцами как сигнал к идеологическому контраступлению.

Идеология рабовладельческого Юга, возможно, покажется сегодня каким-то анахронизмом, не заслуживающим особого внимания. Важно, однако, учитывать, что выдвинутые его политиками и идеологами аргументы стали в тот период символом веры для миллионов американцев, не без успеха распространялись не только в южных, но и в северных штатах и так или иначе, пусть и в качестве пережитков, сохранялись в сознании не одного поколения белых американцев даже после уничтожения рабства. Более того, не подлежит сомнению, что расистские мифы, уходящие корнями в рабовладельческую идеологию, не исчезли в Америке и поныне.

Сама эта идеология не была чем-то откровенно примитивным: она пестовалась в стране, где на протяжении длительного периода укоренялись передовые демократические идеалы, и ее творцы не могли проигнорировать их. Создатели рабовладельческой идеологии, будучи в своем большинстве членами Демократической партии, по крайней мере по видимости пытались сохранять связь с заветами ее отцов-основателей, в том числе главного среди них – Томаса Джефферсона.

Среди идеологов рабовладельческого Юга выделялись двое, чей приоритет и влияние в качестве духовных наставников плантаторского класса

признавали не только современники, но и все поколения американских историков. Один из них, Джон Кэдвелл Кэлхун, представлял Южную Каролину, штат, который прочно утвердился в качестве политического лидера рабовладельческого Юга именно во второй четверти XIX в. в значительной мере вследствие воцарения "короля-хлопка". Другой, Джордж Фицхью, был связан кровными узами с Виргинией, постепенно уступавшей ведущую позицию среди плантаторских штатов, но твердо верившей в свою духовную власть не только над южанами, но и над всеми американцами: разве эта власть не была освящена раз и навсегда именами великих виргинцев Джорджа Вашингтона и Патрика Генри, Томаса Джефферсона и Джеймса Мэдисона?

Будучи наиболее авторитетными выразителями рабовладельческой идеологии, Кэлхун и Фицхью представляли две тенденции в ее развитии, при этом, как ни парадоксально, именно первый стремился поддержать идейную связь рабовладельческого Юга с заветами великих виргинских демократов, а второй, напротив, пошел на решительный разрыв этой связи.

Признанный мэтр американской исторической науки В.Л. Паррингтон считал Кэлхуна "поистине незаурядным мыслителем", более того, самым сильным политическим умом своей эпохи, безусловно превосходившим своими интеллектуальными способностями оппонентов из северных штатов³. Другой авторитет новейшей американской историографии, Р. Хофстедтер, пошел еще дальше, назвав Кэлхуна "Марксом правящего класса"⁴: этим броским сравнением он хотел подчеркнуть теоретическую глубину Кэлхуна. А ведь ни Паррингтон, ни Хофстедтер не были консервативными историками и отнюдь не симпатизировали духовному вождю плантаторского класса: первый известен как яркий представитель социально-критического крыла американской исторической мысли, а второй как родоначальник современной либеральной школы. Тем более их оценки свидетельствуют о реальном воздействии Кэлхуна на свое время.

Джон Кэлхун меньше всего был кабинетным ученым, изнуряющим себя философскими размышлениями в тиши кабинета. На протяжении всей сознательной жизни он оставался профессиональным политиком и добился немалых успехов: в 1810 г. в возрасте 28 лет Кэлхун избирается членом Конгресса США, где сразу выдвигается в лидеры "военных ястребов", с 1817 по 1825 г. он занимает пост военного министра, с 1825 по 1832 г. – вице-президента США, с 1832 по 1843 г. является сенатором, с 1844 по 1845 г. – государственным секретарем, с 1845 по 1850 г. вплоть до самой смерти вновь сенатором Соединенных Штатов. Политике он отдавался без остатка, крайне редко навещался в родовое поместье, полностью передоверив семейные дела жене.

Только в конце жизни Кэлхун смог найти время для теоретических трактатов, главный из которых – "Рассуждения о конституции и управлении Соединенными Штатами" – был опубликован уже после его смерти. Основные политические идеи были высказаны им в пространных выступлениях в американском Конгрессе (особенно подолгу задерживался он на трибуне в бытность сенатором), а также во всевозможных резолюциях, меморандумах, апелляциях.

На слушателей Кэлхуна неизменное впечатление производила фанатичная целеустремленность южанина: выбрав для своего выступления две-три идеи, он методично и в то же время страстно развивал их до конца, используя всю возможную аргументацию и стремясь максимально нейтрализовать контрдоводы оппонентов. При этом оратор из Южной Каролины, начисто лишенный чувства юмора, преподносил каждую из поднятых им проблем как вопрос жизни или смерти и нагонял порядком страху на конгрессменов. Многие и многие южные политики воспринимали его суждения и пророчества в качестве абсолютной истины.

Одних харизматических качеств, безусловно, имевшихся у Кэлхуна, было, конечно, недостаточно, чтобы спланировать и увлечь за собой южных политиков. Для этого нужна была соответствующая программа и идеи, которые к тому же должны были точно прийтись ко времени. Они возникали у Кэлхуна далеко не сразу, а законченный вид обрели в конце 1820-х годов.

До того же политические взгляды Кэлхуна представляли собой странное смешение гамильтоновских и джефферсоновских принципов. Принадлежа с начала политической карьеры к джефферсоновской партии, Кэлхун, однако, и в 1810-е и на протяжении большей части 1820-х годов, весьма активно исповедовал федералистские принципы: отстаивал введение тарифов, способных надежно защитить национальную промышленность, безусловно поддерживал Национальный банк, мануфактуры и программы строительства за счет центрального правительства дорог и каналов. Особенно дорога была ему идея создания в наиболее крупных городах федеральных военных академий.

Кэлхун весьма аргументированно обосновывал необходимость утверждения в США сильной федеральной власти: в стране, обладающей огромной территорией и разделенной в то же время соперничающими социально-экономическими интересами, общее благо могло успешно насаждаться только единой сильной рукой, кроме того, Соединенным Штатам необходимо было исходить из неизбежности военных конфликтов с европейскими державами, препятствовавшими американской экспансии на Юге и на Севере, что также требовало цементировать союз штатов. В 1824 г. в письме к сыну Александра Гамильтона он прямо утверждал, что принципы его отца – единственно подходящие для Соединенных Штатов⁵.

В то же время Кэлхун, проявляя способности идеологического жонглера, в переписке с деятелями аграрной партии отводил обвинения в измене ее принципам. Разве Джефферсон, Мэдисон и Монро, вопрошал он их, не защищали, пребывая на президентском посту, Национальный банк и федеральные программы строительства дорог и каналов? В одном из писем он доказывал, что ни на йоту не поступился заветами отцов – основателей партии, что их концепция разделения полномочий между центральным правительством и властями штатов – самое поразительное политическое изобретение и что он не испытывает никаких иных чувств, кроме ненависти к федералистским принципам, возмечивавшим аристократию и богатство и унижавшим простой народ⁶.

Прагматизм немало способствовал политической карьере Кэлхуна, но

не мог превратить его в пророка рабовладельческого Юга. Чтобы стать им, нужно было угадать и развернуть в идеологическое кредо потаенные чаяния южан. И Кэлхун четко сформулировал его в 1828 г. в меморандуме "Позиция Южной Каролины", означавшем переворот в его взглядах. Здесь он впервые чутко уловил, что рабовладельческие штаты достигли той экономической и политической зрелости, когда могли уже не идти на компромиссы с северо-восточными "братьями", но способны были твердо продиктовать свою волю.

Вопрос, вынесенный Кэлхуном во главу угла конфликта Севера и Юга – ввозные пошлины, – на первых порах полностью поглотил внимание соперничающих сторон и затемнил саму проблему рабства. Но, обсуждая этот вопрос, Кэлхун отточил многие аргументы, которые легли в основу рабовладельческой идеологии. Главным при этом стало обоснование концепции суверенитета отдельных штатов.

Ввозные пошлины, введенные американским Конгрессом в 1828 г. на ряд промышленных товаров, откровенно брали под защиту интересы капиталистического северо-востока и ущемляли аграрные южные штаты. Решительно возражая против них, Кэлхун указывал, что протекционистские тарифы подавляют конкуренцию со стороны иностранных товаров, утверждают монополию северо-восточных промышленников и купцов на внутреннем рынке и лишают аграрные штаты благословенной свободы выбора в качестве потребителей промышленной продукции. За этим конфликтом он рассмотрел фундаментальное различие социально-экономических интересов Севера и Юга и пророчески возгласил о возможности его трагического развития в случае, если не будут приняты соответствующие меры⁷. Но Кэлхун был уверен, что в полной мере осведомлен об этих мерах.

Фундаментальное различие социально-экономических интересов, рассуждал Кэлхун, развивая в значительной мере идеи Гамильтона, Мэдисона и Д. Адамса, присуще каждому обществу, и американское государство в этом смысле не составляет исключения. Но просвещенные отцы-основатели США в отличие от деспотических правителей других государств смогли проникнуться этой истиной и создали целую систему конституционных "сдержек и противовесов", которая не позволяла ущемлять права меньшинств и утверждать диктат большинства. Среди этих "сдержек и противовесов" особое значение имели суверенитет и права штатов: в них Кэлхун и увидел панацею от опасного развития антагонизма промышленных и аграрных штатов.

Суверенитет штатов трактовался Кэлхуном как право каждого из них на неподчинение решению федерального правительства и свободный выход из Союза. Подобная концепция потребовала от него весьма своеобразного толкования американской конституции, которое впоследствии было воспринято большинством южан. Конституция, по Кэлхуну, ни в коем случае не могла рассматриваться как соглашение американских граждан: она в действительности была общественным договором между суверенными государствами-штатами, которые делегировали федеральному правительству ряд строго перечисленных и четко определенных прав. Все же иные полномочия, о чем свидетельствовала 10-я

статья благословенного Билля о правах, принадлежали штатам. Любой федеральный закон, выходящий за рамки прерогатив центрального правительства, в частности и указ о протекционистских тарифах, мог быть объявлен недействительным любым штатом.

К сожалению, сокрушался Кэлхун, право определения конституционности федеральных законов было узурпировано в Соединенных Штатах Верховным судом, хотя в действительности оно принадлежало правительствам штатов. Как это право могло быть реализовано практически? Да очень просто! Согласно Кэлхуну суверенитет штата реализуется мирным способом (ни в коем случае не через массовое, а тем более революционное волеизъявление народа!), через посредство чрезвычайного конвента штата (разве не при помощи конвентов были приняты все американские конституции?). Этот конвент имеет право рассмотреть и объявить недействительным сомнительный федеральный закон, если большинство делегатов сочтет его противоречащим конституции. Правда, Конгресс США имел право защищать принятый им закон, но чтобы преодолеть вето штата, он должен был принять соответствующую поправку к конституции, которая должна быть одобрена $\frac{3}{4}$ штатов. После этого штат, имеющий свое особое мнение, должен был или подчиниться воле большинства или выйти из Союза штатов⁸. Как видно, даже самый неблагоприятный для строптивного штата исход вопроса о новом федеральном законе не мог, согласно Кэлхуну, ущемить его интересов, ибо этот штат мог спокойно покинуть федерацию.

Радикальная, даже экстремистская концепция прав штатов, предложенная Кэлхуном, была воспринята южными политиками не сразу. Многие в ней были непривычным, явно противоречащим Конституции США: последняя, например, признавала суверенитет штатов, но ни словом не обмолвилась о их праве на самоопределение вплоть до выхода из федерации. Некоторые южные политики указывали, что согласно концепции Кэлхуна даже крошечный американский штат, например Делавэр, насчитывавший всего 0,5% населения США, мог приостановить действие любого постановления Конгресса Соединенных Штатов или Верховного суда. Взгляды Кэлхуна были решительно осуждены Джеймсом Мэдисоном, заявившим, что ни он, ни Джефферсон никогда не высказывали ничего подобного.

Избранная Кэлхуном экстремистская позиция отразилась на его политической карьере: фактически ему пришлось распрощаться с заветной мечтой о президентском кресле. В 1830 г., будучи вице-президентом, Кэлхун решился на дерзкий вызов главе правительства Э. Джексона. 13 апреля во время приема в президентском дворце по случаю дня рождения Томаса Джефферсона в ответ на тост Джексона "За сохранение нашего Союза" Кэлхун незамедлительно ответил: "Наши благословенные свободы всегда превыше нашего федерального Союза. Будем всегда помнить, что основой федерального Союза неизменно является уважение прав штатов и равное распределение между ними благ и бремени федерации". Через некоторое время южанину пришлось покинуть вице-президентский пост. С тем большим рвением продолжил он защиту избранной идеи.

Самым надежным способом защиты своей концепции Кэлхун счел обоснование ее неразрывной связи с заветами отцов американской демократии, в первую очередь Томаса Джефферсона. В своих выступлениях он все активнее совершал пространные экскурсии в американскую историю, трактуя ее как конфликт демократической идеологии Джефферсона и антидемократической – Гамильтона. Этот конфликт, утверждал он, впервые разгорелся на Конституционном конвенте 1787 г. и, пройдя через сложные перипетии, завершился блестящей победой Джефферсона на президентских выборах 1800 г., которые Кэлхун называл не иначе как "революцией". Он не скупился на дифирамбы Джефферсону, а самым замечательным в его деятельности называл самоотверженную борьбу за права и свободы "меньшинств", аграрные интересы и суверенитет штатов. Кентуккские резолюции Джефферсона 1798 г., обосновывавшие права штатов, объявлялись им подлинным манифестом американской свободы и демократии. Одновременно Кэлхун клеймил Гамильтона и федералистов, их последователей, обрушивших на Америку пороки капиталистического развития⁹.

Было ли в действительности что-то общее во взглядах Джефферсона и Кэлхуна? С формальной точки зрения сходство их концепций прав штатов несомненно. Но как во времена Джефферсона, так и во времена Кэлхуна концепция прав штатов являлась только способом защиты определенных социально-политических интересов. И вот тут-то между Джефферсоном и Кэлхуном обнаруживается дистанция огромного размера. Ведь Джефферсон подготовил в 1798 г. кентуккские резолюции, обосновывавшие право штатов на отмену федеральных законов, в связи с принятием федеральным правительством Адамса антидемократических законов об иностранцах и измене, попиравших Билль о правах. Кэлхун же защищал суверенитет штатов, имея в виду отстоять социально-экономические интересы набравшей силу консервативной рабовладельческой системы. Кэлхун закладывал совершенно иную идеологическую традицию: защита консервативных целей посредством демократических идей и призывов.

Социальная подоплека защиты прав штатов Кэлхуном раскрылась в полной мере в тот момент, когда он изложил свои взгляды на рабство. В 1830 г. он впервые открыто указал на истинную причину антагонизма Юга и Севера: закон о тарифах, отметил Кэлхун, есть только частное проявление этого конфликта, а его истоком является рабовладение, которое после своего возникновения и утверждения в южных штатах придало их экономике и социальным отношениям совершенно особый, радикально разошедшийся с устремлениями и идеалами Севера характер¹⁰. Даже сегодня в этом суждении поражает прозорливость Кэлхуна: он выступил как жесткий реалист, точно и бескомпромиссно указавший на подлинную, фундаментальную основу противоречия капиталистического Севера и рабовладельческого Юга и возвысившийся в этом вопросе над большинством своих современников и поколениями историков, отрицавших решающую, а часто и сколько-нибудь существенную роль рабства в возникновении Гражданской войны. Но то был реализм, преследовавший откровенно консервативную цель: Кэлхун обнажил первопричину антаго-

низма Севера и Юга для того, чтобы сосредоточиться на защите первооснов рабовладельческого строя, не размениваясь по частным вопросам.

Защита рабства становится лейтмотивом печатных и устных выступлений Кэлхуна в 30–40-е годы: она неизменно острополемична, направлена в первую очередь против аболиционистов, самых опасных и самых глубоких критиков плантаторов. Рабовладение, указывал Кэлхун, является первоосновой экономического развития и благополучия Юга, его социальных отношений и политической организации: отмени его, и тут же случится апокалипсис, рухнет целый мир. Поэтому агитация в пользу ликвидации рабства безрассудна: плохо оно или хорошо, рабовладение должно быть сохранено. Со второй половины 30-х годов Кэлхун внес в защиту рабства новый мотив, утверждая отныне, что оно не просто первооснова, хорошая или плохая, южного общества, но является истинным благодеянием как для рабовладельцев, так и для рабов. Он клеймил аболиционистов, совершенно извративших, по его словам, картину жизни рабов. Только рабство, доказывал он, превратило черных варваров в человеческие существа: сравните американских негров с африканскими и вы увидите, что первые неизмеримо превосходят вторых и морально, и интеллектуально, и физически. А причиной тому является патриархальный характер американского рабовладения, при котором белые хозяева и черные рабы составляют единую большую семью, при этом белая раса выполняет роль мудрых отцов и учителей, поднимающих своих черных детей и учеников до цивилизованного уровня¹¹.

Используя эти и другие доводы для защиты рабства от нападок со стороны северян, Кэлхун вслед за этим переходил в контратаку на буржуазный строй и доказывал, что южная рабовладельческая цивилизация стоит неизмеримо выше северной капиталистической и что именно первая воплощает добро, а вторая – зло. В ходе этой контратаки Кэлхун как раз и развил такую критику капитализма; которая дала повод Р. Хофстедтеру назвать его "Марксом господствующего класса".

Человеческая история, рассуждал Кэлхун, еще не знала обществ, где бы не было разделения на классы и где бы один класс не существовал за счет другого. Но наихудшей, самой изощренной и жестокой среди всех является, безусловно, капиталистическая эксплуатация. Тенденция развития любого капиталистического общества, в том числе и северных американских штатов, состояла в постоянном увеличении пропасти между работодателями и рабочими, росте богатства первых и нищеты вторых. Финалом этого антагонизма могла быть только кровавая гражданская война, победу в которой, пророчил Кэлхун, должен одержать пролетариат, намного превосходящий по численности буржуазию.

Столь беспощадный анализ противоречий капитализма в случае с Кэлхуном преследовал две цели: во-первых, доказать, что черные рабы живут гораздо лучше, нежели наемные белые рабочие, а рабовладельцы являются более гуманными эксплуататорами, чем капиталисты; во-вторых, внушить северо-восточной буржуазии, что она должна направить свою энергию не на разжигание конфликта с рабовладельцами, а нап-

ротив, на объединение усилий с ними перед лицом гораздо более опасного соперника – белого пролетариата.

Мощный идеологический призыв Кэлхуна к единению плантаторов и капиталистического класса не имел существенного практического эффекта. Антагонизм между северо-восточным капитализмом и южным рабовладением во второй четверти XIX в. носил в США гораздо более острый и осязаемый характер, нежели противоречие между трудом и капиталом. Реальным в тех условиях был союз буржуазии и рабочего класса против рабовладельцев, а не альянс капиталистов и плантаторов против белого пролетариата и черных рабов. Все более осознавая с годами это обстоятельство, Кэлхун усиливал жесткую, переросшую в конечном итоге в озлобление критику капитализма.

Защищая право рабовладельческого "меньшинства" на равное представительство с "большинством" американских избирателей, проживавших в северо-восточных штатах, Кэлхун пришел к заключению, что США должны иметь не одного, а двух президентов, представляющих разные регионы страны. Он также начал настаивать на выделении южанам отдельной палаты в Конгрессе США. Выдвинутая им в связи с этим концепция перекликалась с доктриной "смешанного правления" Монтеस्कье и американских федералистов, но с той разницей, что Кэлхун хотел отдельного представительства не для всей элиты, а только для рабовладельцев.

В последние годы жизни перспектива сохранения федерального Союза представлялась Кэлхуну в мрачном свете. В 1845 г. на съезде представителей южных штатов в Мемфисе он призывал к развитию в рабовладельческом регионе промышленности, торговли, банков, строительству дорог и каналов, имея в виду возможность самостоятельного государственного существования Юга и выхода его из США.

В конце жизни Кэлхун решился на публичное отречение от Джефферсона и осудил все основополагающие принципы Декларации независимости и, в первую очередь, теорию естественных и равных неотчуждаемых прав людей. Консервативная эволюция духовного вождя рабовладельческого Юга получила логическое завершение.

Кэлхун умер в 1850 г., после этого место идейного лидера рабовладельческого Юга занял Джордж Фицхью (родился в 1806 г. в Виргинии в семье юриста). В отличие от Кэлхуна Фицхью был книжником, разбирающимся в самых разнообразных вопросах. Он хорошо знал классическую английскую политэкономии, сочинения социалистов-утопистов, владел правовыми, философскими, политическими теориями разных эпох. Также в отличие от Кэлхуна он почти неотлучно жил в своей усадьбе и наряду с юридической практикой, написанием статей и теоретических трактатов прилежно занимался воспитанием собственных детей.

Два его главных сочинения, появившиеся в 1854 и 1857 гг., претендовали на всестороннее осмысление самых разнообразных общественных систем, в первую очередь рабовладельческой, капиталистической и социалистической, и определение идеального общественного выбора для Америки. Первое сочинение, называвшееся "Социология Юга, или Крах

свободного общества", вводило в обиход американский общественной мысли понятие *социология* и свидетельствовало о серьезности теоретических притязаний автора.

Любимым автором и главным авторитетом для Фицхью был его современник, известный английский политический мыслитель, историк и писатель Томас Карлейль: южанин без стеснения, но всегда со ссылками заимствовал у Карлейля критику промышленного капитализма. Фицхью испытывал симпатии также к Дизраэли, обществу "Молодая Англия", в целом тому направлению английской мысли, которое было поименовано Марксом как торийский, или феодальный, социализм. Он тяготел к тем социально-романтическим доктринам, которые критиковали капитализм с позиций исчезнувших или уходящих общественных систем, к которым Фицхью добавил еще одну – рабовладельческую Утопию.

С годами Фицхью уже не ограничивался написанием теоретических трактатов, но стремился воздействовать и на массовое сознание. Хорошо владея пером, он поставлял передовицы для ведущих рабовладельческих газет, при этом наиболее тесно сотрудничал с признанным рупором плантаторов, "Де Боуз ревью", где в течение десятка лет появилось около сотни его статей.

Лейтмотив размышлений, рассуждений и пропаганды Фицхью – сравнение капиталистического (или "свободного", по его определению) и рабовладельческого обществ, при этом первому достаются только черные, а второму – светлые краски. Капитализм, или свободное общество, характеризуется им неизменно как ничтожный эксперимент истории, ограниченный как во времени, так и в пространстве. Это, по убеждению Фицхью, временное и частное отступление от магистрального пути человечества, который был проложен рабовладельческими цивилизациями Греции и Рима, развит средневековым крепостным правом и продолжен в современных условиях американским рабством. Фицхью не сомневался, что этот магистральный путь будет восстановлен в чистом виде после того, как капитализм окажется развенчан, а рабовладение, в которое он включал и европейское крепостничество, освободится от некоторых деформаций.

Фицхью критиковал капитализм преимущественно не на американском, а на английском материале, поскольку, как подчеркивал он, результаты "ничтожного мелкого эксперимента истории" проявились наиболее полно в Великобритании. Он был весьма полно осведомлен о негативных социальных последствиях промышленного переворота в Англии: его сочинения испещрены ссылками на разнообразные источники – от британских газет и статистических отчетов до трудов социалистов самых разных направлений. Ему были хорошо известны факты о нещадной эксплуатации женского и детского труда на текстильных фабриках и в шахтах Англии, производственном травматизме, голоде, нищете и безработице среди промышленных рабочих. Бедствия и деградация британского пролетариата, доказывал Фицхью, несправедливы по той причине, что именно пролетариат, его труд создают все богатства, всю собственность от начала и до конца, в то время как эксплуатирующий его капитал не создает и единого пени¹².

Последнее заключение Фицхью свидетельствует, что он использовал в критике капитализма не что иное, как трудовую теорию стоимости, выпестованную классиками английской политэкономии. Впрочем, он признавал, что к созданию богатств и прибавочной стоимости не имеют отношения не только капиталисты, но и рабовладельцы. Как вытекало из рассуждений Фицхью, он не считал возможным отменить эксплуатацию человека человеком, но полагал совершенно необходимым выбрать между двумя формами эксплуатации лучшую. И вот здесь-то он отдавал абсолютное предпочтение рабовладельческой эксплуатации перед капиталистической.

Фундаментальный порок капитализма заключался, по Фицхью, в том, что он отдавал взаимоотношения людей на растерзание "свободной игры" социально-экономических и политических сил, которая на практике означала войну всех против всех. В условиях господства абсолютной свободы экономических связей капиталисты стремились выжать все из рабочих, последние в свою очередь вели беспощадную войну друг против друга, борясь за рабочие места. Все это могло закончиться только одним – полной деградацией, обнищанием и вымиранием пролетариата. Совсем другое дело – рабовладельческая эксплуатация. Она была основана на патерналистской заботе рабовладельцев о рабах, стремлении хозяев поддержать и максимально продлить жизнь и работоспособность эксплуатируемых ими пожизненно людей.

Фицхью стремился доказать, что типичные рабовладельцы получают меньшую прибыль и живут скромнее (по его словам, "в десять раз") типичных капиталистов не потому, что менее трудолюбивы (ни те, ни другие, напоминал он, не имели никакого отношения к созданию богатств), а именно потому, что отдавали гораздо большую прибыль эксплуатируемым. Фактам физической и моральной деградации пролетариата он противопоставляет идиллические картины положения рабов: их дети вообще не привлекаются к труду, женщины в основном заняты домашним хозяйством и защищены хозяевами от деспотических замашек мужей, мужчины здоровы и жизнерадостны, работают не более девяти часов в сутки, все они питаются, обуты и одеты гораздо лучше наемных рабочих, короче говоря, "негры-рабы Юга являются счастливейшими и в определенном смысле самыми свободными людьми в мире"¹³.

Фицхью особенно настаивал на моральном и культурном превосходстве рабовладельцев над капиталистами, чему находил простое и естественное объяснение: поглощенные алчной погоней за прибылью, поистине звериной конкурентной борьбой, капиталисты губят в себе все человеческое и духовное, наконец, не имеют времени для семьи, нравственного совершенствования, культурных занятий¹⁴.

В критике капитализма Фицхью был гораздо более последователен и беспощаден, чем Кэлхун, да и стратегический замысел в отношении буржуазного общества у него был совершенно иным: если Кэлхун питался иллюзией объединения рабовладельцев и капиталистов в борьбе с пролетариатом и рабами, то Фицхью вынашивал идею... совместного сопротивления рабовладельцев и пролетариата капиталу! Не случайно в отличие от Кэлхуна он с симпатией отзывался о выступлениях проле-

тариата против буржуазии в европейской революции 1848 г., доказывал, что последняя заключала в себе исторический приговор капитализму. Так же в отличие от Кэлхуна Фицью подверг решительной критике духовные и идеологические ценности буржуазии, особенно же принципы и заветы Локка и Джефферсона. Главным идейным противником для него, безусловно, стал Джефферсон. В лице Фицью рабовладельческое мировоззрение порывает с американской демократической традицией.

Огонь критики Фицью сосредоточивал на идее свободы – как экономической, так и политической. Свобода, полемизировал он с просветителями, совершенно несовместима с равенством и демократией, поскольку она в действительности усиливает до бесконечности социальные и экономические контрасты. К великому сожалению, сокрушался Фицью, измышления европейских просветителей о благотворном влиянии свободы были усвоены лидерами Американской революции во главе с Джефферсоном, превратившими справедливую антиколониальную войну американцев в битву за ложные социальные и политические идеалы. Так, в свидетельство о рождении американской нации были вписаны абсолютно утопичные и зловердные идеи о равных правах всех людей на свободу, жизнь, обладание собственностью, политическое управление. В результате развитие Америки было направлено по ложному пути.

При этом Фицью не отрицал основополагающего постулата либерализма о наличии у каждого человека естественных неотчуждаемых прав, но требовал дать им совершенно иное определение. Естественные и неотчуждаемые права людей на свободу и равенство, утверждал он, есть химера, поскольку люди от рождения резко отличаются по умственным и интеллектуальным способностям. В действительности примерно 19 из 20 индивидуумов обладают естественным и неотчуждаемым правом не на свободу, которой они не могут распорядиться себе на пользу, а на покровительство и управление со стороны власть предержащих. Иначе говоря, они наделены "естественным и неотчуждаемым правом быть рабами", которое только и обеспечивает им реальную возможность выживания и благополучного существования¹⁵.

В критике буржуазного общества Фицью часто опирался на сочинения социалистов-утопистов, в первую очередь Сен-Симона, Фурье и Оуэна, и даже претендовал на духовный альянс с ними. Но позитивные идеалы социалистов были для него неприемлемы. Он отвергал как иллюзию веру социалистов в возможность изменить и усовершенствовать природу человека, вследствие чего люди и смогли бы на равных строить экономические отношения и участвовать в политическом управлении. Природа человека неизменна, различия между способностями, а следовательно, правами и возможностями людей непреодолимы, твердил Фицью, естественные законы предназначили одним быть управляющими, а другим – управляемыми. Еще более непримирим был Фицью к взглядам социалистов по вопросам семьи, религии, частной собственности. Он призывал их не изобретать химер, а усовершенствовать реально существующую альтернативу капитализму – рабовладельческое общество¹⁶.

Американское рабовладение, доказывал Фицью, уже намного превос-

ходило капиталистическое общество: на Юге не было ни стачек, ни профсоюзов, ни преступлений против собственности, поскольку не существовало экономических условий для их возникновения. На Юге было гораздо меньше, нежели в северных штатах, тюрем и домов призрения, в целом Юг был страной достатка и социальной гармонии. Правда, и на южном солнце Фицью обнаруживал некоторые пятна. Это, во-первых, свободные негры, влачившие жалкое существование и всем своим бытием доказывавшие, что большинство людей, как черных, так и белых, нуждаются не в свободе, а в управлении и покровительстве со стороны надежных хозяев. Это, во-вторых, плантаторы-парвеню, выскочки, пораженные капиталистическим духом наживы, сверх всякой меры увеличивающие свои плантации и передоверяющие их управление надсмотрщикам¹⁷.

Идеальная рабовладельческая организация, по Фицью, это некое подобие большой патриархальной семьи, где отношения хозяев и рабов строятся на непосредственных связях, управление и подчинение определяются канонами домостроя, а не безликими экономическими силами. Управление патриархально-семейного типа Фицью считал единственно естественным, привычным и образцовым для человечества: посредством его, утверждал он, управлялись и управляют две трети человечества. Патриархальное рабовладельческое хозяйство не могло быть чрезмерно большим: Фицью осуждал античное рабовладение: санкционируя бесконтрольное расширение латифундий, огромную концентрацию рабов, оно способствовало превращению рабовладельцев в праздный класс, отчужденный от подданных, не способный осуществлять семейно-патриархальную функцию.

В рабовладельческой Утопии Фицью правящий класс – это по сути наследственная аристократия, тесно связанная с землей, достаточно многочисленная, чтобы доходить до нужд всех членов рабовладельческой "семьи". Рабовладельческое общество развивается по принципам автаркии: оно допускает в ограниченном, диктуемом самими непосредственными потребностями виде товарно-денежные отношения, мануфактуры, банки, но порывает с мировым рынком, способным только посеять алчный капиталистический дух.

Фицью не скрывал, что в идеальном обществе на положение рабов должны быть переведены как свободные негры, так и белые рабочие; владельцы же фабрик, шахт, торговых предприятий должны стать рабовладельцами. Он не соглашался с теми защитниками южного рабства, которые оправдывали его расовой неполноценностью негров. Фицью отвергал расизм и указывал, что расистская психология никогда не позволит рабовладельцам строить управление на патриархально-семейной основе и относиться к черным рабам, как к детям. Он неизменно указывал, что защищает рабство не с расистских, а с социологических позиций, рассматривал его как идеальную модель для человечества и общества в целом, ибо для большинства белой расы свобода губительна в такой же степени, как и для черной¹⁸.

У Фицью, как и у Кэлхуна, было множество единомышленников и подражателей – политики, профессора, законодатели, адвокаты, писа-

тели. Благодаря им рабовладельческое мировоззрение и пропаганда пополнялись новыми идеями и аргументами, распространялись в сотнях периодических изданий, книг. Время от времени появлялись пухлые антологии рабовладельческой мысли. Наиболее известная среди них была издана в Южной Каролине в 1852 г. и называлась "Защита рабства в обосновании наиболее выдающихся сочинителей южных штатов: президента университета Харпера, губернатора Хаммонда, доктора Симмса и профессора Дью"¹⁹. Необычным в названии сборника было то, что его составители без тени сомнения поименовали авторов "наиболее выдающимися сочинителями южных штатов". Подобная оценка, однако, была недалеко от истины: наряду с Кэлхуном и Фицью авторы сборника действительно были наиболее влиятельными защитниками рабства, а в сознании издателей, соответственно, "наиболее выдающимися сочинителями южных штатов". По степени влияния на прорабовладельческие настроения с ними могли соперничать еще только четыре-пять человек, среди которых должны быть названы, в первую очередь, издатель главной прорабовладельческой газеты Д. Де Боу и расистский антрополог Д. Нотт. В каких же направлениях развивалась ими рабовладельческая идеология?

Ведущей темой этой идеологии неизменно оставалась апология социальных отношений, сложившихся в южных штатах, и острая критика северо-восточного капитализма. Господство частной собственности, разделение людей на эксплуататоров и эксплуатируемых рассматривалось как естественное состояние человечества, фундаментальная первооснова любого общества. Речь, следовательно, должна была вестись о том, какая из двух существующих эксплуататорских форм – капиталистическая или рабовладельческая – была наилучшей. При их сравнении идеологи рабства потребовали положить во главу угла социальный критерий: жизненные условия рабов и рабочих, а также капиталистов и плантаторов.

"Наиболее выдающиеся сочинители южных штатов" пришли к единодушному мнению, что наемные рабочие по сути те же рабы, но только находящиеся в гораздо худших условиях. Интересны приводимые при этом аргументы: в отличие от черных рабов белые рабочие не имеют гарантированных источников существования, вынуждены наниматься перед угрозой безработицы даже за "голодную" заработную плату; в случае болезни, инвалидности и по наступлении старости все они остаются совершенно без средств к существованию, в то время как черные рабы, их жены и близкие с момента рождения до смерти надежно защищены отеческой опекой хозяев. Указывалось также, что среди рабов в отличие от наемных рабочих нет бездомных, нищих, бродяг.

Сравнивалось положение черных рабов и свободных: умело препарированная статистика призвана была доказать, что свободные негры гораздо чаще совершают преступления, что в массе своей они бездомны, предпочитают, будучи поражены ленью, слоняться без работы, короче говоря, деградируют сами и усугубляют социальные проблемы общества в целом. Полемизируя с северо-восточными идеологами, защитники рабства приводили порой циничные, но весьма изощренные, аргументы,

ставившие оппонентов в тупик: разве не по причине физической и умственной деградации свободных негров, вопрошали они, капиталистические штаты постепенно лишили почти всех их избирательного права?²⁰

Защитники рабства не оставляли без ответа ни одного яркого выступления своих оппонентов. Когда в 1852 г. появилась книга Г. Бичер-Стоу "Хижина дяди Тома", южане тут же предприняли массированную контратаку. Только в 1853–1854 гг. на Юге появилось 14 романов, ставивших целью развенчать антирабовладельческий роман Бичер-Стоу. Названия этих контрпропагандистских романов, распространявшихся не только в южных, но и в северо-восточных штатах, говорят сами за себя: "Хижина тетушки Филиции", "Дядюшка Робин в своей хижине в Виргинии и Том без хижины в Бостоне", "Хижина и особняк, или Рабы и хозяева", "Южная жизнь, как она есть" и т.д.

Фактически на целое десятилетие художественная литература Юга была подчинена описанию патриархального единения и счастья белых хозяев и черных рабов. А ее главным представителем неизменно оставался Уильям Симмс, писатель, литературно одаренный, получивший даже имя "Лопе де Вега южных штатов". Но литературные различия между писателями-южанами, разделение их на художественные таланты и посредственности не отменяло общего знаменателя их творчества – грубой фальсификации истинного положения черных рабов и беззастенчивой апологии "добродетелей" белых хозяев²¹.

Рабовладельцы изображались романистами-южанами как воплощение духовной утонченности и доброты, культуры и воспитанности, как бескорыстные аристократы ("кавалеры"), по всем статьям превосходившие грубых и жадных капиталистов, северо-восточных "янки". Впрочем, рабовладельческая пропаганда наделила особыми качествами не только рабовладельцев, но и белое население южных штатов в целом. Все настойчивее проводилась мысль о господстве среди белого населения Юга социальной гармонии, которой не было и не могло быть в северных штатах. А фундаментом этой гармонии объявлялось все то же черное рабство. Так складывался постулат о черном рабстве как первооснове и главном условии сохранения и успешного развития демократии среди белой расы.

Профессор политэкономии из Виргинии Т.Р. Дью в своих сочинениях настойчиво разъяснял, что только черное рабство может гарантировать демократические права для всего белого населения. Ликвидация рабства, разъяснял он, приведет неизбежно к тому, что работу черных невольников должна будет выполнять часть белого населения. Она окажется в столь униженном положении, что воспримет хозяев в качестве антагонистов и попытается оттеснить их от власти. Именно такая ситуация, доказывал Дью, уже складывалась в северных штатах. В южных же штатах выполнение самой трудной работы черными невольниками повышало социальный статус и чувство достоинства низших слоев белого населения, формировало в их сознании убеждение, что относительно рабов они и белые богачи – единое целое, правящий класс. Только благодаря черному рабству, настаивал он, политические права и свободы могли быть распространены на все белое население. Демократия и рес-

публиканизм для белых, заключал Дью, располагают шансом сохраниться только в рабовладельческом обществе, и если белая раса хочет иметь их в качестве общего достояния, она должна быть заинтересована в увековечении рабства черной расы²².

Профессор Дью и разделявшие его расистский подход защитники рабства (а таких было большинство) должны были вступить в дискуссию с самим Фицью. Если Фицью полагал, что "естественным и неотчуждаемым правом" быть рабами обладает большинство рода людского, как черные, так и белые, то Дью доказывал, что рабство является уделом лишь черной расы. С точки зрения укрепления влияния рабовладельцев среди белого населения США, как высших, так и низших его слоев, позиция Дью и его последователей, конечно, была более дальновидной: она могла рассчитывать на поддержку со стороны белых бедняков, а кроме того, она не противостояла, а подравнивалась, хотя и цинично, на расистской основе, под идеалы демократии и республиканизма, укоренившиеся в сознании большинства белых американцев. Выступая в отличие от Фицью за разделение на свободных и рабов исключительно по расовому признаку, они должны были уделить особое внимание разработке расистской доктрины.

Профессор Дью развил тезис: негры обладают очевидными признаками низшей расы, а потому именно им и предопределено быть рабами, в то время как белая раса в целом является высшей, а потому именно ее представители и составляют правящий класс. Идеологи рабства, подхватившие этот тезис, поначалу обосновывали его с помощью преимущественно исторических аргументов: доказывалось, например, что негры на протяжении всей истории человечества ни разу не проявили способности самостоятельно выйти из варварского состояния.

Проследите за историей Африки, восклицал Симмс, "Лопе де Вега" южных штатов, и вы убедитесь, что, будучи предоставленными сами себе, черные варвары были обречены на один-единственный выбор: или поедать своих собратьев или быть съеденными самим! Рабство, по его убеждению, оказалось единственным способом спасения для неполноценной черной расы: будучи вывезенными в Америку и оказавшись под опекой цивилизованной белой расы, дикие африканские негры были "одомашнены", стали все больше подражать своим хозяевам, превращаясь хоть в какие-то подобия человеческих существ. Возможно, замечал Симмс в одном месте своего литературно-философского трактата "Мораль рабства", негры с помощью белых учителей добьются таких успехов в усвоении норм цивилизованных людей, что им вновь будет предоставлена свобода. Но уже в следующем предложении он отверг эту крамольную идею²³. Подобно другим расистам, Симмс сохранил веру в то, что превращение негров в высшую расу было бы возможно только при условии обращения их в белых людей, а это исключалось в силу законов природы.

Симмс описывал различия между расами очень красочно, но все же оставался в этом вопросе, так сказать, дилетантом. Куда как более аргументированно рассуждали те профессиональные биологи, психологи, физиологи, которые выступили в 50-е годы XIX в. в качестве особой

школы расистской антропологии. Одним из ее признанных лидеров являлся Сэмюэл Картрайт, председатель медицинской ассоциации штата Луизиана. Его заключения и наблюдения стали достоянием всей "новой" антропологической школы и были восприняты рабовладельческой идеологией в целом.

Вещество, определяющее цвет кожи негров, доказывал Картрайт, содержится также в их мозге, нервной системе, мышечной ткани. Оно детерминирует все поведение чернокожих, в том числе их специфические болезни, к которым Картрайт относил, в частности, "мошенничество", и "склонность к побегам". Согласно одному из выводов Картрайта, физиологические особенности чернокожих позволяли им работать под изнуряющим солнцем, которого не выдержит ни один белый. Подобные выводы буквально наводнили сочинения расистских авторов. Одна романистка из южных штатов доказывала, например, что ни один белый хозяин не мог ударом кулака сбить негра на землю и тем более лишить его чувств, как это утверждалось в произведениях аболиционистов, ибо кожа и мышечная ткань черных обладали такими свойствами, что о них должен был разбиться кулак любого белого²⁴.

Среди расистских идеологов велись оживленные дебаты о том, была ли черная раса неполноценной по происхождению, в силу естественных причин, или же она стала таковой в результате длительной эволюции. Долгое время преобладала та точка зрения, основывающаяся на Священном писании, что человечество, все его расы имели общее происхождение. Ее сторонники доказывали, что разделение на расы происходило постепенно под воздействием в первую очередь климатических и естественногеографических условий. Обретенные белой и черной расами биологические, психологические и иные различия объявлялись неискоренимыми.

В 40–50-е годы укореняется, распространяется и становится господствующей другая точка зрения, обосновывающая разное происхождение человеческих рас. Ее наиболее известным выразителем стал Джошуа Нотт, антрополог из Нового Орлеана. Заявив, что подлинный ученый не может основывать свои суждения на Ветхом и Новом заветах, Нотт предложил обратиться к другим, еще более древним источникам, доказывавшим якобы, что черная и белая расы были разделены изначально. К таким источникам он относил, в частности, древнеегипетские скульптуры, которые, по его убеждению, ясно свидетельствовали о наличии уже в тот период "белой и черной рас". Негры, по Нотту, принадлежали к наиболее варварским племенам, которые могли принести какую-то пользу цивилизации, только будучи обращенными в рабство. Антрополог-расист, любивший выступать в массовых аудиториях, стремился иллюстрировать свои доводы доступными примерами, особенно часто напоминая слушателям, что у негров не было даже собственного алфавита²⁵.

В письмах к единомышленникам Нотт хвастался, что его идеи разделяет все большее число южан и что в конце концов они станут всеобщим убеждением в южных штатах. Действительно число оппонентов Нотта на Юге постепенно уменьшалось. Идеологи расизма отвергли библейский

догмат об едином источнике происхождения человечества и восприняли ту идею, что негры среди прочих низших существ были сотворены раньше "белокожих" Адама и Евы. Дольше всех сопротивлялся расистским идеям Фицью, но и он должен был в 1861 г. согласиться, что по "естественному праву" в рабство могла обращаться только "неполноценная" черная раса.

А наиболее известным и авторитетным выражением расистского мировоззрения южных штатов стало выступление отца-основателя рабовладельческой конфедерации Александра Стеффенса в 1861 г. "Многие государства, – декларировал он, – основывались на принципе подчинения и обращения в рабство определенных классов той же самой расы, что находилось в противоречии с законами природы. Но в нашем государстве все представители белой расы, из низших или высших слоев, богатые или бедные, равны перед законом. Совершенно иное положение с неграми. Рабство – вот их место. По законам природы и бога негры годятся для той роли, которую они выполняют в нашей системе... краеугольным камнем нашего государства является та великая истина, что негр не равен белому человеку и что рабство – подчинение высшей расе – является его естественным и нормальным состоянием"²⁶.

Для идеологов рабства неизменно актуальным оставался вопрос об отношении к заветам Американской революции 1776 года. Очень долго они разделялись на две группы: одна наследие революции резко отвергала, другая пыталась приспособить его к интересам плантаторского класса.

Позиция первых была в категоричных выражениях высказана еще в 1792 г. южнокаролинским плантатором Тимоти Фордом, заявившим в ходе обсуждения конституции штата, что идеи об естественном состоянии и естественных правах, свободе и равенстве всех индивидуумов являлись не более чем теоретической выдумкой, не встречались ни разу в человеческой истории со времен Адама и Евы. В 1826 г. (год кончины Томаса Джефферсона. – В.С.) в том же духе высказался известный виргинский политик Джон Рандольф, назвавший принципы Декларации независимости беззастенчивой ложью. Губернатор Южной Каролины Хаммонд, добившийся наибольшего политического влияния в 30–40-е годы, утверждал, что человек уже в самый момент рождения, как только раскрывает глаза, расстается с так называемым естественным состоянием и оказывается в гражданском обществе, обремененном всевозможными обязанностями и ограничениями. Среди южных плантаторов широко распространилось мнение, что принципы Декларации независимости были только пропагандистскими абстракциями, призванными привлечь на сторону революции американцев, но не предназначенными для практического воплощения, а ее автор Томас Джефферсон был опасным фантазером, попавшим под влияние просветителей-радикалов из Западной Европы²⁷.

Другая, более влиятельная группа южных политиков и идеологов, пришла к разделению естественных прав белой и черной рас, объявила республиканизм, равенство и свободы уделом одних белых американцев, а негров обрекла на вечное рабство. Но и эта группа не испытывала

доверия к Декларации независимости, приравненной к пропагандистской абстракции, и противопоставила ей федеральную конституцию 1787 г. как реальный, практический общественный договор. Была выдвинута идея о том, что, поскольку конституция является договором между белыми людьми, ее принципы ни под каким видом не могли быть распространены на чернокожих. Конституция неизменно определялась как компромисс между свободными и рабовладельческими штатами, санкционировавший рабство и сделавший его неподвластным ни федеральному правительству, ни тем более северным штатам. На этом основании аболиционистская пропаганда, петиции в Конгресс, как, конечно, и практическая деятельность противников рабства объявлялись антиконституционными, подлежащими безусловному запрету.

На самом рабовладельческом Юге аболиционистская пропаганда была искоренена практически полностью. Во всех южных штатах (за исключением Кентукки) были приняты законы, запрещавшие устные и печатные выступления против рабства и резко ограничившие тем самым свободу слова и печати, провозглашенную в первой поправке к федеральной конституции. Отвергая первую поправку к федеральной конституции, власти южных штатов обосновывали свои действия ссылкой на 10-ю поправку, гласившую: "Те полномочия, которые не переданы Соединенным Штатам настоящей Конституцией и пользование которыми не возбранено ею отдельным штатам, остаются соответственно за штатами или народом". Первая поправка, утверждали защитники рабства, запрещала ограничивать свободу слова и печати Конгрессу США, а не законодательным собраниям штатов.

Южные штаты особенно ужесточили законы против критиков рабства в канун Гражданской войны. В 1848 г. в главном южном штате, Виргинии, был принят закон, каравший тюремным заключением сроком на один год и штрафом 500 долл. каждого, кто доказывает устно или письменно, что владельцы не обладают правом собственности на рабов. А власти Луизианы за разговоры, "имеющие тенденцию" поощрять недовольство среди свободных негров или неповиновение среди рабов, установили суровое наказание – от каторжных работ (сроком не менее 21 года) до смертной казни.

Критические голоса в отношении рабства, имевшие место на Юге, свелись в конечном итоге к осуждению наиболее одиозных форм эксплуатации рабов и обращения с ними. Критика эта развивалась в рамках концепции патриархального рабства, наиболее полно обоснованной Фицью. Ее выразители предлагали такие реформы, как запрещение раздельной распродажи семьи раба, предоставление рабам права жаловаться в суд на жестокое обращение со стороны хозяев и принудительный выкуп у рабовладельцев – самодуров чернокожих невольников, привлечение белых к уголовной ответственности за изнасилование негритянок и т.д. Всем этим реформам суждено было оставаться, как правило, на бумаге, так что, по заключению авторитетных американских историков, в 1860 г. правовое положение американских негров оставалось таким же тяжелым, как и 30 лет до этого²⁸.

По мере приближения Гражданской войны число защитников патриар-

хального рабства сокращалось. Силу в планаторских кругах набирали эстремисты, решительно настаивавшие на возобновлении ввоза в Соединенные Штаты рабов, распространении рабства на все новые и новые территории, ужесточении репрессивного режима в отношении черных невольников, пресечении любой критики социальных и политических порядков на Юге. Все активнее высказывалась идея о существовании Юга как автаркии, развивающей собственную промышленность, торговлю, финансы, изолирующей себя от капиталистического северо-востока. В рабовладельческом мировоззрении оформляется доктрина исключительности и избранности иерархического рабовладельческого общества, представляющего особую, антагонистическую в отношении северо-восточных штатов систему. Она получает практическое воплощение в начале 1861 г., когда 11 рабовладельческих штатов объявили о выходе из североамериканского государства и образовании так называемых Конфедеративных Штатов Америки, а затем развязали военные действия против центрального правительства. Антагонизм Севера и Юга перерос в Гражданскую войну.

"Свободная земля, свободный труд, свободные люди!"

Северные штаты, искоренившие у себя рабство в революционный период, казалось бы, должны были задохнуться в едином государственном союзе с попиравшей их идеалы рабовладельческой системой. В действительности же на протяжении нескольких десятилетий после Американской революции они вполне мирно сосуществовали с плантаторами, шли на всевозможные политические и идейные компромиссы.

Образцы антирабовладельческой критики, продемонстрированные в годы Американской революции Франклином, Пейном, Рашем, оставались недостижимыми для северян вплоть до 1830 г. Только тогда в Соединенных Штатах, их северной части, происходит ренессанс демократической антирабовладельческой идеологии. До того же в критике рабства в северных штатах преобладал умеренный подход, соседствовавший подчас с откровенно консервативными настроениями по отношению к черным американцам у себя дома.

Знаменитый француз, граф Алексис де Токвиль, посетивший в 1831 г. Соединенные Штаты и написавший потом восторженную книгу "Демократия в Америке", должен был, однако, констатировать, что рабство оказалось настоящим камнем преткновения для демократических порядков в Новом Свете. Токвиль возмущался рабовладельческим строем Юга, но еще больше поразило его то, что белые и черные представляют две отдельные касты – высшую и низшую – в свободных северных штатах. Формально, отмечал Токвиль, гражданских и политических прав чернокожих на Севере никто не отрицает, но фактически у негров нет возможности воспользоваться ими. По заключению французского путешественника, чернокожие в северных штатах были совершенно бесправны, а отношение к ним белых заключало в себе даже больше предрассудков и презрения, нежели в штатах, где господствовало рабство.

Перспектива взаимоотношений белой и черной рас рисовалась Токвиллю в мрачном свете: рабство в Америке, по его убеждению, в конечном итоге будет отменено, но за этим неизбежно последует кровавая межрасовая война, в результате которой свободные негры будут или истреблены или выселены в резервацию на юге США²⁹

Но не сгустил ли Токвилль краски, вынося столь мрачные оценки положению черных в свободных штатах, где в 1820–1830-е годы продолжалось прогрессивное развитие политической демократии, сопровождавшееся, в частности, отменой избирательных цензов для белого населения? Вопросом этим задавались и американские историки, и многие из них, в том числе и признанные авторитеты, приходили к выводу, что Токвилль не только не преувеличил, но в чем-то и преуменьшил тяжесть положения чернокожих американцев в свободных штатах.

Современный историк Л. Литвак, лауреат премии Пулитцера, в недавнем прошлом президент Организации американских историков, в книге "Север рабства" показал, что в первой половине XIX в. в свободных штатах сохранялось не только фактическое неравенство негров, но происходило постоянное сокращение их формальных юридических и политических прав, провозглашенных в революционный период. Практически во всех свободных штатах черные американцы путем всевозможных ухищрений были лишены избирательных прав, местные законодательные собрания разрабатывали постановления, ограничивавшие или вовсе запрещавшие въезд негров на их территории, на Севере повсеместно запрещались межрасовые браки, для белых и черных устанавливалось раздельное обучение, посещение церквей и т.д.³⁰ Свободный Север утверждал систему, известную впоследствии как расовая сегрегация.

Откровенно враждебное отношение властей свободных штатов к их чернокожим гражданам ярко запечатлелось во всевозможных переписях и цензах, которые сознательно и изощренно фальсифицировались с тем, чтобы представить негров в качестве неполноценной расы, совершенно непригодной к свободе. Например, согласно шестой переписи населения Соединенных Штатов, проводившейся в 1841 г. и впервые включившей пункт, призванный выявить "психически неполноценных и идиотов", таковых среди свободных негров Севера оказалось в 11 раз больше, чем среди негров-рабов Юга.

В 1844 г. Д. Кэлхун, опираясь на эти и другие "неоспоримые источники", которые поставляли местные власти северных и южных штатов (фальсификацией занимались и те, и другие), громогласно объявил, что свободные негры были обречены на неизбежную деградацию. Заявление Кэлхуна было, правда, эффектно развенчано массачусетским психиатром Э. Джарвисом, доказавшим, что в его родном штате переписчики, не скупясь, вносили чернокожих в списки "психически неполноценных и идиотов" даже в тех районах, где не проживало ни одного негра³¹ Но подобные разоблачения тогда было немного, и статистические данные, поставляемые властями северных штатов, давали возможность идеологам плантаторов наносить чувствительные удары по критикам рабства. Южане отмахивались от аболиционистов-северян, как от назойливых мух: "Займитесь-ка лучше эмансипацией своих свободных негров!"

Политические лидеры северных штатов между тем отнюдь не намеревались предоставлять чернокожим гражданские права: решение негритянской проблемы они связывали с полным разделением белой и черной рас посредством вывоза всех негров в Африку или Латинскую Америку. Идея удаления негров из Соединенных Штатов почти безраздельно господствовала и в антирабовладельческом движении Соединенных Штатов в первой трети XIX в. Кто-то усомнится в том, можно ли подобное движение называть антирабовладельческим, но дело в том, что оно действительно нацеливалось на постепенную отмену рабства. Его представители в чем-то, например в вопросе о биологической полноценности черной расы, выступали с более передовых позиций, нежели даже Джефферсон. Но при всем том их антирабовладельческая критика венчалась в конечном итоге выводом: совместное проживание белых и черных невозможно, последние должны быть вывезены из Соединенных Штатов.

Сторонники вывоза черных в Африку объединились вокруг Американского колонизационного общества возникшего в 1817 г. Эта организация развернула весьма активную пропагандистскую деятельность: идеологи общества подчеркивали, что они приемлют только постепенную отмену рабства и исключительно на добровольной основе, с согласия и по воле самих плантаторов. В 1830 г., отвечая на протест плантаторов Южной Каролины по поводу деятельности общества, они заверили рабовладельцев, что, безусловно, чтут их священное право на частную собственность, как и суверенитет штатов, и особо подчеркнули, что движение за отмену рабства озабочено не судьбой черных, а здоровьем белой расы и, конечно же, сохранением социального мира в американских штатах. Альтернативой освобождению и возвращению чернокожих на прародину, предупреждал орган общества "Африкэн репозитри", могут стать кровавые восстания черных рабов, к которым не преминут примкнуть свободные негры из северных штатов. Последствия трудно было предсказать, но вполне реальным был крах белой цивилизации.

Если для южных штатов, согласно программе колонизационного общества, актуальной являлась цель постепенной и добровольной отмены рабства, то для северных штатов насущной задачей оставалась практическая организация возвращения всех свободных негров в Африку. По убеждению лидеров общества, дальнейшее проживание свободных негров в Америке было губительно для самого чернокожего населения. Пропагандисты общества отыскивали не только факты, раскрывающие бедственное положение черных рабов, но все чаще и чаще свидетельства деградации негров в свободных штатах.

Представители колонизационного общества, отвергая идею биологической неполноценности негров, тут же доказывали, что чернокожие обречены на прозябание и деградацию как на Юге, так и на Севере Соединенных Штатов в силу социальных причин, абсолютно неравноправного положения. Один из наиболее известных сторонников депортации негров К. Колтон в книге "Американцы", изданной в 1833 г., прямо указывал, что черные деградируют и превращаются в "неполноценные

существа" по той же причине, что и белые пауперы в Англии. "Африкэн рипозитэри" также протестовал против попыток южных антропологов рассматривать негров как "связующее звено между обезьянами и людьми"³². Отвергая идеи биологической неполноценности черных и подвергая критике антигуманные условия существования, в которые поставила их Америка, участники колониционного общества всячески отводили от себя обвинения в расизме и выступали в качестве защитников интересов и прав черных американцев. Но почему, осудив неравноправные условия существования чернокожих, они не выдвигали, казалось бы, логичную цель исправления этих условий?

Цель эта, как вытекало из разъяснений Американского колониционного общества, являлась в условиях США не более чем благим пожеланием, прекраснородушной утопией. Стена, разделявшая белых и черных, объявлялась нерушимой по причине неискоренимых предубеждений белых американцев. Белые не были способны воспринять негров в качестве равных и подобных себе, во-первых, в силу прочно укоренившегося отношения к ним как низшему, рабскому сословию, а во-вторых, из-за неистребимого черного цвета кожи. Психологическая несовместимость белых и черных, подчеркивали сторонники депортации последних, отнюдь не означала, что негры были неполноценными существами, неспособными достичь цивилизованного образа жизни, но она требовала определения разумных способов раскрепощения способностей чернокожих. К таковым и относилось разделение черной и белой рас и возвращение негров уже в качестве свободных людей на прародину.

Программа колониционного общества была воспринята многими политическими группами свободных штатов, в том числе партией вигов, выступившей в 20–40-е годы в качестве главной выразительницы интересов буржуазии. Признанный лидер вигов Генри Клей, пропагандировавший вслед за Гамильтоном развитие в Америке банков, фабрик и мануфактур, строительство дорог и каналов, в отличие от своего знаменитого предшественника был сторонником переселения всех негров в Африку. Выпестованная им идеологическая схема, получившая название "Американской системы", предполагала победу капиталистического строя как расово однородного общества.

Если Клей и его единомышленники все же увязывали идею переселения негров в Африку с заботой о полнокровном обеспечении прав чернокожих, то лидеры другой ведущей политической партии, демократов, не считали нужным скрывать своих расовых предрассудков. В отличие от вигов Демократическая партия выступала от имени простого народа, фермеров и рабочих, а ее лидер, Эндрю Джексон, клеймивший привилегии банкиров и капиталистов, провел в конце 20-х – начале 30-х годов, будучи президентом США, ряд прогрессивных экономических и политических мер. Но все они несколько не облегчали положения чернокожих. Многие идеологи партии из свободных штатов, защищая "простого человека" и резко протестуя против привилегий "верхов", прямо указывали, что джексоновская демократия рассчитана только на белых. При этом бесправное положение негров обосновывалось ими с

помощью расистских аргументов, подчас неотличившихся от тех, которыми пользовались южные рабовладельцы.

Распространившееся среди белого населения северных штатов отношение к черным, как к чужеродной расе, подлежащей выселению в Африку, делало крайне затруднительной, а то и невозможной защиту их прав с гуманистических и демократических позиций. Вряд ли будет преувеличением сказать, что такая защита была равнозначна идейному и гражданскому подвигу. Человеком, которому такой подвиг оказался по плечу, стал Уильям Ллойд Гаррисон, решительно провозгласивший в 1831 г. в первом же номере созданной им газеты "Либереитор" цель беспромедлительной отмены рабства и обеспечения чернокожим равных с белыми гражданских прав в самих Соединенных Штатах. Выступление Гаррисона означало рождение нового антирабовладельческого движения, вошедшего в историю под именем аболиционизма.

Гаррисон родился в 1805 г. в бедной рыбацкой семье в небольшом городке в штате Массачусетс. С детства он обучался разным профессиям: был учеником сапожника, столяра, наборщика, газетного издателя, а по достижении совершеннолетия решил связать себя с издательским делом и журналистикой. Выбору юности способствовали очевидные литературные способности: уже в 17 лет он публиковал газетные статьи, привлекавшие глубоким проникновением в суть предмета, отточенным стилем, вызывавшие повышенный интерес общественности.

К 25 годам у Гаррисона уже имелся опыт самостоятельного издания четырех газет, причем каждый раз он затевал дело в одиночку, почти без помощников, так как в совершенстве владел профессиями журналиста, издателя, типографского наборщика. Все его газеты были злободневны и демократичны, проповедуя освобождение рабов, женскую эмансипацию, распространение образования среди народа. Общественные пристрастия его были многообразны, но Гаррисон решил сосредоточиться на одной-единственной проблеме – уничтожении рабства, ибо в ней, по его убеждению, была сосредоточена судьба американской свободы.

Выбор этот был опасен, в чем Гаррисон убедился еще в 1829 г., когда его на несколько недель заключили в бостонскую тюрьму по обвинению в клевете на местного судовладельца. И это несмотря на то, что статья Гаррисона, изобличавшая судовладельца в нелегальной торговле рабами, содержала неопровержимые улики.

Первые выпуски Гаррисоном в 1831 г. новой газеты "Либереитор" прозвучали как гром среди ясного неба: в них содержался дерзкий вызов давно устоявшимся и, казалось бы, непоколебимым представлениям об отношениях белых и черных в Америке. Начать с того, что он подверг сокрушительной критики колониционное общество и его многочисленных сторонников как фактических пособников рабства. В позиции колониционного общества, доказывал Гаррисон, не было абсолютно ничего гуманного: его сторонники были проникнуты эгоистической заботой о белой Америке, в то время как всепоглощающей целью антирабовладельческого движения должно стать бескомпромиссное, без всяких условий и оговорок, освобождение черных рабов, как и обеспечение свободным неграм абсолютно равных условий существования с белыми

американцами. Свободный, обеспеченный всеми юридическими и политическими правами, всеми необходимыми источниками существования черный гражданин демократической Америки – вот высшая ценность в глазах аболиционистов!

Гаррисон бесстрашно объявил также, что на пути к этой цели в равной степени злом являются и рабовладельческая идеология плантаторского класса, и расистские предрассудки жителей свободных штатов. Аболиционизм должен был развенчивать как южных рабовладельцев, так и расистов из северных штатов.

Реакция расистов как на Юге, так и на Севере последовала незамедлительно. Законодательное собрание рабовладельческой Джорджии после первых же выпусков "Либерейтора" назначило огромное вознаграждение в 5000 долл. за доставку Гаррисона в этот южный штат, где он должен был быть осужден как государственный изменник. В Массачусетсе, родном штате Гаррисона, как зажиточные, так и простые граждане устраивали повсеместно акты сожжения номеров "Либерейтора", а заодно и чучела его издателя. Самые горячие головы не прочь были осуществить над ним и физическую расправу. Однажды-таки бостонская толпа захватила Гаррисона, протащила его на веревке – под улюлюканье и нецензурные оскорбления обывателей! – по всем улицам города и готова была уже забыть, разорвать и затоптать его, но спасительное для аболициониста вмешательство мэра не позволило толпе покончить с аболиционистом.

У Гаррисона, однако, обнаружили не только противники и недоброжелатели, хотя поначалу таковых было подавляющее большинство. Гораздо более удивительным было то, что у него нашлось и немало почитателей, среди которых преобладали верующие. В Гаррисоне их привлекал убежденный в своей правоте проповедник, блестяще использовавший для защиты гуманных идеалов как Джефферсона, так и Библию (а издатель "Либерейтор" и сам был человек верующий). Он увлекал сочувствующих и как блестящий оратор: один из его учеников вспоминал, что, услышав впервые Гаррисона, не мог удержаться, чтобы не воскликнуть: да это же прорицатель, пророк, он потрясет мир до основ! Но главная причина того, что передовые американцы пошли за Гаррисоном, состояла все же в другом: они, как выяснилось, уже заждались такого пророка, они изрядно устали от лицемерных "антирабовладельческих" программ колонизационного общества. Чтобы их взбудоражить, поднять на борьбу, недоставало одного – смелого до отчаянности, готового пожертвовать собой лидера с радикальными идеями. Им и стал Гаррисон.

Уже в 1833 г. Гаррисону удалось созвать съезд представителей свободных штатов, разделявших его лозунг немедленного и безусловного освобождения всех рабов. На съезде в Филадельфии собралось 63 человека из 12 штатов, заявивших о создании Американского антирабовладельческого общества. Была принята программа – Декларация принципов, отличавшаяся четкими целями³³.

Рабство объявлялось моральным и политическим злом, противоречившем установлениям Бога, естественным законам, принципам Декла-

рации независимости о равных и неотчуждаемых правах всех людей на жизнь, свободу, стремлению к счастью. Эти принципы предстояло распространить и на черное население, которое надлежит наделить абсолютно равными с белыми гражданскими и религиозными правами и свободами. Долгом белых, верных заповедям Христа, Декларации независимости и республиканизма, объявлялась борьба за моральное и религиозное возрождение чернокожих, за уничтожение всех и всяческих расовых барьеров и предрассудков. Цели колониционного общества осуждались как расистские.

Решительно отвергались схемы постепенной отмены рабства, имевшие в основе тот аргумент, что невольники могли безболезненно вдыхать воздух свободы только после длительного подготовительного этапа. Белая Америка должна была научиться относиться к черным, как к самой себе, Соединенные Штаты должны были развиваться как единое и неделимое сообщество³⁴. С высоты сегодняшнего дня можно утверждать: это была программа не на год, не на десятилетие и даже не на столетие. Ее идеалы не утратили актуальность по сегодняшний день, и не будет преувеличением сказать, что в негритянском вопросе передовая Америка на протяжении вот уже более полутора столетий действует по заветам Гаррисона.

К 1840 г. в США уже насчитывалось более 200 антирабовладельческих обществ, объединявших около 250 тыс. человек. Между ними наметились уже и различия, порой весьма серьезные, в аболиционизме развивалось несколько течений, но все они питались одним истоком – идеями Гаррисона. 1830-е годы в американском антирабовладельческом движении можно по праву именовать десятилетием Гаррисона.

Программа Гаррисона не была лишена противоречий, некоторые ее положения даже исключали друг друга. Консервативные и многие либеральные историки впоследствии объявляли его фанатиком якобинского толка, догматиком, неспособным к достижению национального согласия в важнейшем политическом вопросе. Леворадикальные и марксистские авторы критиковали Гаррисона уже за мелкобуржуазную ограниченность, неспособность за противоречиями капитализма и рабства разглядеть внутренние противоречия буржуазного строя и отразить классовые интересы пролетариата. Досталось ему от исследователей левого толка и за преклонение перед теорией непротivления злу насилием и соответственно за пренебрежение революционными способами борьбы с рабством. Все эти "недостатки" и противоречия были присущи Гаррисону, но если абсолютизировать их и тем более вырвать из исторической эпохи, в которую он жил и творил, можно серьезнейшим образом исказить его подлинную историческую роль.

Одной из главных в мировоззрении Гаррисона была концепция перфекционизма: согласно ей Бог наделил человека способностью к самосовершенствованию, и эта способность являлась залогом уничтожения всех пороков, в том числе и рабства. Усилия аболиционистов поэтому должны были быть направлены на проповедь очищения и самосовершенствования представителей всех классов: рабовладельцы в результате должны были добровольно освободить рабов, а чернокожие

американцы раскрыть в полной мере свои способности и доказать на практике, что они достойны равных с белыми гражданских и политических прав.

Концепция перфекционизма приводила Гаррисона к идее отстранения от политической борьбы и государственной деятельности. Все государственные и политические институты, доказывал он, созданы тогда, когда человек пребывал в греховном состоянии и были направлены на укрощение его пороков. Поэтому как только самосовершенствование людей достигнет достаточно высокой ступени, необходимость в государстве и политических институтах отпадет сама по себе. Борьба с государственными институтами являлась, следовательно, бессмысленной тратой времени. Отсюда вытекал еще один принцип Гаррисона – использование аболиционистским движением ненасильственных методов и тактики непротivления властям³⁵.

Концепции перфекционизма, ненасильственных методов, непротivления властям не были изобретением Гаррисона: возникнув намного ранее, нежели к ним обратился американский аболиционист, они и намного пережил его, оставаясь в мировоззренческом арсенале человечества по нынешний день. Чем же объяснить их живучесть, несмотря на весь присущий им, как кажется критикам, утопизм? Случай с Гаррисоном представляет одну из конкретных исторических причин обращения к этим идеям: американский аболиционист жил в самом демократическом по меркам того времени государстве, где были провозглашены многие свободы, но одновременно сохранялось и отвратительное порождение человечества – рабство. Разве это не давало основание для вывода, что зло заключено не в государственных установлениях, а в самой природе человека, которая и должна быть усовершенствована? Именно так и рассуждал Гаррисон.

Гаррисон никогда не абсолютизировал значения перфекционизма, ненасилия и непротivления, хотя и придавал им принципиальное значение в мировоззренческом плане. Тактические средства аболиционизма и его цели, доказывал он, должны объединить вокруг себя всех, кто верен заповедям Христа. В борьбе с рабством хороши разнообразные средства: это и бойкот законов, санкционирующих рабство и ограничивающих права свободных черных, это и подача антирабовладельческих петиций в законодательные органы, это и поддержка депутатов – противников рабства, это и "сегрегация наоборот" – отказ от деловых, политических, религиозных и прочих контактов с рабовладельцами и расистами³⁶.

Долгое время Гаррисон исключал из средств борьбы с рабством только лишь насилие, но после антирабовладельческого восстания Джона Брауна 1859 г., закончившегося кровавой расправой с бунтарями, он пришел к оправданию революционного насилия. Почему, спрашивал он своих единомышленников, слепо следовавших доктрине непротivления злу насилием, белые американцы и досточтимые отцы-основатели Вашингтон и Джефферсон использовали право на революционное насилие, когда были исчерпаны мирные средства борьбы за американскую независимость, а черные американцы и их сторонники в аналогичной ситуации не могут воспользоваться этим правом?³⁷

Одной из самых противоречивых идей Гаррисона являлась трактовка американской Конституции 1787 года как прорабовладельческого документа. Эта идея была высказана им еще в 30-е годы, но на ведущее место в его мировоззрении она выдвинулась в 40-е и особенно в 50-е годы. Именно тогда выявилась тщетность законодательных попыток не только запретить, но даже как-то ограничить рабство, интересы которого в нескольких случаях брались под защиту в федеральной конституции. Конституция США, воплощавшая компромисс свободных и рабовладельческих штатов, стала определяться Гаррисоном как "договор со смертью и соглашение с дьяволом". В 1854 г., когда Конгресс США пошел на очередную уступку рабовладельцам, санкционировав образование рабовладельческих штатов на территории, объявленной по компромиссу 1820 г. вотчиной свободных штатов, Гаррисон в присутствии 3 тыс. аболиционистов организовал акт сожжения федеральной конституции. Когда "соглашение с дьяволом" обратилось в пепел, толпа по знаку Гаррисона произнесла торжественно непреклонное "аминь".

Осудив конституцию, Гаррисон пошел еще дальше: поскольку, доказывая он, уничтожение рабства при наличии федеральной конституции и политического союза с рабовладельцами невозможно, постольку свободные штаты должны пойти на разрыв с рабовладельцами и образование собственного государства. Гаррисон пророчил скорый крах в этом случае рабовладельческого государства, а вместе с ним и рабства, так как южные штаты, основывавшиеся на отсталой аграрной экономике, не могли выжить без промышленных товаров, финансов и банков Севера³⁸.

Эта максималистская идеологическая установка не мешала Гаррисону в практической деятельности поступать сообразно обстоятельствам, избегая скатывания на сектантские позиции. Так, он оказывал моральную поддержку образовавшейся в середине 50-х годов Республиканской партии, хотя та и не шла дальше требования территориального ограничения рабства и уж, безусловно, сохраняла верность федеральной конституции и государственной целостности США. В ответ на недоуменные вопросы своих единомышленников, догматически воспринявших идею разрыва государственных уз с южными штатами, он разъяснял, что Республиканская партия, объединившая в своих рядах массы американцев, остается главной надеждой аболиционистов на будущие успехи в борьбе с рабством и не видеть различия между ней и Демократической партией равнозначно непростительной ошибке³⁹.

При всем том, что Гаррисон не был догматиком, его максималистские стратегические принципы, в первую очередь отрицание возможности разрешения проблемы рабства при сохранении государственного союза с плантаторскими штатами, не могли сплотить вокруг него широких кругов американцев. Гаррисон добился наибольшего влияния в антирабовладельческом движении в 30-е годы, после этого большинство аболиционистов предпочло поиск иных способов достижения провозглашенных им целей.

Заслугой же Гаррисона осталось то, что он бескомпромиссно сформулировал эти цели: безотлагательное освобождение рабов, полное уравнение их с белыми, интеграция чернокожих в американское обще-

ство. Аболиционист первым твердо провозгласил: до тех пор пока американская республика и конституция санкционируют рабство, они не могут считаться демократическими, до тех пор пока в Америке сохраняется расизм, она не может считаться цивилизованным обществом. Он подвергал бескомпромиссной критике тех европейских демократов и революционеров, например венгра Лайоша Кошута, которые в восхищении и преклонении перед республиканскими и демократическими принципами белой Америки закрывали глаза на черное рабство⁴⁰. Расистская демократия не имеет права называться демократией – этот завет Гаррисона приобрел непреходящее историческое значение.

Среди учеников и последователей Гаррисона, избравших впоследствии самостоятельную дорогу в аболиционистском движении, были и радикалы, и умеренные. К первым относился и Фредерик Дуглас, бывший раб, ставший признанным лидером черных аболиционистов. Дуглас бежал из неволи на Север в 1838 г. при помощи "Подземной железной дороги" (аболиционистской организации, помогавшей неграм бежать из рабства) и уже очень скоро сошелся с Гаррисоном. Он воспринял как откровение критику Гаррисоном колониционного общества и сам развернул активную критику общества среди тех чернокожих, кто уверовал в идею возвращения в Африку.

Под воздействием Дугласа негритянские съезды в Иллинойсе, Массачусетсе, Калифорнии, других штатах осудили план депортации и присягнули цели достижения равных прав черных и белых в самой Америке. Гаррисон высоко ценил таланты своего черного ученика, восхищался его ораторскими способностями, а на одном из митингов аболиционистов после выступления Дугласа воскликнул, будучи не в состоянии скрыть своего восторга: "Кого же мы слушаем: вещь, частную собственность или человека?" Ответом было многогласное: "Человека!"

И все же пути Дугласа и Гаррисона разошлись. Случилось это в начале 50-х годов, когда Дуглас осудил идею учителя о разрыве государственных уз с южными штатами. Этот шаг, доказывал он, обрекает черных рабов на полный произвол со стороны плантаторов, он на руку рабовладельцам-экстремистам, мечтающим освободиться от критического ока свободных штатов. Дуглас перешел к решительной защите политических методов борьбы с рабством и оправданию вооруженного сопротивления новым прорабовладельческим законом, в частности закону о беглых рабах. Тот, кто содействует возвращению негров в рабство, провозглашал Дуглас, лишает их свободы, добытой с риском для жизни, и заслуживает физической расправы; защита неграми своей свободы с помощью силы угодна Богу⁴¹. Гаррисон оказался тогда не готовым воспринять новые принципы, выдвинутые Дугласом и другими радикалами: между учителем и учениками пролегла пропасть.

Радикалов среди последователей Гаррисона было все же меньшинство, а большая часть аболиционистов предпочла умеренную линию мирных и поэтапных политических мер борьбы с рабством. Именно они и определили магистральную линию антирабовладельческого движения в 50-е годы. Умеренные аболиционисты намеревались использовать в качестве главного средства борьбы с рабством не что иное, как федеральную

конституцию, отвергнутую Гаррисоном как прорабовладельческий документ. Но если Гаррисон указывал на формулировки конституции, освящающие рабство, то его оппоненты развивали те положения основного закона страны, которые прямо противоречили рабовладению.

Разве не отвергает рабство, вопрошали они, та статья конституции, которая гарантирует каждому штату республиканскую форму правления: республиканская форма предполагает равенство всех перед законом, что, совершенно очевидно, исключает рабство. А разве совместима с рабством та статья, которая гласит, что ни одно лицо не может быть лишено жизни, свободы и собственности без надлежащего судебного обвинения? Или как можно согласовать с рабством естественноправовые принципы конституции? Наконец, утверждали защитники конституции, нельзя не учитывать, что она была принята людьми, мечтавшими об отмене рабства, следовательно, она не могла быть прорабовладельческим документом. И еще один аргумент конституционалистов: поскольку рабство – порождение законов, постольку оно может быть отменено также при помощи законов. Законы же эти должны быть проведены через Конгресс, в котором противникам рабства надлежит завоевать большинство мест. С целью проведения в Конгресс своих сторонников умеренными аболиционистами в 1840 г. была создана партия Свободы.

Партия Свободы дебютировала на президентских выборах в 1840 г., собрав 7 тыс. голосов, на следующих выборах ее поддержали около 63 тыс. человек. Голосовавших за партию Свободы было гораздо меньше, нежели всех противников рабства, что объяснялось рядом причин. Часть аболиционистов предпочитала вообще воздерживаться от участия в выборах, а еще большая часть считала возможным бороться с рабством через традиционную двухпартийную систему. В исторической перспективе верным оказался путь, избранный партией Свободы, но он увенчался успехом тогда, когда вызов двухпартийной системе бросила Республиканская партия, возникшая в 1854 г.

Партия Свободы выдвинула разностороннюю критику рабства: оно осуждалось как противоречащее принципам Декларации независимости и конституции, характеризовалось как чудовищная и противоестественная феодальная пристройка к республиканскому фундаменту Соединенных Штатов. Партия осуждала идею выселения негров из США и восприняла гаррисоновский идеал полного уравнения в правах черных и белых американцев. Но в отличие от Гаррисона лидеры партии были сторонниками постепенной отмены рабства, которая должна была быть осуществлена добровольно самими южными штатами⁴².

И все же даже эта умеренная аболиционистская доктрина показалась излишне смелой массе американских избирателей. Партия фрисойлеров, выступившая с оппозицией двухпартийной системе в 1848 г., предпочла еще более смягчить ее. Эта партия, выдвинувшая крылатый лозунг “Свободная земля, свободный труд, свободные люди”, который стал девизом всех противников рабства, в конкретной программе ограничивалась требованием запрета распространения рабства на новые территории. Но и фрисойлеры не смогли реально оспорить позиции двух ведущих партий – вигов и демократов.

То, что оказалось на под силу партиям Свободы и фрисойлеров, удалось Республиканской партии. Дебютировав на национальных политических выборах в 1856 г., она уже в 1860 г. сумела провести в президенты Соединенных Штатов своего кандидата Авраама Линкольна. Было бы явным упрощением объяснять успех Республиканской партии одной привлекательностью ее идеологических принципов и программы. Стремительный рост ее влияния объяснялся, в первую очередь, резким обострением противоречий между южными и северными штатами после того, как Конгресс США в 1854 г. отменил компромисс 1820 г. и признал возможным образование новых рабовладельческих штатов на любой присоединяемой к Соединенным Штатам территории.

Эта мера, собственно, и привела к оформлению Республиканской партии, возникшей в результате слияния партии фрисойлеров, антирабовладельческого крыла партии вигов и части Демократической партии. Республиканская партия шла к своей победе на волне стремительного роста антирабовладельческих настроений, вызванных неприятием экспансионизма южных штатов, но она и сама при помощи разнообразных, в том числе и идеологических средств, способствовала сплочению мощной антирабовладельческой коалиции.

Идеалы Республиканской партии основывались уже на цельном мировоззрении, свидетельствовавшем о зрелости противостоящих планетарам социальных сил. Это мировоззрение включало в себя не только критику рабства, но также обоснование развернутой программы социальных, экономических и политических претензий городской и сельской буржуазии на завершающих этапах промышленного переворота и освоения свободных западных земель. Его выразителями был целый сонм политиков и идеологов, и все же центральной фигурой среди них являлся Авраам Линкольн, с именем которого и связываются прежде всего уничтожение американского рабства и утверждение в США чисто буржуазно-демократического общества.

Линкольн не являлся крупным оригинальным мыслителем, таким, как, скажем, Джефферсон, но таковыми не были и другие стратеги Республиканской партии. Но у Линкольна имелись и оригинальные мысли и доктрины, развивавшие американскую демократическую идейно-политическую традицию применительно к требованиям новой эпохи. В их выдвигании он не уступал другим кумирам свободных штатов. Ведущая роль Линкольна в политических баталиях 50–60-х годов объяснялась и тем, что он, как никто другой, умел соединять смелые, передовые идеалы Республиканской партии и прагматизм, способность и желание подстраиваться под идеологический уровень избирателей, угождать массовому общественному мнению ради достижения политической победы. Мировоззрение Линкольна – эта слепок не только передовой либерально-демократической идеологии, но и раздвоенной социальной психологии избирателей свободных штатов, которым было, с одной стороны, тесно в государственном союзе с рабовладельцами, но с другой – весьма неуютно и в едином общегитии с чернокожими американцами.

Жизненный путь Линкольна свидетельствует, что в первой половине XIX в. возможность переселения простого американца из хижины в

Белый дом еще не превратилась в миф. Линкольн родился в 1809 г. в рабовладельческом Кентукки в семье белых бедняков и с детских лет познал тяжесть грубого физического труда, перепробовав самые разнообразные профессии: сельскохозяйственного рабочего, лесоруба, плотогона на реке Огайо. У него никогда не было возможности приобрести систематическое образование (начальную школу Линкольн посещал только 6 месяцев). Но в отличие от другого знаменитого президента-простолюдина, Эндрю Джексона, до конца жизни не сумевшего избавиться от бесчисленных грамматических ошибок, Линкольн при помощи неустанным самообразования смог приобрести обширные познания в самых разных областях и заслуженно почитался современниками как один из самых эрудированных и утонченных политиков своей эпохи.

Первые плоды самообразования Линкольна – блестящая сдача экзамена по юриспруденции и получение в 20 с небольшим лет должности адвоката в Спрингфилде, столице свободного северо-западного штата Иллинойс. В 23 года он баллотируется в Законодательное собрание Иллинойса, а в 1846 г. занимает место в высшем законодательном органе страны. Через 14 лет он с первой же попытки покоряет высшую политическую вершину страны и становится хозяином Белого дома.

В течение почти четверти века, вплоть до 1856 г., Линкольн, как политик, был связан с партией вигов. В сознании многих американцев виги являлись преемниками федералистов, выразителей финансовых и торгово-промышленных интересов страны, а их лидер Генри Клей – продолжателем дела Александра Гамильтона. Эта общая характеристика не исключала, однако, наличия в партии различных течений, среди них и демократического, претендовавшего на выражение устремлений и чаяний мелких предпринимателей, фермеров, массы городских и сельских тружеников. Линкольн примкнул именно к этому течению, и в его вигском произношении все более отчетливо проступал джефферсоновский акцент.

Демократизм Линкольна отразил как его собственный жизненный опыт, так и те социально-экономические и политические интересы, которые развивались в северо-западных штатах. В отличие от северо-востока, где вигская партия опиралась на финансовые и торгово-промышленные круги, северо-запад вбирал в себя новые, только становящиеся на ноги слои собственников, среди которых преобладало фермерство, состоявшее в значительной мере из вчерашнего пролетариата. Этот новый класс собственников также нуждался в покровительстве со стороны государства, строительстве дорог и каналов, что и объединяло его со старой северо-восточной буржуазией в вигской партии. Но естественно, что социально-политические устремления и принципы мелких собственников северо-запада имели существенные отличия от мировоззренческих установок северо-восточного капитала.

Проявлялись эти отличия и в отношении к рабству. Северо-западные фермеры, купцы, бизнесмены непосредственно сталкивались с плантаторами-рабовладельцами в борьбе за свободные западные территории. Их отношение к рабовладельцам было гораздо более непримиримым, чем отношение северо-восточных финансистов и промышленников. Линкольн

по своему мировосприятию был политическим сыном северо-запада, стремился отстаивать его интересы на национальном уровне, но в качестве национального лидера он должен был утверждать и консенсус разнообразных социальных интересов.

Линкольн выдвигался на передовую позицию в общественно-политической жизни США постепенно, постоянно и порой мучительно преодолевая многие недемократические догмы и предрассудки вигской партии. В начале политической карьеры он нередко выступал в качестве прилежного ученика вигских лидеров: один из центральных мотивов его выступлений в 30-е годы – проповедь послушания законам и властям, строгого соблюдения принятых обществом принципов и правил. Он зачастую некритически повторял социально-экономические принципы Клея и сверх меры демонстрировал свое преклонение перед вождем вигов⁴³. Но в 40-е годы он обретает собственный голос, а в 50-е все чаще и чаще проповедует самые смелые демократические идеалы, развивая и углубляя заветы Томаса Джефферсона.

Линкольн неизменно рассматривал себя как правоверного последователя Джефферсона. Джефферсон был единственным американским отцом-основателем, которому он открыто поклонялся (о Гамильтоне же в сочинениях Линкольна упоминаний практически не встречается) и которого называл “главным действующим лицом революции”, “самым выдающимся деятелем американской истории”. Декларация независимости характеризовалась Линкольном как революционный манифест, пригодный для “всех людей и всех времен”⁴⁴. И в 40-е, и даже в 50-е годы, уже будучи лидером Республиканской партии, он неизменно подчеркивал, что добивается только наиболее полного воплощения в жизнь заветов Джефферсона и Декларации независимости. В действительности, Линкольн не был простым подражателем великого отца-основателя, но сознательно выбирал из его наследия самые радикальные доктрины, а в чем-то шел и дальше них.

Линкольн первым среди политических деятелей своей эпохи указал соотечественникам, что Декларация независимости не содержала в перечне врожденных прав человека владения собственностью. По его убеждению, это отнюдь не было случайностью, а свидетельствовало о том, что Джефферсон считал право собственности второстепенным по отношению к правам на жизнь, свободу, стремление к счастью. Демократическую партию, объявлявшую себя наследницей Джефферсона и в то же время защищавшую естественное и неотчуждаемое право рабовладельцев на “говорящую собственность”, он характеризовал как предательницу заветов отца-основателя. Истинным наследником Джефферсона, по его убеждению, мог считаться только тот, кто ставил права личности на жизнь и свободу выше права собственности и распространял их на всех людей – независимо от их происхождения, пола, цвета кожи⁴⁵.

Линкольн, возвысив права на жизнь и свободу над правом собственности, вслед за тем пошел дальше Джефферсона: в отличие от отца американской демократии он со всей определенностью распространил идею Декларации о равенстве всех людей перед Богом и законом на представителей черной расы. На первый взгляд, в этом не было ничего

сверхординарного: ведь принцип равных естественных прав людей, провозглашенный в Декларации, логически предполагал такой вывод. Но в Америке первой половины XIX в. (так же как, впрочем, и в эпоху отцов-основателей) поступить в соответствии с данной логикой было совсем непросто, а для лидера ведущей политической партии, претендовавшего на роль президента буржуазно-рабовладельческой республики, это было необычайно смелым, радикальным шагом.

С годами Линкольна все более и более привлекала джефферсоновская концепция политической демократии: он подчеркивал верховенство народного суверенитета, защищал созыв чрезвычайных конвентов в случае нарушения властями принципов республиканизма и народовластия. Линкольн твердо отстаивал право любой угнетенной нации на революционное завоевание независимости, солидаризировался с освободительной борьбой венгров, чехов и поляков в период европейских революций середины XIX в. и так же, как и Джефферсон, был противником экспорта революции.

Впрочем, и в политических вопросах он в случае необходимости поправлял Джефферсона. Возглавив Республиканскую партию и осудив рабовладение, Линкольн не мог не прийти в противоречие со столь дорогой для его кумира концепцией суверенитета штатов: концепция эта накладывала табу на попытки федерального правительства не только запретить, но и ограничить рабство, и Линкольн не мог не выступить с ее критикой⁴⁶.

Линкольн не мог не вступить в полемику с партией “ничего не знающих”, выдвигавшей требование ограничения въезда в Америку эмигрантов из европейских стран, в первую очередь католиков, и предоставления политических и правовых привилегий коренным американцам. Если к принципам рабовладельцев добавить еще и требование “ничего не знающих”, саркастически указывал он, то тогда фраза Декларации независимости, гласящая, что все люди сотворены равными, должна быть заменена на фразу: “Все люди сотворены равными, за исключением негров, иностранцев и католиков”. Для Линкольна это было абсолютно неприемлемо: “В случае, если дело дойдет до этого, я предпочту эмигрировать в другую страну, которая не клянется любовью к свободе, например в Россию, где деспотизм выступает в чистой форме, без лицемерных прикрытий”⁴⁷.

Постоянная радикализация взглядов Линкольна в 40-е и особенно в 50-е годы сделала неизбежным его разрыв с партией вигов и переход вместе с другими единомышленниками в Республиканскую партию (к последней он примкнул через два года после ее образования). Мировоззрение Линкольна и идеология Республиканской партии не были полностью тождественны, но совпадали по центральным пунктам и свидетельствовали, что американская буржуазия далеко не исчерпала способности демократических преобразований. Впрочем, к социальным слоям, которые представляли Линкольн и Республиканская партия, понятие *буржуазия* может быть отнесено с большой долей условности.

Мировоззрение Линкольна и Республиканской партии соответствовало интересам и потребностям общества, в котором наличествовали подвиж-

ные границы между буржуазией, сельским и городским пролетариатом, а среди собственников преобладали численно мелкие независимые предприниматели и фермеры, в значительной части вчерашние рабочие. Сам Линкольн неизменно подчеркивал, что он выражает интересы именно этих независимых предпринимателей и фермеров, которых никто не нанимает, но которые и сами никого не нанимают, а работают на самих себя. Такой предприниматель и фермер, утверждал он, развивая, совершенно очевидно, джефферсоновскую социальную доктрину, является центральной фигурой американского общества, свидетельствующей, что в Америке труд стоит выше капитала и выступает в качестве главной ценности общества. Статус наемных рабочих характеризовался Линкольном как переходный, со ссылкой на свой жизненный опыт он доказывал: усердные и предприимчивые рабочие имеют в Соединенных Штатах стопроцентный шанс завести собственное дело и просто обязаны были стремиться к этой цели. Но чтобы эта американская мечта становилась явью, в стране должна господствовать система свободного труда, позволяющая труженику исключительно по своей воле распоряжаться рабочей силой⁴⁸. Американская мечта была несовместима с сохранением рабского труда. Отсюда вытекал один из основополагающих лозунгов Линкольна и Республиканской партии – “Свободный труд!”.

Обращение масс американцев в независимых фермеров и предпринимателей, по убеждению Линкольна и республиканцев, было невозможно и без свободного доступа к западному земельному фонду. В полном соответствии с заветами Джефферсона Линкольн полагал, что земельные участки должны предоставляться простым труженикам или бесплатно, или за минимальную, чисто символическую плату. Отсюда вытекал второй важнейший лозунг Линкольна и республиканцев – “Свободная земля!”

Главным же препятствием на пути реализации этой цели опять оказывались рабовладельцы, твердо вознамерившиеся прибрать западные земли к своим рукам и утвердить там рабский труд. Борьба против плантаторов обрела для республиканцев характер политической закономерности: без ликвидации плантационного рабства не мог быть реализован ни один из их социальных идеалов. Их осуществление требовало выдвижения еще одного, главного лозунга – “Свободные люди!”

Накануне Гражданской войны в мировоззрении Линкольна и Республиканской партии рабство выступало в качестве первоисточника, фундаментальной причины конфликта Севера и Юга, а сами эти две половины Соединенных Штатов представляли как антагонистические цивилизации. В письмах, публичных выступлениях 1858–1860 гг. Линкольн осуждал рабство не только как экономическое и политическое, но и как моральное зло, несовместимое с великой концепцией естественных и неотчуждаемых прав людей и с заветами Американской революции. Именно разное отношение к рабству, повторял он раз за разом, заключало в себе фундаментальное различие между Республиканской и Демократической партиями.

Несовместимость свободы и рабства, цивилизаций Севера и Юга стала

выражаться им при помощи крылатой фразы: “Дом, разделенный надвое, не устоит”. Правда, в отличие от Гаррисона Линкольн не допускал и мысли о разделении американского союза, выходе из государства Севера или Юга, но он подчеркивал: США не смогут существовать сколько-нибудь длительное время, оставаясь наполовину свободными и наполовину рабовладельческими. Соединенные Штаты должны стать или полностью свободными, или полностью рабовладельческими. В 1858 г., когда Линкольн определил США как “дом, разделенный надвое”, другой видный деятель Республиканской партии, Уильям Сьюард, произнес пророческие слова о “неотвратимом конфликте” двух цивилизаций⁴⁹.

Идеалы Линкольна имели много общего со взглядами аболиционистов, но между ними существовали и серьезные различия. Более того, как это не покажется странным, Линкольн решительно отводил попытки называть его аболиционистом и при случае доказывал, что аболиционистская программа неприемлема для Республиканской партии. Главные отличия между Линкольном и республиканцами, с одной стороны, и аболиционистами – с другой, сводились к вопросу о том, как должна быть осуществлена отмена рабства в США и, конечно же, к вопросу о будущем черной расы.

И Линкольн и Республиканская партия в целом вплоть до начала Гражданской войны и даже на ее первом этапе мыслили освобождение рабов только как поэтапное, на основе добровольного согласия их хозяев. Самый простой и безболезненный путь к постепенной отмене рабства связывался с запрещением его распространения на свободные территории Северной Америки: в этом случае по мере истощения и упадка рабовладельческих плантаций, основывавшихся на экстенсивном землепользовании, рабство должно было умереть естественной смертью. Многие республиканцы видели в запрещении распространения рабства чуть ли не панацею и требовали ограничить программу партии одним этим требованием.

В отношении Линкольна и республиканцев к рабству принципиальное значение имел еще один момент: отмена рабства, по их убеждению, ни в коем случае не должна была поколебать единства и целостность Американского союза, что предполагало поиски компромиссов с рабовладельческими штатами. Такой подход неизбежно порождал серьезные противоречия в идеологических установках Линкольна: с одной стороны, он пришел к критике суверенитета штатов, поскольку тот освящал рабство на Юге, но, с другой стороны, он же доказывал, что вопрос о судьбе рабства в плантаторских штатах может быть решен только ими самими. С одной стороны, он провозглашал, что “дом, разделенный надвое, не устоит” и длительное сосуществование двух разнородных цивилизаций невозможно, но, с другой стороны, он же присягал на верность принципу “единство Союза превыше всего” и ради него готов был вновь и вновь продлевать жизнь рабству⁵⁰. Линкольн как политик являл собой классический пример центриста, что неизбежно приводило его и к идеологическим компромиссам, заключающим в себе порой поразительные загадки.

Крайне противоречивым было отношение Линкольна к будущему

свободных негров. Он неоднократно и твердо заявлял, что принцип Декларации независимости о равных естественных правах людей распространяется как на белых; так и на черных, но он же, идя на очевидные уступки расовым предрассудкам белых избирателей, занимал весьма непоследовательную позицию в вопросе о том, какими реальными гражданскими и политическими правами должны быть наделены освобожденные рабы. Выступая перед массовыми аудиториями, он исключал из этих прав то равное с белыми право на образование, то право избирать и быть избранным, то право на приобретение собственности. Если же подытожить все его высказывания, то создается впечатление, что великий принцип Декларации независимости о равных естественных правах людей на жизнь, свободу, стремление к счастью он сводил применительно к черным американцам к одному-единственному праву свободно продавать свою рабочую силу⁵¹.

Но и это право чернокожих американцев Линкольн особенно не афишировал, учитывая распространенную среди масс белых рабочих боязнь возможной конкуренции на рынке труда со стороны освобожденных рабов. В конечном счете, ссылаясь на неискоренимость расовых предрассудков белых американцев и вражду двух рас, Линкольн связывал реальную возможность реализации естественных прав негров с возвращением их после освобождения на прародину в Африку. Даже в конце 1862 г. на встрече с депутацией свободных негров Линкольн заявлял, что две расы «должны быть разделены»⁵².

По прошествии времени противоречия Линкольна, его готовность к компромиссам с господствующим общественным мнением могут вызвать острокритическое отношение и даже осуждение. Но, критикуя великого американца, нельзя забывать, что в случае отсутствия идеологической и политической гибкости, неспособности внять предрассудкам масс у него не было никаких шансов возглавить Республиканскую партию и тем более быть избранным президентом США. А между тем, как показал исторический опыт, только этой партии и удалось пробить брешь в двухпартийной системе и бросить реальный вызов рабовладельческой системе. В оправдание Линкольна должно быть сказано и то, что среди лидеров Республиканской партии он обнаружил не только наибольшую способность к достижению консенсуса между различными ее фракциями, как и между различными течениями в антирабовладельческом движении, но также и наибольшую способность чутко реагировать на влечения времени, изменять и развивать по их требованию свои антирабовладельческие взгляды и цели, решаться на все более радикальные меры. В конце концов именно ему досталась – и совершенно заслуженно! – слава освободителя рабов, и именно он, а никто-либо другой из лидеров антирабовладельческих сил пал жертвой политической мести со стороны южан.

Война между Севером и Югом была начата в 1861 г. вопреки воле Линкольна. Он и после выхода из США рабовладельческих штатов проводил примирительную политику в отношении южан, но, исчерпав все возможности избежать кровопролития, обратился к энергичным методам ведения войны по-революционному. 1 января 1863 г. им была издана

прокламация об освобождении всех рабов в мятежных штатах. У президента США происходят радикальные изменения и в отношении будущей судьбы свободных негров. Возвращение мятежных штатов в Союз, твердо заявляет он, может осуществиться только при условии принятия принципа политического и гражданского равенства обеих рас. Активное участие бывших рабов в военных действиях на стороне Севера окончательно склонило Линкольна в пользу предоставления им избирательных прав. Это требование прозвучало как завещание в его последнем, сделанном за два дня до трагической гибели публичном обращении 11 апреля 1865 г.⁵³ Президент принял гаррисоновскую идею о проживании и равенстве черной и белой рас в едином американском доме.

Деятельность антирабовладельческих сил, особенно же Линкольна и Республиканской партии, ознаменовала новый этап в развитии той идеологической модели либерализма, которая была выпестована в эпоху первой Американской революции Джефферсоном и его единомышленниками. Все три компонента этой модели – индивидуализм, эгалитаризм и демократизм – были не только подтверждены, но наполнены новым содержанием.

Эгалитаризм линкольновского либерализма проявился в идее обращения в собственников всех американцев и развития Соединенных Штатов как сообщества среднего класса, в котором нет места крайностям бедности и богатства. Линкольновская “американская мечта” получила не только концептуальное выражение, но также программное и практическое воплощение. Самым крупным достижением линкольновского эгалитаризма стал закон о гомстедах, одобренный Конгрессом США 20 мая 1862 г. Согласно этому закону все граждане США старше 21 года и даже претенденты на гражданство получали право на приобретение в полную собственность 160 акров (64 га) земли из общественного фонда после занятия и пользования соответствующим участком в течение 5 лет и уплаты регистрационного взноса в размере от 26 до 34 долл. Те же, кто хотел обратить участок в полную собственность быстрее, но не ранее чем через 6 месяцев после заявки, должны были уплатить также весьма небольшую сумму – по 1,25 долл. за акр. Закон о гомстедах реализовался на практике со многими противоречиями и издержками. И все же именно он означал торжество фермерского, демократического пути в развитии капитализма в сельском хозяйстве США.

Эгалитаризм идейных и политических лидеров американского либерализма второй трети XIX в. от Э. Джексона до А. Линкольна объясняет в существенной мере, почему левые идеологии, в том числе социализм, не смогли и тогда укорениться в Соединенных Штатах. Правда, в тот период, в отличие от предшествующего, социалистические идеи все же стали известны в США. Но выдержать конкуренцию с либерализмом они были не в состоянии: эгалитаризм и демократизм американского либерализма, соответствовавшие как историческим условиям США, так и массовой психологии, легко нейтрализовали их.

Линкольн и его последователи существенно развили святая святых либерализма – концепцию естественных и неотъемлемых прав человека, распространив ее на всех небелых американцев. Наконец, они углубили

доктрину политической демократии, когда признали за бывшими черными рабами право избирать и быть избранными в законодательные органы.

Конечно, все это не означает, что американский либерализм к исходу Гражданской войны стал неким совершенством. Нет, он продолжал быть отмечен весьма серьезными противоречиями, которые объясняют многие парадоксы и загадки политической практики американского либерализма. Не подлежит сомнению, что многие либералы готовы были распространить концепцию естественных и неотъемлемых прав человека, как и избирательное право, на черных американцев не в силу внутренних убеждений, а под давлением обстоятельств. И даже самые искренние среди них, включая Линкольна, в глубине души плохо верили или вообще не верили в возможность совместного мирного проживания белой и черной рас, тем более их интеграции, смешения в американском “плавильном котле”. И если расовые предрассудки продолжали характеризовать либеральную элиту, то что уж тогда говорить о массах их рядовых последователей.

Эта глубокая внутренняя противоречивость либерализма в отношении черных американцев, намного пережившая Гражданскую войну, в существенной мере объясняет, почему многие прогрессивные федеральные законы, одобренные в тот период, в первую очередь законы о наделении бывших рабов равными с белыми избирательными и гражданскими правами, так плохо “пошли” на практике. В последней четверти XIX в. в южных штатах произошло утверждение режима расовой сегрегации, сводившего на нет значение 14, 15 и 16-й поправок к федеральной конституции, одобренных на исходе Гражданской войны и провозглашавших равенство гражданских и политических прав черных американцев. Конечно, ответственность за это лежит не только и, может быть, не столько на либерализме, сколько на предшествующем двухвековом расколе Америки на “вышую” белую и “низшую” черную расы, расколе, полное преодоление которого зависело от качественного совершенствования всей американской цивилизации. Но свою долю ответственности за реставрацию расового неравенства нес и либерализм.

Глава третья

ВСТУПАЯ В XX ВЕК

Вызов “снизу”: от популизма к социализму

По окончании Гражданской войны Соединенные Штаты вступили в новый этап исторического развития. Отныне они существовали как чисто буржуазное общество: освобожденный от рабовладельческой аномалии, американский капитализм стал развиваться поистине семимильными шагами, но его блестящие экономические успехи сопровождались не менее поразительными социальными контрастами – не только между трудом и капиталом, но и между разными слоями буржуазии, в первую очередь крупной и мелкой.

Здесь нет возможности, да и необходимости раскрывать стремительное расслоение американского общества, достаточно сказать только, что оно явилось следствием высшего подъема свободной конкуренции, оказавшемся одновременно и самым жестоким ее этапом. В жестокой экономической битве мелкие собственники – фермеры, торговцы, предприниматели – разорялись ежегодно десятками тысяч, лишаясь ферм, лавочек, мастерских. Возвышалась же горстка “гениев предпринимательства”, как именовали их угодливые языки. Не смог увековечить мелкую трудовую собственность и знаменитый линкольновский закон 1862 г., по которому простые американцы могли получить от государства небольшие участки земли на Западе. Железнодорожные и нефтяные магнаты сумели ловко обойти этот один из самых демократических законов в американской истории и присвоили-таки себе значительную долю государственного земельного фонда. А многие среди неимущих и малоимущих американцев, которые все же приобрели земельные участки, должны были рано или поздно расстаться с ними, пасуя перед жестокими принципами сводной конкуренции.

В 1870-е годы в Соединенных Штатах образуются железнодорожные, банковские и закупочные корпорации, а в 80-е годы монополизация охватывает сферу производства. Первая “великая монополия”, как окрестили ее, “Стандард ойл”, была создана в 1881 г. В 1884 г. образуется “Американский трест хлопкового масла”, затем за три-четыре года тресты утверждают повсеместно. Монополизация, завершившаяся к началу XX в., исчерпала для большинства простых американцев возможности вхождения в капиталистический класс. Кто мог отважиться, например, на конкуренцию с Джоном Рокфеллером, начавшим путь в бизнесе с пустыми карманами, превратившимся в 80-е годы в нефтяного короля, разорившим большинство своих конкурентов и не оставившим никаких шансов на успех остальным!

Конец XIX в. нанес сильнейший удар по американской мечте – идеалу, который пестовали Джефферсон и Линкольн и который сулил экономический успех (ферму, лавочку или мастерскую) каждому, даже бедняку, если только он обладал трудолюбием. Господство идеала индивидуального успеха – основа основ американской мечты – пошатнулось, миллионы и миллионы простых американцев разуверились в нем.

Это означало первый серьезный кризис американского либерализма в качестве массовой идеологии. Нет, он не утратил ни одного из своих качеств, которые прежде привлекали к нему симпатии простых американцев. Но в новых исторических условиях этих качеств уже было явно недостаточно, чтобы убедительно доказывать идеологически и реализовывать на практике американскую мечту. Либерализм стал утрачивать свою былую власть над умами миллионов, а образовавшийся идейный вакуум стали заполнять различные коллективистские идеи. В США впервые укореняются и набирают силу левые доктрины: радикальные и социалистические идеалы. А наивысший их успех пришелся на начало XX в.

Конечно, радикальные и социалистические идеалы возникли в США не в последней трети XIX в. Зачатки радикализма обнаруживаются уже у левого крыла Американской революции 1776 г. Утопический социализм, вскормленный учениями европейцев Сен-Симона, Фурье и Оуэна, стал известен в Соединенных Штатах еще во второй четверти XIX в. Его выдающимися представителями в Соединенных Штатах были Т. Скидмор и А. Брисбейн¹. Но все же до Гражданской войны социализм оставался достоянием очень узкого круга американцев, притом он в значительной мере являлся “импортным продуктом”. Широкие возможности для свободной конкуренции в промышленности, торговле, сельском хозяйстве, подвижные, вполне преодолимые границы между собственниками и несобственниками препятствовали распространению социализма. Более остры были противоречия внутри самих собственников, между разными их слоями, но все же они не шли ни в какое сравнение с противоречием между монополистической и немонополистической буржуазией, вызревшим в конце XIX в. В горниле острых противоречий между трудом и капиталом, крупной и мелкой буржуазией, ставших реалиями в конце XIX в., только и смогли оформиться полнокровные левые идеологии.

С 1880-х годов на американскую политическую сцену выступили массовые антимонополистические движения, в которых участвовала и сельская и городская буржуазия. Их антимонополистические идеалы развивали и изменяли демократические заветы Джефферсона и Линкольна, переводя их в русло радикализма, нацеливавшегося в отличие от либерализма не на реформирование общественного строя, а на глубинное изменение его экономических и политических структур. При этом радикальной реформе должен был быть подвергнут уже не классический свободный капитализм, с которым имели дело Джефферсон и Линкольн и который исчез к концу XIX в., а новый монополистический капитализм.

Главное кредо радикалов конца XIX в. – антимонополизм – прозвучало уже в платформах партий грэнджеров и гринбекеров в 70–80-е годы, но во всю силу проявилось в идеологии Популистской партии, объединив-

шей в 1892 г. почти все известные тогда демократические движения. Уже на первых президентских выборах партия собрала около 1 млн голосов (10% от общего числа) и заявила себя в качестве серьезной соперницы Республиканской и Демократической партий, тесно сросшихся к тому времени с экономическими элитами.

В сознании современного читателя слово *популизм*, вероятно, вызовет негативные ассоциации. Разве популизм – это не крайне упрощенное, основанное на обыденном сознании, питаемое всевозможными предрассудками представление о причинах общественных пороков? Разве не исповедует он бунтарские, зачастую иррациональные способы выхода из социальных тупиков? Что же, новейшая история дает много аргументов для подобных представлений о популизме. Нельзя, однако, сбрасывать со счетов того, что популизм прошел длительную эволюцию, что только со временем эта идеология стала использоваться беспринципными политиками для завоевания на свою сторону широкой народной поддержки. И в США наследие популизма, зародившегося в гуще народного протеста против монополий, со временем деформировалось, стало приспосабливаться правыми радикалами, расистами, социальными демагогами к своим корыстным целям. Но все эти метаморфозы популизма не должны бросить тень на искренний демократизм его знаменосцев конца XIX в.

Американский популизм конца XIX в. обладал многими противоречиями, но по сути был глубоко демократичен. Во главе его стояло много выходцев из народной гущи, выступавших с яркой социальной критикой самых разных сторон монополизирующегося общества.

Лидеры популистов, как правило, разделяли Америку на два класса – *грабителей* и *ограбленных*, включая в первый “монополии, тресты, железнодорожные корпорации, присваивающие львиную долю национальных богатств без вложения какого-либо труда”, а во второй – “фермеров, рабочих, создающих все богатства и несущих всю тяжесть налогов”. Рабочие и фермеры, не уставали повторять лидеры популистов, имеют одни и те же интересы и “одних и тех же врагов”. Популистский кандидат в президенты Джеймс Уивер обращался ко всем “силам труда”: “На земле нет силы, способной противостоять нам. Развертывается битва между трудом и капиталом, и на стороне труда выступает большинство народа”².

Популисты, убежденные, что отражают в равной мере чаянья рабочих, фермеров, мелких хозяев, сосредоточивали огонь критики все же по преимуществу на посреднических и финансовых корпорациях, ущемлявших мелких городских и сельских товаропроизводителей. В одном из популистских воззваний под “монополиями-грабителями” понимались лишь железнодорожные и финансовые корпорации: “Деньги и средства транспорта являются величайшими орудиями контроля над предпринимательской деятельностью. Этот контроль сосредоточен в руках гигантских монополий, что ведет к обесценению труда, уничтожению здоровой конкуренции и безопасности бизнеса. Эти монополии, обирающие предпринимателей, наносят ущерб миллионам трудящихся” В популистской избирательной платформе 1892 г. утверждалось, что основная угроза для народа исходит со стороны железнодорожных корпораций:

“Мы считаем, что в настоящее время либо железнодорожные корпорации превратят народ в свою собственность, либо народ обратит корпорации в свое достояние”³.

В широком смысле социальный идеал популистов уходил корнями к тем в общем-то недалеким временам, когда, по их убеждению, господствовали отношения гармонии и равенства мелких самостоятельных товаропроизводителей. Согласно популистской концепции, это равенство сохранялось до тех пор, пока в сфере обращения и обмена товаров соблюдались “честные правила” свободной конкуренции и пока рыночная конъюнктура, складывавшаяся стихийно, независимо от сознания и воли людей, оставалась единственным определяющим фактором конкурентных отношений. Равенство, однако, оказалось нарушенным, когда “наиболее ловкие и дальновидные предприниматели” стали прибегать к организации корпораций, пулов, трестов с целью ограбления товаропроизводителей и потребителей. В популистской платформе 1892 г. высказывалась идея “заговорного” происхождения монополий: “Гигантский заговор против человечества, организованный на обоих континентах, быстро распространяется по свету. Если он не встретит отпора и не будет уничтожен тотчас же, то приведет к чудовищным социальным взрывам, уничтожению цивилизации и установлению абсолютной деспотии”⁴.

Среди наиболее противоречивых, но отнюдь не абсолютно абсурдных, как полагают некоторые историки, идей популистов было требование об эмиссии “дешевых денег”, под которыми в отличие от золотых – “дорогих” – денег понимались бумажные и серебряные дензнаки. Главную опору движения за “дешевые деньги” составляло фермерство, извлекавшее прямую выгоду от инфляции. Постоянное возрастание денежной массы в обращении представлялось ему самым верным способом увеличения покупательной способности населения, повышения спроса и цен на сельскохозяйственные продукты и оживления деловой активности.

К великому огорчению сторонников “дешевых” денег, правительственная политика после Гражданской войны состояла в последовательном укреплении золотого стандарта. В 1875 г. государство изъяло из обращения треть бумажных денег – гринбеков. Еще раньше, в 1873 г., был издан указ о прекращении чеканки серебряной монеты, которая с 1837 г. имела хождение наравне с золотой (возможности же чеканки серебряных денег после открытия в 70-е годы богатейших запасов серебра стали неограниченными). Популисты называли все эти акты преступлениями, указывая, что девальвация доллара и монополия золотого стандарта означали падение цен на сельхозпродукты и, кроме того, принуждали фермеров расплачиваться за займы, предоставленные ранее в дешевых деньгах, дорогой валютой.

При всем том, что сторонники “дешевых” денег давали упрощенное объяснение причин ухудшения положения американского фермерства (глубинные его корни крылись в мировом аграрном кризисе и чрезвычайно усилившейся конкуренции со стороны сельскохозяйственных производителей из Австралии, Аргентины и Канады) и наивно связывали утверждение золотого стандарта с заговором могущественных банков и правительства, их программа определенно заключала в себе способ

частичного улучшения экономических позиций мелких производителей-должников. Ретроспективный взгляд на движение за “дешевые” деньги в конце XIX в. позволяет обнаружить, что оно фактически добивалось от правительства дотаций для фермерства посредством и ценой создания некоторого бюджетного дефицита и инфляции, т.е. политики, которая стала использоваться в США с 1930-х годов.

Популисты со временем стали испытывать недоверие к ничем не ограниченной свободной конкуренции, превратившейся в “войну всех против всех”. Они все настойчивее и настойчивее призывали на помощь государство, которому надлежало поддерживать правила честной конкуренции и обеспечивать всем американцам равные шансы на экономическом поприще. С этой целью необходимо было, в первую очередь, ввести разностороннее антимонополистическое законодательство.

Антимонополизм популистов развивался по восходящей линии и в их платформе 1892 г. обрел бескомпромиссный характер: “Правительство должно обратить в свою собственность и поставить на службу народа все средства транспорта и железные дороги. В государственную собственность должны быть обращены так же система телефонной и телеграфной связи, как и система почтового обслуживания. Земли, а также все источники богатства, являющиеся собственностью народа, не могут монополизироваться и использоваться с целью спекуляции. Все земли, находящиеся во владении железнодорожных и иных корпораций, превышающие их практические нужды, а также все земли, являющиеся собственностью земельных магнатов и скупщиков, должны быть возвращены государству, чтобы в дальнейшем распределяться между действительными поселенцами”⁵.

От критики монополий популисты переходили к критике всей американской общественной системы, сосредоточивали недовольство на государстве и двух главных партиях, все более подчинявшихся интересам бизнеса. Популисты не теоретизировали о природе этой связи, трактуя ее подчас как заговор между “партиями, предавшими народ”, и “капитанами индустрии”. Но зато на сотнях и сотнях фактов популисты показывали, что эта связь действительно существует. Велика была и их неприязнь к государству и чиновникам: на съезде в Омахе в 1892 г. была принята беспрецедентная в американской истории резолюция, исключавшая участие членов государственного аппарата в Популистской партии, которая, по убеждению ее лидеров, только и имела право представлять народ.

Популисты верили в возможность достижения своих целей с помощью избирательных урн: путь насилия и революции был для них неприемлем. Но чтобы обеспечить действительное представительство народа в государственных учреждениях, необходимо было, по их убеждению, радикально изменить существующую политическую систему. И популисты выдвинули целую серию мер – самых радикальных со времен Джефферсона – по демократизации американской политической системы.

Многоступенчатую формулу прохождения законопроектов: палата представителей – сенат – президент – Верховный суд – они решительно отвергли как непреодолимый барьер на пути любых демократических требований. Популисты потребовали “облегчения процесса изменения

конституции” путем внесения в нее “народных поправок”. Народу должно было быть предоставлено право законодательной инициативы, а народный референдум призван был стать высшей законодательной властью в стране. Наряду с этими требованиями, воплотившими бы на практике идею “прямого законодательства” народа, популисты выдвинули и массу других требований, составивших программу прямой демократии: прямые выборы сенаторов, вице-президента и президента, прямое и тайное выдвижение рядовыми избирателями кандидатов в депутаты, право на отзыв конгрессменов и судей. Все это были весьма реалистические требования, в них не было ничего фантастического, и некоторые из них под воздействием демократических усилий народа получили законодательное воплощение уже в начале XX в.

Радикальная программа популистов, существенно пополнившая американскую демократическую традицию, привлекла на их сторону сотни тысяч мелких собственников и рабочих. Но среди самих популистов начал усиливаться раскол по вопросу о путях облегчения положения народа. С середины 1890-х годов число твердых антимонополистов, отстаивавших широкую программу радикальных социальных и политических мер, стало таять, зато резко возросло количество приверженцев легкой и не требующей особых жертв панацеи – свободного выпуска “дешевых” денег. После 1893 г., когда правительство резко сократило эмиссию серебряных монет, многие популисты потребовали сосредоточиться исключительно на борьбе за “народные деньги”. Именно это решение правительства, доказывал популистский сенатор Р. Петтигру, привело к тому, что “цены всех сельскохозяйственных продуктов резко упали, вызвав разорение сельскохозяйственных классов и продолжительный кризис, почти столь же тяжелый, как и кризис 1873 г.”⁶ Д. Уивер, популистский кандидат в президенты, потребовал ограничиться на следующих выборах одним лозунгом “дешевых денег” и отказаться от всех других требований.

Могли ли популисты предполагать, что, оставив на своем знамени один-единственный лозунг, они станут легкой добычей ловких политиков из главных партий? Но именно так и случилось. В 1896 г. У.Д. Брайан, лидер Демократической партии, терпевшей после Гражданской войны постоянные поражения от республиканцев, решил на политический маневр. Чтобы привлечь на свою сторону миллион популистских избирателей, рассуждал он, достаточно включить в платформу Демократической партии требование о свободной чеканке серебряных денег. Этого же миллиона голосов демократам как раз и недоставало, чтобы отнять президентское кресло у республиканцев.

Расчет Брайана был основан на опыте его собственной политической деятельности в штате Небраска. В 1892 г. он потерпел поражение на выборах в сенат штата, при этом в его избирательном округе 13 тыс. голосов было отдано за республиканского кандидата, 10 тыс. – за самого Брайана, 8 тыс. – за кандидата от популистов. Арифметические подсчеты подсказывали Брайану необходимость альянса с популистами. В 1896 г. он шел на любые приемы, чтобы привлечь популистских избирателей. Свое отношение к свободной чеканке серебряных денег Брайан выразил

на встрече с избирателями Небраски: “Я ничего не смыслю в серебряных деньгах, но их хочет народ Небраски, поэтому их хочу и я. Что касается аргументов, то я подыщу их потом”. О других реформах он говорил туманно, хотя и подавал некоторые надежды: “Восстановление серебряных денег является только одной среди наших реформ, но если Демократическая партия не проведет ее, она не сможет осуществить и других начинаний”⁷⁷.

Брайан стремился изобразить борьбу за серебряные деньги как войну за святую веру, претендуя на роль мессии. Всю страну облетел его знаменитый призыв: “Не позволим распять человечество на золотом кресте!” Брайану удалось завоевать славу “великого простолюдина” и склонить на свою сторону съезд демократов. Но выборы 1896 г. он все же проиграл. Их итоги свидетельствовали, что арифметические расчеты не могут служить надежной основой политической стратегии. Социальная критика помогла Брайану завоевать голоса сотен тысяч простых избирателей, которые должны были, по расчетам демократов, склонить чашу весов в их пользу, но она же отпугнула многих традиционных приверженцев этой партии, особенно буржуазные круги.

Слившись с партией Брайана, популисты утратили политическую самостоятельность и практически сошли со сцены в качестве антимонополистической силы. Но их идеалы не исчезли, а были подхвачены и развиты другими антимонополистическими движениями. Самым ярким среди них стало движение национализаторов. Его лидер – Эдвард Беллами; соединивший антимонополизм с социализмом, оказался самым знаменитым представителем радикализма и одновременно немарксистского социализма США XIX в. (Хотя сам он себя социалистом не считал.) Первое же сочинение Беллами “Будущий век”, изданное в 1888 г., разошлось в течение трех лет тиражом более 300 тыс. экземпляров.

Книгу Беллами приняли восторженно не только в США, но и в европейских странах. В Англии идеи Беллами сразу вызвали острую борьбу мнений в демократическом движении, а известный социалист У. Моррис, отнесшийся к книге американского автора критически, откликнулся на нее собственным социально утопическим романом. (Утопия Морриса “Вести ниоткуда” не смогла, однако, поколебать популярности идей Беллами.)

Американский и английский успех книги Беллами привлек к ней внимание издателей и переводчиков других стран. Раньше всех она была переведена в России и Германии. Первое издание романа на русском языке было предпринято по инициативе Л.Н. Толстого. Называвшийся в оригинале “Оглядываясь назад”, роман Беллами вышел в России под названием “Будущий век”, которое в большей степени отвечало его замыслу. В 1891 г. на первой маевке, организованной петербургскими рабочими, Ф.А. Афанасьев советовал собравшимся познакомиться с идеалами социализма именно по книге Беллами. Вслед за первым изданием быстро последовали второе, третье (всего она выдержала с 1889 по 1918 г. пять изданий). В 1906 г. М. Горький, путешествовавший по США, сказал в беседе с филаделфийскими писателями, что “Хижина дяди Тома” и “Будущий век” известны всем русским студентам.

Если бы влияние социальной утопии Беллами ограничилось одной читательской аудиторией, его можно было бы отнести за счет литературных достоинств романа (написан он был очень легко и читался на одном дыхании). Роман, однако, очень быстро стал важным общественным явлением: уже в год его издания в самых разных уголках Соединенных Штатов, преимущественно в крупных промышленных городах – Бостоне, Нью-Йорке, Сан-Франциско, – возникли десятки "национализаторских" (от главной идеи Беллами – национализация монополий) клубов, объявивших Э. Беллами своим пророком.

Влияние белламистских идей не ограничилось лишь "национализаторским" движением: в 1892 г. на съезде Популистской партии пятеро белламистов были привлечены к составлению ее платформы. Не только в США, но и в Англии, как отмечал английский историк А. Мортон, авторитет Беллами был очень высок: "В Соединенных Штатах на Беллами стали смотреть как на творца социализма и признали за лидера политической партии, чьей целью было осуществление на практике его утопии... Даже в Англии, где социализм имел более длительную историю, где лучше знали марксизм, существовала сильная тенденция признать авторитетность изображенной Беллами картины жизни при социализме"⁸.

Как же пришел он к этому успеху? Непосредственное приобщение Э. Беллами к острым социальным проблемам американской действительности относится к началу 70-х годов XIX в., когда 22-летний юноша дебютировал в качестве автора передовиц известного общественно-политического еженедельника "Юнион" Предшествующий "ученический" период жизни Беллами примечателен весьма широким диапазоном увлечений: от интереса к военной карьере, вошедшей в моду под воздействием Гражданской войны (юноша отказался от нее из-за болезни), до пристрастия к традиционно престижной в Америке профессии юриста. В этот период он окончил колледж, успел совершить путешествие в Европу, выступил с рядом литературных опытов (первым среди них некоторые биографы склонны считать ученическое эссе "Законы для республики Сан-Доминго", написанное в 1861 г.). Литературные способности Беллами проявились сравнительно рано, с 1871 г. он уже безраздельно отдает себя писательскому ремеслу.

В течение шести лет работы в "Юнион" Беллами писал статьи об антимонополистических выступлениях фермеров, росте стачечной волны, начало которой (1873 г.) совпало с самым острым экономическим кризисом в истории Соединенных Штатов, о безработице, разорении мелкой буржуазии и возвышении "капитанов индустрии", о коррупции в политике и движении суфражисток. Так был накоплен богатейший материал для выработки критического отношения к социальным проблемам монополизирующейся Америки. Беллами выступал также в качестве литературного критика "Юнион", был рецензентом всех сколько-нибудь известных европейских и американских романистов своего времени. В 1878 г. он и сам дебютировал на поприще беллетристики. За десять лет, предшествующих выходу в свет его знаменитой социальной утопии, Беллами написал четыре романа. Лучший среди них, "Герцог Стокбриджа" (1879), посвященный восстанию бедноты под предводительством

Д. Шейса на завершающем этапе Американской революции конца XVIII в., свидетельствовал о безусловной склонности автора к социально-политической проблематике.

Литературно-критическая деятельность Беллами позволяет выявить основные направления его мировоззренческой эволюции. Совершенно очевидно его горячее сочувствие народным массам. В "Герцоге Стокбриджа", первом в американской литературе романе, показавшем заботы и устремления рядовых участников Войны за независимость, Беллами последовательно проводит идею: политическая демократия, не будучи дополнена установлением социально-экономического равенства, превращается в свою противоположность – всевластие "верхов". Он оправдывает обращение "низов" к насильственным методам достижения своих целей, что звучит очевидным диссонансом с позицией, занятой им в социально-утопических романах.

В 1870-е годы Беллами проявляет интерес к социалистическим идеям. По свидетельству его брата Фредерика, он в начале 70-х годов познакомился с одним из родоначальников утопического социализма в США, А. Брисбейном, идеи которого вызывали у него симпатию. В 1875 г. он высказался в пользу муниципального социализма. Близки ему и идеалы христианского социализма. Но саму религию, как и Бога, Беллами, порывая с семейными традициями (его отец был священнослужителем), воспринимает все более скептически. В 1873 г. в эссе "Религия солидарности" он приходит к отрицанию Бога, а из религии соглашается принять только христианскую этику солидарности людей.

Обращаясь к утопии Э. Беллами, нетрудно обнаружить, что он был знаком с очень многими социалистическими и социально-критическими учениями, но ни одно из них не стало непосредственным источником его утопии. В отличие от большинства американских социалистов-утопистов, которые принадлежали или к оуэнистам, или к фурьеристам, Беллами оказался оригинальным мыслителем. Оригинальность Беллами, конечно, не исключала влияния на него многовековой социалистической традиции, которая помогла мыслителю оформить критическое отношение к монополистическому капиталу. Более того, если социальная утопия Беллами не совпадает ни с одним из конкретных социалистических учений, то она вполне соотносится с определенными их типами. Прежде всего это принадлежность к тем социальным учениям, которые ставят вопрос о необходимости коренного преобразования самих основ капиталистического строя.

Успех "Будущего века" вдохновил Беллами на создание второго социально-философского романа – "Равенство", изданного в 1897 г. В нем осмысливался опыт популистского, национализаторского и других народных движений против монополий. Беллами резко критиковал различные учения, не затрагивавшие коренных пороков монополизирующегося общества. Он отверг перфекционизм, снимавший вину с господствующих общественных отношений и возлагавший ее на несовершенную природу человека. Природа человека, ее дурные и положительные стороны, полемизировал Беллами с перфекционистами, зависят в первую очередь от общественных условий, в которые поставлено существование че-

ловека. Радикально преобразованы должны быть сами эти отношения⁹.

В "Равенстве" Беллами высмеял реформистские проекты, которые сводились к "бесчисленным реформам, включающим в себя фабричное законодательство, указы о сокращении рабочего дня, пенсиях для престарелых, об улучшении жилищных условий, расчистке трущоб и другие всевозможные политические снадобья против отдельных язв, являющихся следствием системы частного капитализма"¹⁰.

Беллами осудил и тех многочисленных критиков монополий, которые видели в последних возрождение средневековых корпораций и противопоставляли им "золотой век" свободной конкуренции. Он решительно раскритиковал доктрину восстановления свободной конкуренции как равнозначную идею попятного исторического развития. Беллами доказывал, что переход к монополистическому капитализму неизмеримо увеличивает возможности укрепления материального богатства и означает безусловный прогресс с экономической и технической точек зрения. Историческая вина монополий заключалась не в сокрушении свободной конкуренции, а в присвоении все возрастающих материальных благ сужающейся горстке корпораций. Выход заключался не в физической ликвидации корпораций, а в их национализации и обращении в достояние всего общества. "Частный капитализм", заключал Беллами, должен былступить место "общественному капитализму".

В "Будущем веке" Беллами еще не показывал, как будет заменен "частный капитализм", он лишь обосновывал безболезненность этой замены, осуществляемой после того, как завершается объединение промышленности, торговли и финансов в "единый синдикат", а идея его обобществления становится достоянием "здорового смысла" и завоевывает на свою сторону как эксплуатируемых, так и эксплуататоров. Опыт 1890-х годов, выступлений популистов, острой борьбы пролетариата, деятельности самих белламитов побудил Беллами подправить эту картину. В 1897 г. в "Равенстве" он размышляет уже об этапах "национализаторской революции".

Таких этапов выделено два. Первый, начало которого отнесено к 1873 г., а окончание к рубежу XIX–XX вв., озаменовался самым глубоким экономическим кризисом в американской истории и возникновением мощного рабочего и фермерского движений. Беллами вскрывает важную причину отсутствия этих социальных движений до Гражданской войны: тогда среди общественных коллизий безраздельно господствовала проблема рабства, а до тех пор, пока она не была решена, другие социальные контрасты оставались приглушенными.

На первом этапе "национализаторской революции" ее главными силами выступали в равной степени рабочий класс и фермерство. Им присущи как сильная, так и слабая стороны. Первая заключается в нарастании коллективного протеста против частнокапиталистической эксплуатации, что означает психологическую подготовку революции. Другая сторона состоит в том, что обе ведущие силы социального протеста не могут прийти к пониманию верных путей ликвидации пороков частного капитализма. Рабочие, указывает Беллами, сосредото-

точились на требованиях, которые могли лишь частично улучшить условия их существования. Профсоюзы не смогли подняться до понимания того, что "при системе, подчиненной накоплению прибыли, покупательная способность всегда будет неизмеримо ниже производственных возможностей"¹¹. А это предопределяло неизбежность перепроизводства, кризисов, безработицы, нищеты. Фермеры же обратили весь свой гнев против финансовой политики правительства, финансового капитала, что нашло выражение в их поклонении "дешевым деньгам"

На втором, завершающем этапе перехода к идеальному обществу подлинной вдохновительницей и руководителем революции становится просвещенная интеллигенция. Различия между вторым и первым этапами значительны. Первый – этап стихийной социальной борьбы – был одновременно, по определению Беллами, "иррациональным" этапом. Второй – этап рациональных и в то же время мирных способов борьбы за идеальное общество. Он совершается на основе американских демократических институтов, среди которых важнейшее значение приобретают всеобщее избирательное право и выборность всех органов государственной власти. Сам Беллами, впрочем, далек от идеализации американской демократии. Предвосхищая "разгребателей грязи", этих радикальных критиков американской политической системы начала XX в., он показывал как прибирают к своим рукам власть экономические владыки и их политические защитники. Однако Беллами надеялся сломить силу закулисного политического механизма после свершения революции в сознании масс избирателей.

Отличительная черта самой идеальной общественной системы Беллами – централизация всех экономических и социальных связей общества. Государство, обобществившее монополии, сосредоточивает в своих руках организацию, планирование и управление экономикой, подготовку и расстановку рабочей силы, строительство и распределение жилья, социальное обеспечение, берет на себя заботу обо всем и вся.

Возвысив подобным образом государство, Беллами неизбежно должен был вступить в полемику с выразителями многих идеологических доктрин и, в первую очередь, с поборниками популярной формулы государства – "ночного сторожа", ограничивавшими полномочия публичной власти полицейскими функциями и требовавшими предоставить абсолютную свободу экономическим связям.

В романе "Будущий век" между Д. Уэстом, миллионером и индивидуалистом, пробудившимся от летаргического сна в родном Бостоне через 113 лет, и одним из интеллектуалов, защитником нового общественного строя, доктором Литом, происходит примечательный диалог. Уэст, твердый индивидуалист, доказывает, что правительство должно ограждать личность и общество только от внешней опасности и преступников и что любое более широкое истолкование его прерогатив ведет к отрицанию свобод человека. "Но кто, скажите ради бога, является врагом общества? – восклицает в ответ Лит. – Франция, Англия, Германия или голод, холод, нищета?" Перечислив среди врагов общества и другие пороки "частного капитализма" – безработицу, перепроизводство, нищету, кризисы, инфляцию, паразитическое существование одних

и непосильный труд других, Лит доказывает, что их устранение и утверждение подлинных социальных и экономических прав для всех членов общества невозможно без резкого расширения функций государства.

Благодаря этим новым функциям публичной власти, рассуждает Лит, "ни один из членов общества не чувствует заботы о завтрашнем дне или о будущем своих детей, так как нация берет на себя заботу о воспитании, образовании и наилучшем содержании всех своих граждан со времени появления их на свет и до самой смерти"¹². В то же время в идеальном обществе Беллами отпадает необходимость в прежней полицейской функции правительства, поскольку там нет почвы для классовой борьбы, преступности и других пороков "частного капитализма"

Много внимания Беллами уделял справедливому распределению общественных благ. Он защищал абсолютно равное распределение доходов, что сегодня может быть воспринято как проявление грубоуровнительного социализма. Однако в романах Беллами эта равная доля для каждого члена общества настолько велика, что дает ему возможность удовлетворить все, даже мельчайшие, потребности. Мотивы приверженности Беллами идее абсолютного равенства доходов также существенно отличаются от мотивов выразителей грубоуровнительного социализма. Так, ограниченность материальных ресурсов общества не имеет никакого отношения к выдвинутой им концепции распределения. Он рисует картину высокоразвитого в материальном и духовном отношениях общества, способного и готового сполна удовлетворить потребности и запросы всех своих граждан.

Приверженность Беллами абсолютному равенству доходов должна быть объяснена в связи с американскими реалиями эпохи перехода к монополистическому капитализму. Никогда прежде различие в экономическом положении между разными классами не достигало в США таких размеров, как в последней четверти XIX в. Это был период наиболее быстрого образования гигантских состояний и одновременно разорения миллионов неудачливых американцев. Идея экономического равенства впервые становится для многих американцев главным выражением и воплощением социальной справедливости. Откликом на их чаяния и стала распределительная концепция Беллами.

Но принципиальное отличие концепции Беллами от схем грубоуровнительного социализма очевидно. Американский сторонник равенства доходов решительно возражает против каких-либо регламентаций потребления со стороны правительства. "Действия правительства или большинства общества, – разъясняет доктор Лит Уэсту, – в случае, если бы они взялись диктовать народу или меньшинству, что и как нужно есть, пить и носить, как это, я полагаю, имело место в Америке ваших дней, были бы расценены как курьезный анахронизм"¹³. В идеальном обществе Беллами существует иная, негласная регламентация потребления, направленная против расточительства, культа вещей. В самом сознании личности заключены нравственные и интеллектуальные ограничители потребительства. Критикуя не только капиталистические производственные отношения, но и рыночно-коммерческую культуру, Беллами решительно осудил пустивший в его время глубокие корни культ вещей.

Воззрения Беллами – образец радикальной антимонополистической критики, переросшей в социалистическую доктрину. История общественной мысли США эпохи монополистического капитализма демонстрирует много подобных примеров. Но доктрина Беллами была первой, к тому же самой яркой и глубокой среди них. Сам Беллами, однако, подобно ряду его последователей, не был готов назвать свои воззрения социалистическими. «Мои идеи, – пояснял он, – по радикальности, кажется, превосходят социалистические, но все же сам я никогда не смог бы применить к ним термин "социалистические". У среднего американца он ассоциируется с вкусом нефти, красным стягом, всевозможными сексуальными нововведениями и проклятиями в адрес религии...»¹⁴

Беллами неизменно подчеркивал национальные истоки своей мечты, отмежевываясь от идейной связи с европейскими социалистическими доктринами и выводил "национализаторские" требования из американской демократической идейной традиции. Увязывая идею обобществления монополий с самим "американским духом", Беллами рассматривал ее не более и не менее как реализацию "бессмертной преамбулы" Декларации независимости в специфических экономических условиях конца XIX в.¹⁵ Он доказывал, что верность провозглашенному в декларации принципу равных естественных и неотчуждаемых прав людей на жизнь, свободу, стремление к счастью требует дополнить политическую демократию экономической и социальной, что совершенно невозможно без национализации монополий. Беллами оставался верен духу просветителей-демократов и тогда, когда исповедовал идеал радикального общественного переустройства посредством просвещения народа.

Конечно, с точки зрения сегодняшнего дня идеалы Беллами вряд ли покажутся привлекательными. Возвеличение им государства, которому передоверялись все социальные и экономические полномочия и которое само напоминало монополию, пусть и принадлежавшую всему народу, вызовет протест даже у большинства современных приверженцев социализма, отстаивающих приоритет гражданского общества перед государством, политический и духовный плюрализм, самоценность человеческой личности. Нельзя, однако, сбрасывать со счетов то, что в Америке конца XIX – начала XX в. миллионы разоренных мелких собственников и нещадно эксплуатируемых рабочих, оказавшихся жертвами "свободной игры" экономических законов капитализма, связывали надежды на свое выживание, достойное существование именно с мощной поддержкой со стороны государства. Беллами четко уловил эти чаяния многих своих соотечественников, предложив им идеологическую систему, в которой ревизия либерализма переросла по сути в доктрину государственного социализма.

К идеалам Беллами были чутки интеллигенция, разорвавшиеся мелкие собственники и, конечно, рабочие, не получавшие никакой поддержки или защиты от государства перед лицом резко усилившейся эксплуатации со стороны капитала. В стране тогда отсутствовала не только скольконнибудь развитая система социального обеспечения, но даже примитивные виды социального страхования. В этом отношении США отставали как

от демократических, так и недемократических европейских государств. Первые законы о материальном возмещении в случае гибели или увечья рабочего на производстве были утверждены в Германии Бисмарком еще в 1880-е годы, в Англии – в 1896 г. В 1900-е годы Ллойд Джордж ввел в Англии систему страхования рабочих (по старости, безработице, компенсации при несчастных случаях на производстве). В США же первый законопроект о компенсации в случае производственного травматизма прошел через легислатуру штата Мэриленд в 1902 г., но был объявлен судебной властью антиконституционным. Аналогичные законопроекты, одобренные позднее в штатах Монтана (1909 г.) и Нью-Йорк (1910 г.), также были объявлены противоречащими конституции. Судья Уорнер, выступая от имени суда штата Нью-Йорк, заметил: "С точки зрения принятых у нас норм обычного права этот закон является откровенно революционным"¹⁶. Только в 1911 г. эта начальная мера социального страхования (компенсация при несчастных случаях на производстве) получила поддержку законодательных собраний ряда штатов и прошла через судебные рогатки.

Впрочем, в рассматриваемый период борьба за систему социального страхования оставалась для американского пролетариата в целом задачей будущего дня. Главным было добиться права на легализацию рабочих объединений. Официального признания права на организацию со стороны законодательных органов американский пролетариат добился в конце 1870-х – первой половине 1880-х годов. Тогда с профсоюзов были сняты ярлыки "заговорщических организаций". Но в то же время рабочим организациям не гарантировалось ни одно из условий, столь необходимых им во взаимоотношениях с предпринимателями: право на забастовку, коллективный договор, "закрытую мастерскую". В борьбе с капиталом каждый профсоюз должен был исходить только из сплоченности своих членов и солидарности с другими рабочими организациями. Девизом же капитала в отношениях с профсоюзами оставался принцип, высказанный одним из руководителей "Юнайтед стейтс стил": "Я всегда придерживался такого правила – если рабочий поднимает голову, нужно стукнуть по ней"¹⁷.

Среди тенденций американского рабочего движения той эпохи выделялись стремительный рост численности профсоюзов и боевой юнионизм, нашедший воплощение в деятельности первого национального профсоюза "Рыцари труда", Американской федерации труда начального периода и Американского железнодорожного союза. Среди этих тенденций налицо и усиливавшаяся тяга рабочих к социализму.

"Рыцари труда", первая национальная организация, созданная всем рабочим классом США, увеличили свою численность в 1880-е годы с 10 тыс. до 730 тыс. членов. Руководство "Рыцарей труда" выдвигало цель "установления кооперативной промышленной системы, которая превращает каждого человека в своего собственного работодателя"¹⁸. Система "кооперативных институтов" рассматривалась как альтернатива "наемному рабству". Наряду с организацией производственных и потребительских кооперативов в программе "Рыцарей труда" были записаны требования о борьбе за повышение заработной платы, сокращение рабо-

чего дня, запрещение детского труда, установление равной оплаты женщинам и мужчинам за одинаковый труд. Треть средств профсоюза шла на организацию кооперативов, вторая треть – на создание профсоюзов и последняя треть – на проведение стачек.

Кооперативам рабочих оказалось не под силу конкурировать с монополиями. Корпорации подавляли кооперативы также беспощадно, как и независимых предпринимателей. У руководителей кооперативных предприятий не было тех навыков в организации и ведении производства, которые капитал накапливал в течение десятилетий. Кроме того, эти предприятия подчас повторяли опыт фаланстеров фуьриерстов и колоний оуэнистов, которые, протестуя против капиталистической эксплуатации, сами вскоре перерождались, перенимая отношения, свойственные капитализму. Так, организованная "Рыцарями" кооперативная компания омнибусов распалась в результате забастовки собственных рабочих.

В конце 1880-х годов наиболее влиятельной организацией рабочего класса являлась уже Американская федерация труда (АФТ), в которой преобладала умеренная линия, представленная С. Гомперсом, но с ней не без успеха соперничала радикальная тенденция. В 1893 г. левые внесли на рассмотрение съезда АФТ знаменитую "политическую программу". Наряду с требованиями о предоставлении народу права законодательной инициативы, о признании народного референдума основой всякого законодательства, о муниципализации систем городского транспорта, водо-, газо- и электроснабжения, о национализации телеграфа, телефона, железных дорог и горной промышленности, а также типичными профсоюзными требованиями о введении 8-часового рабочего дня, об учреждении санитарной инспекции и социального страхования в программе содержалась идея установления "коллективной собственности всего народа на все средства производства и распределения"¹⁹.

Программа предлагала также превратить АФТ в организацию политического представительства рабочих. Съезд 1893 г. рекомендовал ее на рассмотрение низовым организациям 2244 голосами против 67. Подавляющее большинство местных организаций также одобрили программу (только одна из них высказалась против программы в целом и только 2 – против 10-го пункта, требовавшего обобществления всех средств производства). На съезде 1894 г. руководителю АФТ Гомперсу, использовавшему антидемократическую процедуру, а также изменение каждого пункта с помощью всевозможных поправок, удалось отвергнуть социалистические пункты программы. Но события тех лет продемонстрировали, что интерес рабочих к социализму становился реальным фактором.

Прецедент, имевший место на съезде АФТ в 1893 г., так или иначе повторялся и в последующем. В 1899 г. съездом АФТ была принята резолюция, призывавшая "тред-юнионистов Соединенных Штатов и вообще рабочих изучать развитие трестов и монополий, имея в виду их национализацию"²⁰. На съезде 1902 г. левые внесли на рассмотрение резолюцию, аналогичную 10-му пункту "политической программы" 1893 г. Она была отклонена незначительным большинством голосов – 4897 против 4171.

Идеал социализма был воспринят в 1890-е годы Американским

железнодорожным союзом, возглавляемым Ю. Дебсом. Другой крупный профсоюз, Западная федерация рудокопов, в 1902 г. постановил "признать принципы социализма без всяких оговорок" Эта резолюция была подтверждена в 1903 и 1904 гг. "Мы рекомендуем социалистическую партию трудящимся массам, – говорилось в постановлении съезда федерации в 1904 г., – как единственное орудие, посредством которого они смогут добиться... полного освобождения от нынешней системы наемного рабства..."²¹

Американские рабочие, тянувшиеся к социализму, вовлекались в конце XIX в. в движения христианских социалистов, национализаторов, многочисленные организации и группы, так или иначе отрицавшие капиталистический строй. На рубеже веков в США начинают укореняться и социалистические партии европейского типа. Две главные среди них – Социалистическая рабочая и Социалистическая партия – представляли разные тенденции международного социализма этой эпохи.

Социалистическая рабочая партия (СРП), претендовавшая на единоличное представительство политических интересов пролетариата вплоть до 1898 г. (когда образовалась Социал-демократическая партия, которая, слившись в 1901 г. с отколовшимся от СРП крылом М. Хилквита, дала начало Социалистической партии), известна сектантской позицией в отношении массового рабочего движения и антимонополистических партий. В 1880-е годы господствующие позиции в ней сохраняли последователи Ф. Лассалья. Лассальянцы, усвоив догму о "железном законе" заработной платы, твердили о бесперспективности профсоюзного движения и требовали сосредоточить все усилия на организации производственно-потребительской кооперации. К концу 1880-х годов лассальянцы уступили ведущую позицию в партии последователям марксизма. Но и они оказались догматиками в практической деятельности, не сумев, если воспользоваться оценкой Ф. Энгельса, "сделать из своей теории рычаг, который привел бы в движение американские массы"²².

В 90-е годы фактически единоличным лидером партии стал бывший профессор Колумбийского университета Даниэль Де Леон, использовавший разнообразные, но в большинстве откровенно сектантские стратегические и тактические схемы. Сначала он выдвинул идею борьбы за массы посредством "сверления" профсоюзов "изнутри". При этом социалисты стремились, в первую очередь, добиться наибольшего представительства на съездах АФТ, подчинить себе руководство федерации, но гнушались черновой повседневной работы с простыми рабочими.

В 1893 г. последователям Де Леона сопутствовала удача – разработанная СРП "политическая программа" была поддержана съездом АФТ и большинством местных организаций. Однако в следующем году она была провалена гомперсистами. Социалистам, правда, удалось отомстить Гомперсу: объединившись с оппозицией всех мастей, они выбили его из "седла" президента АФТ. Но уже в следующем году Гомперс снова, в этот раз уже накрепко, взял бразды правления в свои руки. Тогда-то

отчаявшийся Де Леон приказал социалистам покинуть АФТ с тем, чтобы применить идею "сверления изнутри" в отношении "Рыцарей труда" Это было очевидной ошибкой, ибо "Рыцари" в тот период влачили жалкое существование, не представляя массовое рабочее движение.

Вслед за этим Де Леон провозгласил установку на "двойной юнионизм". Социалистам предлагалось порвать всякие связи с существующими профсоюзами и приступить к созданию новых, социалистических по своим принципам союзов. Критикуя цеховые профсоюзы, объединявшие рабочих по профессиям, а не по отраслям, Де Леон усматривал в них ни много ни мало "заговор капиталистов и консервативных рабочих лидеров против рабочего класса"²³. Изолировав себя от реально существующих, доказавших жизнеспособность профсоюзов, его последователи провозгласили об организации Социалистического альянса квалифицированных и неквалифицированных рабочих. С самого начала Де Леон и его окружение третировали экономическую борьбу пролетариата, пытаясь подчинить альянс исключительно социалистическим целям. Они никак не могли признать, что массы неквалифицированных рабочих, даже если они сочувствовали идеалам социализма, нуждались не только в вере в светлое будущее, но также и в более коротком рабочем дне и более высокой заработной плате при капитализме.

Сама Социалистическая рабочая партия под руководством Де Леона оставалась крайне узкой организацией, ее численность не превышала 5 тыс. человек. Де Леон был больше всего озабочен тем, как бы не допустить в партию "несознательных" рабочих. Членам партии внушалась мысль, что социалисты не могут ограничиться ничем иным, кроме предъявления ультиматума о "безусловной сдаче капиталистической системы"²⁴. На съезде СРП 1900 г., когда в партии после выхода крыла М. Хилквита остались лишь сторонники Де Леона, он добился исключения из ее программы всех ближайших требований. Новая программа получила со стороны критиков название "импоссибилистской"

Подобное отношение к реформам наносило особенно жестокий удар по позиции СРП именно в исторических условиях рубежа XIX–XX вв., когда миллионы рабочих, фермеров, мелкой городской буржуазии, демократической интеллигенции вовлекались в антимонополистическое движение, нацеленное на разнообразные реформы. Де Леон не осознавал тех изменений в расстановке социальных сил, которые привносились эпохой монополистического капитализма. Когда американское фермерство, восставшее против "монополий-грабителей" и "предавших народ" двух главных партий, взывало к СРП о поддержке, Де Леон сурово предостерегал партию, что "средний класс может вступить в союз с пролетариатом только с намерением ездить на нем верхом"²⁵. (Это предупреждение было сделано Де Леоном незадолго до того, как популисты, отчаявшись добиться успеха собственными силами, вынуждены были примкнуть к Демократической партии.)

Де Леон даже приходил к выводу, что "эксплуататор" из среднего класса опасней для рабочего и "ненавистней" ему, чем миллионер Э. Карнеги. В движениях протеста против монополий он видел происки

"невежд" и "шарлатанов", называл их "дутыми" и доказывал, что проблема союза пролетариата со "средним классом" встанет тогда, когда этот последний будет продан шерифом с молотка²⁶. Изолировав СРП от рабочего движения, Де Леон изолировал его и от антимонополистических сил.

В отличие от СРП Социалистическая партия США, возникшая в 1901 г., добилась заметного влияния в политической жизни страны. Именно ей американский социализм обязан самыми крупными успехами за всю свою историю. За одно десятилетие численность Социалистической партии возросла с 10 тыс. до 150 тыс. человек, количество голосов, собираемых неизменным кандидатом Социалистической партии на президентских выборах Ю. Дебсом, увеличилось с 97 тыс. в 1900 г. до 1 млн в 1912 г. Более тысячи депутатов-социалистов заседали в законодательных собраниях различных штатов, в городских советах, они контролировали многие мэрии. Блокируясь с радикальными и демократически настроенными кандидатами, социалисты смогли провести в целом ряде штатов разнообразные законы о социальном страховании, признании прав профсоюзов, осуществляли муниципализацию коммунальных служб, добивались принятия политических реформ, ограничивающих влияние монополий и коррупцию. Пропаганда идеалов социализма осуществлялась сотнями периодических изданий партии (их число колебалось в разные годы от 300 до 400), тираж самой популярной социалистической газеты "Эпил ту ризэн" достигал 500 тыс. экземпляров.

Каковы же были цели партии, сумевшей сделать социализм кредо сотен тысяч человек? В значительной мере они отражали позиции II Интернационала. В Социалистической партии, как и во II Интернационале, сосуществовали три течения – левые, правые и центристы. До 1905 г. во главе партии стояла коалиция центристов и левых, причем центристы, имевшие в своих рядах М. Хилквита, А. Саймонса, Д. Спарго, считавшихся крупными теоретиками, по сути определяли ее идейно-политическое лицо. После 1905 г. центристы блокируются с правыми, во все большей степени контактируя с ними по стратегическим и политическим вопросам.

Центральной в выступлениях Хилквита, Саймонса, Спарго была, безусловно, проблема отношения к монополизующемуся капитализму. Их критика во многом созвучна критике Э. Беллами: указывая на невиданный рост производительных сил, национальных богатств вследствие концентрации и централизации производства и капиталов, трибуны соцпартии обращали внимание на одновременное сужение круга лиц, присваивающих себе львиную долю национального дохода, углубление пропасти между трудом и капиталом, усиление противоречий внутри класса буржуазии, выдвигание в нем на господствующую позицию монополистической верхушки. Они предлагали искать в монополизации истоки усиливающейся коррупции, продажности государственного аппарата, прессы. Доказывалось, что проблема трестов могла быть решена только по мере их полного обобществления. Мелкобуржуазный проект "роспуска трестов" и восстановления свободной конкуренции крити-

ковался как несостоятельный, ибо тресты не только были закономерным итогом промышленной эволюции, но и представляли огромный шаг вперед в сравнении со "свободным" капитализмом, намного увеличив производительные возможности общества. Либерально-реформистский же проект "регулирования трестов" отвергался по той причине, что мог только на время смягчить и завуалировать противоречия монополистического капитализма, но не был способен ликвидировать их.

Спарго, Хилквит и Саймонс представляли переход к социализму как закономерность, даже проводили идею "автоматического краха" капитализма. "Социалисты не делают революции, – утверждал Спарго, – гораздо ближе к истине будет сказать, что ее делают Морган и Рокфеллер". Идея социализма зиждилась не на чем ином, как на "здравом смысле", к ее принятию должны были прийти не только рабочие, но и капиталисты. Утверждалось, что для перехода к социализму необходимо лишь "вотировать новое правовое положение трестов", т.е. их передачу в общественную собственность. В США, по словам одного из центристских лидеров, этот переход осуществится после того, как "десять миллионов избирателей спокойно опустят требования об обобществлении средств производства и распределения в урну для голосования"²⁷).

Борьба за депутатские места объявлялась единственной "практической целью" партии и главным средством борьбы за социализм. Партия по сути отказывалась от иных средств борьбы. В отношении профсоюзов она исповедовала принцип "нейтральности", центристы и правые резко негативно относились к забастовочной борьбе пролетариата, декларируя, что "рабы капитала должны проголосовать за свою эмансипацию"²⁸. Да и вообще, партия не считала пролетариат своей главной опорой, а ориентировалась на средний класс и интеллигенцию.

Первоначальное различие между центристами и правыми сводилось в основном к тому, что первые связывали социалистическое переустройство общества с передачей всей политической власти в стране в руки социалистической партии и обобществлением всех средств производства и распределения, в то время как вторые утверждали, что социализм вызревает в недрах буржуазного общества и что каждая социальная реформа представляет собою акт отмирания капитализма и новую ступеньку социализма. В 1906–1908 гг. это различие между правыми и центристами исчезает, те и другие следуют отныне сугубо прагматическому курсу социализации капитализма.

Революционную тенденцию в соцпартии выражало левое крыло, представленное такими лидерами, как Ю. Дебс, Б. Хейвуд, Д. Лондон. Левые настойчиво критиковали идею парламентского социализма, а Ю. Дебс саркастически замечал, что "голосование за социализм является социализмом в той же степени, в какой меню является пищей"²⁹. В их собственной идейной платформе преобладала революционная фраза, причем среди левых все более и более укоренялись анархо-синдикалистские взгляды, не имевшие шансов на успех в стране, которая на протяжении более полутора столетий культивировала политические методы достижения социальных целей.

Стремление левых к идейной и организационной самостоятельности нашло выход с созданием в 1905 г. "Индустриальных рабочих мира" (ИРМ). Образование ИРМ отразило объективную потребность вовлечения в профсоюзы огромной массы неквалифицированных рабочих, которым не нашлось места в АФТ, и радикальные социальные устремления части пролетариата, особенно иммигрантов. Деятельность ИРМ с самого начала оказалась подчиненной анархо-синдикалистской доктрине. Ее защитники предлагали пролетариату отказаться от любых форм политической борьбы и стремиться ко "всеобщему локауту капиталистического класса". Все усилия пролетариата, доказывал У. Хейвуд, ставший душой "Индустриальных рабочих мира", должны быть направлены на организацию в каждой отрасли промышленности единого и единственного профессионального союза. Когда же такие объединения пролетариата будут созданы, ему останется лишь по сигналу руководства ИРМ "сложить руки в карманы и капиталистический класс окажется поверженным"³⁰.

В целом в рамках левых идеологий, оформившихся в качестве полнокровной традиции в период от окончания Гражданской войны до первой мировой войны, обозначились три тенденции.

Первая – тенденция революционного социализма – оставалась наиболее слабой, ориентированной на рабочих-иммигрантов и леворадикальную интеллигенцию. Она не смогла пустить прочных корней в США и в этот наиболее благоприятный для социализма период, по сути оставаясь маргинальным явлением даже в рамках радикализма.

Вторая тенденция – реформистский или демократический социализм, добившийся реальных идеологических и политических успехов в Соединенных Штатах. Представители этого течения пытались вписать свои идеалы в американскую национальную демократическую традицию и ориентировались на парламентские методы политической деятельности. В отечественной, как и в американской марксистской, литературе была распространена точка зрения, что именно этот прагматический курс соцпартии лишил ее собственного социалистического лица и явился главной причиной того, что Демократическая партия США, включившаяся в 1912 г. в свою платформу требования социально-экономических реформ, совпадавшие с программой социалистов, сумели "выбить почву" из-под ее ног. Такая точка зрения уязвима для критики по той причине, что многие ее выразители видели альтернативу курсу соцпартии в революционном социализме, который вообще не смог прижиться на американской почве.

Третье течение – американский несоциалистический радикализм – не было отгорожено от социализма китайской стеной, более того, в исповедовании глубинных преобразований общества смыкалось с ним. Но представители этого течения основывали свою идеологию не на европейских источниках, а на препарировании национальной либерально-демократической традиции эпохи свободного капитализма. Именно этому течению и суждено было стать главным в американском радикализме, что обусловило серьезные отличия последнего от европейских образцов левых идеологий.

После Гражданской войны в Соединенных Штатах на уме и на языке предпринимателей и финансистов было одно: даешь абсолютную, ничем не ограниченную свободу рынка! То, что такая свобода оборачивалась разорением и обнищанием для миллионов соотечественников и в конечном итоге подрывала социальный мир, ничуть не волновало новоявленных промышленных и финансовых цезарей. Главным было побыстрее сколотить миллионные состояния, а социальная цена предпринимательского успеха их мало интересовала. Отсюда следовал четкий идеологический заказ – любыми средствами утверждать культ индивидуального успеха.

Реакция двух главных американских идеологий – либерализма и консерватизма – оказалась различной. Либеральные идеологи пребывали в растерянности, ибо совершенно очевидно, что проповедь классических ценностей индивидуализма в новых социально-экономических условиях вступила в противоречие с двумя другими главными ценностями американского либерализма – эгалитаризмом и демократизмом. Главной идеологической задачей либералов стал поиск новой модели взаимодействия индивидуализма, эгалитаризма и демократии. Идеологическое же обоснование интересов экономических элит выпало на долю нового поколения американских консерваторов.

Из двух течений американского консерватизма второй трети XIX в. к концу века на главную позицию вышел буржуазный консерватизм, который являлся "наследником по прямой" Александра Гамильтона и Генри Клея.

Новое поколение поборников консерватизма внесло в него определенные коррективы. Главным было то, что высшей и даже единственной ценностью им были объявлены абсолютная экономическая свобода и полное государственное невмешательство в свободную "игру" социально-экономических сил. Идея же государственного покровительства банкам, торговле, промышленности официально отвергалась. Новое кредо консерватизма развивалось экономистами, философами, историками, социологами, юристами. В его защиту выдвигались самые разнообразные учения, а наиболее модным и популярным среди них стал социал-дарвинизм.

Родоначальник социал-дарвинизма, известный английский социолог Г. Спенсер, посетивший Соединенные Штаты в 1882 г., был поражен выпавшим на его долю успехом. Его лекции в университетских аудиториях и в клубах промышленников начинались и заканчивались под аплодисменты, его чествовали как национального героя. Впервые после Т. Пейна англичанин, правда из совершенно иного идеологического лагеря, добился подобного духовного влияния в Америке: в университетах страны повсеместно создавались кафедры социал-дарвинизма, он приобрел статус официальной социологической теории, которая к тому же стала основой основ других общественных наук, да и всей общественной мысли. "В первые три десятилетия после Гражданской войны, – констатировал американский историк Р. Хофстедтер, – никто не мог

утвердиться в какой-либо из сфер интеллектуальной жизни, не будучи последователем Спенсера. Почти все американские мыслители первого или второго ранга, такие, как Джеймс, Ройс, Дьюи, Боун, Харрис, Хоусон и Мак Кош, должны были признавать его авторитет. Он оказал определяющее влияние на большинство основателей американской социологии, особенно на Уорда, Кули, Гиддингса, Смолла и Самнера³¹. Зарождающаяся американская социология была социал-дарвинистской социологией.

Необычайная популярность социал-дарвинизма объяснялась рядом факторов. Конечно, нельзя сбрасывать со счета научной причины его успеха. Социал-дарвинизм заимствовал свои законы не просто из биологии, которая со времен О. Конта, родоначальника западной социологии, рассматривалась как наиболее близкая ей среди наук о природе, но из биологии, которая благодаря открытиям Чарльза Дарвина, обобщенным в 1859 г. в знаменитом труде "Происхождение видов путем естественного отбора", совершила гигантский скачок в своем развитии и оказалась в одном ряду с самыми передовыми науками своего времени. Г. Спенсер и его последователи, позаимствовавшие принципы Ч. Дарвина при объяснении общественных связей, утверждали оригинальные идеи эволюции, развития, качественных изменений социальных и политических институтов. Другое дело, что Спенсер и его последователи использовали дарвиновские выводы механистически, заявив, что законы борьбы за существование, естественного отбора и прогресса, гибели менее приспособленных и выживания наиболее приспособленных видов являются главными не только в биологии, но и в социологии. В результате социология была сведена на уровень биологической науки.

Популярность социал-дарвинизма в США объяснялась не в последнюю очередь тем, что он, как никакие другие учения, проповедовал неограниченный индивидуализм и самоутверждение личности, что соответствовало основополагающим идеологическим принципам Америки. Кроме того, многим и многим американцам принципы социал-дарвинистов казались зеркальным отражением окружающей их реальности: свободная конкуренция развивалась в последней трети XIX в. в самых жестоких формах, беспощадно и ежедневно сортируя людей на "более и менее приспособленных". Даже такие просвещенные американцы той эпохи, далекие от политических выводов социал-дарвинистов, как Д. Де Леон, Э. Беллами, Г. Ллойд, широко пользовались в своих сочинениях и выступлениях социал-дарвинистской терминологией. Социал-дарвинистскими категориями мыслили многие и многие герои одного из самых знаменитых писателей той эпохи, социалиста Д. Лондона (зачастую они живут, побеждают, уходят из жизни в полном соответствии с законами "борьбы за существование", гибели "менее" и торжества "более приспособленных" индивидуумов).

Но, безусловно, главной причиной успеха социал-дарвинизма было то, что исповедуемые им законы общества и политические рекомендации удивительно полно и точно отразили запросы новой социально-экономической элиты Америки. Главной темой американского социал-дарви-

низма было обоснование естественного, вытекающего из самой природы вещей происхождения социальных явлений и противоречий капиталистического общества, таких, как классовая борьба, конкуренция, миллионные состояния корпораций, с одной стороны, и массовая бедность – с другой. Сведение общественных законов к биологическим снимало вопрос о социально-экономической обусловленности этих явлений и противоречий. Явления и противоречия капитализма объявлялись извечными и неуничтожимыми категориями мироздания.

Признанным лидером американских социал-дарвинистов стал Уильям Грэм Самнер (1840–1910), возглавивший в 1872 г. кафедру политических и социальных наук в Йельском университете и превративший ее в теоретическую трибуну "чистого" индивидуализма. Самнер оказался блестящим проповедником и публицистом: его лекции, собиравшие огромные аудитории, распространялись затем многотысячными тиражами по всей стране. Самнера цитировали газеты и политики, миллионеры и ученые, а американскую социологию все чаще стали называть "самнерологией".

Одно из самых знаменитых сочинений Самнера называлось "Чем общественные классы обязаны друг другу". В нем глава американской социологии декларировал: в мировой истории не было ни одного периода, когда бы отсутствовали классы и классовая борьба. Самнер утверждал, что не видит никаких способов устранения или смягчения в будущем классовых антагонизмов. Идеи, предполагавшие возможность победы бесклассового общества и замены классовой борьбы социальным сотрудничеством, он высмеивал, как утопию.

Природа, по убеждению Самнера, предоставила человечеству только один вариант общественных взаимоотношений – войну всех против всех. Вслед за классовой борьбой воплощением естественного закона борьбы за существование объявлялась частнокапиталистическая конкуренция. Самнер неизменно называл финансовых и промышленных воротил, сокрушавших "менее приспособленных" конкурентов, "продуктом естественного отбора", элитой общества, отобранной самой природой.

Самнер и его последователи предлагали американцам всецело довериться естественному прогрессу цивилизации, ибо, по их убеждению, любые попытки искусственного воздействия на ход вещей в обществе могли только навредить ему. Указывая на прогрессивную эволюцию биологических видов, социал-дарвинисты утверждали, что и общественный прогресс возможен также только на естественноэволюционной основе и что государственное или любое иное управление ходом общественного развития способно лишь исказить и затормозить поступательное общественное движение.

Молох "естественного отбора", по Самнеру, должен был принизить всех "менее приспособленных" и утвердить господство "наиболее приспособленных" человеческих видов. В этом выражалась суть общественного прогресса. Любые же усилия, направленные на устранение крайностей неравенства и смягчение участи "менее приспособленных" индивидуумов, доказывал Самнер, противоречат научной формуле общественного прогресса и угрожают крахом цивилизации: "Многие экономисты выражают

неудовлетворенность распространенной в мире нищетою... Но при этом они не учитывают, что, отвергнув формулу выживания наиболее приспособленных видов, можно предложить только одну альтернативу – выживание наименее приспособленных. Первая лежит в основе развития цивилизации, вторая является формулой антицивилизации"³².

Самнер требовал от правительства неизменно руководствоваться в социально-экономической политике принципами *чистого индивидуализма*, и в первую очередь идеей *государственного невмешательства*, уходящей корнями в XVIII в.: "Все возможные достижения на пути к естественному социальному порядку могут быть лишь следствием саморазвивающегося прогресса, но не результатом реконструкции общества по плану какого-либо социального архитектора-энтузиаста... Общество должно быть свободно от их вмешательства, т.е. предоставлено самому себе в своем развитии. И здесь мы вновь должны довериться старой формуле – государственного невмешательства"³³.

Воспроизводя во многом лозунги классического индивидуализма, Самнер и его школа облекали их в новую упаковку. Если, например, А. Смит, физиократы, другие поклонники экономического либерализма из XVIII в. опирались на категории политической экономии, то социал-дарвинисты возвели конкуренцию и государственное невмешательство в ранг законов человеческой природы. Выводы школы Самнера в чем-то были созвучны учению Мальтуса, проповедовавшего, как известно, естественное возрастание нищеты в обществе. Историк Р. Хофстедтер, проследившая это сходство, приходил даже к заключению, что мальтузианство являлось одним из трех идейных источников социал-дарвинизма (двумя другими были учение Ч. Дарвина и классический индивидуализм).

Но при всем сходстве мальтузианства и социал-дарвинизма между ними имелось одно существенное различие: если Мальтус предрекал будущий крах человечества, то социал-дарвинисты твердили об общественном прогрессе. Этот прогресс, правда, предполагал исчезновение или прозябание "менее приспособленных" видов и вечное господство "более приспособленных" "Менее приспособленные" виды объявлялись не более чем игрушкой истории, необходимыми издержками и жертвами прогресса и должны были безропотно принести себя на его алтарь. Применив социал-дарвинистскую формулу "прогресса" к условиям США конца XIX – начала XX в., нетрудно обнаружить, что она освящала дух грубого предпринимательства и ничем не ограниченной эксплуатации пролетариата, а также неудачливой мелкой и средней буржуазии со стороны монополий, была направлена против как социалистических, так и либерально-реформистских идеалов.

Американские монополисты, познакомившись с социал-дарвинистскими принципами, без промедления взяли их на вооружение. Все они – Э. Карнеги, Д. Рокфеллер, Д. Херст, Д. Хилл и другие – неизменно преподносили себя как наиболее приспособленных индивидуумов, а созданные ими финансовые и промышленные империи – как высшее достижение естественного отбора. Некоторые из них становились активными пропагандистами социал-дарвинистских доктрин, распространяя их через газеты, журналы, а то и в пухлых сочинениях. Э. Карнеги,

создатель стальной империи, производившей металла больше, чем вся Великобритания, получил признание и в качестве теоретика социал-дарвинизма. Одной рукой он беспощадно истреблял в своей отрасли профсоюзы, а другой писал наставления для соотечественников о способах "выживания" в условиях благословенной экономической свободы. Его книга "Триумфальная демократия" стала практическим руководством для тех, кто желал сколотить миллионы, полагаясь на силу, волю, предприимчивость.

Финансовые и промышленные магнаты той эпохи были очень активны и в политике, нередко претендуя на высокие государственные посты. Особенно привлекательным оказался для них американский сенат, где в конце XIX – начале XX в. заседало 25 миллионов, почти треть состава палаты. Экономические тузы любили обосновывать закономерность превращения сената в "клуб миллионов" с помощью все тех же социал-дарвинистских аргументов. Газетный король и сенатор Д. Херст заявлял: "Я не слишком-то разбираюсь в книгах, не так уж много довелось мне их прочесть. Но я достаточно попутешествовал, много повидал и, основываясь на собственном опыте, пришел к заключению, что сенаторы являются продуктом выживания наиболее приспособленных видов..."³⁴

Претензия монополистов на то, что место под солнцем было завоевано ими исключительно благодаря выдающимся личным качествам, при ближайшем рассмотрении не выдерживала критики. Действительно, исповедуя принцип государственного невмешательства в конкурентную борьбу, руководители корпораций на практике, но не в теории отказывали в праве на правительственную помощь только низшим классам, в то же время активнейшим образом используя государственную власть для проведения в жизнь собственных экономических и социальных интересов. В последней трети XIX в. широкую огласку получили тесные связи между государственными властями и железнодорожными корпорациями. Империи железнодорожных королей Гульда и Вандербильда, как доказала демократическая пресса, были созданы, в первую очередь, благодаря щедрым подачкам из государственного земельного фонда, который согласно гомстед-акту 1862 г. предназначался для целей организации мелких фермерских хозяйств. Земельные владения, полученные железнодорожными компаниями от федерального правительства и властей штатов за щедрые взятки, равнялись ни много ни мало территории Франции.

Уже с момента возникновения первых предпринимательских объединений власти штатов соперничали друг с другом в создании наиболее благоприятных условий для развития корпораций на своих территориях. В 1875 г. в штате Нью-Джерси, известном как "родина корпораций", был принят закон, отменявший большинство ограничений на предельные размеры капиталов предпринимательских объединений, резко расширявший их возможности при получении займов и выпуске акций и облегчавший условия их ответственности перед кредиторами. Другие штаты, не желая отстать от Нью-Джерси и стремясь учредить как можно больше предпринимательских объединений, создавали для них тепличные условия. В 1892 г. законодатели Нью-Йорка, желая предотвратить инкорпорацию

крупнейшей промышленной компании США, "Дженерэл моторс", в соседнем Нью-Джерси, приняли закон об учреждении этой монополии в собственном штате на сверхльготных условиях.

В 70–90-е годы во многих штатах были приняты законы, отменявшие предельные размеры капиталов корпораций, предоставлявшие им право заниматься самыми разными видами хозяйственной деятельности, позволявшие монополиям выпускать акции без указания номинальной стоимости. Крупный капитал, не стесненный законодательными ограничениями, прибегал и к преступным средствам достижения своих целей. Отношение к Фемиде, выраженное К. Вандербильдом, было не менее циничным, чем отношение монополистов к "менее приспособленным" индивидуумам: "Какое мне дело до закона? У меня что – нет силы?"

В идеологии же защитники промышленных и финансовых цезарей неизменно исповедовали принципы чистого индивидуализма и государственного невмешательства. Кроме социал-дарвинистской социологии, эти принципы наиболее активно отстаивала политэкономия. Как отмечал В.Л. Паррингтон, даже самые известные европейские учения, противоречащие классическому экономическому либерализму, замалчивались в академических кругах. В конце XIX в., по свидетельству экономиста Р. Илая, политическая экономия "объявлялась в США завершенной наукой". В Колумбийской университете ее изучали по учебнику "Политическая экономия для начинающих", в котором были канонизированы принципы экономического либерализма. Прочитав эту единственную книгу, "каждый мог почитать себя экономистом"³⁵.

Единственная задача политической экономии сводилась к толкованию сформулированных столетие назад "абсолютных" законов неизменных и "естественных" экономических связей. Рассуждая строго в рамках классического учения, американские ортодоксы противились даже постановке новых тем, возникавших по мере перерастания свободного капитализма в монополистический. Традиционные же вопросы о ренте, прибыли, налогообложении решались в строгом соответствии с канонами. Единственное расхождение среди ортодоксальных экономистов обнаруживалось в вопросах таможенной политики: оно порождало нескончаемые дебаты между протекционистами и приверженцами фритредерства.

Испытание на ортодоксальность в американской политэкономии сводилось, как отмечал Р. Илай, к постановке перед испытуемым единственного вопроса: "Верите вы или нет в *laissez faire*? Или, иными словами, согласны ли вы с тем, что наиболее организованным является то общество, в котором государство воздерживается от каких бы то ни было попыток вмешиваться в развитие промышленности торговли, условий труда?"³⁶

Закрывая глаза на обострение противоречий капитализма, вступившего в монополистическую стадию, ортодоксы продолжали наделять его качествами "естественной гармонии" и "социальной справедливости", которые классики в свое время относили к системе свободного предпринимательства. Глава официальной политэкономии Д.Б. Кларк в книге "Распределение богатств" объявлял, что принцип "свободной игры" про-

должал оставаться единственным возможным регулятором справедливого распределения национального дохода между общественными классами. Требования профсоюзов о законодательном регулировании условий труда и заработной платы, как и популярные демократические требования о прогрессивном налогообложении доходов корпораций, регулировании тарифов и рыночных цен, Кларк считал абсолютно безосновательными и вредными. Официальная политэкономия объявляла проблемы монополий, обнищания фермерства и пролетариата надуманными от начала до конца.

Доктрина "государственного невмешательства" в экономику и социальные отношения оставалась на протяжении всей последней трети XIX в. официальным кредо американского правительства, обеих ведущих партий – и демократов, и республиканцев. Президент США демократ Г. Кливленд в речи при вступлении на этот пост в 1893 г. решительно отмахнулся от социальных запросов "низов", заявив: "...хотя народ и поддерживает правительство, правительство не обязано поддерживать народ". Один из его предшественников на президентском посту, республиканец Дж. Гарфилд, твердо стоял на том, что "в функции правительства ни в коей мере не входит обеспечение занятости"³⁷.

Принцип государственного невмешательства в экономику неукоснительно поддерживал и Верховный суд США. В его истолковании XIV поправка к федеральной конституции, одобренная в эпоху Гражданской войны и предназначавшаяся для защиты прав негров от посягательства со стороны властей штатов, стала использоваться в целях освящения неограниченных возможностей обогащения для бизнеса. Но, как и правительство, Верховный суд забывал о принципе государственного невмешательства, когда требование "свободы рук", в данном случае на рынке труда, выдвигалось профсоюзами.

С 1870-х годов против профсоюзов, полагавших, что рыночная свобода естественно подразумевает их право на забастовку, стали использоваться так называемые "инджанкшнз" – запретительные судебные предписания. Преимущество судебных предписаний в борьбе с забастовками состояло в том, что они не требовали разбирательства дела присяжными и могли быть вынесены по одностороннему ходатайству предпринимателей. Неповиновение судье, который при вынесении предписания не был связан демократическими процессуальными нормами, влекло за собой суровое наказание вплоть до запрета профсоюза и тюремного заключения. В последней четверти XIX в. "инджанкшнз" применялись против всех значительных стачек, в том числе и знаменитой Пульмановской забастовки 1894 г. Количество выносимых судебных предписаний стремительно росло: в 80-е годы их было издано 28, а в следующем десятилетии – уже 122.

Всевозможные теории, освещавшие государственное невмешательство в экономику, взаимоотношения индивидуумов и классов, господствовали в общественных науках и общественной мысли США и в последней трети XIX и в начале XX в. Народные массы утрачивали к ним доверие, вовлекаясь в движения, исповедовавшие иные идеалы. В перспективе это создавало угрозу американскому общественному строю, но, хотя такая

перспектива с каждым годом обозначалась все более зримо, признать ее и потребовать обновления ценностей американизма осмеливались очень немногие идеологи и политики даже в либеральных кругах. Первым среди них оказался социолог Лестер Уорд, заявивший о себе в 1883 г. двумя пухлыми томами "Динамической социологии".

Уорд попытался, и весьма решительно, дать новое направление американской социологической мысли. Отвергая аналогию между биологическим и общественным развитием, он настаивал на уменьшающемся значении для общества "естественного отбора" и возрастающей роли "искусственного отбора", совершающегося под воздействием целенаправленных усилий личности и общественных групп. Цель своих научных штудий Уорд видел в создании позитивного социального учения, способного дать ответ, по его заключению, "хаотическому состоянию политического и индустриального мира" конца XIX в.

Саму социологию Уорд потребовал разделить на две части: первая, или "чистая социология", предметом исследования имела "строение и законы общества", вторая, или "прикладная социология", – "разработку некоторых общих принципов, которые могут служить как руководство для социального и политического действия". Выяснение путей искусственного совершенствования социальной среды, т.е. задачу прикладной социологии, Уорд определял как "высшую цель социологии" и замечал, что "никогда не проявил бы интереса к последней, если бы не имел в виду этой ее цели". Свою "Динамическую социологию" Уорд первоначально хотел даже назвать "Великая панацея", а "Прикладной социологии", изданной в 1906 г., прямо дал подзаголовок: "Исследование о целенаправленном улучшении общества самим обществом"³⁸.

Жизнь и научная карьера Уорда существенно отличались от пути его главного оппонента – Самнера. Правда, оба социолога вышли из низов общества, оба испытали все трудности самоутверждения в послевоенной Америке. Но с конца 1860-х годов эта параллель прекращается. Если Самнер продолжал свое образование в лучших университетах Европы, а по возвращении на родину сразу возглавил кафедру в одном из престижных университетов, то Уорд вынужден был долгие годы подыскивать работу в различных департаментах государственной службы и читать низкооплачиваемые лекции в заштатных колледжах.

В 1880-е годы, когда идеи Самнера, развивавшиеся полностью в рамках буржуазно-индивидуалистической культуры, достигли наибольшей популярности, "Динамическая социология" Уорда, по замечанию историка Г.С. Коммаджера, "собирала пыль на полках книжных магазинов"³⁹. В 1890-е годы Самнер продолжал оставаться апостолом американских индивидуалистов, духовным вождем миллионов благополучных сограждан, а выдвинутая Уордом теория "социального мелиоризма" – улучшение социальной среды посредством целенаправленных реформ – была известна лишь в узкой интеллектуальной среде. Только последние книги Уорда, появившиеся в начале 1900-х годов, накануне и в преддверии либерально-прогрессистских реформ, принадлежали автору, признанному научным миром.

Истинным основанием науки об обществе Уорд объявлял не

биологию, а психологию. Именно психология должна была раскрыть движущие мотивы человека и человечества. Заключенные в человеческой психике "силы" он разделял на бессознательные и сознательные. К первым относились желания, "чувства, взятые в их совокупности", ко вторым – "интуитивная способность", человеческий интеллект. По мере развития и совершенствования общественных связей чувства и желания разрозненных индивидуумов, – доказывал Уорд, – выступали в форме мотивов различных социальных групп, классов, политических объединений. Наряду с изначальными индивидуальными желаниями – чувством голода, жажды, стремлением к самосохранению и продолжению рода – возникали новые, более сложные – "социальные, эстетические, нравственные и интеллектуальные, жажда прекрасного, хорошего и истинного". Но все эти желания и мотивы – от простых индивидуальных до самых сложных социальных, от изначальных физиологических до духовных – вытекали, согласно Уорду, из саморазвития человеческой психики, имели единую природу: "Все они первоначально являются психическими, даже те, которые классифицируются как духовные, ибо организм является единственным источником их происхождения"⁴⁰.

Выдвинув психологическое истолкование управляющих обществом сил, Уорд дал подобное же объяснение происхождения и сущности всех общественных институтов. Возникновение частной собственности выводилось из психического в своей основе желания иметь постоянный источник удовлетворения "физических потребностей". По мере развития частной собственности, обмена, торговли, ремесел психическое желание, давшее начало всем им, выступает уже как "стремление к накоплению капитала". Последнее превращается в "высшую страсть" человечества⁴¹. Метод психологизации общественных явлений логически приводил Уорда к выводу о том, что целью социальных устремлений всех общественных классов и групп является удовлетворение комплекса психических по своей сути желаний. Определяя соответственно социальный идеал любой группы и общества в целом как "наиболее полное удовлетворение желаний", Уорд неизменно доказывал, что достижение этого идеала возможно без революционных и радикальных изменений в общественной структуре.

Особое внимание Уорд уделил другому "психическому фактору цивилизации" – интуитивной способности индивидуума. Совершенствование интуитивной способности, превратившейся со временем в "способность изобретательства", вело к тому, что "естественный отбор" в общественном развитии все более уступал место "искусственному отбору", а человек из простой игрушки природных и социальных сил превращался в их господина. "Способность изобретательства" позволила человеку и обществу преодолеть "животные" принципы "борьбы за существование", господствовавшие в естественном состоянии, создать сначала "примитивные регулирующие системы", затем законы, государство, гражданское общество. Концепция изобретательной способности индивидуума и общественных групп приводила Уорда к формуле общественного прогресса, радикально отличной от учения Самнера и социал-дарвинистов:

"Формула, выражающая различие между биологическим и общественным развитием, заключается в том, что животный мир, находясь в полной зависимости от окружающей среды, изменяется под ее влиянием, в то время как человек сам изменяет окружающую среду, демонстрируя свое превосходство над ней и другими биологическими видами"⁴².

Эта формула направлялась Уордом против главной политической заповеди консерваторов – идеи государственного невмешательства: если весь комплекс социально-политических учреждений – правительство, законодательство и т.п. – был продуктом изобретательской способности, утверждал он, то попытки преобразовать или несколько изменить его относятся к тому же разряду, что и попытки учредить его, и так же нормальны.

На фоне господствовавших идеологических схем, не оставлявших низшим классам никаких надежд на улучшение своего положения, концепция Уорда имела яркое гуманистическое звучание. Но рассчитана она была не на революционные и радикальные партии. Уорд подчеркивал, что его концепция отвергает "только отсутствие регулирующей системы" в американском общественном строе, но ни в коем случае не сам этот строй. Любые учения, направленные на разрушение сложившегося общества и его основополагающих институтов, приравнивались им к утопии: "Фактически не существует такого явления, как разрушение институтов. Институты изменяют свой характер, приспособляясь к требованиям времени. Получая дальнейшее развитие под другими названиями, они теряют лишь видимую связь со своими предшественниками... Институты постоянны, они никогда не исчезают"⁴³.

Последнее суждение свидетельствует, что Уорд придерживался органической теории общественного прогресса и структурно-функционального метода, которые отрицают принципиальные различия между историческими типами обществ и его институтами, исходят из утопичности их полной замены. Общественные институты Уорд разделял на *частные* и *универсальные*. К первым он относил профсоюзы, корпорации, партии, которые выражали групповые интересы, а ко вторым – государство, церковь, назначение которых – достижение компромиссов и социального примирения. Теория органической, т.е. исторически непреходящей общественной структуры, функциональной, а следовательно, также исторически неизменной природы общественных взаимосвязей использовалась Уордом для обоснования реформистского воздействия на противоречия общества и одновременно критики революционных и радикальных учений: "Изменения в формах структуры не должны сопровождаться разрушением или повреждением самой структуры. Подобный процесс изменения и представляет собою то, что характеризует эволюцию. Различие между эволюцией и революцией есть различие между действительно динамическим процессом и простым разрушением, которое разбивает и уничтожает существующие структуры с целью замены их совершенно новыми. Структуры, разрушаемые революциями, являются органическими, или генетическими. Они создавались эпохами в процессе естественного отбора, отсеивания и социальной ассимиляции. Очень скоро после окончания революции выявляется тенденция восстановления

структуры и в новую структуру начинают вкрапливаться элементы прежнего порядка"⁴⁴.

Потребовав оставить в неприкосновенности "генетические и органические структуры", т.е. собственность, капитал, государство и партии, Уорд поставил целью реформировать и гуманизировать окружающую их социальную среду. Последнюю он разделил на подвиды – локальную, расово-этническую, религиозную, географическую, образовательную, экономическую (к ней были отнесены жилищные условия, досуг, величина доходов, условия труда и т.д.). Неравенство условий существования различных индивидуумов и общественных групп были раскрыты им весьма полно, с привлечением обильного статистического материала. При этом Уорд, вопреки Самнеру и его школе, объяснявшим общественное неравенство различием врожденных способностей индивидуумов, доказывал, что представители разных социальных слоев были поставлены в неравные условия обстоятельствами рождения и располагали не естественными, а в первую очередь искусственными неравными возможностями. Их и требовалось устранить с помощью *социального мелиоризма* – так назвал Уорд свой метод исправления общественных пороков.

В идее социального мелиоризма сочетались две цели. Первая выразилась в определении задачи социальной политики как "смягчения существующих страданий". Социал-дарвинистской формуле "выживания более приспособленных" противопоставлялась наполненная гуманистическим содержанием формула "выживания менее приспособленных". Вторая цель – достижение социального согласия, или консенсуса, как выражался вслед за отцом социологии О. Контом сам Уорд, нашла выражение в требовании "снабдить существующую систему такими гибкими элементами, которых будет достаточно, чтобы сделать ее более или менее прочной"⁴⁵.

По убеждению Уорда, существующее в США государственное законодательство, которое он определял как *негативное и запретительное*, не обладало ни одним из таких гибких элементов. Оно способствовало только обострению социальных конфликтов и создавало угрозу самой общественной структуре и ее институтам. Негативное законодательство должно было уступить место привлекательному законодательству, что требовало серьезно обновить классическое индивидуалистическое учение, ограничивавшее обязанности государства охраной прав собственности и личной безопасности. Дальнейший общественный прогресс связывался Уордом с решительным расширением социальных обязанностей государства: "Развитие общества будет сопровождаться все более высокими образцами государственной деятельности, пока наконец не будут разрешены одна за другой все трудные социальные проблемы. Напрасно утверждают, будто правительство неизбежно должно ограничиваться теми немногими функциями, которые оно до сих пор брало на себя. Ограничиваться оно должно только благом общества и всякий раз, когда будет открыт новый способ достижения этой цели путем правительственного действия, действие это будет предпринято"⁴⁶.

Сам Уорд не выдвинул конкретной программы социальных реформ,

предоставив это политикам. Но он заложил краеугольный камень обновленного либерализма, который со временем стали называть новым, или социальным, либерализмом.

В конце XIX в., кроме Уорда, с критикой классических доктрин индивидуализма выступила и группа реформистски настроенных экономистов, сплотившихся в 1885 г. в Американскую экономическую ассоциацию. Душой группы был Р. Илай.

Мировоззрение Р. Илая сложилось во время его пребывания в 1877–1881 гг. в Германии, где он стажировался после окончания Колумбийского университета. Сначала он ставил целью изучение философии, однако очень скоро увлекся идеями немецкой исторической школы в политэкономии. С 1878 г. в университете Гейдельберга он посещает курсы одного из основателей исторической школы, Карла Книса. Илай проникся симпатией и к самому учителю и его кредо: "Книс очень быстро стал моим героем. Он был действительно прогрессивным экономистом, сохранившим при этом надлежащее уважение к существующим институтам. Он рассуждал не об устранении, а скорее улучшении этих институтов, что могло быть достигнуто в ходе эволюционных процессов"⁴⁷. В 1879 г. Илай посещает также лекции и семинары А. Вагнера, еще одного лидера исторической школы. К концу пребывания Илая в Германии приобщение его к идеям немецких экономистов было завершено.

В германских университетах усвоили идеи исторической школы и многие другие молодые экономисты США. Конечно, их критическое отношение к канонам классической политэкономии было следствием их собственных сопоставлений этих канонов с окружающими социально-экономическими реалиями. Но теоретические принципы своей критики они позаимствовали у германских учителей.

Историческая школа декларировала приверженность историко-индуктивному методу, а также идее относительности всякой экономической теории, которые противопоставлялись дедуктивному методу А. Смита и классической школы, как и положению классиков об "абсолютном" значении принципов экономического либерализма. У немецкой исторической школы имелся очевидный рациональный момент, сводившийся к критике представлений классиков о статическом, неизменном характере экономических связей капитализма. Американские экономисты, усвоившие эту критику, использовали ее при анализе новых качеств американского капитализма, вступавшего в монополистическую стадию.

Немецкая историческая школа закрепляла за национальными историческими условиями и национальными политическими потребностями главенствующую роль в определении характера экономики, социального развития, политических институтов той или иной страны. Такой подход был исполнен прагматизма и подчинен практическим интересам германской буржуазии: принцип свободной конкуренции, например, отвергался исторической школой как противоречивший потребностям национальной экономики, которая в отличие от могущественного английского капитализма нуждалась не в "свободе рук" и фритредерстве, а в государственном покровительстве и протекционизме. Обострение же в Германии последней четверти XIX в. социальных конфликтов послужило причиной

того, что историческая школа стала уделять повышенное внимание концепции социальной функции, или социальной миссии, государства Гогенцоллернов. Социальные воззрения германских профессоров получили названия катедер-социализма, т.е. социализма, вышедшего из профессорских кафедр.

Американские последователи исторической школы, сравнивая формулы Адама Смита с окружающей их реальностью, делали вывод о несоответствии их друг другу. Смит и классики исходили из предположения об атомистическом строении общества, в котором каждый индивидуум являлся наделенным от природы раз и навсегда данным количеством свобод и прав "экономического человека" и в котором автоматически достигалась гармония индивидуальных и общественных интересов. Эта модель, вполне удовлетворявшая, по мнению Илая, американским реалиям в период до Гражданской войны, рухнула с образованием монополий и профсоюзов, начавшейся глубокой социальной дифференциацией и оформлением конфликтов между трудом и капиталом, корпорациями и мелким бизнесом.

Последователь Илая С. Пэттен прямо объявлял концепцию экономического индивидуализма анахронизмом: "Теория школы Адама Смита, следовавшей в своих выводах за физиократами, вполне удовлетворяла требованиям промышленного прогресса на протяжении определенной эпохи. Однако в настоящее время разработанные ею теоретические системы утратили свое значение и ценность, они должны быть заменены новой системой, отвечающей требованиям сегодняшнего дня и недалекого будущего"⁴⁸.

В чем же состояла цель новой политэкономической теории? От имени критиков ее определил Г. Адамс: "Совершенно очевидно, что восстановление утраченной гармонии предполагает обоснование новой системы этики, нового определения прав и обязанностей индивидуумов, а также новых определений свободы и либерализма, которые должны быть впоследствии включены в существующую систему законодательства"⁴⁹. Критики были единодушны в том, что новая политэкономия должна уделить первостепенное внимание не "экономическому человеку" и "невидимой руке" свободной конкуренции, а государству, этике, целенаправленным усилиям законодателей.

Р. Илай, обратившись в 1901 г. в качестве президента с посланием к Американской экономической ассоциации, попытался лаконично изложить социальный идеал новой политэкономии: "Действительный идеал находится посередине между анархией (т.е. нерегулируемыми социальными связями. – В.С.) и социализмом и может быть определен как принцип социальной солидарности"⁵⁰. Тут же он заявил о необходимости объединить лучшие черты двух учений – либерализма и социализма, имея в виду воплотить их синтез в Соединенных Штатах. Так глава американских критиков высказал идею, в которой можно увидеть прообраз теории конвергенции двух общественных систем.

Вчитываясь в сочинения американских экономистов-критиков, нетрудно обнаружить, что их волновали не столько экономические, сколько социальные проблемы, в первую очередь взаимоотношения крупных клас-

сов. Объяснение этому найти несложно: экономические показатели американского капитализма, вступившего в новую, высшую стадию, были, как никогда, хороши, а вот социальные отношения характеризовались необычным обострением. Лечить, по убеждению Р. Илая и его единомышленников, необходимо было именно их.

Как полагал Илай, отсутствие целительных средств в классической индивидуалистической теории и создало в США идеологический вакуум, который стали стремительно заполнять социалистические и радикальные идеалы. В 1894 г. в книге "Социализм: рассмотрение его природы, силы, слабостей и обоснование социальной реформы" он первым среди либеральных идеологов заявил, что социалистическое учение обладает "могущественным характером обличения существующих институтов" и что "сила социализма объясняется не только его обличениями существующих институтов, но и его позитивной программой". Не принимая социалистическую альтернативу, поскольку она нацеливалась на искоренение таких ценностей цивилизации, как собственность, рынок и капитал, Илай вместе с тем настойчиво потребовал разработать "практическую социальную реформу", которая смогла бы добавить "консервативным и осторожным путем" к существующей системе "сильные качества социализма"⁵¹.

Илай давал подробный разбор разнообразных социалистических учений, а больше всего места уделил концепции Э. Беллами, достигшей тогда пика популярности в США. Но все же главную опасность для американских устоев он видел в учении Маркса, обладавшем, как подчеркивал Илай, наиболее глубоким теоретическим основанием. Главный его вывод состоял в том, что теория социалистического переустройства Маркса сохраняет силу и сможет реализоваться в условиях "пассивного государства". Илай призывал лидеров Америки использовать в качестве реального противоядия от Марксовых пророчеств "практическую социальную реформу"⁵².

Итак, государству, ведущим политическим партиям предлагалось играть позитивную роль в решении экономических и социальных антагонизмов. Для этого необходимо было смело отвергнуть или ревизовать ряд священных в глазах американцев доктрин. Первой среди них Илай назвал классическую доктрину индивидуализма. Абсолютная свобода во взаимоотношениях индивидуумов, провозглашенная классической доктриной, по его утверждению, имела прогрессивное звучание в условиях широких экономических возможностей и социальной однородности. В условиях же монополизации экономических возможностей небольшой группой корпораций "абсолютный индивидуализм" оборачивался тиранией сильнейших и "увечием рабства" большинства общества. Абсолютному индивидуализму, по Илаю, должен был быть противопоставлен регулируемый, или просвещенный, индивидуализм.

Далее Илай пересмотрел классическую концепцию естественных и неотчуждаемых прав человека. Для многих американцев в условиях сосредоточения собственности в руках корпораций, указывал он, она превратилась в ничего не значащую декларацию. Определив ее как *негативную* концепцию прав и свобод человека, Илай противопоставлял ей *позитивную*

тивную концепцию: государству предлагалось провести разнообразные реформы в интересах рабочих, фермеров, безработных, инвалидов и одновременно регламентировать экономические свободы предпринимателей. Это, отмечал он, возможно, и "уменьшит количество теоретической свободы", но зато будет способствовать развитию "практической свободы" всех членов общества.

Подобно Уорду, Илай неизменно подчеркивал, что реформы должны быть направлены на совершенствование общества, но не на разрушение его фундаментальных основ. К фундаментальным основам были отнесены и классовые различия: "Существование классов имеет свои положительные и негативные стороны. С одной стороны, существование нескольких классов способствует развитию различных по своему характеру дарований и способностей. Негативная же сторона классовых различий состоит в том, что они по мере дальнейшей дифференциации ведут к разобщению нации... Идеальным является общество, основывающееся на гармонии и сотрудничестве классов, общество... цементирующее все классы в единый общественный организм"⁵³.

К фундаментальным ценностям Илай относил также экономическую конкуренцию, которая согласно его концепции сама по себе являлась нейтральной силой и обретала конкретное содержание в зависимости от ее законодательной "упаковки". Он был безусловным сторонником законодательного определения правил конкуренции и полагал даже, что в отдельных случаях, например в сферах городского транспорта, водоснабжения, пользования лесными богатствами, она должна была уступить место монополии в форме муниципальной собственности. По-новому Илай подошел и к определению права на частную собственность. В последней им выделялись две стороны – индивидуальная и социальная. Он как бы реанимировал идею Джефферсона, Франклина и Пейна о собственности как общественном установлении и, обнаружив в ней социальный элемент, предлагал обществу узаконить свое право вмешиваться в ее развитие.

Илай и его единомышленники сумели подготовить солидную основу для развития социально-реформистского варианта либерализма. Их концепции, как и идеи Уорда, составили теоретическую платформу социального либерализма, который обрел законченный вид уже на следующем историческом этапе. Этот этап, начавшийся на рубеже XIX–XX вв. и продолжавшийся до первой мировой войны, породил уже целую плеяду идеологических и политических выразителей социального либерализма.

В начале XX в. проповедники социального либерализма из академической среды уступают ведущую позицию мыслителям и политикам новой волны, таким, как Г. Кроули, У. Уэйл, У. Липпман, Л. Брандейс, Т. Рузвельт и В. Вильсон, нацеленным на развитие конкретных программ, способных привлечь к новым идеям внимание широкой общественности и политических партий.

Одним из наиболее ярких представителей новых либералов в начале XX в. стал нью-йоркский журналист и издатель, основатель знаменитого либерального журнала "Нью Рипаблик" Герберт Кроули (1869–1930). Его

книга "Будущее Америки", вышедшая в 1909 г., стала настольной книгой для многих и многих либерально-реформистских политиков. Теодор Рузвельт, связавший себя как раз в те годы с реформаторской деятельностью и возглавивший Прогрессивистскую партию, костяк которой составили новые либералы из Республиканской партии, воспринял сочинение Кроули как откровение. По прочтении книги Рузвельт отослал автору восторженное письмо: "Не помню, приходилось ли мне читать книги, которые бы обогатили меня, подобно Вашей... Я буду свободно пользоваться Вашими идеями в речах, которые собираюсь произнести" Доктрина Нового национализма, развитая в книге Кроули, не нуждалась, по словам Рузвельта, "ни в каких поправках". И позднее Рузвельт определял сочинение Кроули как "наиболее полное и глубокое исследование национальных условий из всех книг, появившихся за многие годы" и как "истинную книгу Прогрессивистской партии"⁵⁴.

Включившись в президентскую кампанию на платформе Нового национализма, Рузвельт доказывал, что "ставит национальные интересы выше секционных или индивидуальных интересов", требовал резко расширить права федерального правительства и особенно президента страны: "Новый национализм нетерпим к тому крайнему беспорядку, который проистекает из-за укоренившейся традиции решать национальные проблемы на уровне законодательства штатов. Он еще более нетерпим к той беспомощности, которая вызвана излишней распыленностью государственной власти... Новый национализм рассматривает исполнительную власть как хранилище общественного благосостояния"⁵⁵.

Кроули намного превзошел в популярности и влиянии и Уорда, и Илая. А ведь он отнюдь не был более глубоким мыслителем, и его теоретические рассуждения существенно уступали построениям лидеров реформистской социологии и политэкономии. Но Кроули писал гораздо более остро, а главное, он смог сделать реформистскую идеологию доступной самым широким слоям американцев. Если Уорд и Илай критиковали заокеанских классиков, социологию и политэкономия, то Кроули подверг всесторонней и весьма впечатляющей критике "ошибки" американских отцов-основателей, хорошо известных большинству граждан США, Джефферсона и Гамильтона. При этом он обнаруживал в воззрениях двух главных, по его убеждению, отцов-основателей также фундаментальные и непреходящие ценности американизма, которые должны были быть, безусловно, сохранены и включены после очищения от ошибок в обновленную национальную веру.

Джефферсона Кроули объявлял главным архитектором американской демократической мечты о равенстве возможностей сограждан и приобщении каждого из них к экономическому благоденствию и политическому управлению. Но, сокрушался Кроули, Джефферсон не смог верно определить средства достижения великой цели: его формула "лучшее правительство то, которое меньше правит" обозначила в качестве средства реализации этой цели индивидуальное самоутверждение и, как результат, пустила "великую американскую мечту" на самотек. Правда, отмечал Кроули, в период до Гражданской войны концепция Джефферсона еще действовала, причем порой весьма успешно, но затем,

особенно же с образованием мощных предпринимательских объединений и профсоюзов, не оставлявших независимым индивидуумам шансов на успех, она потерпела крах.

"Великая американская мечта" Джефферсона, по убеждению Кроули, могла быть утверждена в новых условиях только с помощью иных средств. И эти средства содержались в концепции не кого иного, как главногo антагониста Джефферсона, Александра Гамильтона. Гамильтон выдвинул концепцию сильного центрального правительства, он справедливо отверг как несостоятельную и вредную доктрину суверенитета штатов, он же обосновал идею сильной президентской власти. Но Гамильтону была присуща собственная "ошибка" – он хотел поставить сильное центральное правительство на службу интересам северо-восточной финансово-торговой буржуазии, что было неприемлемо для американцев. Ошибка Гамильтона, доказывал Кроули, должна быть, безусловно, исправлена, но его великая идея сильного национального правительства заслуживала право на существование и включение в национальную политическую традицию. Только это сильное национальное правительство могло быть поставлено на службу всеобщему благоденствию и социальному миру. Это и будет Новым национализмом – сильное национальное правительство на службе всеобщего благоденствия⁵⁶.

Кроули был убежден, что вывести Соединенные Штаты из социального кризиса, возвысить национальный интерес над классовыми и групповыми, в первую очередь над интересами монополий и профсоюзов, сможет только сильный политический лидер, который должен быть избран президентом страны. Но кто сможет стать американским Бонапартом, балансирующим между разными интересами, примиряющим их и в то же время подчиняющим своей воле? Кроули примерял "бонапартовскую треуголку" к разным деятелям и приходил к выводу, что им может стать только Теодор Рузвельт: он был сильной личностью, а главное, обладал независимым мышлением, не подстраивался в отличие от У.Д. Брайна к желаниям толпы.

Идея Кроули о необходимости возвысить национальное правительство над всеми, даже самыми могущественными социальными интересами, нашла самую широкую поддержку среди новых либералов. В этой идее они увидели чуть ли не панацею. Так, С. Пэттен утверждал: "Мы не нуждаемся ни в новом мире, ни в новом человеке, единственное, что нам необходимо, так это новое государство, чья власть будет превосходить возможность любого объединения эгоистических индивидуумов и чьи обязанности будут соответствовать желаниям человека"⁵⁷. Но вот в вопросе о том, каким должно быть это новое государство, среди либералов возникли разногласия.

Кроули относился с недоверием к демократическим формам правления и полагал, что в переходную эпоху, которую переживали США, национальное единство могло быть утверждено только сильной рукой. Прямую демократию он не считал приемлемой и по той причине, что народ, по его убеждению, действовал в большинстве случаев иррационально, полагаясь на слепое чувство социальной справедливости, а не на принципы эконо-

номической и политической целесообразности. В связи с этим приводились разнообразные примеры: разрушение Национального банка в период джексоновской демократии или требование популистов о роспуске монополий и восстановления равенства мелких товаропроизводителей. Кроули требовал вернуть судьбы нации просвещенному национальному лидеру и его команде.

Таким образом рассуждали далеко не все либералы. Более того, большинство среди них полагали, что прогрессивные экономические и социальные реформы не могли быть проведены в США как раз из-за недостаточного демократизма государственной системы. В начале XX в. громко прозвучали голоса Д.А. Смита и Ч. Бирда, выступивших с фундаментальными исследованиями о происхождении американского государства. Они выдвинули концепцию о консервативных намерениях отцов-основателей США, воплотивших в федеральной конституции разнообразные доктрины, призванные защитить классовые интересы собственников и блокировать обновленческие устремления народа⁵⁸. От прошлого перебрасывался мостик в современность: приводились многочисленные примеры, свидетельствовавшие, что Верховный суд и сенат в строгом соответствии с предначертанием отцов-основателей "хоронил" демократические законопроекты, исходившие от массовых движений.

В начале XX в. широкую популярность завоевал публицист и политолог У Уэйл, раскритиковавший недемократичные способы формирования ряда высших государственных органов. Американская политическая система, заключал Уэйл, отстраняла большинство нации от государственного управления, превращала государственную машину в орудие плутократии, делала ее негибкой, неприспособленной к реформаторскому курсу⁵⁹.

Бирд, Смит, Уэйл заняли место на левом фланге обновлявшегося либерального движения, высказавшись в пользу применения джефферсоновской концепции прямой демократии. С этой целью они потребовали введения прямого выдвижения избирателями кандидатов на государственные должности, прямых выборов сенаторов, президента, предоставления народу права законодательной инициативы и признания за народным референдумом решающей роли при решении судьбы всех важных законопроектов. За избирателями должно было быть закреплено право на отзыв депутатов и судей. В начале XX в. эти предложения завоевали среди либералов большую поддержку, нежели концепция просвещенного президентского правления, которую пропагандировал Кроули.

В начале XX в. либеральные идеологи активнейшим образом занялись обоснованием реформистских рецептов рабочей политики. Репрессивная политика в отношении рабочего движения, как и принцип "естественного", а на практике кулачного выяснения отношений между трудом и капиталом были ими решительно осуждены. Кроули указал на полную бесперспективность запретительных методов в отношении рабочих объединений: "Крупные американские предприниматели и вся официальная политикоэкономическая система оказываются в положении обороняющихся, отказываясь отдать предпочтение тред-юнионам...

Упрямо отсиживаясь в обороне, они забывают, что приверженность в войне простой оборонительной тактике означает приверженность проигрышной тактике. Каждая победа, одерживаемая профсоюзами, упрочивает их позиции. Каждая битва, которую они проигрывают, означает лишь временное поражение их наступательной тактики... Несколько десятилетий подобного рода сражений приведут к тому, что профсоюзы станут доминирующей силой в войне, а результаты ее будут нетерпимыми и разрушительными"⁶⁰.

Либеральные идеологи выделили в рабочем движении две тенденции: тред-юнионистскую и радикально-социалистическую. Опасность для американских устоев, по их мнению, представляла вторая тенденция, что же касается тред-юнионизма, то он, даже выступая в агрессивных формах, преследовал цель улучшения положения рабочих в рамках существующей системы, не посягая на последнюю. Перед государством в связи с этим ставилась задача: легализовать первую тенденцию и интегрировать тред-юнионистское движение в американское общество, что являлось самым верным способом нейтрализации второй тенденции, угрожавшей первоосновам США. Иными словами, государство должно было воспрепятствовать соединению тред-юнионизма и социализма, сделать профсоюзы партнерами государства и бизнеса.

Либералы признали наличие реального конфликта между трудом и капиталом, но, вступив в полемику с марксизмом, отказались от определения этого конфликта как антагонистического. Эпицентром конфликта труда и капитала, утверждал главный разработчик либерально-реформистской концепции рабочей политики Д. Коммонс, является не производство, а сфера распределения, по этой причине пролетариат "вместо идеалистического средства, сводящегося к обобществлению средств производства, использует практические средства, направленные на уничтожение конкурентной угрозы при помощи защитительных организаций или защитительного законодательства"⁶¹. Определив конфликт между трудом и капиталом как исключительно распределительный, либералы предложили искать соответствующие способы его разрешения.

Первым среди них было признано приобщение рабочих к владению в той или иной форме собственностью. Некоторые либералы, например Илай, указывая на опасность отчуждения труда от собственности, считали, что оно может быть снято с помощью введения рабочих акций, участия в прибылях, различных форм кооперативного труда. Широкая диффузия рабочих акций призвана была не только повысить заинтересованность рабочих в наращивании производства, но и восстановить его веру в справедливость частной собственности.

Другим важнейшим средством разрешения распределительного конфликта либералы объявили введение подвижной шкалы заработной платы, означавшей, что доходы рабочих должны были автоматически увеличиваться в связи с ростом производительности труда, расширением прибылей предприятия, а также и в связи с инфляцией. В отличие от консерваторов они отвергли как вульгарную теорию о "железном фонде" заработной платы и потребовали признать, что труд и капитал в равной

степени являются создателями прибавочной стоимости (при этом как другую крайность они отвергли и Марксову теорию трудовой стоимости).

Одним из надежных способов урегулирования трудовых конфликтов либералами признавался коллективный договор профсоюзов и предпринимателей. Многие либералы выступили защитниками государственного закона о минимуме заработной платы: он должен был защитить рабочих от колебаний конъюнктуры на рынке труда. Отстаивался и закон о максимальной продолжительности рабочего дня. Активно разрабатывалась и пропагандировалась программа социального страхования рабочих на случаи болезни, безработицы, наступления старости. При этом была отброшена теория ортодоксальных экономистов, доказывавших, что предприниматели не несут ответственности за утрату рабочими трудоспособности. Либеральный юрист Л. Брандейс требовал признать расходы капитала по страхованию при несчастных случаях на производстве, по болезни, инвалидности, преждевременной смерти неотъемлемой статьей стоимости жизни⁶².

Высшей целью новой рабочей политики, по убеждению многих либералов, должен был стать консенсус классов и обеспечение оптимальных условий для экономического развития нации. Достижение консенсуса требовало уступок со стороны как предпринимателей, так и профсоюзов. Они нуждались в арбитраже и таковым призвано было стать государство. Государственный арбитраж, доказывал Кроули, должен был предотвратить любые насильственные способы разрешения конфликтов, а в первую очередь стачки: "Ни одна забастовка не должна быть объявлена до тех пор, пока не будут исчерпаны все средства достижения компромисса между профсоюзами и хозяевами, а в случае, если забастовка начнется, общество обязано сформулировать справедливое отношение к конфликту"⁶³. Кроули и его единомышленники конструировали модель равновесия социальных сил в Соединенных Штатах, которое утверждалось и поддерживалось государством.

Острые споры развернулись среди либералов по вопросу об отношении к монополиям. И здесь взоры их устремлялись к государству, но политика его в экономической сфере мыслилась по-разному. Часть либералов проповедовала идею ликвидации монополий, восстановление и поддержание при помощи государства свободной конкуренции, вместе с которой должна была установиться и столь желанная социальная гармония. Другая часть требовала признать монополии в качестве новой, более высокой и, безусловно, более эффективной экономической ступени развития, но вместе с тем требовала от государства создать надежный перераспределительный механизм, который бы позволил воспользоваться плодами возросшей экономической мощи общества всем его представителям.

Во главе первой группы выступили юрист Л. Брандейс и лидер Демократической партии США В. Вильсон. Брандейс выдвинул яркий лозунг Новой свободы и конкретную программу восстановления свободной конкуренции. Вильсон же взял их на вооружение во время президентской кампании 1912 г. И Брандейс и Вильсон, пытаясь избежать обвинений в экономическом утопизме, требовали различать два процесса:

технико-экономическую концентрацию производства, с одной стороны, и финансовую централизацию, слияние акционерных капиталов – с другой.

Оба лидера доказывали, что развитие крупного производства, или большого бизнеса, по определению Вильсона, является продуктом естественного роста, формируется на почве свободной конкуренции, но в то же время не побивает ее, совпадая с требованиями экономического и общественного прогресса. Второй процесс, напротив, был искусственным, основывался на почве не экономической эффективности, а заговора. Этот второй процесс только и вел к образованию монополий: они были созданы в результате тщательно продуманных усилий, преследующих цель избавиться от конкуренции и извлечь сверхприбыль.

Признание Брандейсом и Вильсоном концентрации производства и большого бизнеса представляло существенный отход от фермерской антимонополистической традиции конца XIX в., которая также включала требование роспуска монополий, но в то же время объявляла идеальным мелкотоварное производство. Апология мелкотоварного производства воспринималась либералами начала XX в. уже как анахронизм, и, признавая большой бизнес, Брандейс и Вильсон отводили от себя обвинения в экономическом романтизме, переводя спор о монополиях в плоскость дискуссии о целесообразности определенных типов предпринимательских объединений. "Я за большой бизнес, но я против трестов", – высказал свое кредо Вильсон. Он и его сторонники критиковали как теоретическую беспомощность неумение отличить крупномасштабное производство от "совершенно определенных типов объединений", гигантских "промышленных и денежных трестов"⁶⁴.

Те же либеральные реформаторы, которые брали под защиту монополистические объединения, со своей стороны обвиняли в теоретической беспомощности группу Вильсона–Брандейса. Один из них, публицист У. Липпман, объявлял различие между большим бизнесом и трестами "настолько смутным, что его не сможет отразить ни один закон" Если даже признать, полемизировал он с Вильсоном, что "большой бизнес является бизнесом, выжившим в ходе конкуренции, а тресты являются организацией с целью избавления от конкуренции", то из этого следует лишь то, что существуют два способа образования монополий, а потому идея возможности искоренения монополизации есть не более чем иллюзия⁶⁵.

Идее роспуска монополий Липпман противопоставил другую реформистскую идею – государственного регулирования предпринимательских объединений. Свое законченное воплощение она получила в концепции Нового национализма Кроули и Рузвельта. Оба главных защитника Нового национализма видели бесспорное достоинство монополистических объединений в том, что они покончили с экономическим хаосом, свойственным свободной конкуренции, внесли упорядоченность в экономическое развитие, способствовали росту национальных богатств. Другое дело, что львиная доля национальных богатств присваивалась узкой горсткой корпораций. Вот здесь-то и должно было сказать свое слово государство: в его обязанности Новый национализм включал введение контроля над ценами, прогрессивно-пропорциональное налогообло-

жение доходов предпринимательских объединений и частных наследств, инспектирование качества продукции монополий, выявление и пресечение нечестных сделок и т.д.

Новая свобода и Новый национализм выступили в качестве соперничающих политических доктрин на президентских выборах 1912 г. Первый был начертан на знамени Демократической, а второй – Прогрессивной партии, образовавшейся из либерально-реформистского крыла республиканцев. Вудро Вильсон, лидер демократов, сумел выиграть президентское состязание, набрав более 6 млн голосов избирателей (Рузвельт уступил ему 2 с лишним млн голосов). Соединенные Штаты одобрили возможность и необходимость большого бизнеса, но в то же время потребовали от государства стоять на страже свободной конкуренции.

Хотя Вудро Вильсон и Теодор Рузвельт были главными соперниками на президентских выборах 1912 г., оба они отстаивали концепцию активного реформистского воздействия на общественное развитие. И то, что оба претендента-реформатора сумели решительно потеснить кандидата от Республиканской партии США, поклонявшейся консервативным идеалам, являлось настоящей политической сенсацией, которая свидетельствовала, что социальный либерализм набрал в США большую силу и отныне стал реальным фактором, влияющим на развитие американского общества. Это имело принципиальное значение и последствия для изменения расстановки социальных и политических сил в стране и для всей ее последующей судьбы.

Либерализм обрел новый облик, преобразовавшись в социально-реформистскую идеологию. Социально-реформистские концепции и программы, выдвинутые и разработанные тогда новыми либералами, были столь обширны и разнообразны, что их последователям в XX в. пришлось мало что добавлять к ним по существу. Чем была обусловлена такая трансформация? В отечественной историографии традиционно подчеркивалось значение фактора "защитной реакции" либерализма на распространение социализма и радикализм, трактуемой как борьба против них. Значение этого фактора отрицать невозможно и сегодня, но необходимо отметить, что он не исчерпывал причин трансформации либерализма, а кроме того, трактовался упрощенно. В действительности, как показывают источники, имела место не прямолинейная борьба либерализма против социализма, а острый и конструктивный спор-диалог либералов с социалистическим учением, продемонстрировавший их желание и способность воспринять от социализма ряд критических оценок капитализма и позитивных программ, направленных на изменение общественных отношений в Соединенных Штатах.

Кроме того, что принципиально важно, эволюция американского либерализма была следствием не только спора-диалога с социализмом о возможностях и путях разрешения противоречий монополизирующегося общества, но и результатом саморазвития либерализма, развития им применительно к новым историческим условиям тех качеств эгалитаризма, демократизма и гуманизма, которые были заложены в американском либерализме со времен Джефферсона, Франклина и Пейна и закреплены во времена Линкольна. Некоторые либералы, как, например, Уорд, разра-

батывали социально-реформистскую теорию без всякой оглядки на социализм, их движущим мотивом явились гуманизм и глубокое сочувствие народу.

Идеологическое обновление либерализма в США на рубеже XIX–XX вв. было столь глубоким и всесторонним, что быстро восстановило к нему доверие многих американцев. Но этого не произошло бы, если бы либерализм изменялся только в сфере идеологии, не подкрепляя своего стремления к социальным переменам в политической практике. Уже на рубеже XIX–XX вв. сторонники либерально-реформистских идеалов стали претворять их в жизнь и сумели добиться определенных позитивных результатов. Назовем только самые существенные среди них. Во-первых, это многочисленные антимонополистические законы штатов, а также федеральные антимонополистические законы Шермана (1890 г.) и Клейтона (1914 г.). В соответствии с этими законами было возбуждено большое количество процессов против предпринимательских объединений: процессы эти не пресекли монополизации, но все же направляли ее в русло, позволявшее выживать и экономической конкуренции. Серьезным успехом реформаторов явилось одобрение в 1913 г. XVI поправки к конституции, введившей федеральный подоходный налог, и XVII поправки, провозгласившей прямые выборы в сенат Соединенных Штатов. Во многих штатах, кроме того, были приняты демократические законы о прямых первичных выборах (тайное выдвижение избирателями кандидатов в президенты от политических партий), введены различные формы социального страхования, одобрены другие реформы. Либералы все более твердо отказывались отдавать вопрос о судьбе капитализма на откуп "естественным силам". Так что к тому моменту, когда лидеры революционного социализма в Европе сформулировали выводы о монополистическом капитализме как последней стадии капитализма и кануне пролетарских революций, американский либерализм сумел в существенной мере реформировать механизмы национального капитализма, встроить в него регуляторы, если не снимавшие, то серьезно смягчавшие традиционные антагонизмы.

1920–1990-е ГОДЫ:
КОНЦЕРТ ИДЕОЛОГИЙ

Либеральное кредо: от Ф.Д. Рузвельта до У. Клинтона

Первая мировая война, революция в России и последовавшее вслед за ними разделение мира на противоборствующие социальные системы знаменовали вступление человечества, в том числе и Соединенных Штатов Америки, в этап новейшей истории. С тех пор США постоянно занимали ведущую позицию среди капиталистических стран. Эти страны не были однородны – после первой мировой войны главные среди них все более разделялись на две группы: одну представляли тоталитарные режимы Италии, Германии и Японии, в другой тон задавали США и Великобритания, исповедовавшие буржуазно-демократические ценности. Каждая из этих групп стремилась ответить на вызов социализма, но средства предлагались разные: тоталитарные режимы полагались на грубую силу, а буржуазно-демократические надеялись выиграть исторический спор, совершенствуя в том числе, если это было необходимо при помощи уступок процессу социализации, собственные общества.

Подобный исторический выбор США не был запрограммирован заранее: он складывался в ходе острого соперничества разных социальных сил, среди которых находились и представители откровенно консервативных методов утверждения идеалов американизма. Данное соперничество и определило содержание идейных дебатов в американском обществе в новейшее время.

Как и в предшествующий период, в Соединенных Штатах главными оставались либеральная и консервативная идеологии, а остальные неизменно уступали им по влиянию. При этом либерализм и консерватизм упрочили свои позиции при помощи самых разнообразных маневров, в том числе заимствования, препарирования и включения в свои доктрины тех идеалов оппонентов, которые находили широкую поддержку среди американцев. Конкуренция идеологий благоприятно сказывалась на каждой из них: за 70 с лишним лет они существенно модернизировались и усовершенствовались. Эта конкуренция оказала позитивное воздействие и на американское историческое развитие: прогрессирующие идеологии, воплощаясь в той или иной мере в общественной практике, способствовали и поступательному движению последней.

Две ведущие идеологические традиции, либерализм и консерватизм, попеременно сменяли друг друга в качестве господствующего кредо. В 1920-е годы господствующую позицию занимал консерватизм, в то десятилетие лишь несколько видоизменивший заповеди социал-дарвинистов и других защитников грубого индивидуализма. Но уже с конца 20-х годов не ведущую позицию прочно – на целых два десятилетия! – выводит либерализм. И именно эти два десятилетия имели решающее значение в эволюции идеалов Америки новейшего времени.

Духовным и политическим лидером либерализма на протяжении двух десятилетий оставался Франклин Делано Рузвельт, один из самых выдающихся деятелей не только американской, но и мировой истории XX в. Именно он сумел направить развитие американского капитализма в новое историческое русло.

Ф.Д. Рузвельт известен многими меткими, ставшими крылатыми высказываниями. Может быть, самое яркое из них было произнесено им во время борьбы за президентскую должность: "История человечества развивается по мистическим циклам. Одним поколениям многое дается, с других многое спрашивается, нынешнее же поколение американцев встречается с судьбой". Эти слова 32-го президента Соединенных Штатов Америки по праву вошли в образцы американского ораторского искусства.

Но то была не обычная риторика: при всей своей красивости и эмоциональности суждение президента очень точно отразило суть драматического поворота – беспрецедентный экономический и социальный крах! – в американском историческом развитии рубежа 20–30-х годов и его восприятия народом Соединенных Штатов.

То была действительно поразительная, уникальная метаморфоза в развитии Соединенных Штатов: ведь еще совсем недавно, в 20-е годы, поколение американцев, которому, используя слова Рузвельта, было "многое дано", наслаждалось самым высоким в мире жизненным уровнем и упивалось "эрой процветания", которой, как казалось, не будет конца. О процветании твердили не только златоусты от истеблишмента, о нем свидетельствовали реальные, бесстрастные цифры: разве не являлся объективным критерием благосостояния Америки показатель выпуска автомобилей – 5,4 млн ежегодно в конце десятилетия, которые впервые могли свободно приобрести не только богатые, но и средние американцы?

И вдруг это экономическое чудо – один язвительный публицист вскоре назовет его "раем для дураков" – рухнуло, словно карточный домик. Рухнуло в одночасье, точнее, в течение одного 1929 г.: беспрецедентный мировой экономический кризис обрушил на Соединенные Штаты свой самый жестокий удар, и его тяжелая пята подмяла не только бедняков, но и десятки миллионов средних и богатых американцев. Последующие три года экономического кризиса довершили превращение благополучного дома в руины: в 1933 г. каждый третий рабочий был лишен источников существования (численность безработных превысила 16 млн человек), были полностью разорены около 900 тыс. фермеров, корпорации свели итоги года с потерей в 3,5 млрд долл., многие миллионеры превратились в

нищих, в 47 из тогдашних 48 штатов прекратили деловые операции или вовсе были закрыты банки.

В том же, 1933 г. президент Ф.Д. Рузвельт встал во главе поколения американцев, которому в отличие от поколения 20-х годов предстояла "встреча с судьбой". Да, то был один из наиболее трагических и непредсказуемых моментов американской истории: ни у кого не было убедительных, гарантирующих успех решений о выходе из тупика и спасении нации. Сама нация надеялась на чудо, а роль мессии была возложена на Ф.Д. Рузвельта.

У современных историков есть основания говорить о том, что Рузвельт справился со своей миссией: в результате его реформаторского курса американское общество было спасено, выведено из исторического тупика. Но разные авторы по-разному истолковывают характер рузвельтовских мер. Либеральные историки, как правило, считают реформаторский Новый курс Рузвельта третьей – после революций 1776 и 1861 гг. – Американской революцией, которая преобразовала капитализм в общенародное государство. Консервативные авторы утверждают, что Рузвельт только упрочил фундаментальные первоосновы Америки. Марксисты, в том числе и советские авторы, признавая в своем большинстве историческую роль Нового курса, вместе с тем ограничивали ее спасением капитализма посредством реформ от социалистической революции. Сегодня среди отечественных историков распространена новая точка зрения, которая и представляется справедливой: реформы Рузвельта способствовали радикальному преобразованию капитализма на основе соединения его с процессом социализации.

Сам Рузвельт никогда не мыслил альтернативное развитие для Америки в рамках выбора между капитализмом и социализмом. В своих речах, письмах он неизменно отстаивал идею разделения поколения американцев, "встретившегося с судьбой", на две иные магистральные "школы мысли – либеральную и консервативную". В отличие от консерватизма, отдававшего развитие истории в распоряжение естественных сил, либерализм, как декларировал Рузвельт, твердо высказывался в пользу целенаправленных усилий государства по преобразованию общества и объединению вокруг него с целью исправления социальных и экономических пороков всех классов и слоев¹. Это либеральное кредо, воспринятое от В. Вильсона и других реформаторов начала XX в., пестовалось и развивалось Рузвельтом на протяжении всего президентства, было наполнено им многими новыми, подчас радикальными реформаторскими предложениями, которые не без успеха претворялись в жизнь.

Надо заметить, что практические успехи Рузвельта признают многие историки, а вот его вклад в либеральную идеологию остается до сих пор в тени. В исследовательской литературе сложилось мнение, будто Рузвельт был прагматиком, действовавшим по наитию, чуть ли не методом проб и ошибок, а его социальные эксперименты определялись требованиями дня, но не сознательно выбранными идеалами и целями. Но так ли это?

Представляется, что анализ идеологии и практики Нового курса дает основание утверждать: практические меры Рузвельта чаще всего представлялись аналитическим обоснованием, шедшим от требований жизни, а

не догм. Рузвельт двигался по преобразовательной стезе вполне осознанно, и к концу его президентства новыми качествами наполнилась не только либеральная политика, но и либеральная идеология. Но вот способ ревизии и совершенствования либерализма, использовавшийся Рузвельтом, – неизменное следование запросам живой исторической практики, а не указаниям каких-либо теоретических авторитетов – породил среди многих исследователей убеждение, что президент-реформатор был законченным прагматиком.

Как идеолог, Рузвельт являлся "коллективистом": он выдвигал, а тем более разрабатывал новые идеи не в одиночку, а опираясь на тесную группу советников-интеллектуалов, известную как "мозговой трест". В этом качестве он на первый взгляд не был оригинален: ведь В. Вильсон, например, воспринял концепцию Новой свободы от юриста Л. Брандейса, а Т. Рузвельт концепцию Нового национализма – от политолога Г. Кроули. Но Ф.Д. Рузвельт стал, безусловно, первым президентом, сознательно привлечшим для разработки идеологии, стратегии и программ правительственной политики ведущих ученых нации, представителей общественных наук. Эта опора Ф.Д. Рузвельта на "мозговой трест" послужила, надо полагать, одной из причин понижения интереса большинства историков к его собственным идеологическим поискам. Другую причину этого понижения можно видеть в том, что до вступления на пост президента он не проявил себя на интеллектуальном поприще и в отличие от В. Вильсона, написавшего много исторических и теоретических трудов о государстве, по формальным меркам не мог претендовать на звание духовного вождя партии, а тем более нации. Это так, но истинно и другое: в годы президентства Рузвельт стал не только политическим, но и духовным вождем либеральных сил.

В либеральную веру Рузвельт был обращен еще в начале XX в., будучи студентом Гарвардского университета. Тогда он стал горячим поклонником реформаторских идей Т. Рузвельта и В. Вильсона. Но в 1920-е годы, когда Ф. Рузвельт выдвинулся в руководство Демократической партии, либерально-реформаторские идеалы были явно не в моде, в стране восторжествовала индивидуалистическая философия, и у него фактически не было шансов пестовать, а тем более пропагандировать принципы нового либерализма. И только на рубеже 20–30-х годов, когда либерально-реформаторское кредо было вновь востребовано нацией, Рузвельт смог поднять на щит идеалы своей молодости.

В 30-е и 40-е годы Рузвельт не только без устали занимался практической политикой, но вместе со своим "мозговым трестом" вносил новые идеи в либеральное кредо (они воплотились в сотнях его речей перед избирателями, посланиях в Конгресс, газетных статьях). Возникает вопрос: каким был его собственный вклад в развитие либеральной веры, а в какой мере он только воспроизводил разработки "мозгового треста"? Возможность ответить на него дают свидетельства самих участников "мозгового треста".

"Мозговой трест" оформился в 1932 г., во время президентской избирательной кампании. С самого начала его ведущими участниками стали профессора Колумбийского университета Р. Моли, Р. Тагвелл и А. Берли.

По их свидетельству, генератором стратегии Нового курса являлся именно Ф.Д. Рузвельт: он определял цели преобразований, основное их содержание, а члены "мозгового треста" насыщали его установки конкретными разработками, деталями, выступали в роли научной экспертизы. Рузвельт тщательно прорабатывал и редактировал все проекты, подготовленные "мозговым трестом" в соответствии с его устными рекомендациями². Никто из членов "мозгового треста" не подвергал сомнению того, что стратегия Нового курса была детищем самого Рузвельта.

Один из советников Ф.Д. Рузвельта утверждал даже, что его политическая философия имела законченный вид уже до начала Нового курса, а придя к власти, президент только применил ее к конкретно-исторической специфике, порожденной великим экономическим кризисом³. Вот с этим утверждением согласиться трудно. Конечно, Рузвельт и к началу 1930-х годов обладал либерально-реформистскими убеждениями, совмещавшими, кстати говоря, концепции Нового национализма Т. Рузвельта и Новой свободы В. Вильсона. Но, оказавшись у власти, Ф.Д. Рузвельт вынужден был развить их самым серьезным образом, в том числе и радикализировать путем включения в либерально-реформистское кредо ряда типично социал-демократических идей. При этом последние отнюдь не были почерпнуты механистически из социал-демократического учения, но были опять-таки сформулированы Рузвельтом на основе осмысления практических запросов американского общества.

О радикализации Рузвельтом типичных либерально-реформистских взглядов, пустивших корни в начале XX в., свидетельствовали уже его размышления о причинах американского кризиса, высказанные в ходе избирательной кампании 1932 г. Рузвельт анализировал кризис при помощи языка и понятий, которыми неизменно пользовались до того социалисты. Так, главную причину экономического краха он усматривал в противоречии между общественным характером производства и частным способом присвоения. Кандидат в президенты от Демократической партии указывал, что рост производительности труда и товарной продукции, наблюдавшиеся в Америке 20-х годов, не подкреплялись радикальным налогообложением корпораций и перераспределением стремительно возрастающих прибылей в пользу трудящихся. Производительные мощности нации беспрепятственно увеличивались, а ее потребительские возможности в силу эгоизма и всевластия монополий оставались по сути неизменными. В таких условиях перепроизводство и безработица, экономический крах стали неизбежными. Далее следовал главный реформаторский лозунг Рузвельта: основные усилия правительства должны быть направлены на радикальное преобразование сферы распределения, утверждение распределительной справедливости⁴.

Воззрения Рузвельта радикализировались, наполняясь новым, соответствовавшим требованиям дня содержанием и в последующем. На протяжении большей части президентства (а Рузвельт занимал высший пост 12 лет) он обнаруживал способность двигаться влево – не только в своих взглядах, но и в практических мерах.

При всем том, что Рузвельт живо откликался на меняющиеся исторические реалии и требовал в практической политике реагировать

именно на требования дня, в его сознании присутствовал и определенный набор неизменных теоретических установок. В годы президентства он раз за разом напоминал американцам о своей приверженности определенным фундаментальным либеральным ценностям и неоднократно весьма конкретно разъяснял, что понимает под ними. Рузвельт неизменно демонстрировал приверженность идее органического, избегающего революционных и радикальных скачков процесса преобразований, который должен был совершенствовать и дополнять, но ни в коем случае не отменять либеральные ценности, закрепленные в Декларации независимости, федеральной конституции, Билле о правах. Свое либеральное кредо он любил разъяснять, апеллируя к привлекательным для него идеалам выдающихся американских политиков, среди которых чаще всего называл Б. Франклина, Т. Джефферсона, Э. Джексона, А. Линкольна, Т. Рузвельта и В. Вильсона. В этой "великой кучке" он в свою очередь в качестве самого выдающегося выделял Томаса Джефферсона, рассуждать о котором ему, кажется, доставляло особое удовольствие.

Из наследия Джефферсона Рузвельт выбирал те идеи, которые были наиболее созвучны его реформаторским замыслам. Одна из них – право каждого поколения людей на обновление общественного договора, или конституции, в соответствии с меняющимися запросами и потребностями общества. Эту идею он истолковывал в духе прагматической философии, подчеркивая, что нововведения – как крупные, так и мелкие – должны производиться не в соответствии с умозрительными построениями и идеологическими клише, а исключительно в ответ на живые потребности общественного развития. Излюбленным кредо Рузвельта стала и та мысль, что общественные изменения, после того как они назрели, должны осуществляться без всяких промедлений. При этом обществом и правительством должны были браться на вооружение только совершенно реалистические и наверняка реализуемые проекты.

Нет ничего удивительного в том, что Рузвельт, возводивший во главу угла идею более справедливого распределения с помощью государства национального богатства, воспринял джефферсоновскую концепцию собственности. Опираясь на авторитет Джефферсона, он доказывал, что право собственности оформилось исторически, что само ее возникновение было невозможно без государства и что в силу этого государство обязано бороться с издержками свободного развития частной собственности. К этим издержкам он относил узурпацию права частной собственности сужающейся горсткой общества и отчуждение этого священного права от миллионов и миллионов нуждающихся, престарелых, безработных и бездомных. Государство, требовал Рузвельт, должно предотвратить отчуждение от миллионов тружеников права на "самый полный, в той степени, в какой это возможно", продукт своего труда⁵.

Рассуждения Рузвельта о праве на частную собственность могут показаться кому-то наивными и даже демагогическими – к таковым, возможно, отнесут его требование покоичить с "правом на эксплуатацию" в Соединенных Штатах⁶, – но сам президент-реформатор искренне верил в необходимость развития эгалитарной и демократичной трактовки права на частную собственность как целительной идеологической и практи-

ческой меры. И вполне закономерно, что среди всех выдающихся американских демократов наиболее близким в этом вопросе ему оказался Джефферсон.

Вслед за Джефферсоном и в традициях гуманизма Рузвельт ставил права американцев на жизнь, свободу, стремление к счастью выше права свободного распоряжения собственностью. Вслед за Джефферсоном, а также Э. Джексоном и А. Линкольном 32-й президент США решительно требовал наполнить концепцию прав человека таким содержанием, которое обеспечивало максимальное национальное единение американцев. Чуждый идее упразднения классов и классовых различий, Рузвельт верил в возможность их сплочения вокруг национального государства с помощью лозунгов борьбы с привилегиями меньшинства общества и обслуживания правительством интересов большинства.

Истинно национальное правительство и подлинно национальные политические лидеры, доказывал Ф.Д. Рузвельт, должны быть способны консолидировать вокруг себя общество на внепартийной основе. Этой способности как раз и не обнаружили Республиканская партия и его предшественник на президентском посту Г. Гувер, тесно сросшиеся с финансовой элитой и промышленными монополиями. В отличие от них Рузвельт требовал проявить особую заботу о "забытом человеке" – крылатое и ключевое понятие в его политическом словаре, объединявшее разоренных фермеров и безработных, низкооплачиваемых рабочих и малоимущих престарелых граждан.

Рузвельт добился и практических результатов в реформировании государства и Демократической партии, придав им более плюралистичный характер. Так, ведомая им Демократическая партия в 30-е годы существенно расширила свою социальную базу, создала прочную коалицию среднего и мелкого бизнеса с рабочими, негритянским населением, фермерством и имела основания претендовать на звание партии среднего класса. Это потребовало от нее переориентации идеологических и практических подходов ко всем слоям общества, не только низшим и средним, но и высшим.

Отношение Рузвельта к высшим слоям общества, монополиям было весьма противоречивым, но неизменно критическим. Среди историков укоренилась та точка зрения, что антимонополизм Рузвельта оформился только с середины 1930-х годов, а особенно во время второго срока его президентства. В действительности это не совсем так. Уже во время президентской кампании 1932 г. Рузвельт недвусмысленно возложил ответственность за экономический кризис на монополии, эту "экономическую олигархию", которая сконцентрировала в своих руках более половины производственных мощностей нации, утвердила максимально высокие, а следовательно, недоступные большинству народа цены на товары, следствием чего были кризис перепроизводства, его остановка, безработица, нищета.

И уже в 1932 г. Рузвельт много размышлял о реальных антимонополистических мерах, которые призваны были спасти индивидуализм, конкуренцию, право каждого американца, а не только элиты на частную собственность и утвердить всеобщее благоденствие. Он видел два

возможных варианта антимонопольной политики: один был заключен в концепции Нового национализма Т. Рузвельта и предполагал наказывать "нечестные" и поддерживать "честные" монополии, другой вытекал из концепции Новой свободы В. Вильсона и требовал искоренить любые монополии. Ф.Д. Рузвельт склонялся в пользу второго варианта, доказывал даже, что если бы первая мировая война не прервала вильсоновский реформаторский курс, то с монополиями в Америке было бы покончено, и она никогда бы не узнала такого страшного экономического крушения, которое постигло ее в 1929 г.⁷

Судьба, однако, распорядилась так, что в течение всего первого срока своего президентства Ф. Рузвельт должен был воплощать концепцию Нового национализма, а точнее тот ее практический вариант, который в сентябре 1931 г. был разработан президентом корпорации "Дженерэл электрик" Джерардом Своупом. В полном соответствии с планом Своупа правительство Рузвельта одобрило 16 июня 1933 г. закон о восстановлении промышленности, по которому монополии под эгидой и контролем со стороны государства утверждали кодексы "честной конкуренции" – своеобразные нормативы, определявшие объемы сырья и производимой продукции, цены на товары и заработную плату, которые бы предотвращали дальнейшие остановки производства и позволяли рабочим поддерживать сносное существование. В стране на два года приостанавливалось антимонопольное законодательство 1890 г., допускалось картелирование по отдельным отраслям промышленности с целью гашения рыночной стихии.

Тесное взаимодействие правительства и корпораций продолжалось до 1934 г., после чего между ними наступил резкий разлад: оживший бизнес стал откровенно тяготиться как государственным контролем, так и социальными и экономическими реформами, направленными на непосредственное вовлечение государства в экономическую деятельность и помощь рабочим и фермерству. Со стороны бизнеса в адрес Рузвельта посыпались прямые обвинения в "фашистских" и "коммунистических" намерениях. В этой ситуации Рузвельт, проявив незаурядное мужество, перешел в острую идеологическую и политическую контратаку на бизнес.

Начиная с 1935 г. президент США настойчиво внушал американцам, что главная задача состоит в том, чтобы освободить нацию от гнета монополий и финансовых спрутов. При этом он подчеркивал, что тень не должна быть брошена на весь бизнес, частное предпринимательство и индивидуализм, что, наоборот, эти фундаментальные установления должны быть защищены от капиталистических цезарей – "жирных котов". Власть должна быть отнята у "200 гигантских корпораций", распоряжающихся половиной богатства нации, у финансовых гигантов, которые с помощью нечестных сделок, сговоров и махинаций беспрерывно отчуждают в свою пользу "деньги народа, бизнес народа, труд народа"⁸. Антимонопольная либеральная доктрина Рузвельта развивала идеи Л. Брандейса и В. Вильсона, была направлена на то, чтобы превратить Демократическую партию в объединение среднего класса, заручиться безусловной поддержкой большинства нации. Но удалось ли Рузвельту

практически осуществить то, что оказалось не под силу сделать В. Вильсону?

Однозначно ответить на этот вопрос невозможно. С одной стороны, Рузвельту не удалось возвести в практику рузукрупнение монополий, что являло бы зримое воплощение антимонополизма, но, с другой стороны, им были предприняты реальные шаги, направленные на ограничение экономической свободы корпораций, монополистической эксплуатации, перераспределение национального пирога в пользу малообеспеченных слоев. Гнев монополий вызвал закон о налогообложении 1935 г., резко повысивший ставки отчислений от корпоративной прибыли. И еще большую волну возмущений с их стороны вызвали федеральные законы, наделявшие трудящихся важными и чуждыми классическому капитализму социальными и экономическими правами.

Важным мотивом идеологии и практики Нового курса с самого начала был поворот лицом к "забытому человеку": после 1935 г. этот мотив вообще вышел за ведущее место. Кого включал Рузвельт в "забытых людей"? Фактически десятки и десятки миллионов простых американцев: тех, кто не имел работы, достаточных средств для сносного существования, крыши над головой. Эти американцы, по утверждению Рузвельта, составляли не менее одной трети нации. Кем и почему они были забыты? Отвечая на этот вопрос, Рузвельт рассуждал все более откровенно, пока, наконец, в 1938 г. не признал прямо, что ответственность должна быть полностью возложена на государство и крупных собственников, подчинивших себе правительство и управлявших им в своих эгоистических интересах вплоть до начала Нового курса⁹. Тем самым президент отрекся и от классических постулатов индивидуализма, возлагавших ответственность за приниженное положение трудящихся на самих трудящихся.

Но почему государство оказалось в руках крупных собственников? Да потому, доказывал Рузвельт, что народ сам не проявлял необходимой активности для того, чтобы подчинить своим интересам правительство. Отсюда следовал призыв к простым американцам: поддержите реформы в интересах "забытого человека" давлением народа "снизу", ибо это только и может гарантировать их успех. Призыв к народу был услышан, что способствовало складыванию в ходе Нового курса широкой либерально-демократической коалиции, которую поддерживала не только немонополистическая буржуазия, но также фермерство и рабочий класс. Последние сумели извлечь наибольшую выгоду из Нового курса в 1935–1938 гг.

Одним из наиболее резких отступлений Рузвельта от канонов классического индивидуализма явилась та идея, что богатство, собственность и прибыль, созданные усилиями "сообщества индивидуумов", а не одного капитала, должны распределяться на новой, справедливой основе. Для этого должен быть создан механизм перераспределения богатств, распоряжение которым по праву принадлежит государству. Одним из главных каналов перераспределения национального богатства в пользу "забытых американцев" была признана государственная система социального страхования. В 1935 г. в Соединенных Штатах были введены (кстати, пер-

воначальный законопроект – "рабочий билль" – был составлен коммунистами) два вида государственного социального страхования – по старости и безработице. И хотя федеральный закон о социальном страховании носил во многом ограниченный характер, принципиально было то, что он впервые превращал федеральное государство в гаранта важных социальных прав трудящихся. Это был серьезный прорыв в теории и практике классической буржуазной социальной политики.

Другой такой прорыв воплотился в одобренном в том же году федеральном законе о трудовых отношениях, который гарантировал рабочим право создания профсоюзов, заключения коллективных договоров с предпринимателями и право на забастовку (с предварительным уведомлением со стороны профсоюзов и арбитражем со стороны государства). В 1938 г. Национальным конгрессом был принят закон о введении максимальной продолжительности рабочей недели для рабочих тех отраслей, которые попадали под федеральную юрисдикцию. Все эти законы отвечали рузвельтовской концепции "заправки насоса" – перераспределение национального богатства в целях повышения покупательной способности трудящихся и смягчения и рассасывания в результате кризиса перепроизводства. Нельзя не видеть в рузвельтовской идеологии и политике и сознательно пестуемых эгалитарных начал, призванных сплотить вокруг государства народные массы и обеспечить национальное единство на основе качественно новой социальной политики. Рузвельт и теоретически, и практически пытался изменить условия общественного договора между государством и социальными классами: в нем гораздо полнее учитывались интересы народа и определенно ущемлялись интересы монополий.

Эта рузвельтовская концепция нового общественного договора получила законченный вид уже в 1940-е годы, когда президентом был разработан проект второго – социально-экономического – Билля о правах. Если первый Билль о правах гарантировал американцам политические свободы слова, печати, собраний, то второй Билль о правах должен был гарантировать им право на труд, оплачиваемый отдых, жилище, доход, обеспечивающий прожиточный минимум, медицинское обслуживание¹⁰. Этот проект означал высший момент социал-демократизации американского либерализма, но между его провозглашением и практической реализацией лежала дистанция огромного размера.

Преобразуя теорию и практику либерализма, включая в него принципы, противоречащие классическим постулатам, Рузвельт не действовал по какому-то четко продуманному плану. Главное было отвести от капиталистического общества смертельную опасность, и ради этого стоило идти на самые неожиданные эксперименты и раз за разом поступаться старыми догмами. "Страна нуждается, и, если я правильно понимаю ее настроения, она требует смелого и настойчивого эксперимента. Здравый смысл требует выбрать метод и испытать его, – формулировал свое прагматическое кредо Рузвельт в 1932 г., – если не получится – честно признайтесь и попробуйте другой. Но главное – попробуйте"¹¹.

Таким радикальным экспериментом, продиктованным здравым смыслом, явилось создание федеральной системы социальных прав трудя-

щихся. Другим радикальным экспериментом, заключавшем резкий разрыв с классическими заповедями стала идея государственного бюджетного дефицита как важнейшего средства "заправки насоса" и преодоления кризиса перепроизводства.

Еще в 1932 г. во время избирательной кампании Рузвельт выступал твердым защитником сбалансированного бюджета и обещал сделать все, чтобы погасить государственный долг. Однако борьба с безработицей, развитие социальных программ, государственное рефинансирование задолженности и спасение миллионов фермерских хозяйств потребовали резкого увеличения государственных расходов. Расширяющийся бюджетный дефицит был вынужденной уступкой требованиям жизни: сбалансировать бюджет в 1933, 1934 или в 1935 г., признает позднее Рузвельт, означало совершить преступление против народа. Постепенно практика дефицитного финансирования социальных и иных расходов правительства была возведена им в теоретический постулат. Во второй половине 1930-х годов он уже говорил о наличии среди либералов двух школ в вопросе бюджетной политики: одна твердо исповедовала теорию сбалансированного бюджета, другая признавала узаконение дефицита, определяемого задачами снятия экономического кризиса и обеспечения социально-экономических запросов бедствующего народа. Рузвельт безоговорочно встал на сторону второй школы¹².

Некоторыми исследователями высказывалась мысль, что концепция дефицитного финансирования правительственных расходов была воспринята Ф.Д. Рузвельтом у английского экономиста Джона Кейнса. Действительно, Кейнс выдвинул концепцию широких государственных расходов как средства воздействия на стагнирующую экономику, повышения покупательной способности низших слоев и рассасывания на этой основе кризиса перепроизводства еще до Нового курса. Но Рузвельт пришел к принятию этой концепции самостоятельно, под давлением чрезвычайных обстоятельств, а с идеями Кейнса познакомился позднее. Не Кейнс, а затяжной экономический кризис, заключенное в общественной практике требование самовыживания побуждали его идти на все больший бюджетный дефицит.

В президентском послании 1937 г. Рузвельт вновь обещал вернуться к сбалансированному бюджету, но вскоре опять стал опираться на идею "заправки насоса", превратившейся поистине в лейтмотив его новоллиберального курса. Ее практическое воплощение характеризуется впечатляющими цифрами: с 1932 по 1940 г. федеральные государственные расходы выросли с 4266 млн до 10 061 млн долл. За тот же период промышленное производство увеличилось на 60%¹³. Конечно, было бы преувеличением объяснять экономическое оздоровление только "заправкой насоса", но и отрицать ее огромную позитивную роль невозможно.

Государственный бюджет активно расходовался на оказание помощи фермерам (рефинансирование задолженности, выплаты премий за сокращение посевных площадей и т.д.), организацию общественных работ с целью рассасывания безработицы (особую роль сыграло государственное энергетическое строительство в долине р. Теннесси), развитие систем социального страхования. Все это означало дальнейшее обновление

установок либерализма, включение в него концепции государственного планирования, выразившегося как в прямом, так и в косвенном воздействии государства на процесс капиталистического производства и социальные отношения. По меркам классического капитализма то был чуть ли не социалистический переворот, в котором консерваторы не успевали обвинять Рузвельта. Единомышленники же Рузвельта неизменно рассматривали его как спасателя капитализма. Истинная суть Нового курса не раскрывалась ни в филиппиках консерваторов, ни в панегириках новых либералов: Рузвельт вытаскивал капитализм из пропасти ценой мероприятий, которые объективно означали развитие процесса социализации частнособственнических отношений. Социализация не была равнозначна социализму, но в то же время означала освоение многих его форм и принципов, придававших капитализму новый, более цивилизованный облик.

Преображая американскую действительность, поистине выступая в роли творца истории, Рузвельт закономерно объявил об отмежевании от той школы "профессиональных экономистов", которая мыслила общественное развитие исключительно в соответствии с "объективными", неподвластными человеческой воле законами. Президент не раз высказывался о них с иронией: можно ли воспринимать на веру учение "профессиональных экономистов", если сами они меняют представление об объективных законах каждые десять, а то и пять лет? Сам он был тверд в том, что люди вправе формулировать и переформулировать свои идеалы и цели и подчинять их достижению естественный ход вещей, меняя его, когда того требует общий интерес. Человек и нация, убеждал он американцев, обладают способностью преодолевать самые страшные несчастья и самые опасные пропасти: "единственная вещь, перед которой мы должны испытывать страх, это только сам страх"¹⁴.

Признавая огромное, если не решающее значение человеческой воли, коллективных усилий людей в определении характера общественного развития, Рузвельт естественно уделял много внимания осмыслению роли политических институтов, через которые могли реализоваться эти усилия. При этом он очень много позаимствовал из взглядов Т. Рузвельта, В. Вильсона, Л. Брандейса, Г. Кроули и других новых либералов начала XX в. Государство неизменно рассматривалось им как политически нейтральная, внеклассовая сила, назначение которой состояло в аккумулировании и выражении общенационального интереса. Первоосновой национального интереса, согласно его убеждениям, была защита принципов Декларации независимости, федеральной конституции и Билля о правах, но в современных условиях к этим первоосновам должны были быть добавлены гарантии экономических и социальных прав "забытых американцев".

Будучи убежденным демократом, Рузвельт решительно отвергал диктаторские политические системы, высказывался в равной степени критически о гитлеровском и сталинском режимах. Но безвластная, недееспособная демократия им так же отвергалась. Президент признавал нерушимыми и непреходящими принципы разделения властей, их взаимограничения и равновесия, но вместе с тем полагал, что в чрезвычайных

условиях 1930-х годов решающую роль в спасении общества могла сыграть исполнительная власть. Эта идея обосновывалась при помощи исторического урока, извлеченного из прошлого самим Рузвельтом: "Большая часть наших великих дел совершалась президентами, которые были не орудиями Конгресса, а подлинными лидерами страны, правильно истолковывавшими нужды и стремления народа"¹⁵.

В соответствии с концепцией сильной президентской власти Рузвельт подбирал в свою команду людей, способных твердо и энергично проводить принимаемые решения в жизнь. Признавая самостоятельность Конгресса, он добивался, как минимум, лояльности в отношении своего курса со стороны Демократической партии, располагавшей в годы его президенства большинством в высшем законодательном органе. Возможность фракционных размежеваний в собственной партии воспринималась им крайне болезненно. Без партийного единства в Конгрессе проведение реформаторского курса, по его убеждению, было невозможно.

Остроколлизийными оказались взаимоотношения Рузвельта с Верховным судом, в котором в момент его прихода к власти преобладали консерваторы. В 1935 – начале 1936 г. Верховный суд отменил, как антиконституционные, 11 законодательных актов рузвельтовского Нового курса, среди них и наиболее важные, поставив тем самым под угрозу срыва все президентские замыслы. В этих условиях Рузвельт действовал жестко и бескомпромиссно: мобилизовав на свою сторону общественное мнение, заклеив с его помощью "девять старцев" из Верховного суда, президент под угрозой радикальной перетряски высшего судебного органа вынудил-таки его перейти от обструкционистской к одобрительной позиции в отношении реформ.

В целом Рузвельту удалось не только существенным образом обновить либерализм, но и добиться реальных успехов в практическом воплощении новых идей. Его 12-летнее пребывание на президентском посту составило целую самостоятельную эпоху в развитии всей американской нации и, конечно, идеологии и практики либерализма. Новый курс на долгие годы стал нарицательным понятием при обозначении либерализма, целое поколение его последователей были детьми, продолжателями, а подчас и эпигонами Нового курса.

Смерть Рузвельта (12 апреля 1945 г.) совпала с окончанием второй мировой войны и началом нового этапа мировой и американской истории. Последствия второй мировой войны были для Соединенных Штатов неоднозначными, во многом противоречивыми. Экономическая мощь Америки, выступавшей в качестве "арсенала" антигитлеровской коалиции, серьезно упрочилась. Американский бизнес существенно окреп, нарастил свои производственные "мускулы", расширил количество рабочих мест, что привело к сокращению безработицы, и смог реабилитировать себя в глазах соотечественников. Поражение гитлеровской Германии и других фашистских режимов упрочило позиции Америки в капиталистическом мире: отныне буржуазно-демократические Соединенные Штаты становились его бесспорным экономическим, политическим и идеологическим лидером.

Но вторая мировая война упрочила и позиции Советского Союза,

который оказался теперь главным соперником Соединенных Штатов на международной арене. В борьбе с влиянием социализма Соединенные Штаты избрали своеобразную двойную стратегию: с одной стороны, противодействовали его распространению при помощи жестких методов холодной войны, но, с другой стороны, пытались нейтрализовать его влияние, по крайней мере в собственной стране, с помощью утверждения социального мира между разными классами, что требовало реальных уступок народным массам, в том числе расширения их экономических и социальных прав. Два этих фактора определили противоречия и в развитии послевоенного либерализма.

Во второй половине 40-х годов среди наследников Рузвельта произошел серьезный раскол. С одной стороны, выделилось леволиберальное крыло во главе с Г. Уоллесом: объединившись в Прогрессивную партию, леволибералы выдвинули программу дальнейшего углубления социально-экономических реформ и даже сформулировали требование установления "государственной собственности в ключевых отраслях экономики". С другой стороны, центр Демократической партии, во главе которого оказался Гарри Трумэн, отстаивал умеренный вариант постепенного расширения основных установлений Нового курса и безусловной нейтрализации радикальной, а особенно "красной опасности". На выборах 1948 г. умеренные одержали внушительную победу, правда, ценой некоторых уступок леволиберальным требованиям.

В сознании многих читателей имя Г. Трумэна ассоциируется в первую очередь с политикой холодной войны. Действительно внешнеполитический курс 33-го президента США (1945–1953) немало способствовал закладке ее фундамента. Но в области внутренней политики Трумэн зарекомендовал себя продолжателем Нового курса. Еще в 1945 г., заняв президентский пост после смерти Рузвельта, Трумэн предложил программу реформ из 21 пункта, которые развивали рузвельтовский экономический Билль о правах. Став президентом в 1948 г. на основе уже волеизъявления избирателей, Трумэн сформулировал доктрину и программу Справедливого курса, которая содержала и ряд новых либеральных требований.

Концепция Справедливого курса вменяла в обязанность государству борьбу с безработицей и другими последствиями нерегулируемого развития капитализма, при этом Трумэн в духе Рузвельта отрицал "железные" экономические законы и доказывал, что они вполне подвластны человеческой воле: "Экономический цикл – творение рук человека, и люди доброй воли, тесно сотрудничая, в состоянии укротить его".

Преемник Рузвельта обещал отменить антирабочий закон Тафта–Хартли, одобренный в 1947 г. республиканским Конгрессом, вопреки воле президента и предлагал закрепить "свободный коллективный договор" в качестве не только "фундамента экономической свободы для труда", но и важнейшего средства, "стимулирующего и стабилизирующего воздействие на экономику"¹⁶. Так же в развитие Нового курса предлагалось расширить государственную помощь фермерству, увеличить минимум заработной платы, продолжить государственное гидроэнергостроительство, помогая тем самым решать проблему занятости,

расширить государственные субсидии на образование и строительство дешевого жилья для низкооплачиваемых семей.

Серьезным нововведением в либерально-реформистскую доктрину было требование Справедливого курса о наделении реальными гражданскими правами черных американцев, что предполагало отмену дискриминации в избирательных правах, при найме на работу, пользовании общественным транспортом, доступе к образованию и т.д. Сам Трумэн руководствовался при этом прагматическими соображениями¹⁷, намереваясь упрочить социальную базу Демократической партии в южных штатах, но выдвинутая им программа существенно развивала принципы Нового курса, который не уделил особого внимания черным американцам. Другим важным идеологическим нововведением Справедливого курса было предложение дополнить государственную систему социального обеспечения медицинским страхованием.

Трумэну удалось реализовать частично требования, которые укладывались в доктрину Нового курса: так была увеличена почасовая ставка минимальной заработной платы и принят закон о строительстве 800 тыс. квартир для семей с низкими доходами. Что касается предложений о наделении гражданскими правами черных американцев, создании системы медицинского страхования, как и отмены закона Тафта–Хартли, то они остались на бумаге.

И все же президентство Г. Трумэна сыграло роль в развитии либерально-реформистского курса хотя бы потому, что обнаружило прочность его основ, которые было уже чрезвычайно трудно ослабить, а тем более ликвидировать. Эта прочность установлений Нового курса вызвала настоящую эйфорию среди многих не только либеральных, но и радикальных критиков американского капитализма, выступивших уже в 40-е, а еще более активно в 50-е годы с концепцией утверждения в Соединенных Штатах государства всеобщего благосостояния.

Среди американской интеллигенции одними из первых, еще в 30–40-е годы, с апологией Нового курса выступила группа историков во главе с Ч. Бирдом, которого многие признают в качестве историка № 1 Соединенных Штатов Америки XX в. Он завоевал широкую известность в начале века критическими исследованиями узловых проблем американского прошлого. Им были вскрыты экономические мотивы и острые социальные противоречия, лежавшие в основе принятия федеральной Конституции 1787 г., Гражданской войны 1860-х годов, реформизма начала XX в. В 20-е годы в фундаментальном труде "Развитие американской цивилизации" он рассматривал всю историю США сквозь призму острых социальных конфликтов между "низами" и верхними слоями американского общества, видел в ней неотъемлемую часть всемирно-исторического процесса, подчиненную определенным общим закономерностям.

Но со второй половины 30-х, а особенно в 40-е годы Бирд, провозгласивший Новый курс третьей, после Войны за независимость и Гражданской войны, Американской революцией, которая наконец-то устранила классовые антагонизмы и создала государство всеобщего благосостояния, переменял и всю точку зрения на американскую историю. Ее

развитие виделось ему уже по преимуществу в положительном ракурсе. В ее основе, по заключению Бирда, лежали специфические закономерности американской цивилизации. К ним были отнесены изначальные демократические свободы Америки, уникальное географическое положение, наличие незанятых земель, равенство экономических возможностей, высокая социальная мобильность.

Бирд провозглашал – и этот вывод был усвоен большинством либеральных историков и политологов, – что главным и идеальным механизмом общественных преобразований в США является двухпартийная система, а роль третьих партий, массовых народных движений, радикалов и революционеров сводится к тому, чтобы поднимать жгучие социально-политические вопросы, которые могли получить практическое разрешение исключительно на основе усилий демократов и республиканцев¹⁸.

Аргументы в защиту либеральных реформ как основы прогрессивных изменений в США были развиты в 1945 г. А. Шлезингером-младшим в книге "Эра Джексона". Книга, на первый взгляд чисто научное исследование, принесла молодому, тогда 28-летнему, автору и шумный политический успех, выдвинув его в число ведущих идеологов либерализма.

Лейтмотивом Шлезингера-младшего стала бескомпромиссная защита либерального реформаторства, одерживающего в его интерпретации трудные, но блестящие политические успехи, венцом которых стало президентство Ф.Д. Рузвельта. Одна из центральных концепций, выдвинутых А. Шлезингером-младшим, чередование либеральных и консервативных циклов американской истории, сменяющих друг друга с методичностью маятника¹⁹. Либерализм и консерватизм предстают в его книге как классово разнородные идеологии. Либерализм был охарактеризован как антикапиталистическая, народная идеология, что позволило Шлезингеру-младшему представить либерально-реформистские концепции типа джексоновской 30-х годов XIX в. и рузвельтовской 30-х годов XX в. в качестве антимонополистических и даже антикапиталистических, преследовавших цель утверждения всеобщего благосостояния.

Следующая принципиальная мировоззренческая посылка Шлезингера-младшего – признание американского государства нейтральным политическим инструментом, приобретающим ту или иную классовую окраску в зависимости от того, кто побеждает на президентских выборах. Американское государство, согласно Шлезингеру, как в период Нового курса, так и во времена президента Э. Джексона могло стать в зависимости от исхода президентских выборов или прокапиталистическим, или антикапиталистическим, народным. В обоих случаях оно, по мнению Шлезингера, стало общенародным²⁰.

Шлезингер, будучи убежденным либералом, высказывался в пользу сильного правительства и ставил на одну доску Джексона и Рузвельта как сильных президентов. Зато его критику вызывал Т. Джефферсон, который хоть и был основоположником либерализма, но, увы, питался утопичной идеей о том, что реформы могут быть осуществлены и при слабом государстве. Вера Шлезингера в сильное либеральное правительство и президентскую власть была присуща тогда большинству либералов.

В 50-е годы в Америке выступило уже целое направление либеральных социологов, политологов, историков, доказывавших, что утверждение государства всеобщего благосостояния составило главное содержание американской истории. Один из наиболее известных среди них, Р. Хофстедтер, окрестил всю новейшую историю США как "эру реформ". Один за другим на щит были подняты главные реформаторы XX в.: Т. Рузвельт, В. Вильсон, Ф.Д. Рузвельт и, наконец, Г. Трумэн.

При этом либеральным обществоведам было свойственно рассматривать становление государства всеобщего благосостояния сквозь призму борьбы двух изначальных либерально-реформистских программ – Нового национализма Т. Рузвельта и Новой свободы В. Вильсона (напомним, что Новый национализм предполагал примирение с помощью государства общества и монополий, а доктрина Новой свободы настаивала на роспуске трестов и установлении равных рыночных возможностей для всех предпринимателей).

Согласно концепции одной группы либеральных обществоведов (условно ее можно назвать концепцией Э. Голдмана–Шлезингера-младшего) соперничество Нового национализма и Новой свободы завершилось компромиссом на втором этапе преобразований Ф.Д. Рузвельта. Если на первом этапе, доказывали они, Рузвельт был озабочен восстановлением экономических позиций капитализма и, следовательно, достижением взаимопонимания между государством и корпорациями, то на втором этапе уделил главное внимание конкурентным возможностям мелкого бизнеса, фермерства, социальным правам рабочих и всех "забытых американцев"²¹.

Согласно же другой концепции, которую развили Р. Хофстедтер и Д.К. Гэлбрейт, в США восторжествовал Новый национализм. Р. Хофстедтер видел высшее достижение Нового курса в том, что он был обращен не в прошлое, а в будущее, преследовал цель не восстановления свободной конкуренции и спасения мелкого бизнеса, а достижения взаимопонимания между корпорациями и обществом и использования крупномасштабного производства в интересах всеобщего благосостояния. Либеральный историк и политолог выставлял высший балл Новому курсу за отказ от антимонополизма и одобрял использование таких способов врачевания социально-экономических болезней Соединенных Штатов, которые были приемлемы и для финансово-промышленных корпораций.

Еще более открыто защищал союз государства и экономической элиты как непрременную основу социально-экономических реформ восходящая звезда либерализма Д.К. Гэлбрейт.

Взгляды Д. Гэлбрейта, как, конечно, и всех либералов 50-х годов, невозможно уяснить без учета новых факторов того десятилетия. Важное значение имели как политические, так и экономические реалии. Главная среди них – сдвиг общественных настроений в США вправо, всплеск праворадикальных движений, в том числе и печально известного маккартизма. "Бесноватый" Джозеф Маккарти и его единомышленники заполнили политическую арену сразу после прихода в 1952 г. (после 20-летнего перерыва!) к власти Республиканской партии.

Лидер демократов Э. Стивенсон в 1954 г. не без оснований назвал

Республиканскую партию "полумакартистской и полуэйзенхауэровской"²². Оба имиджа республиканцев отразили подъем настроений "социального реванша" в отношении рузвельтовского и трумэнзовского реформаторских курсов. Но если президент Эйзенхауэр все же был способен на компромиссы и интегрировал в консервативную политику ряд важных либеральных установлений, то Д. Маккарти развернул оголтелую кампанию по искоренению "антиамериканской деятельности", жертвами которой оказались не только коммунисты и радикалы, но и многие либералы. В таких условиях либеральные политики и интеллектуалы стали проявлять всё большую осторожность, а то и трусость, предпочитая бескомпромиссной защите своих принципов достижение либерально-консервативного консенсуса.

Экономическое развитие США в 50-е годы ознаменовалось началом научно-технической революции (НТР), утверждавшей во все больших масштабах автоматизацию производства, обмена и обслуживания. Научно-техническая революция в совокупности с совершенствующимся государственно-монополистическим регулированием объективно упрочивали позиции американского капитализма. Конечно, она несла с собой новые противоречия, как и обострение некоторых старых: положение американцев, занятых в отраслях и сферах, не охваченных НТР, ухудшилось, снижался жизненный уровень служащих и интеллигенции, сидевших на "твердых окладах", усилился разрыв в материальном положении белых и черных американцев. К концу 50-х годов в Соединенных Штатах насчитывалось около 40 млн человек, живущих ниже черты бедности. Но положение высшего и среднего классов, составлявших большинство нации, в это десятилетие упрочилось, и именно эта реалья стала основой произрастания доктрин общества изобилия, массового потребления и, наконец, деидеологизации.

Многие из этих доктрин принадлежали консерваторам. Но в их создании активно участвовали и либералы. Так, доктрина деидеологизации, или конца идеологии, была выдвинута либеральным социологом Д. Беллом: согласно ей в развитых индустриальных обществах, к каковым в первую очередь были отнесены США, высокий жизненный уровень большинства упраздняет идеологические различия и саму потребность в идеологиях, являющихся атрибутом обществ с выраженной социальной дифференциацией и классовой борьбой²³.

Либеральные историки внесли свою лепту в концепцию бесконфликтного развития американской истории: согласно ей все американское прошлое было свободно от социальных антагонизмов, крайностей социализма и феодализма, ей была чужда революционная и даже радикальная традиция, а у консерватизма и либерализма был один крестный отец – Джон Локк.

Наконец, либералы приняли активное участие и в реабилитации монополистического капитала: А. Берли, бывший член "мозгового треста" Ф.Д. Рузвельта, развивал концепцию о "революции управляющих", которая согласно его выводам отстранила собственников корпораций от реальной экономической власти, а Д. Лилиенталь, некогда поборник вильсоновской доктрины Новой свободы, теперь восхвалял корпорации

как творцов научно-технической революции. О демократическом разделении в Соединенных Штатах экономической власти писали Д. Рисмэн, М. Лернер и другие либералы²⁴.

К этим голосам присоединил свой и Д.К. Гэлбрейт, выдвинувший в 1950-е годы самую известную и самую популярную концепцию либерального компромисса с монополистическим капиталом. Гэлбрейт был убежденным сторонником Ф.Д. Рузвельта, острым критиком классической буржуазной экономики и теории свободного рынка. Свободная конкуренция, доказывал он, раз и навсегда канула в Лету, вместо нее утвердилось могущество крупных корпораций, и попытки традиционалистов анализировать экономику с помощью моделей и категорий свободного рынка абсолютно не соответствуют реальности. Но Гэлбрейт протестовал не только против консервативных защитников абсолютной свободы собственности и рынка типа Ф. фон Хайека, он решительно отвергал и всевозможные антимонополистические доктрины, среди них и концепцию Новой свободы Брандейса–Вильсона, требовавших поставить предел могуществу корпораций с помощью антитрестовского законодательства.

В 1952 г. в книге "Американский капитализм. Концепция противодействующей силы" Гэлбрейт отверг как утопичные и вредные все антимонополистические законы, начиная с закона Шермана 1890 г. Утопизм и вред этих законов, доказывал он, состояли в том, что они противостояли объективному и неискоренимому процессу концентрации производства, который был для общества не злом, а благом, поскольку только корпорации с их планирующими способностями и производственными мощностями являлись подлинными творцами научно-технического прогресса и массового дешевого производства. Антимонопольное законодательство, кроме того, было совершенно ненужным, зрящим, поскольку крупные корпорации даже в условиях свободного рынка отнюдь не превратились в монополии, ибо вместо свободной конкуренции им противостояли в середине XX в. новые антимонопольные силы²⁵.

Таковыми реальными антимонопольными "противодействующими силами" Гэлбрейт объявлял общества потребителей, сбытовые компании, профсоюзы, наконец, регулирующие комиссии государства. На практике в Америке, пояснял он, проблема монополий разрешается не с помощью их раздробления, а путем создания другой, противостоящей силы. Так фермеры, выступая против сильных монополистических покупателей своей продукции, создают собственные рыночные объединения по продаже урожая и скота. В свою очередь покупатели зерна и скота, протестуя против высоких цен, при неясной их зависимости от количества или качества продукции, создают собственные объединения по закупкам. Рыночная мощь производственных корпораций ограничивается сбытовыми объединениями, мощь последних – ассоциациями покупателей. В качестве уравновешивающей силы корпораций выступают также профсоюзы и государство.

Концепция Гэлбрейта отразила реальные изменения в рыночных взаимоотношениях американской экономики, но роль "противодействующих сил" была им явно преувеличена. Позднее и сам он признавал: "...в

1952 году, увлеченный своей идеей, я сформулировал ее как более неизбежную и более уравнивающую, чем она была на самом деле. Уравнивающая сила зачастую не возникает. Многочисленные группы – молодежь гетто, бедняки сельскохозяйственных районов, текстильные рабочие, служащие-женщины, многие покупатели – остаются слабыми и беспомощными”²⁶.

Но в 50-е годы, особенно в первой половине десятилетия, именно концепция Гэлбрейта, как и созвучные ей, определяли принципиальные подходы либерализма. Они получили и политическое выражение в платформе нового лидера демократической партии Э. Стивенсона. В отличие от Трумэна, но подобно Ф.Д. Рузвельту, Стивенсон стремился опереться на интеллектуальную элиту, в первую очередь, на таких набравших силу либералов, как Д.К. Гэлбрейт, А. Шлезингер-младший, а также экономист С. Харрис. Все трое, в отличие от "мозгового треста" Рузвельта, были связаны не с Колумбийским, а с Гарвардским университетом, но в идеологическом плане они поддерживали заветы Нового курса, правда, освободив их от антимонополизма.

В первой половине 50-х годов Стивенсон выступал под флагом "конструктивной оппозиции" в отношении республиканцев и правительства Эйзенхауэра. Он делал упор на наличие фундаментального схождения между двумя главными американскими партиями, исповедовал либерально-консервативный консенсус как основу американизма. И неизменно подчеркивал лояльность в отношении большого бизнеса, твердо усвоив идеи А. Берли и Д. Гэлбрейта о "социальной ответственности" корпораций. Среди ключевых понятий, которыми пользовался Стивенсон, особенно часто употреблялись два – "демократический капитализм" и "смешанная экономика”²⁷.

Под этими понятиями лидер демократов подразумевал тесное партнерство государства и корпораций, призванное обеспечить стабильное экономическое и социальное развитие Соединенных Штатов. Признавая огромные заслуги бизнеса в научно-техническом и экономическом прогрессе, Стивенсон одновременно подчеркивал, что они были бы невозможны без той полезной роли, которую со времен Ф.Д. Рузвельта играло в экономической жизни государство. "Двумя краеугольными камнями демократического капитализма, – подчеркивал он, – являются большое правительство и большой бизнес": первое при помощи активной социальной политики расширяет покупательную способность населения, а второй, получая стимул к удовлетворению расширяющихся потребностей и возможностей населения, резко расширяет производство товаров. Именно этот механизм, по его убеждению, сыграл главную роль в американском экономическом росте 40–50-х годов²⁸.

Фактически в первой половине 50-х годов американский либерализм и его идеологи находились в обороне, явно растерявшись перед лицом экономических успехов большого бизнеса и политического наступления консерватизма.

Новый этап в развитии либерализма начался на рубеже 50–60-х годов и продлился до начала 70-х. Либерально-консервативный консенсус дал трещину под воздействием ряда факторов, среди которых на первом

плане оказались поначалу противоречивые стороны НТР в самих Соединенных Штатах. Либералы, зачастую те же самые, что являлись выразителями либерально-консервативного консенсуса в предшествующие годы, стали все более активно обращаться к поиску новой идеологической парадигмы, которая включала критическое видение меняющихся реалий капитализма. Острые критики было направлено на очевидные социально-экономические издержки НТР. Последняя все более разделяла Америку на две части: первая, в которую входили верхний и большинство среднего класса, все более упрочивала свое благосостояние, а вторая, включавшая работников отраслей, не охваченных или слабо охваченных НТР, представителей сферы образования, культуры, служащих, пополняла ряды тех, кого социал-дарвинисты некогда определили как "менее приспособленных" индивидуумов. По убеждению либеральных критиков, они попали в разряд "менее приспособленных" не по своей воле, а в силу несовершенства общественных связей.

Одним из первых сторону "менее приспособленных" принял Д. Гэлбрейт. В 1958 г. он обобщил свои критические суждения в книге "Общество изобилия": главным парадоксом этого общества объявлялось то, что монополистический бизнес, подчиненный закону частнокапиталистического накопления, оставлял совершенно без внимания и обречал на прозябание те сферы, которые не приносили прямой прибыли, но без которых невозможно было ни интеллектуальное, ни экономическое процветание нации. К ним относились начальное, среднее и высшее образование, наука, культура, досуг людей, социальное обеспечение, природная и вообще практически вся среда обитания человека. Позаботиться об общенациональных интересах могло и должно было государство, которому вменялось в обязанность строить школы и больницы, финансировать науку и культуру, благоустраивать города, охранять природу, а также взять на свое обеспечение бедняков и престарелых, всех париев общества.

Первым политическим выразителем обновленных реформистских идей стал Э. Стивенсон, который нашел для своей программы громкое название – Новая Америка. Впрочем, его собственный интеллектуальный вклад в программу был минимальным, а ее подлинными авторами явились все те же Д. Гэлбрейт, А. Шлезингер-младший и С. Харрис. Гэлбрейт гораздо позднее, в мемуарах, отзовется об интеллектуальных способностях Стивенсона иронично и даже жестко: "Все вокруг были уверены, что он – начитанный интеллектуал. Но вряд ли после избрания его губернатором Иллинойса он прочел хоть одну серьезную книгу"²⁹.

В речах Стивенсона встречались порой поразительные ошибки: например, выступая 31 мая 1956 г. в Лос-Анджелесе, он заявил, что американские отцы-основатели, среди них Джефферсон, сознательно заменили в федеральной конституции локковское естественное право на собственность правом на стремление к счастью³⁰, хотя в действительности такая замена была произведена Джефферсоном в Декларации независимости, а конституция, к составлению которой Джефферсон не имел отношения, как раз восстанавливала локковскую трактовку естественных прав. Однако именно под именем Стивенсона вышла книга "Новая Америка", в

которую были включены все самые интересные разработки его "мозговой команды".

Концепция Новой Америки впервые включала критику ограниченности подходов Нового курса, которые были рассчитаны на период экономического кризиса, но не содержали программы реформ для эпохи экономического роста. Такая программа предполагала активное государственное финансирование тех сфер и материальную помощь правительства тем слоям населения, которые были "забыты" процветающим большим бизнесом. Где заключены источники финансирования? Ответ казался реформаторам простым: если увеличить темпы национального экономического роста на 3% в год, то необходимые для программы 9 млрд долл. будут легко получены за счет дополнительных налоговых отчислений³¹.

Трудно сказать, как сложилась бы на практике судьба программы Новой Америки, если бы Стивенсон встал во главе американского государства. Но ему так и не удалось занять высший государственный пост. Демократическая партия смогла прийти к власти в 1960 г. во главе уже с новым лидером – Д.Ф. Кеннеди. Интеллектуальная команда Кеннеди состояла, впрочем, из прежних лидеров либерализма – Д. Гэлбрейт, А. Шлезингер-младший, С. Харрис. Да и предложенная им концепция Новых рубежей во многом повторяла и развивала концепцию Новой Америки. Проблемы, которые пытались решить Кеннеди и его окружение, зародилось в 50-е годы, а в 60-е они серьезно расширились и обострились.

Д. Кеннеди находился у власти около трех лет (его жизнь трагически оборвалась в ноябре 1963 г.), но личность и принципы 35-го президента во многом определили характер либерализма 60-х годов. Впрочем, определяющее влияние на либерализм, как и прежде, оказывали социально-экономические реалии. Они во многом повторяли опыт 50-х годов: стремительно развивавшаяся научно-техническая революция упрочивала могущество бизнеса и благосостояние верхнего среднего класса, а значительная часть рабочих, в первую очередь "синие воротнички", интеллигенция, как и низкооплачиваемые слои, оставались на обочине экономического прогресса. Массовая бедность и социальная незащищенность низших и части средних слоев стала проблемой № 1 для Америки. Эта, как и другие проблемы Америки, в первую очередь расовая, стали восприниматься гораздо острее в силу важных изменений в мировом развитии.

Главное среди этих изменений – национально-освободительные революции в Африке, способствовавшие резкому росту самосознания черной расы во всем мире, в том числе и в Соединенных Штатах. Черные американцы, решительно отказавшиеся именоваться впредь неграми и предпочитавшие идентифицировать себя теперь как афроамериканцев, не желали более терпеть расовое угнетение и развернули мощное движение за гражданские права, получившее в силу своего размаха название второй Реконструкции.

Среди других международных факторов, оказавших влияние на американский либерализм, особое значение имело возросшее влияние социа-

лизма. Конечно, сегодня утверждение о влиянии социализма в 60-е годы может вызвать и скептическую улыбку. Но дело в том, что хрущевские реформы конца 50-х – начала 60-х годов, динамизм советского лидера на международной арене, успехи СССР в космосе действительно оказывали реальное влияние на умонастроения в капиталистическом мире и заставляли американских либералов серьезно задумываться о реформистских способах противодействия социалистическим идеалам.

Теоретические разработки американских либералов 60-х годов как раз включали осмысление взаимоотношений двух соперничающих систем – социализма и капитализма. Среди многих работ, посвященных этой проблеме, наибольшую известность приобрела книга Д. Гэлбрейта "Новое индустриальное общество"³². В ней последовательно развивалась идея своеобразного исторического компромисса между капитализмом и социализмом, а для обозначения этого компромисса было введено новое понятие – конвергенция.

Концепция конвергенции обосновывала объективную закономерность сближения производительных структур, производственных отношений и систем экономического управления при социализме и капитализме. При этом Гэлбрейт, как и его единомышленники, не считал возможным пользоваться далее определениями "капитализм" или даже "демократический капитализм" при обозначении американского общества, предпочитая им классово нейтральные понятия "индустриальное" и "новое индустриальное общество". Активно проводилась мысль о том, что основные черты нового индустриального общества станут в будущем универсальными как в капиталистических, так и в социалистических обществах.

Концепция нового индустриального общества была подвергнута, правда не в 60-е, а уже в 70-е и первой половине 80-х годов, острой критике в советской литературе. Критиков особенно не устраивало то, что Гэлбрейт в рамках теории конвергенции развивал концепцию "капитализации социализма" и в идиллических красках изображал американский монополистический капитализм. Но во второй половине 80-х – начале 90-х годов среди отечественных обществоведов стал формироваться новый взгляд на теорию конвергенции, который в отличие от прежнего, формационного, можно определить как общецивилизационный и который обнаруживает многие упрощения в прежней критике Гэлбрейта и его единомышленников.

Новое прочтение книги Гэлбрейта позволяет обнаружить, что критики увидели в его концепции то, чего в ней вовсе не было. Лейтмотивом концепции Гэлбрейта являлась отнюдь не идея "капитализации социализма", а как раз идея "социализации капитализма". Он ввел еще в 1967 г. и само понятие "социализация" капиталистической экономики. Читая книгу Гэлбрейта сегодня, поражаешься тому, насколько радикально отрицал он классические механизмы капитализма. Он, в частности, доказывал, что свободный рынок превратился в анахронизм, а в будущем "рынок должен быть заменен планированием"³³. Такое отрицание роли рынка наверняка вызовет у ряда современных отечественных экономистов такой же протест, какой оно вызвало в 60-е годы в США среди представителей

классической буржуазной политэкономии, т.е. тех, кого сам Гэлбрейт, безусловно, относил к консерваторам.

Главными творцами системы экономического планирования и разрушителями рынка Гэлбрейт объявлял "зрелые корпорации" эпохи научно-технической революции, которые в отличие от прежних "предпринимательских корпораций" управлялись уже не собственниками, а "техноструктурой" – конгломератом исполнительных, административных, правовых, инженерно-технических и прочих органов и служб. Акционеры же в схеме Гэлбрейта – чисто формальные носители высшей власти. Концепция "техноструктуры", абсолютизирующая отделение функции собственности от функции управления в капиталистической экономике, и на сегодняшний день остается самой уязвимой частью теории нового индустриального общества. Выдвинутая Гэлбрейтом версия о "смерти капитализма", о том, что экономическая власть в США полностью перешла в руки техноструктуры, а политическая – государства, оказалась явным преувеличением.

Впрочем, Гэлбрейт не идеализировал современные корпорации. Их пороки он усматривал не только в экономическом эгоизме, неспособности направить свои усилия на развитие сфер образования, здравоохранения и культуры, но и в том, что корпорации с помощью рекламы все более утверждали диктат в отношении потребностей населения, навязывая ему те товары и услуги, которые явно противоречили нормам разумного цивилизованного существования. С этими пороками Гэлбрейт, как всегда, предлагал бороться при помощи демократического социального и экономического законодательства.

Одной из главных идейных опор либерализма в 60-е годы продолжало оставаться кейнсианство. Но в толковании кейнсианских доктрин возникли серьезные различия. Так весьма четко разделились левые и умеренные кейнсианцы. Один из наиболее видных левых кейнсианцев, С. Харрис, видел главное отличие либералов от консерваторов в том, что первые выступали за "сбалансированную экономику", а вторые – за "сбалансированный бюджет" "Сбалансированная экономика", предполагавшая гармоничное развитие и удовлетворение потребительских интересов разных слоев общества, в том числе престарелых, малообеспеченных, безработных, инвалидов, не только допускала, но и требовала поступиться идеей "сбалансированного бюджета".

Государство, доказывал Харрис, должно в полной мере финансировать систему социальной защиты этих социальных слоев, а потому не должно испытывать страха перед бюджетным дефицитом и инфляцией не только в условиях кризисов, но и в периоды экономического роста. Умеренная, регулируемая инфляция, по его убеждению, не противоречила, а напротив способствовала и экономическому росту: перспективные производства, получив возможность повысить цены на товары с новыми качествами, могли существенно расширять свои капиталовложения. Если один процент инфляции обеспечивает десять процентов роста производства, лаконично заключал Харрис, то это хорошая экономическая политика³⁴.

Умеренные же кейнсианцы делали упор на государственное стимулирование экономического роста при помощи сокращения налогообло-

жения корпораций, поддержание стабильности рынка посредством контроля над уровнем цен и заработной платы. Антиинфляционную политику они предпочитали, помимо всего прочего, и по той причине, что она препятствовала обесценению надежных накоплений высшего и среднего классов.

Д. Кеннеди, как и занявший после его гибели президентское кресло Л. Джонсон, прислушивались к советам как левых, так и умеренных кейнсианцев, пытаясь по возможности сочетать их рецепты. Программа Новых рубежей Кеннеди включала в себя целую серию либерально-реформистских требований: это и законопроект о создании системы обучения и переподготовки рабочей силы, которая должна была помочь тем, кто терял работу вследствие широкой автоматизации промышленности, и меры государственной медицинской помощи бедным и престарелым, и широкое государственное финансирование науки, образования, медицины, бедствующих фермерских хозяйств. Президент-реформатор обещал поддержку черным американцам в борьбе за равные с белыми гражданские права: он намеревался твердо, даже подключая помощь федеральных войск, покончить с сегрегацией при найме на работу, на транспорте, в школах и университетах южных штатов, вернуть черным американцам равные избирательные права, которые были провозглашены в период Гражданской войны, но фактически отменены южными расистами на рубеже XIX–XX вв.³⁵

Вся эта широкая реформаторская программа требовала огромных федеральных затрат, главным источником для которых могло стать налогообложение корпораций. И здесь Кеннеди натолкнулся на сопротивление не только консерваторов, но и умеренных кейнсианцев. По их убеждению, основой благоденствия всех социальных слоев являлось увеличение, а не передел "национального пирога", что требовало поощрять всяческими средствами, в первую очередь с помощью налоговых скидок, предпринимательскую активность. Под давлением умеренных и консервативных сил Кеннеди должен был пойти на налоговые льготы корпорациям, что существенно сузило возможности его реформаторских социальных замыслов. Из всей его программы Новых рубежей за два с половиной года президентства Кеннеди были реализованы немногие предложения, самым важным среди которых явился первый в истории страны федеральный закон о развитии системы подготовки и обучения рабочей силы.

Реформаторские замыслы Кеннеди были в полном объеме восприняты его преемником на президентском посту Л. Джонсоном. Безусловно уступая политическому кумиру американских либералов в интеллектуальных способностях, Джонсон, однако, не был обделен тщеславием и, не желая быть простой тенью Кеннеди, дал воспринятым у него реформаторским программам новые звучные названия – Великое общество и Война с бедностью.

В период пребывания на президентском посту (1963–1969) Л. Джонсон выстулал как бы в двух ипостасях: с одной стороны, он осуществлял эскалацию войны во Вьетнаме, что все более упрочивало представление о нем, как о консерваторе, но, с другой стороны, он же проводил

активный реформаторский курс во внутренней политике, уделив особое внимание обеспечению равных гражданских прав для черных американцев и борьбе с массовой бедностью³⁶. Подобное соединение в Джонсоне консерватора и либерала имело вполне логичное объяснение: реформаторский курс внутри страны должен был служить смягчению демократического протеста против расширявшейся агрессии во Вьетнаме.

И нужно сказать, что в проведении внутренних реформ Джонсон преуспел гораздо больше, чем Кеннеди. Конечно, было бы заблуждением поставить это в заслугу лично ему: к активным шагам его подталкивало и мощное демократическое движение черных американцев, достигшее пика как раз в годы президентства Джонсона, и желание заручиться массовой социальной поддержкой среди белых американцев, столь необходимой для правительства, все более увязавшего в "грязной войне" в Индокитае. Большие практические успехи Джонсона в сравнении с Кеннеди объяснялись, конечно, и гораздо более длительным пребыванием его на президентском посту, а также тем, что многие реформаторские проекты уже были подготовлены и запущены его предшественником, так что Джонсон пожинал плоды, посеянные интеллектуалом Кеннеди и его "мозговым трестом".

Три закона в области гражданских прав, одобренные в 1964, 1965 и 1968 гг., запрещали дискриминацию черных американцев при найме на работу, в местах общественного пользования, при приобретении и аренде жилищ, отменяли всевозможные ограничения их избирательных прав. Это были самые серьезные демократические законы в интересах черных американцев со времен Гражданской войны 1860-х годов. В 1965 г. были приняты законы о государственном субсидировании медицинского обслуживания престарелых (старше 65 лет) и малообеспеченных американцев. Законом 1968 г. повышался до 1,60 долл. минимум почасовой заработной платы. На семь процентов повысились пособия для престарелых, инвалидов и детей-сирот. Вводилась выплата пособий и раздача продовольственных талонов семьям, жившим ниже официального уровня бедности³⁷.

Это были самые глубокие либеральные реформы со времен Нового курса, стимулировавшие процесс интеграции в американский либерализм социал-демократической доктрины. Но практические результаты реформ были существенно ограничены в силу непрестанно расширявшихся расходов на войну во Вьетнаме. Ежегодные траты на вьетнамскую войну, достигшие к концу 60-х годов 25–30 млрд долл., вынудили правительство Джонсона свернуть программу Войны с бедностью. Вести сразу две дорогостоящие войны оказалось не по плечу даже самой богатой стране мира. В жертву была принесена война с бедностью.

Программа Кеннеди–Джонсона при всех ее противоречиях заключала в себе тенденцию социал-демократизации американского либерализма. Эта тенденция достигла высшей точки на рубеже 60–70-х годов, когда ее политическими выразителями выступили лидеры леволиберального крыла Демократической партии, Ю. Маккарти и Д. Макговерн. Леволиберальное крыло попыталось существенно расширить традиционную социальную опору либерализма, подключив в нее радикальную молодежь, прогрессивные слои рабочего класса, черных американцев, а также

многие национальные и социальные меньшинства Америки, пробудившиеся к политической активности, но продолжавшие оставаться на обочине экономического благосостояния. Всем этим силам были предложены обновленные идеологические ориентиры.

Одним из главных поборников дальнейшего обновления либерализма продолжал выступать Д.К. Гэлбрейт. Обновленческие идеи были изложены им в книге "Экономические теории и цели общества", увидевшей свет в 1973 г.³⁸ Здесь Гэлбрейт отверг уже не только классическую буржуазную политэкономия, но и кейнсианскую доктрину, поскольку она также отдавала предпочтение рыночной экономике перед планированием. Высказавшись твердо в пользу системы экономического планирования, которая в США воплотилась в деятельности "зрелых корпораций", Гэлбрейт вместе с тем сосредоточился не на достоинствах, а на недостатках последних. Главный из этих недостатков состоял в том, что "зрелые корпорации" продолжали выступать в качестве "инструмента сохранения неравенства". Дело в том, указывал он, что владельцы акций "зрелых корпораций", не имея уже абсолютно никакого отношения к их деятельности и управлению, тем не менее получают все возрастающие дивиденды, превращаясь в паразитический класс. Гэлбрейт считал вполне справедливыми прогрессивное налогообложение их собственности и наследств или даже выкуп акций государством, получившим в результате перераспределительной реформы возможность повысить доходы малообеспеченных слоев³⁹.

Крупным недостатком корпораций Гэлбрейт продолжал считать "рекламный диктат" в отношении потребителей: последних путем рекламных манипуляций понуждали приобретать товары, в которых массы американцев по здравом размышлении вовсе не нуждались. Раскритиковав экономику "расточительного потребления", которая наносила непоправимый ущерб личности, обществу, окружающей среде, Гэлбрейт указывал, что корпорации могли бы с гораздо большей пользой для общества использовать свою мощь, если бы обратили взоры к неприбыльным сферам образования, культуры, здравоохранения. Поскольку же этого не происходило и не могло произойти, заботу о "качестве жизни" всех слоев американцев, в первую очередь средне- и малообеспеченных, как и о выражении национальных интересов в сфере экономики и социальных отношений должно было взять на себя государство.

В новой книге Гэлбрейт писал уже не только об объективном характере процесса социализации при капитализме, но и о необходимости для американского общества взять на вооружение понятие *социализм* в целом. Оно, правда, сводилось им к "прагматичному социализму", но его возможности в Соединенных Штатах трактовались весьма широко: "Доводы в пользу социализма неоспоримы в слабейших частях экономики. Они так же, как это ни парадоксально, неопровержимы в ее сильнейших частях"⁴⁰. Консерваторов, да и многих либералов новые взгляды и терминология Гэлбрейта откровенно шокировали, но среди левых либералов, число которых на рубеже 60–70-х годов существенно возросло, идеи активного государственного планирования и программирования экономики и социальных отношений, как и радикального

перераспределения национального дохода, пользовались возрастающей поддержкой.

Некоторые левые либералы критиковали корпорации еще более резко, чем Гэлбрейт, переходя на позиции антимонополизма, созвучного взглядам популистов конца XIX в. и концепции Новой свободы Брандэйса-Вильсона начала XX в. С антимонополистических позиций выступал политический лидер левых демократов Ю. Маккарти. Власть корпораций он сравнивал с системой средневекового феодализма: каждая из них твердо контролировала в своем домене распределение прибылей, организацию социального страхования, быта и отдыха своих рабочих. Благополучие рабочих зависело исключительно от корпораций, поэтому они превращались в безропотных подданных монополий. Сложившийся же в Америке государственный контроль над корпорациями был абсолютно антидемократичен: он осуществлялся через посредство правительства и зачастую сводился к непосредственным соглашениям между главой исполнительной власти и хозяевами корпораций.

Маккарти и его единомышленники предложили целую серию антимонополистических мер, получивших название Нового популизма и прозвучавших наиболее убедительно в период избирательных кампаний 1968 и 1972 гг. Во-первых, выдвигалось требование утвердить в стране единую общегосударственную систему социального обеспечения, с тем чтобы покончить с зависимостью рабочих от непосредственных хозяев. Далее предлагалось установить систему демократического общественного контроля над экономической деятельностью корпораций, их отношением к окружающей среде, политикой ценообразования, участием в избирательных кампаниях. Наконец, было сформулировано и требование роспуска корпораций, приобретших монополистические черты, и определения при помощи правительственных органов допустимых размеров предпринимательских объединений⁴¹. Последнее требование стало настолько популярным, что было включено в избирательную платформу Демократической партии в 1972 г.

Критически настроенные либералы не ограничивались разработкой лишь социально-экономических реформ, но впервые за многие годы выдвинули программу Новой политики, означавшую демократизацию основных государственных институтов. Резкой критике была подвергнута президентская власть, превратившаяся, по определению А. Шлезингера-младшего, в "имперское президентство". Атака либералов на сильную президентскую власть звучала непривычно: ведь со времен Т. Рузвельта и особенно в годы пребывания у власти Ф.Д. Рузвельта и Д. Кеннеди именно динамичная, наделенная широкими прерогативами исполнительная власть рассматривалась ими в качестве главного средства проведения реформаторского курса. Тот же Шлезингер-младший в 40–50-е годы откровенно предпочитал "слабому" либеральному президенту Т. Джефферсону "сильных" и властных президентов Э. Джексона и Ф.Д. Рузвельта.

Но времена изменились. Резкое возрастание в 50–60-е годы внешнеполитических полномочий президентской власти стало, по убеждению либералов, главной причиной нескольких "необъявленных войн" со сторо-

ны США, самой опасной среди которых явилась агрессия во Вьетнаме. Усиление президентской власти угрожало самим устоям американской демократии, и либеральные критики провозгласили безотлагательной задачей укрепления систем разделения властей и сдержек и противовесов⁴².

Среди политических предложений либералов вновь зазвучали популярные в популистском и прогрессистском движениях конца XIX – начале XX в. идеи расширения прямой демократии, народных референдумов и отзыва депутатов, строгого контроля над финансированием избирательных кампаний, установления квот пропорционального представительства в государственных структурах и руководстве партий мужчин и женщин, разных национальностей и рас.

Было сформулировано требование о новых гарантиях свобод слова, печати и собраний. Указывалось, что эти свободы и права зачастую "распределялись" по прихоти мощных средств массовой информации, они нарушались с помощью изощренных технических средств слежки и подслушивания, о которых, естественно, не могли даже догадываться авторы американской конституции и Билля о правах. В современных условиях реальная гарантия этих прав требовала обеспечения разным социальным слоям, партиям, группам, индивидуумам равных возможностей доступа к телевидению, прессе, радио, с одной стороны, и запрета всех появившихся за 200 лет после принятия Билля о правах прямых и косвенных средств ограничения свобод и прав со стороны властей предрержащих.

Высшей точкой успеха левых либералов стало выдвижение в 1972 г. кандидатом в президенты от Демократической партии Д. Макговерна и принятие ею самой радикальной за всю свою историю программы. Программа эта фактически явилась альтернативой как платформе правившей тогда Республиканской партии, так и традиционным концепциям самих демократов. Бунт и успех леволибералов, однако, немало напугал умеренных, и, оправившись от шока, они предприняли отчаянные усилия, чтобы вернуть либерализм и Демократическую партию в прежнее русло. Уже в 1974 г. на чрезвычайном съезде партии левый переклест в либерализме был устранен. Либерализм же с того момента вступил в новый этап, который продолжается по нынешний день и несет в себе серьезную ревизию прежних либерально-реформистских идеалов.

Было бы, впрочем, явным упрощением связывать наступление этого этапа лишь с испугом умеренно либерального большинства перед левыми. Он был обусловлен серьезными изменениями экономических условий развития американского общества, которые проявились в полной мере в середине 70-х годов.

В первую очередь выявилось ухудшение основных экономических показателей американского капитализма: галопирующий рост цен, и, как следствие, падение реальных доходов населения, снижение темпов экономического роста, увеличение безработицы. Если в 60-е годы темпы прироста розничных цен на потребительские товары в США составляли в среднем 2,8% в год, в 70-е – уже 6–8%, а к концу десятилетия ежегодный рост цен составил 13% (реальные доходы населения США только в 1979 г. упали почти на 8%). В 60-е годы среднегодовой темп прироста валового национального продукта составлял 4,3%, а промышленного

производства – 5,9%, в 70-е же годы соответственно 3,2 и 3,9%, при этом во второй половине 70-х годов эти показатели составили 2,5 и 2,7%. Доля США в суммарном промышленном производстве капиталистического мира снизилась за 30 лет (с 1948 г.) с 49,8 до 37,3%. Соответственно снизилась доля промышленной продукции США на мировом капиталистическом рынке. В преддверии 80-х годов США оказались на седьмом месте среди капиталистических стран по производству валового национального продукта на душу населения, а по уровню жизни – даже на десятом.

Консервативные круги страны не преминули возложить всю ответственность за экономические беды Америки на государственное регулирование экономики и социальные расходы, которые-то и были объявлены первопричиной упадка бизнеса и роста цен. Увязать огромный бюджетный дефицит правительства, приводивший к эмиссии денег и инфляции, с расширением программ социального страхования и помощью низшим слоям было несложно: с середины 60-х годов, т.е. со времени принятия Л. Джонсоном программ Великого общества и Войны с бедностью, темпы социальных расходов в 3–4 раза превышали темпы роста валового национального продукта, а к середине 70-х годов социальные расходы достигли уже половины федерального бюджета и 2/3 бюджетов штатов и местных властей. Дальнейший рост социальных расходов, пророчили консерваторы, поставит страну на грань катастрофы.

Голосу консерваторов вняли не только верхние, но и средние слои американцев, ставшие увязывать ухудшение экономического положения США и своего собственного с непомерной помощью властей беднякам. Либерально-реформистская концепция государства всеобщего благосостояния стала терять популярность, а Демократическая партия высказала скептическое отношение к ней на выборах 1976 г. Лидер демократов Дж. Картер, избранный в том году президентом, приступил к замораживанию социальных программ, и в 1978 г. в послании Конгрессу США отрекся от либерально-реформистского кредо: "Мы должны понять, что роль и функции правительства носят ограниченный характер. Правительство не может решить все наши проблемы, поставить все наши цели и указать пути, которым мы должны следовать. Правительство не может покончить с бедностью, обеспечить экономическое процветание, снизить темпы инфляции, спасти наши города, покончить с неграмотностью, обеспечить страну энергией или добиться всеобщей добродетельности"⁴³.

Практическая политика Дж. Картера все более отвечала консервативным настроениям, но все же не поспевала за их распространением, и в 1980 г. поправевшая Америка вверила свою судьбу другому стражу, Р. Рейгану, лидеру республиканцев. Демократы оказались в оппозиции, проигрывая в дальнейшем одни президентские выборы за другими. Затяжной кризис стратегии демократов был равнозначен и кризису либеральной идеологии.

Ветераны либерализма А. Шлезингер-младший и Дж.К. Гэлбрейт призывали единомышленников не предаваться отчаянью, а взглянуть на ситуацию философски. Шлезингер развивал свою излюбленную идею о

чередовании либеральных и консервативных циклов в американской истории: либерализм расцветает в благополучные экономические времена, позволяющие утверждать социальную справедливость, а консерватизм выходит на авансцену в периоды экономических спадов, когда требуется снять ограничения с предпринимательских интересов и пожертвовать социальными завоеваниями "низов". США вступили в депрессивную экономическую фазу, разъярял он, но она не будет длиться бесконечно, и маятник национальной политики должен рано или поздно вновь качнуться в сторону либерализма. Шлезингер-младший предлагал дождаться нового "часа либерализма", не выдвигая каких-либо конструктивных предложений по его совершенствованию.

Д.К. Гэлбрейт не соглашался ждать пассивно наступления "часа либерализма", требуя всесторонне осмыслить причины успехов консерватизма и извлечь из них уроки. В наступлении консерваторов он различал, с одной стороны, "примитивную" и "романтическую" тенденцию, которая заключалась в попытках лечить болезни Америки с помощью теории свободного рынка, а с другой стороны, тенденцию реалистическую, которая выражалась в справедливой критике издержек государственного социально-экономического регулирования. Либерально-реформистский принцип социальных расходов – "чем больше, тем лучше" – вступил, по его убеждению, в противоречие с законами экономического роста, без которого не были возможны и новые социальные программы. Гэлбрейт настаивал на разработке оптимальной шкалы социальных расходов, которые бы отвечали потребностям общества, но в то же время не препятствовали экономическому росту⁴⁴. Эта прагматическая концепция социальных расходов, как и в целом новая доктрина либерализма, была, впрочем, разработана уже не Гэлбрейтом, а новым поколением американских либералов, заявивших о себе во весь голос в 80-е годы.

Очень скоро это поколение взяло себе имя неолибералов. Этот термин, как отмечал политолог Р. Ротенберг, впервые был обнародован в 1979 г. редактором журнала "Вашингтон мансли" Чарлзом Петерсом. В феврале 1979 г. Петерс выступал на праздновании десятилетия своего журнала. "Мы, – провозгласил, почти прокричал он сквозь шум всеобщего веселья, – неолибералы!"⁴⁵. Вскоре после этого сложился и интеллектуальный "клуб неолибералов". В него вошли такие деятели демократической партии, приобретшие скоро широкую известность, как Г. Харт, М. Дукакис, Р. Гелхард, Б. Брэдли, М. Куомо. В академической общине глашатаями неолиберализма стали известные экономисты Л. Туроу и Р. Райх, а в деловых кругах Ф. Рохатин.

Р. Ротенберг, пытаясь воссоздать портрет типичных представителей неолибералов, писал: "В 30-е годы, эпоху расцвета рузвельтовского либерализма, многие из них еще даже не родились, а вторую мировую войну они помнят весьма туманно. Но они были уже слишком взрослыми, чтобы носить потертые джинсы и участвовать в демонстрациях против войны во Вьетнаме. Неолибералы – дети 50-х годов, этой эры процветания Америки. Они спокойны и беспристрастны – о, эти добродетели 50-х годов! – почти технократичны в выражении собственных интересов и в своем подходе к проблемам. Их мир – точнее мир, который они на-

деются создать, – полон, микроэлементов, роботов, компьютеров. Они выражают приверженность либеральным целям, но настаивают на использовании прагматических средств для их достижения. Наконец, они стремятся остаться свободными от идеологических обязательств и от связей с группами, традиционно составляющими опору Демократической партии"⁴⁶.

Неолиберализм отнюдь не означал полного разрыва со сложившимися либеральными ценностями. Преемственность выражалась, в первую очередь, в принятии неолибералами концепции социальной ответственности государства. Один из главных политических и идейных лидеров неолиберализма, Г. Харт, последовательно выступавший в 80-е годы с острой критикой внутренней политики Рейгана, не принимал в ней именно консервативных социальных начал – сокращение государственной помощи образованию и медицине, неоправданные налоговые скидки для корпораций. Консервативная политика Рейгана, по утверждению Харта, имела тенденцию в конечном итоге "впервые за 50 лет возродить классовые конфликты"⁴⁷. Вместе с тем Харт, подобно другим неолибералам, ратовал за критический пересмотр приоритетов государственной социальной политики, развитие прагматического подхода, который бы преследовал цель оптимального воспроизводства "человеческого капитала", а не утверждения призрачного всеобщего благоденствия.

Понятие "человеческий капитал", ставшее одним из популярных в идеологии неолибералов, ярко выражает технократический характер их социальных приоритетов. По убеждению Харта и его единомышленников, хороша прежде всего та социальная политика, которая окупает себя экономически, работает на благосостояние не отдельных слоев, а всей нации. Неолибералы не случайно проводят принципиальное различие между социальной политикой Ф.Д. Рузвельта 30-х годов и Л. Джонсона 60-х годов, отдавая безусловное предпочтение первой. Если Новый курс Рузвельта, разъясняют они, был направлен на социальную защиту слоев, связанных с производством, т.е. способствовал спасению "человеческого капитала", то программа Войны с бедностью Л. Джонсона преследовала чисто идеологическую цель приобщения к благосостоянию всех аутсайдеров общества. Нет – идеологическому, да – прагматическому подходу в политике социальных расходов – таков один из девизов неолибералов.

Впрочем, подлинно приоритетными для неолибералов стали проблемы не социальной, а экономической политики государства. Солидаризируясь с подобным выбором, сенатор Э. Кеннеди защищал его в одном из выступлений в 1986 г. с помощью известного изречения покойного президента Д. Кеннеди: "Самой важной среди всех социальных программ является здоровая экономика"⁴⁸. Неолибералы в отличие от кейнсианцев делали упор не на увеличение потребительского спроса, а на расширение предложения капиталов и товаров, развитие предпринимательской инициативы. Если будет устойчивый экономический рост, то будет и что распределять на социальном рынке – такова логика их рассуждений.

Обеспечение экономического роста являлось на современном этапе главной заботой консерваторов – на их планах преодоления эконо-

мической стагнации жидилась рейганомика. Но в отличие от защитников рейганомики неолибералы были убеждены, что возрождение передовой экономической роли США в мире невозможно без развития активной планирующей и регулирующей функции государства.

Не случайно одним из главных, если не главным, в слове неолибералов стало понятие "индустриальная политика", проводниками которой на основе достижения национального консенсуса должны стать государство, бизнес и трудящиеся. Эти силы совместно выступают в качестве регулятора рынка. Отвергая консервативную концепцию абсолютной свободы рынка, один из ведущих экономических умов неолибералов, Р. Райх, указывал, что в развитых индустриальных странах, в том числе и в США, проведение жестких разграничений между государством и рынком давно перестало быть полезным: государство участвует в создании рынка, определяя условия и границы предпринимательской деятельности на основе принятых обществом норм и представлений об ответственности правительства за здоровое функционирование экономики⁴⁹. По убеждению Райха, беда американского правительства заключалась отнюдь не в принятии концепции социально-экономического регулирования и планирования, а в том, что государственные институты в США в отличие от Японии и Германии не обеспечили квалифицированного руководства частнопредпринимательской экономикой. И именно в этом заключена главная причина обозначившегося в 70-е годы экономического отставания США от главных капиталистических конкурентов.

Неолибералы указывали, что Рейган и его команда, прийдя к власти в 80-е годы и провозгласив свободу рынка, на практике не отказались от государственной индустриальной политики. Но вот содержание и направленность последней были определены не самым лучшим образом. Рейган, по их заключению, оказался пленником ошибочного макроэкономического подхода, включающего жесткую кредитно-денежную (высокие процентные ставки) и мягкую налоговую политику. Критикуя этот подход, Л. Туроу доказывал, что высокие процентные ставки сковывают, а не развязывают частнопредпринимательскую инициативу, а мягкие налоги, основывающиеся на так называемой "кривой Лэффера", вообще с научной точки зрения являют образцы шарлатанства. Интересно его критика консервативного экономиста А. Лэффера, приобретшего известность во всем мире: вопреки утверждению Лэффера о том, что 30%-ное снижение налогов увеличит доходы на 43%, расчеты самого Туроу свидетельствуют, что даже 50%-ное снижение налогов увеличит индивидуальные доходы не более, чем на 8%. "Роман" между рейганомикой и Лэффером, заключал язвительно Туроу, доказывает, что "если политики хотят верить во что-либо, то всегда найдут экономиста, который подкрепит их систему верований"⁵⁰.

Сами неолибералы выступили сторонниками микроэкономического государственного планирования, которое регулирует не столько количественные показатели капиталовложений, сколько их направленность. Главным среди таких направлений признана активная финансовая поддержка наиболее перспективных отраслей промышленности: компьютерная электроника, биоинженерия, робототехника и др. Выдвинута концеп-

ция создания в стране сети "информационных архипелагов": они должны включить в себя бизнес, основанный на передовой технологии и множество обслуживающих его небольших фирм, культурные и социально-оздоровительные центры для служащих (своего рода комплексы здоровья), колледжи и школы, ведущие подготовку и переподготовку кадров, и, наконец, университет, развертывающий фундаментальные и прикладные исследования, необходимые для развития самых передовых технологий. Эта программа призвана обеспечить возрождение передовых позиций США на мировом рынке, которые стали переходить к Японии и Германии.

Неолибералы предполагают и государственное финансирование технологической перестройки традиционных отраслей – самолето- и автомобилестроение, сталелитейная, горнодобывающая и т.д. Согласно концепции неолиберальной индустриальной политики отрасль или отдельная фирма, намеревающиеся совершить коренную технологическую перестройку, обязаны представить правительству четкий план, обосновывающий их выход на передовую позицию на мировом рынке. Представленный проект должен выдержать испытание рынком: если частный бизнес откажется выделить на его финансирование как минимум 50% капиталовложений, то тогда и правительство воздержится от финансовой поддержки. Помощь со стороны государства традиционным отраслям промышленности потребует не сокращения, а, напротив, расширения регулирующих функций и агентств правительства: неолибералы Ф. Рохатин и Л. Туроу, в частности, выдвинули проекты создания Корпорации финансовой реконструкции и Национального инвестиционного банка, в компетенцию которых входит кредитование предприятий, включенных в сферу индустриальной политики.

Неолибералы подчеркивают особое значение программ помощи малому бизнесу, который в минувшие десятилетия проявил повышенную технологическую изобретательность и конкурентоспособность (в связи с этим часто приводился в пример «феномен "Атари"», независимой японской фирмы, выбившейся в ведущие компьютерные компании мира). Малый бизнес, требовал Г. Харт во время своих избирательных кампаний, должен быть решительно освобожден от правительственных регламентаций, напротив, с помощью Центров развития, создаваемых во всех штатах, ему должна оказываться финансовая и кадровая поддержка⁵¹.

Подобно другим неолибералам, Г. Харт предлагал отыскивать и включать в процесс финансирования экономических программ нетрадиционные источники. Так, он указал на огромный потенциал пенсионных фондов, составляющих в середине 80-х годов более 800 млрд долл. – больше, чем активы Японского банка, немало способствовавшего технологическому перевооружению японской промышленности.

Большое внимание неолибералы уделили планам укрепления энергетической самостоятельности США, в частности уменьшения зависимости от нефтяных компаний Ближнего Востока. Одну из главных забот неолибералов составило развитие безотходных производств, что помимо энергетических сбережений обеспечивает выполнение экологической программы.

Особое место в программе неолибералов заняла концепция "трипартизма" – трехстороннего сотрудничества бизнеса, государства и профсоюзов в целях повышения эффективности американской экономики. Концепция эта позаимствована из опыта западноевропейских стран и Японии, где социальное партнерство давно признано эффективным стимулятором экономического роста. Неолибералы выступили за расширение участия профсоюзов и рабочего класса в целом в принятии экономических решений на уровне как корпораций, так и на общегосударственном. Выдвинута идея создания Совета экономического сотрудничества или при Конгрессе США или в качестве независимого государственного органа.

Повышению заинтересованности и сопричастности рабочего класса к процессу технологической перестройки и ускорения экономического роста призвано служить широкое распространение акций среди трудящихся. Г. Харт приводил цифры, свидетельствующие, что распространение акций среди рабочих американских предприятий способствовало в течение короткого времени росту на них производительности труда и прибылей в полтора раза⁵². Харту пришлось по душе и позаимствованная из японского и европейского опыта идея широкого развития среди рабочих "кружков качества", призванных самым непосредственным образом вовлечь рабочих в научно-технический прогресс.

Концепция участия рабочих в принятии экономических решений и владении акциями, казалось бы, тесно сближает неолибералов с социал-демократами. Но при ближайшем рассмотрении мы не обнаружим в воззрениях неолибералов акцентов, типичных для социал-демократов. Неолибералов в отличие от социал-демократов волнуют не столько социальные, сколько экономические аспекты и выгоды партнерства рабочих, бизнеса и государства. Экономические аспекты находятся на первом месте и в их программе государственного субсидирования систем подготовки и переподготовки рабочих кадров. Здесь мы сталкиваемся с технократическим поиском эффективных и надежных средств воспроизводства "человеческого капитала" Как подчеркивал Р. Гепхард, один из лидеров Демократической партии, постиндустриальная экономика основополагается не только на самых совершенных технологиях, но и на высокоомком "человеческом капитале" и нуждается по этой причине "в образованных рабочих, обладающих высоким уровнем знаний и способностью быстро перестраиваться в зависимости от новых задач, проистекающих из изменений в промышленности"⁵³.

Технократический подход, взгляд сквозь призму "экономической пользы" характеризует и отношение неолибералов к социальной политике государства. Они, например, не отвергая вчистую идею государственной помощи бедным и безработным, требуют, чтобы правительственные субсидии расходовались не на продовольственные талоны и всевозможные пособия, а преимущественно все на те же системы образования, подготовки и переподготовки рабочих кадров. "Либералы, – настаивает Р. Макэлвейн, – должны сделать социальные программы более продуктивными"⁵⁴. А это означает, что бедные и безработные,

вместо того чтобы становиться получателями благотворительной помощи со стороны государства и общества, должны направляться на учебу на различные курсы, окончание которых позволило бы им занять достойное место на производстве и в дальнейшем заботиться самим о себе, что соответствует заповедям американизма. Заодно они превращались бы в "человеческий капитал", который так необходим современным Соединенным Штатам в борьбе с японскими и западноевропейскими конкурентами.

На протяжении всех 80-х годов неолибералы подвергали острой критике внутреннюю политику Рейгана, особенно его попытки сократить социальные расходы. Показательно, однако, что критике было подвергнуто по преимуществу сокращение государственных субсидий на образование и медицину, т.е. те сферы, без которых невозможно успешное воспроизводство "человеческого капитала". Социал-демократические аспекты концепции государства всеобщего благосостояния, получившие развитие в американской либеральной идеологии 60–70-х годов, были по меньшей мере преданы забвению.

Неолибералы вели острую дискуссию с консерваторами по вопросу о соотношении прав центрального правительства и властей штатов. Они отвергли концепцию нового федерализма Р. Рейгана, в которой основная ответственность за проведение социальной и индустриальной политики и соответствующие государственные расходы перелagались на штаты. "Новый федерализм Р. Рейгана, – согласно оценке Э. Кеннеди, – представляет собою на практике старый феодализм, который пытается ликвидировать федеральный дефицит за счет штатов и городов. Он предлагает им по видимости больше власти, но уменьшает реальные возможности их правительств по охране жителей от крупных, отчужденных от них институтов" Соглашаясь с наличием недостатков в деятельности центрального правительства, Э. Кеннеди в отличие от консерваторов видел выход не в ликвидации федеральной ответственности, а в разделении ответственности с правительствами штатов и местными властями⁵⁵.

Либералы полагали, что именно федеральное правительство должно определять цели индустриальной и социальной политики, в то время как за штатами остается выбор их реализации. Как подчеркивал У. Мондейл, примеривая либеральную концепцию прав центрального правительства и штатов к сфере образования, "федеральное правительство не может решить все проблемы образования, да оно и не должно этого делать", но "поскольку проблема образования – это общенациональная проблема, постольку и ее решение требует национальной стратегии"⁵⁶.

В целом доктрины неолибералов существенно отличаются от тех концепций, которые выдвигали их предшественники в 60–70-е годы. Социал-демократическая тенденция, пустившая тогда корни в американском либерализме, увяла, ее место заняла технократическая доктрина "индустриальной политики", измеряющая экономические и социальные аспекты государственного регулирования потребностями экономического роста. Какими могут быть практические последствия новых доктрин либералов?

Ответ на этот вопрос остается невыясненным, ибо неолиберализм получил шанс себя в Соединенных Штатах практически только с 1993 г., после вступления в президентскую должность лидера Демократической партии У. Клинтона. Так что обобщения относительно исторической роли либерализма в Соединенных Штатах могут основываться преимущественно на опыте его предшествующих этапов. Эта роль определялась поддержанием или восстановлением равновесия между экономической свободой, с одной стороны, и социально-политической демократией – с другой. Роль эта выполнялась в целом успешно, доказательством чему служит то, что идеологические принципы и программные установки либерализма в существенной мере реализовывались в политической практике, а сам он удерживал контроль над левым политическим спектром. Справиться с этой ролью либерализму помогли внутренние "врожденные" качества, ведущие начало от Джефферсона и Линкольна. Эти качества поддерживались в конкуренции с более радикальными идеологиями, в том числе и с социализмом. Либерализм смог обрести черты открытой идеологии и вести цивилизованный спор с левыми идеологиями, заимствуя многие их принципы и требования. Социал-демократизация либерализма, получившая и идеологическое, и практическое воплощение, в немалой степени позволила американскому обществу справляться с вызовами времени, избегать революционных потрясений, обретать новые социальные качества с помощью эволюционных и конституционных методов.

Течения консерватизма: от Г. Гувера до Р. Рейгана

Американский консерватизм вступил в новейшую историю, имея в качестве опоры доктрины классического индивидуализма. И если либерализм, решительно отождествивший себя с социальным реформизмом, осуществил идеологическую переоснастку еще на рубеже XIX–XX вв., то консерватизм продолжал топтаться на месте, а если и видоизменялся, то по большей части чисто внешне и в 20-е, и даже в 30-е годы XX в.

Но все же такой застой даже в стране с самыми прочными в мире устоями индивидуализма не мог продолжаться вечно. Монолитность консерватизма стала рушиться особенно интенсивно после второй мировой войны. Наряду с понятием *твердый индивидуализм* замелькали такие, как *новый консерватизм*, *социальный консерватизм*, наконец, *неоконсерватизм*. Консерватизм стал многоликим, плюралистичным и благодаря этим свойствам смог восстановить свое влияние, а в последней четверти XX в. стал претендовать на ведущее место в качестве идеологического кредо нации.

Не будет преувеличением сказать, что в 20-е и 30-е годы главной фигурой американского консерватизма, определявшей как его идеологическую доктрину, так и в значительной мере политическую практику был 31-й президент Соединенных Штатов Герберт Кларк Гувер (1874–1964). Выходец из американских низов (родился в семье кузнеца), Гувер олицетворял "человека, сделавшего самого себя" С десяти лет, оставшись круглым сиротой, он начал работать рассыльным в конторе

родственника. В 1891–1895 гг. Гувер – студент геологического факультета Стэнфордского университета (учебу оплачивал сам случайными заработками), после его окончания работал два года в шахте, а затем отправился за удачей на золотые прииски в Австралию.

Удача сопутствовала предприимчивому американцу: почти 20 лет пребывания за границей – в Австралии, Китае, Центральной и Южной Америке, в Африке и даже в России – принесли ему славу "Великого инженера" и миллионное состояние. В период первой мировой войны Гувер выполнял важные поручения американского правительства в Западной Европе, по возвращении в США занимал ответственные экономические посты, в том числе министра торговли в годы "просперити". Избрание Гувера в 1928 г. президентом страны было воспринято как закономерный итог его блестящих личных успехов и услуг, оказанных им курсу экономического процветания Соединенных Штатов.

Вступление Гувера в президентскую должность совпало с началом мирового экономического кризиса, потрясшего и американский капитализм. Мировоззренческие и политические принципы консерватизма оказались бессильными перед новой реальностью, и на следующих президентских выборах Гувер потерпел сокрушительное поражение. Но от идеалов своих не отрекся, напротив, развернул отчаянную идеологическую борьбу против Ф. Рузвельта и ньюдильеров. Гувер, впрочем, и прежде был склонен к философскому осмыслению своего опыта и политической практики. Еще в 1922 г. он опубликовал своеобразный катехизис консерватизма под названием "Американский индивидуализм". В 1934 г. эти принципы были развиты в книге "Вызов свободе". В целом после Гувера, прожившего 90 лет, осталось большое количество сочинений⁵⁷, вошедших в классику консервативной мысли.

Гувер неизменно делил весь мир на две части: Соединенные Штаты и все остальные страны. Среди этих стран были и такие, особенно в Западной Европе, которые воплощали те же ценности, что и США, но, по убеждению Гувера, только Америка являлась подлинным оплотом свободы и процветания. Гувер никогда не использовал таких понятий, как *западные ценности* и *западная система*, но неизменно видел воплощение идеального общества в американской системе. Главное доказательство исключительности и особой жизнеспособности американской системы он усматривал в том, что только она оказалась неподвластна революционным веяниям, возникшим в 1917 г. в России. Но в этих веяниях, и в первую очередь в русской революции, по его убеждению, была заключена смертельная опасность и для американской системы. Вся жизнь центральным для Гувера оставался вопрос: как снять эту опасность? И всю жизнь он доказывал, что спасение американской системы заключено не в реорганизации, и даже не в реформе, а в укреплении и защите ее изначальных ценностей, институтов и идеалов.

При всем том Гувер никогда не считал себя консерватором. Но это не значит, что он не использовал этого понятия, ведь называл же он консерватором своего предшественника на президентском посту и также члена Республиканской партии Кулиджа: "Кулидж был настоящим консерватором, возможно, равным Бенджамину Гаррисону (23-й прези-

дент США. – В.С.)... Он был фундаменталистом в вопросах религии, экономики, социальных отношений и в рыбной ловле"⁵⁸. Как видно, к определению *консерватор* Гувер относился иронично, стеснялся его, себя же самого предпочитал именовать либералом. Но исповедуемые им либеральные принципы, воспроизводившие заповеди классического индивидуализма XVIII в. давно обрели консервативную направленность.

Ключевое слово в философии Гувера, повторявшееся им, как заклинание, – *свобода*. Свобода, как он неизменно доказывал, была дарована Соединенным Штатам изначально, а ее принципы оказались исчерпывающе выражены в Декларации независимости, Конституции США и Билле о правах. К провозглашенным в этих документах свободам уже ничего невозможно было добавить, необходимо было только их защищать, в первую очередь, от социализма, "призрака 1917 года". Нужно заметить, что в своей риторике Гувер не однажды апеллировал к гуманистическим принципам, трактуя свободы и права человека очень широко, называл себя правоверным джефферсоновцем и превозносил священное право человека на "стремление к счастью". Он не раз осуждал экономический детерминизм, сведение прав и свобод человека к одному материальному благополучию и обладанию собственностью и объявлял даже "первой заботой американской системы духовное здоровье и развитие людей". Но все же в контексте всей его философии главной, безусловно, являлась абсолютная, трактуемая подчас в откровенно социал-дарвинистском духе свобода распоряжения частной собственностью. Ее значение для свобод и прав человека он определял подчас именно в детерминистском духе. Ограничьте экономическую свободу индивидуума, доказывал он, полемизируя с идеями не только социалистов, но и последователей Ф.Д. Рузвельта, и тут же рухнут все политические и духовные свободы, а их место займет рабство⁵⁹.

Концепции Гувера заключали в себе одно очевидное противоречие: он требовал поклоняться традиционным ценностям и идеалам, но, осознавая, возможно подспудно, что большинство его сограждан уже утратили в них слепую веру, высказывал подчас ту мысль, что индивидуалистическая философия должна быть модифицирована. Это порождало противоречивые определения Гувером идеальных моделей индивидуализма: с одной стороны, он с гордостью напоминал американцам, что изобрел понятие *грубый индивидуализм*, которое исчерпывающе выражало идеалы классического либерализма, но, с другой стороны, он же исповедовал и концепцию *просвещенного индивидуализма*, которая определенно отрицала социал-дарвинистские принципы неограниченной свободы⁶⁰.

Понятие *просвещенный индивидуализм*, которым по сути исчерпывалась гуверовская модификация заветов классиков, было введено им в идеологический оборот еще в 1922 г. в книге "Американский индивидуализм". Просвещенный индивидуализм оставался для Гувера до конца жизни альтернативой всем неприемлемым для него доктринам от социализма до либерально-реформистского государства всеобщего благосостояния.

Просвещенный индивидуализм порой противопоставлялся Гувером философии *laissez faire*, которую он связывал с именами Адама Смита и

физиократов. Эта философия, согласно его утверждениям, никогда не существовала в Соединенных Штатах в чистом виде, а окончательно умерла в 1890 г. с принятием антимонополистического закона Шермана. Интерпретируя антимонополистический закон, Гувер доказывал, что он должен пресекать преступные действия предпринимателей, попытки монополизировать рынок и утверждать священную неограниченную конкуренцию, экономическую свободу⁶¹. Такая государственная политика и воплощала бы просвещенный индивидуализм. Но последний, в свою очередь, по замысловатой и противоречивой логике Гувера, должен был обеспечивать оптимальные условия для абсолютной свободы – *грубого индивидуализма*.

Гуверовские теоретические метания между просвещенным и грубым индивидуализмом своеобразно проявились в его практической деятельности. Она обнаруживает, что 31-й президент США был решительным противником каких-либо изменений в сложившейся социальной структуре, как и позитивного социально-экономического законодательства в интересах "низов" Государство, повторял раз за разом Гувер в годы президентства, должно решительно воздерживаться от прямого вмешательства в отношении классов, хотя и обязано неустанно просвещать труд и капитал относительно возможных путей и форм преодоления или смягчения конфликтов и добровольного сотрудничества. Социальную гармонию в США мог утвердить только просвещенный индивидуализм, воспринятый всеми классами.

Будучи министром финансов и президентом, Гувер не вспоминал об антимонополистических законах, но донимал предпринимателей речами о необходимости тесно сотрудничать, организовывать всевозможные ассоциации и "круглые столы" с целью выработки правил честного поведения на рынке, пресечения разнообразных злоупотреблений в отношениях с потребителями и между собой. Он особенно подчеркивал необходимость добровольного, без участия государства, сотрудничества корпораций и профсоюзов, предвосхищая тем самым доктрину социального партнерства. Он признавал право рабочих на образование профсоюзов, но неизменно отдавал предпочтение компанийским союзам, которые создавались бы по соглашению с предпринимателями, и доказывал, что тред-юнионы ни в коем случае не должны нарушать принцип свободы труда и лишать рабочих права найма, минуя профсоюзы. Гувер не был против требований рабочих об ограничении продолжительности рабочего дня и о минимальных ставках заработной платы, но доказывал, что эти цели должны достигаться не при помощи государственного законодательства, а исключительно посредством добровольных соглашений между трудом и капиталом⁶².

Одна из любимых идей Гувера, в которой угадывается концепция народного капитализма, заключалась в приобщении массы рабочих к владению акциями и обращении максимального числа американцев в собственников. Чем больше собственников, тем крепче индивидуализм – таков вывод Гувера. Диффузия собственности должна была, по его замыслу, послужить основой формирования фондов социального страхования и освободить тем самым государство от принятия законов о

социальном обеспечении рабочих в случае безработицы, старости и инвалидности⁶³.

Со временем отрицательное отношение Гувера к государственному социально-экономическому законодательству не только не ослабевало, но даже усиливалось. После поражения на президентских выборах 1932 г., когда избиратели недвусмысленно вынесли вотум недоверия просвещенному индивидуализму, Гувер развернул настоящую идеологическую войну против Ф.Д. Рузвельта.

Рузвельтовское планирование и регулирование промышленности, финансов и торговли, а тем более развитие государственной собственности, как и правительственные социальные программы помощи фермерам и рабочим, приравнивались Гувером то к фашизму, то к коммунизму. Трагической ошибкой Рузвельта он считал предположение о фундаментальных недостатках американской системы. Категорически отвергая рузвельтовскую "контрреволюцию", он доказывал, что первоосновы американского капитализма непорочны и здоровы, как и в момент зарождения, и что классический капитализм нуждается только в очищении от злоупотреблений⁶⁴. Однако реальность – лопнувшие банки, парализованная промышленность, разоренные фермы – не давала гуверовским заклинаниям никаких шансов на политический успех.

Но единомышленники у Гувера имелись и в те трагические времена. Все они ополчились против рузвельтовских реформ под знаменем "грубого индивидуализма". В 30–40-е годы большую известность среди консервативных критиков Нового курса и Ф.Д. Рузвельта приобрели публицисты и политологи Д. Флин, Д. Лоуренс, Э. Робинсон⁶⁵.

Одно из наиболее распространенных обвинений консервативных идеологов в адрес ньюдилеров – нарушение последними Конституции США. Отмечалось, например, что федеральная конституция строго регламентировала прерогативы Конгресса, делегированные ему в целях достижения "всеобщего благоденствия", но Рузвельт и Демократическая партия пренебрегли этими ограничениями. Особенно подчеркивалось, что конституция разрешала федеральным властям лишь регулирование коммерции, т.е. торговли, между штатами, никак не предполагая регулирования промышленности, к чему прибег президент. Рузвельту вменялось в вину разрушение основ федерализма, узурпация прав штатов, прямое покушение на права собственности и незаконные виды налогообложения.

Прецеденты и истоки рузвельтовской "тирании" консервативные идеологи усматривали в реформах прогрессистов начала XX в., обрушивая свой гнев, а первую очередь, на поправку к конституции, декларировавшую право федерального правительства на сбор подоходных налогов (1913 г.). Консервативная критика являла собою пример легалистско-правовой интерпретации, полностью игнорировавшей социально-экономическую обусловленность как Нового курса, так и государственно-монополистического регулирования. Консервативные идеологи исходили из того, что, оставаясь в рамках традиционно-индивидуалистического подхода и конституционализма, можно было вполне справиться с последствиями социально-экономического кризиса 1929 г. Любопытно, что

некоторые из них придерживались рецептов, схожих с монетаристским подходом республиканской администрации к экономическим проблемам США 1980-х годов.

Консервативные противники Нового курса обращались порой к аргументам, характерным для левых критиков. Так, Флин доказывал, что Рузвельт, взвинтив в годы своего президентства государственный долг США с 19 млрд до 250 млрд долл., не смог существенно помочь ни безработным, ни беднякам, ни престарелым. Он же, указывая на размер пенсии по старости, определенный в 8 долл. в неделю, восклицал: "Может ли кто-нибудь вообразить, что 8 долларов в неделю достаточно для существования, особенно если учесть, что рузвельтовская инфляция съедает половину этой суммы?"⁶⁶ Критика Флина, как и других консерваторов, при всей внешней правдоподобности носила по сути глубоко демагогический характер и призывала США вернуться к буржуазно-индивидуалистическим первоосновам американской системы, которые означали ничем не ограниченное частнокапиталистическое накопление, а следовательно, диктат монополий в отношении общества.

Ортодоксально-индивидуалистическое течение продолжало господствовать в американском консерватизме и в 30-е, и в 40-е годы. После же второй мировой войны, в ходе которой, как утверждала официальная пропаганда, бизнес "хорошо поработал" на победу и полностью себя реабилитировал, оно даже упрочило свои позиции. Однако подспудно в эти два десятилетия вызревало уже и другое направление, которое в литературе получило название "нового", или "социального", консерватизма. Именно этому направлению суждено было выдвинуться на ведущую позицию в консерватизме, а что касается грубого индивидуализма, то он превращался в теоретическую основу правого радикализма.

Ростки социального консерватизма обозначились уже в платформе Республиканской партии в 1936 г.: она хотя и утверждала, что последователи Рузвельта "обесчестили американские традиции", тем не менее обещала поддержать социальное страхование по безработице и старости, право рабочих на образование профсоюзов и коллективный договор. В полной же мере доктрина социального консерватизма сформировалась в 50–60-е годы.

Социальный консерватизм, с одной стороны, пестовался представителями академической общины, в первую очередь философами, политологами и историками, а с другой – подпитывался лозунгами и программами политиков, особенно же прозорливыми деятелями Республиканской партии.

В академической общине идею модернизации консерватизма наиболее полно выразили три человека: П. Вирек, Р. Кёрк и К. Росситер⁶⁷. Все трое претендовали на создание цельной философии и программы обновленного американского консерватизма. Для начала они потребовали закрепить право гражданства за самим понятием *консерватизм*, указав при этом, что оно давно пользовалось уважением в Европе, особенно в Англии, в то время как в Америке, даже лидеры правого крыла, твердые консерваторы, предпочитали называть себя либералами.

Далее утверждалось, что защита консерватизма в США не имела шан-

сов на успех, если в основе его будет оставаться грубый индивидуализм. Старому индивидуалистическому кредо, возвеличивавшему "экономического человека" и абсолютизовавшему роль экономических мотивов и страстей личности, противопоставлялся новый консерватизм, который должен был взять под свою защиту непреходящие социальные ценности: среди них чаще всего назывались такие, как семья, церковь, религия, гражданское общество с его разнообразными социальными ячейками и интересами, образование, мораль. Новый консерватизм должен был объединить вокруг себя всех людей и классы, а не только "наиболее приспособленных" для конкурентной борьбы индивидуумов.

Фактически Вирек, Кёрк, Росситер и их единомышленники потребовали создавать американский консерватизм заново. Разрушение старого консерватизма, по их убеждению, не составляло труда – ведь он был паразитически беден и сводился фактически к одной-единственной доктрине грубого индивидуализма. Новый консерватизм должен был опираться на гораздо более богатые и разнообразные традиции.

"Философским камнем" нового консерватизма объявлялась достаточно старая, идущая от Э. Бёрка и А. де Токвиля теория органической эволюции общества. Она гласила, что общество, его ценности и институты складывались на основе многовековой эволюции, а потому любая революция или радикальная реформа, несущие с собой решительный разрыв с прошлым, означали бунт против законов истории. По этой причине любое общественное потрясение или радикальный эксперимент были для консерваторов неприемлемы: они противоречили самой природе вещей, а по прошествии времени рано или поздно приходилось восстанавливать непреходящие общественные устои. Забота о постоянном "увлажнении" вековых корней человечества и общества должна была отличать консерваторов не только от революционеров и радикалов, но и от либералов.

Новый консерватизм, однако, не должен был всецело замыкаться на заботе о "корнях". Требование возврата к прошлому, утверждал Росситер, характеризует реакционеров, а не консерваторов. Общество, рассуждал он, не может быть статичным, оно или развивается, или приходит в упадок. Но изменение ради изменения также неприемлемо, оно должно осуществляться только тогда, когда ему нет альтернативы. Когда же такое изменение вызревает, консерваторы должны, безусловно, одобрить его, добавляя реформу к фундаментальным ценностям⁶⁸.

Грубый индивидуализм, по мнению новых консерваторов, не только не был способен к восприятию необходимых реформ, но не имел и сколько-нибудь развитых "корней". Фактически, утверждал Вирек, это была "голая" экономическая доктрина, игнорировавшая все социальные ценности человечества, а потому и не способная иметь сколько-нибудь прочное будущее⁶⁹. Из его уст прозвучал призыв к активному поиску духовных корней для американского консерватизма, что позволило бы сплотить вокруг него самые широкие слои населения.

В поисках "корней" новые консерваторы решительно вышли за рамки Американского континента и обратили взоры к Европе, в первую очередь, к Англии, имевшей, как они легко установили, самую богатую консервативную традицию. И эта традиция, как выяснилось, также не имела

ничего общего с грубым индивидуализмом: она основывалась на осмыслении всего опыта человечества, начиная с античного наследия, включала в сферу своих забот не одного только индивидуума, но и разнообразные социальные интересы и политические институты, исповедовала принципы гражданского мира и общественного консенсуса, а не войну "всех против всех". Истинным ее отцом-основателем новые консерваторы единодушно признали англичанина Э. Бёрка, представителя аристократии, который в своем самом известном труде "Размышляя о революции во Франции" (1790 г.) противопоставил мечтам просветителей об утверждении "царства разума" идею "органического" характера общественного устройства и его эволюции на основе мирных и постепенных реформ сверху⁷⁰.

Среди новых консерваторов развернулся весьма оживленный спор о том, кого считать первым американским бёркианцем, а следовательно, родоначальником консерватизма в США. Главными претендентами оказались двое – Александр Гамильтон и Джон Адамс. Кандидатуру Гамильтона после всесторонних критических размышлений отвели: среди его недостатков называлось то, что он высказывался в пользу монархии и выдвигал умозрительные и слишком радикальные планы экономической реорганизации, осуществляемой к тому же с помощью государства. Подлинным отцом-основателем американского консерватизма был объявлен Джон Адамс, в заслугу которому ставились прежде всего умеренность, политический прагматизм, умение свести воедино разнообразные общественные интересы, способность воспринимать реформы, подсказанные реальными, насущными потребностями общества⁷¹.

Основополагающим же консервативным документом Америки была признана федеральная Конституция 1787 года. В этом можно усмотреть определенную иронию судьбы: ведь основной закон США неизменно рассматривался большинством американцев как демократический и либеральный, а консервативным и охранительным его считали по преимуществу марксисты и радикалы. И вот теперь сами консерваторы назвали конституцию охранительной, но вложив в это понятие, в отличие от марксистов и радикалов, не негативный, а глубоко положительный смысл. Оценивая конституцию, аргументировали они свою мысль, необходимо исходить из того, какие ценности она охраняет и освящает. Ценности эти, доказывали консерваторы, по сути своей демократичны и либеральны, что обнаруживает очевидный парадокс американского консерватизма: в Америке, которая никогда не знала феодализма, он направлен на защиту классических либеральных ценностей. В то же время современный либерализм рузвельтовского типа, по их убеждению, означал неприемлемый радикальный отход от этих ценностей.

В политической сфере к исконным либеральным ценностям были отнесены те, которые обеспечивали социальный мир и консенсус, преемственность и долговечность общественных связей. Именно такие ценности – разделение властей, системы сдержек и противовесов, двухпалатная законодательная власть, представительная, а не прямая демократия, права и свободы личности, независимый суд, сильная президентская власть, баланс интересов между федерацией и штатами, – как раз и утверждались

федеральной конституцией. А поскольку, по заключению новых консерваторов, конституция на протяжении двух веков страхovala Америку от революций, постольку ее непреходящее значение для консерватизма очевидно.

К непреходящим ценностям Америки в политической сфере, кроме конституции, были отнесены двухпартийная система, в социальной – семья, церковь, религия, соседские общины, а в экономической – частная собственность. Все они, по мысли консерваторов, стали в Америке органическими, цементирующими общество, обеспечивающими ему цивилизованное существование. По этой причине всем им должна была быть обеспечена защита от всяких серьезных реформ – не только радикальных, но и либеральных.

В воззрениях новых консерваторов наблюдается подчас ренессанс идеалов умеренных отцов-основателей США, причем многие из этих идеалов воспроизводились без всяких изменений. Например, положение о врожденной предрасположенности человека ко злу, как и вытекающий из этого положения вывод: управление общества не может быть доверено толпе, превращающей демократию в охлократию, оно должно основываться на власти законов, которая воплощает вечное противоядие от сиюминутных страстей как народа, так и правителей. Возрождая идеологические установки отцов-основателей, новые консерваторы помногу рассуждали об огромном их значении в развитии Америки.

На этой почве сформировался устойчивый интерес нового консерватизма к различным эпохам и темам американской истории. Исторические экскурсии преподавали американцам важный урок: все развитие Америки было направлено на сохранение устоев и принципов, дарованных ей изначально, в этом же направлении надлежало держать путь и последующим поколениям. Новые консерваторы в полной мере освоили известный принцип писателя-фантаста Оруэлла: кому принадлежит прошлое, тому принадлежит и будущее. Американская история – самая консервативная история в мире, а потому она и самая лучшая – вот смысл исторических трудов консервативных авторов, ставших известными как школа консенсуса. В 50–60-е годы историки, писавшие с позиций консерватизма, в духе идей Вирека, Кёрка и Росситера, заняли ведущие позиции в американской академической общине. Среди них особенно выделялись Д. Бурстин, Р.Е. Браун, Р. Бертоф, Л. Харц⁷².

Главная концепция школы консенсуса сводилась к тому, что на протяжении своей почти четырехвековой истории североамериканское общество оказывалось неподвластным каким-либо глубоким социальным изменениям, выступив в этом отношении в качестве самого консервативного социального строя в мире. И главная, если не единственная, причина тому – его необычайно здоровые первоосновы, воплотившие все основополагающие экономические и политические свободы, с одной стороны, и морально-нравственные и религиозные устои – с другой. Америку, доказывали консервативные авторы, потрясли только технологические и культурные революции, но никогда социально-политические.

Американское колониальное общество (1606–1776) наделялось

чертами образцовой демократии среднего класса. Этот изначальный демократизм Америки, согласно консервативной интерпретации, освободил ее от перспективы буржуазных социально-политических революций, которыми была переполнена мировая история, и от необходимости платить кровавую цену за расправу с феодализмом. Американская революция XVIII века характеризовалась исключительно как антиколониальная, в социально-политическом плане легалистско-консервативная, а не обновленческая, преследовавшая цель защиты первоначальных демократических устоев Америки от посягательств со стороны Англии.

Американцы, как утверждали консерваторы, и в эпоху становления независимого государства были верны своим морально-религиозным первоосновам и решительно отвергли идеалы Просвещения. Глубоко консервативными мотивами наделялись ими отцы-основатели США, причем не только Д. Адамс, Д. Мэдисон и А. Гамильтон, но также Т. Джефферсон и Б. Франклин.

Как охранительные по своей сути определялись в трудах консервативных авторов намерения демократических президентов XIX в., в том числе Э. Джексона и А. Линкольна. Единственным мотивом Линкольна в период Гражданской войны объявлялось спасение и упрочение федеральных конституционных основ и Союза штатов, но отнюдь не насильственное уничтожение рабства (на эту меру он ведь пошел вопреки своей воле).

В консервативные движения и явления были зачислены даже популизм конца XIX в. и прогрессизм начала XX и, наконец, Новый курс Ф.Д. Рузвельта! Все они, оказывается, преследовали цель добиться при помощи реформ консервативной консолидации американской нации на основе восстановления духа "первооснов".

В консервативных исторических интерпретациях просматривалась очевидная идеологическая "сверхзадача": они были нацелены на объединение под знаменами консерватизма не только бизнеса, но также фермеров, рабочих, интеллигенции, на превращение консервативного исторического сознания в общенациональное. Новые консерваторы не случайно поднимали на щит в первую очередь те ценности – семья, религия, социальное сотрудничество и защищенность личности, разделение властей, права и свободы личности, гражданское общество, власть законов, – которые были привлекательны в глазах самых разных слоев общества. И не случайно они отвергли, как порочный миф, идею А. Гамильтона, Д.К. Кэлхуна, У. Самнера, консерватизма XIX в. в целом о неизбежности классовых конфликтов в Соединенных Штатах. Новый консерватизм в отличие от старого претендовал на создание не классово элитарной, а общенациональной идеологии, спланивающей, а не разъединяющей общество.

Новые консерваторы особенно подчеркивали, что они намерены привлечь на свою сторону профсоюзы, которые, по их утверждению, заинтересованы в поддержании всех американских фундаментальных ценностей, в том числе и частной собственности, означавшей для рабочих право свободно распоряжаться рабочей силой и извлекать максимально воз-

можную прибыль от ее продажи. Провозгласив цель вовлечения в ряды своих сторонников широких слоев американцев, новые консерваторы подчеркивали, что включают в свою программу такие популярные требования, как поддержание и развитие систем социального страхования, защита гражданских прав негритянского населения и запрещение расовой сегрегации. Они высказали также отрицательное отношение к непопулярным лозунгам сторонников грубого индивидуализма об отмене подоходного налога и восстановлении золотого стандарта⁷³.

Вместе с тем консерваторы осудили имевшиеся в политике Ф.Д. Рузвельта и либералов уравниТЕЛЬСКИЕ "перекосы" и подчеркнули, что либеральному "государству всеобщего благосостояния" они предпочитают "общество всеобщего благосостояния", в котором социальная гармония и экономическое благополучие должны достигаться по преимуществу на основе добровольного, а не под патронажем государства сотрудничества разных общественных классов и слоев. Отношение разных идеологов нового консерватизма к реформам Рузвельта имело определенные различия: например, Вирек относился к ним более благосклонно, а Росситер более критически⁷⁴.

Политическая программа нового консерватизма получила наиболее полное развитие в воззрениях реформистски настроенных лидеров Республиканской партии. В 40-е годы ее активно разрабатывали У Уилки и Т. Дьюи⁷⁵. В 50-е годы ее воспринял и президент Соединенных Штатов от Республиканской партии Дуайт Эйзенхауэр. Уже в первом президентском послании Конгрессу США в 1953 г. Эйзенхауэр твердо поддержал государственную систему охраны окружающей среды, регулирование трудовых отношений, контроль над сельскохозяйственным производством, развитие социального страхования. Администрация Эйзенхауэра сделала важные практические шаги в развитии государственных экономических и социальных программ, что позволило газете "Вашингтон пост" констатировать в 1956 г.: "Пребывание у власти администрации Эйзенхауэра способствовало внедрению в политику республиканцев реформизма Нового курса. Администрации удалось добиться консолидации этих реформ и скромных результатов в развитии социального обеспечения, строительстве железных дорог, водного пути на Св. Лаврентии и некоторых других вопросах"⁷⁶.

Фактически на основе нового консерватизма, по мере усвоения его лидерами Республиканской партии, постепенно складывается и такое идейно-политическое явление, как *новый республиканизм*. Законченный вид доктрина нового республиканизма получила в книге А. Ларсона (министр труда в правительстве Эйзенхауэра) "Республиканец смотрит на свою партию".

Ларсон признал социально-экономические меры Нового курса в качестве неотъемлемой части современного американского общества и объявил, что новый республиканизм одобряет определенный государственный контроль над промышленным и сельскохозяйственным производством, социальное страхование и государственное строительство школ, больниц, жилья. Одновременно он доказывал, что новый республиканизм – это отнюдь не простое воспроизведение Нового курса,

который, по его утверждению, не имел последовательной философии, двигался на ощупь на основе "то либеральных, то консервативных мер". В Новом курсе Ларсона не устраивал и социал-демократический крен, акценты на перераспределение национального дохода. Консервативно реформистский же приоритет заключался в стремлении к увеличению размеров "национального пирога", что должно было автоматически привести к расширению в нем и доли каждого социального слоя. Государственное экономическое регулирование, подчеркивал Ларсон, должно служить цели роста "национального пирога", а не его перераспределению⁷⁷.

Одну из мер подобного регулирования Ларсон видел в резком ослаблении налогового обложения корпораций в периоды экономических спадов. В связи с этим он подверг острой критике команду Рузвельта за "закручивание" налогового пресса в кризисные 30-е годы. В ряде же вопросов Ларсон оказался "левее" Рузвельта: например, обвинил того в недостаточных усилиях по поддержанию доходов фермерства⁷⁸.

Кредо нового республиканизма было в значительной мере усвоено и преемником Д. Эйзенхауэра Р. Никсоном. В период пребывания на президентском посту он постепенно отходил от догмы абсолютной свободы бизнеса и в конце концов даже объявил себя кейнсианцем. Никсон предложил американцам реформистский проект "План помощи семьям", вынашивал "бюджет полной занятости" и даже в духе левых кейнсианцев провозгласил политику государственного контроля над ценами и заработной платой.

Известный летописец американских президентских кампаний Т. Уайт расценивал перипетии республиканизма в годы Никсона так: "Предложение о введении правительственного контроля над заработной платой и ценами означало не только разрыв со всей традиционной республиканской философией и этикой бизнеса, убежденного, что свободная рыночная конкуренция в конечном итоге принесет наибольшее благодеяние максимальному числу людей. Это был разрыв со всем американским экономическим прошлым, сравнимый по своим масштабам только с тем, что было совершено за 30 лет до этого Рузвельтом"⁷⁹.

Президентство Никсона означало наивысшее развитие нового республиканизма, но отнюдь не его торжество. Новый республиканизм сосуществовал и соперничал со старым республиканизмом, так же как новый консерватизм в целом вел противоборство – с переменным успехом – с грубым индивидуализмом. Старый консерватизм имел сторонников и среди влиятельных политиков, и в академической общине.

Наиболее видным противником нового консерватизма и одновременно защитником грубого индивидуализма выступил Б. Голдуотер, пик популярности которого пришелся на 60-е годы. Он выдвинулся тогда в лидеры Республиканской партии, а в 1964 г. был кандидатом в президенты США. Им опубликовано много книг, обосновавших идеологические принципы индивидуализма, а самая известная среди них – "Мировоззрение консерватора"⁸⁰ – разошлась тиражом в 700 тыс. экземпляров.

По меркам нового консерватизма Голдуотер был историческим реликтом, реакционером. Но позиция его находила весьма широкую под-

держку, а на выборах 1964 г. за него проголосовало свыше 27 млн избирателей. И это были не только представители бизнеса, но и выходцы из среднего класса, которые восприняли в штыки социально-реформистские программы демократов Д.Ф. Кеннеди и Л. Джонсона, означавших, на их взгляд, насильственное перераспределение национальных богатств в пользу аутсайдеров общества.

Все либерально-реформистские программы – Новый курс Ф.Д. Рузвельта, Справедливый курс Г. Трумэна, Новые рубежи Д. Кеннеди, Великое общество Л. Джонсона – неизменно характеризовались Голдуотером как рабство⁸¹.

Правда, Голдуотер соглашался одобрить некоторые из мероприятий Нового курса – социальное страхование по безработице и старости, финансирование больной промышленности, но при этом делал множество оговорок. Например, дефицитное государственное финансирование экономики и социальную помощь бедным, престарелым и безработным он считал оправданными только в условиях острого экономического кризиса, а расширение государственных социально-экономических фондов и расходов в межкризисные периоды сравнивал с навязыванием наркотических средств выздоровевшему человеку⁸².

Острой и откровенно демагогической критике подверг Голдуотер аграрную политику Ф.Д. Рузвельта, включавшую меры по сокращению сельскохозяйственного производства и повышению цен на продукцию фермерства. "Никто, за исключением ньюдилеров, – возмущался он, – не понимал, как можно с помощью уничтожения продуктов питания помочь голодающему народу". Голдуотер пророчил "национальную деградацию" вследствие политики выплаты вознаграждений за сокращение посевных площадей и премий фермерам за "воздержание от трудовой деятельности" (т.е. сокращение производства зерна). Пожарным правительственным мерам Рузвельта Голдуотер противопоставлял рыночную стихию, "очищающую" капиталистическое сельское хозяйство от "нежизнеспособных" ферм и утверждающую "справедливую" цену⁸³.

Весьма показательна для идеологического стиля Голдуотера критика рабочей политики Рузвельта. В пике либералам, относившим успехи профсоюзного движения 1930-х годов на счет реформистских уступок Рузвельта, он доказывал, что рабочее движение своими руками и ожесточенной борьбой с предпринимателями вырвало права и свободы у капитала. Но этот реверанс в сторону рабочего движения не может обмануть относительно истинных мотивов лидера ультраконсерваторов: Голдуотер хотел показать, что американское рабочее движение настолько сильно, что заслуживает не поощрений со стороны правительства, а обуздания всей мощью государства. Более того, он утверждал, что профсоюзы-сверхгиганты поработили американское общество. Лидеры АФТ–КПП характеризовались им как "наиболее опасные люди" Америки и даже как социалисты. Он решительно поддерживал антирабочие законы Тафта–Хартли, Лэндрэма–Гриффина, законы штатов о "свободе труда", в целом все послевоенное законодательство, урезавшее завоевания рабочих США 1930-х годов. Голдуотер осуждал закон о минимальных ставках почасовой заработной платы под тем предлогом, что он

лишал шанса быть нанятыми чернокожих и неквалифицированных рабочих (предприниматели после принятия этого закона предпочитали нанимать более подготовленную рабочую силу, чтобы компенсировать "пожертвования" в фонд заработной платы). Голдуотер выдвинул обширную, почти из 20 пунктов, программу дальнейшего ограничения прав профсоюзов и отмены рабочего законодательства Нового курса⁸⁴. В случае ее реализации рабочее движение США было бы отброшено на сотню лет назад, к временам, когда большинство профсоюзов находились на нелегальном положении.

Голдуотер решительно протестовал против антимонополистического законодательства, отвергал подоходный налог, противопоставляя ему идею "равных налогов" для всех американцев независимо от их имущественного положения. Он критиковал правительственные программы медицинской помощи престарелым и беднякам как "социализированную медицину", уходящую корнями к ... Бисмарку! Государственное финансирование образования, подготовки рабочей силы, другие меры, одобренные не только либералами, но и новыми консерваторами, для него решительно неприемлемы. И для тех, и для других он не жалел резких эпитетов и ярлыков. Если Новый курс характеризовался им как "неудачное социалистическое изобретение", но новый республиканизм Ларсона-Эйзенхауэра как "первый принцип тоталитаризма"⁸⁵. В реформистских программах он видел происк "яйцеголовых" – Новый курс приписывался им влиянию профессуры Колумбийского, а Новые рубежи – Гарвардского университета.

Критика социально-экономического реформаторства с позиций грубого индивидуализма получала поддержку и со стороны академической общины, причем не только в 60-е, но также и в 70-е и 80-е годы. Академическая наука, впрочем, придала "грубому индивидуализму" более респектабельный характер.

Одним из респектабельных вариантов индивидуализма стало течение, поименованное *либертаризмом*. Либертаризм, оформившийся в 70–80-е годы, – течение более сложное и противоречивое, чем консерватизм "а-ля Голдуотер". Он отразил нарастающую в предшествующую ему четверть века неудовлетворенность масс американцев, особенно среднего класса, неэффективностью государственного социально-экономического регулирования, резким расширением социальных расходов и, как следствие, увеличением налогов, ростом инфляции. Не в последнюю очередь недовольство американцев, испытывающих традиционное недоверие к государственному аппарату, было обусловлено расширением бюрократической функции власти, ростом численности и влияния бюрократии.

В критическом настрое либертаристов присутствовали темы, чуждые для типичных консерваторов: усиление милитаризма в США, рост влияния военно-промышленного комплекса, расширение прерогатив исполнительной власти. И вместе с тем либертаристы были солидарны с ультраконсерваторами в критике социально-экономического законодательства, хотя и делали это гораздо более утонченно. Если учесть, что либертаристская критика бьет исключительно по государству и оставляет

вне поля зрения монополии, то станет ясно, что у нее есть принципиальное сходство с идеологией ультраконсерваторов.

Одним из крестных отцов либертаризма был известный экономист Ф. Хайек. Это – одна из наиболее противоречивых фигур не только американской, но и всей зарубежной экономической мысли. Отношение советских ученых к Хайеку было сугубо негативным. Но в последние годы в связи с развитием рыночной ориентации нашей отечественной экономики и оформлением рыночных концепций в политэкономии отношение к нему стало более взвешенным, появились статьи, в которых выявляются рациональные моменты экономических воззрений американского ученого, оказавшие плодотворное развитие на механизм капиталистического экономического роста⁸⁶. Эти новые подходы к Хайеку не отменяют необходимости оценивать его в контексте социально-политических и идеологических реалий самого американского общества, сложившейся в нем расстановки политических сил. И здесь обнаруживается, что позиция Хайека в целом способствовала укреплению именно правоконсервативного идейно-политического крыла.

Громкая известность пришла к Хайеку в 40-е годы, когда он выступил в качестве главного идейного оппонента Д.М. Кейнса, а его работа "Дорога к рабству" (1944 г.) стала своего рода Библией приверженцев "грубого индивидуализма". В 50–60-е годы Хайек стал одним из создателей чикагской школы в американской политэкономии, решительной противницы государственного регулирования социально-экономических процессов. Отношение большинства представителей академической общины к Хайеку в тот период было скептическим. Но в 70-е годы в связи с кризисом "государства всеобщего благосостояния" и ростом в Соединенных Штатах индивидуалистических настроений авторитет Хайека упрочился.

И не только в США. В 1974 г. ему была присуждена Нобелевская премия по экономике, а в последующем он был провозглашен предтечей консервативных программ М. Тэтчер и Р. Рейгана. Свое полное выражение взгляды Хайека получили в трехтомном труде "Закон, законодательство и свобода. Новое обоснование либеральных принципов справедливости и политической экономии" (1973–1979)⁸⁷. Характерны названия отдельных томов его трилогии: "Правила и порядок", "Мираж социальной справедливости", "Политический порядок свободного народа".

В этом труде Хайек остается твердым сторонником "спонтанного порядка" в экономике. Но его интересуют не только и даже не столько экономические основы "спонтанного порядка", сколько его социальные и политические аспекты. Он сам подчеркивал, что побудительным мотивом для него явились концепция и понятие *социальной справедливости*, оказавшиеся в центре идеологических дискуссий XX в. Социальная справедливость, понимаемая как "справедливое распределение богатств", рассуждал Хайек, первоначально была обоснована социалистической теорией, но впоследствии стала предметом главных забот и для либералов. Хайек видел в этом опасное сближение либерализма и социализма, угрожающее первоосновам капитализма, и провозглашал своей целью развенчание концепции "государства всеобщего благосостояния".

Хайек защищал свободный рынок, что называется, с "открытым забралом", твердо декларируя его несовместимость с "распределительным равенством", провозглашенным в доктрине "государства всеобщего благосостояния". Подобно всем консерваторам-индивидуалистам он объявлял несовместимыми социальную справедливость и свободу личности. Социальная справедливость, рассуждал он, достижима исключительно в централизованных управляемых обществах, где каждому указывают, что нужно делать. Попытка же ввести справедливое распределение в обществе, покоящемся на частной инициативе, разрушительна для этой инициативы и несовместима с ней. Хайек, таким образом, обнаружил себя решительным противником либеральной концепции конвергенции капиталистической и социалистической систем, деклариовавшей усвоение каждой из них преимуществ другой. Восприятие капитализмом каких-либо принципов социализма, в первую очередь, справедливого распределения, утверждал Хайек, несовместимо с его природой.

Хайек отстаивал рыночное распределение, хотя оно, по его признанию, вознаграждает личность в соответствии не с ее значимостью для общества, а с предприимчивостью индивидуума. В результате, иллюстрировал это положение Хайек, фабрикант спичек получает доход гораздо больший, нежели выдающийся ученый, указывающий и прокладывающий путь техническому прогрессу. Но именно такое распределение он и считает справедливым: нарушьте его, утверждает Хайек, и общество останется без спичек. Хайек высмеивал как "обывательские" представления "средних" американцев о несправедливых сверхприбылях спичечных, автомобильных, стальных и иных королей. Чем эти короли, возмущался он, хуже королей экранных и эстрадных, баснословные гонорары которых ничуть не смущают обывателей? Только свободное рыночное распределение прибавочной стоимости и национального продукта, провозглашал защитник абсолютно свободного рынка, является гарантией производства той товарной продукции и в таком количестве, которые действительно удовлетворяют все слои общества.

Достоинства свободного рынка казались Хайеку настолько неоспоримыми, что он вообще не видел никаких его пороков. Зато избыток таких-то он обнаруживал у государственного социально-экономического регулирования: это и бюджетный дефицит, и инфляция, и удушение предпринимательской инициативы и многие другие. Подобно другим борборниками грубого индивидуализма, Хайек протестовал против пропорционального налогообложения как доходов, так и наследств монополий, а помощь бедным ограничивал государственным гарантированием минимальных доходов, не позволяющих низшим слоям вымереть с голоду⁸⁸.

Либертаристы были особенно активны в 70-е годы, издав тогда множество сочинений⁸⁹. Типичным и концентрированным выражением их принципов можно считать книгу М. Розбарда "За новую свободу. Либертариистский манифест". Розбард стремился опереться на самые разные авторитеты – от Д. Локка и Т. Джефферсона до Г. Спенсера и Ф. Хайека. Здесь ощущается определенная последовательность: Розбард привлекал на свою сторону тех идеологов, которые выступали в пользу слабого го-

сударства. Сам он, как и другие либертариисты, требовал вообще запретить государству вмешиваться в общественное развитие.

Один из характерных аргументов Розбарда – обоснование полной бессмысленности и бесполезности государственных социальных расходов в США в борьбе с общественными язвами. Государственные социальные расходы в США, писал он, возросли с 5,8 млрд долл. в 1934 г. до 331,4 млрд долл. в 1976 г., их ежегодный прирост даже с учетом инфляции составлял 42,8%. Но способствовало ли подобное расширение социальных расходов решению проблемы нищеты? – спрашивал Розбард. И приводил данные, призванные показать, что "государство всеобщего благосостояния" оказалось бессильным перед лицом своего главного врага. И далее в духе Хайека заключал, что государство должно отказаться от социальных расходов и освободить от налогов корпорации, поскольку эти налоги не приносят ощутимой социальной пользы, но сковывают инициативу предпринимателей⁹⁰.

Розбард отвергал федеральный закон о минимальных ставках заработной платы под тем предлогом, что он увеличивает безработицу. Предприниматели, рассуждал либертариист, в условиях государственного фиксирования минимума заработной платы стремятся ликвидировать "перерасходы" в фонде заработной платы посредством сокращения рабочей силы. Рассматривая фактически низкие заработные ставки и безработицу в качестве двух взаимоисключающих зол, он предпочитал в качестве наименьшего то, которое обеспечивает наибольшую свободу рук предпринимателям. Но при этом не приводил никаких доказательств того, что узаконивание "наименьшего зла" ликвидирует или даже смягчает безработицу.

Резкой критике подверг Розбард и программы государственной помощи американским семьям, живущим ниже уровня бедности. Предоставление государственной помощи таким семьям, доказывал он, способно только развратить как их, так и других американцев, которые предпочтут ежедневному труду получение даровых государственных субсидий. "Что может сделать государство, чтобы помочь бедным? Правильный ответ может быть только один – уйти с их пути", – заключил Розбард.

В отличие от ультраконсерваторов Розбард осуждал антирабочие законы Тафта–Хартли и Лэндрэма–Гриффина. Но отрицал либертариист эти законы не потому, что они ограничивают права рабочих, а потому что расширяют прерогативы государства. Вообще в любом государственном законодательстве, как позитивном, реформистском, так и в репрессивном, он видел только одно – опасное для свободы личности расширение власти правительства⁹¹. Подчас его критика государства носит откровенно абсурдный характер. Например, он объявлял государство единственным виновником распространения преступности, поскольку оно является собственником улиц, на которых совершаются преступления, и поскольку именно оно содержит полицию, которая призвана бороться, но не борется с преступностью.

Нетрудно обнаружить, что либертариисты заняли откровенно деструктивную позицию в отношении либерального "государства всеобщего бла-

госостояния" и процесса социализации, начавших развиваться в рамках американского капитализма с 30-х годов. Одновременно это была и попытка противостояния новому консерватизму. Развитие событий показало, однако, что грубый индивидуализм все же не мог восторжествовать в консервативной идеологии. Но и новый консерватизм на современном этапе не обладал способностью развиваться по восходящей линии: неудачи основных программ государственных социальных и экономических мер в 70-е годы, рост инфляции и безработицы, замедление темпов экономического роста заставили даже его приверженцев заговорить о пределах государственного регулирования. В 70-е годы в рамках консервативной идеологии возникает такое течение, как неоконсерватизм, который являл собой попытки примирения и одновременно синтеза разных направлений консерватизма.

Неоконсерватизм в момент возникновения отразил также реакцию американских элит на движения социального протеста 1960-х – начала 70-х годов и распространившуюся тогда контркультуру, популярную среди молодежи⁹². Неоконсерватизм оформился первоначально вокруг двух журналов – "Комментэри" и "Паблик интерес". Он объединил под своим знаменем многих видных идеологов и политиков, таких, как Н. Глейзер, И. Кристол, Дж. Уилсон, М. Дайамонд, Д. Мойнихэн, Р. Соллоу, А. Вилдавски, М. Новак. Среди неоконсерваторов оказались и многие видные идеологи либерализма 1960-х годов, среди них С.М. Липсет и Д. Белл. Наряду с разочаровавшимися либералами к неоконсерваторам примкнули также и разочаровавшиеся участники нового левого движения. Столь пестрый состав направления, ставшего ведущим в современном консерватизме, предопределил противоречивость его платформы, наличие в нем разных тенденций. Тем не менее у различных тенденций в неоконсерватизме имелся и общий знаменатель: критика очевидных изъянов государственного регулирования и эгалитарных тенденций в социально-экономической программе и деятельности Демократической партии; сопротивление "завышенным ожиданиям" чернокожих американцев, бедняков и низкооплачиваемых слоев населения; неприятие контркультуры, нигилизма и морально-нравственной "деградации" американской молодежи; ностальгия по "золотому веку" американизма, в том числе по временам внешнеполитического величия США.

С самого начала неоконсерваторы столкнулись с проблемой выбора идеологических ориентиров. Необходимо отметить, что они выступили ревнителями четкой идеологической платформы. Эта их установка прямо противоположна известной теории "конца идеологии", с которой в конце 1950-х годов выступал один из современных поборников неоконсерватизма, Д. Белл. Ключевое положение теории "конца идеологии" сводилось к тому, что в развитых индустриальных обществах, к каковым, в первую очередь, были отнесены США, высокий жизненный уровень упраздняет идеологические различия и саму потребность в идеологиях, являющихся атрибутом обществ с выраженной социальной дифференциацией и классовой борьбой.

Прогноз Белла исчерпал себя по сути уже через год-два после его обнародования. 1960-е годы оказались в США расцвечены всевозможными

теориями социального протеста, в которых резко критиковались все без исключения стороны американского образа жизни. Их воздействие на массы американцев оказалось столь велико, что многие представители истеблишмента почувствовали себя обезоруженными перед лицом радикальной критики и потребовали срочной "реидеологизации", означавшей обоснование новых идеологических ориентиров в соответствии с обострившимися социальными и этнокультурными конфликтами. Появление неоконсерватизма образца 1970-х годов, помимо всего прочего, явилось одним из симптомов "реидеологизации" в правящих кругах США.

Среди идеологов неоконсерватизма никто уже не вспоминал о теории "конца идеологии". И. Кристол, один из ведущих выразителей неоконсерватизма, напротив, доказывал, что страна испытывает острую потребность в "конструктивной" консервативной идеологии и что неудачи США во внутренней и внешней политике как раз и объясняются отсутствием таковой⁹³.

Хотя неоконсерваторы выступили в качестве продолжателей индивидуалистической идейно-политической традиции, они сочли необходимым отмежеваться от ее праворадикальных представителей типа сенаторов Д. Маккарти и Б. Голдуотера. При этом они указали на следующие свои отличия от крайне правых: неоконсерваторы являются ревнителями подлинно американских традиций и институтов, таких, как Декларация независимости и Конституция 1787 года, и не приемлют образцы европейского консерватизма (например, аристократические пережитки или фашизм XX в.), к которым склонны крайне правые; неоконсерваторы осуждают радикальные политические встряски, нагнетание социальных страстей, апелляцию к "толпе"; неоконсерваторы предпочитают действовать через посредство просвещенной элиты и ободряют определенную модернизацию социально-политических отношений и институтов⁹⁴.

Противоречивым оказалось отношение неоконсерваторов к либерализму: они не отвергли его с порога и предпочли завуалированные атаки против современных либералов. Неоконсерваторы, перекликаясь в данном случае с Росситером, Виреком и Кёрком, указывали на коренные отличия европейского консерватизма от американского: первый уходит корнями в феодально-аристократические установления и традиции, а второй исходит из заветов Д. Локка и А. Смита, т.е. принципов классического либерализма, под сенью которых зарождалось американское общество. Так что по европейским меркам, доказывали неоконсерваторы, они являются истинными либералами. В то же время они изображали современных либералов США в роли осквернителей классического либерализма, извративших его в результате заимствований социал-демократических принципов. Неоконсерваторы подчеркивали свою охранительную функцию по отношению к принципам классического либерализма: поддержание и охрана чистоты либерализма и составляет, по их интерпретации, сущность американского консерватизма⁹⁵.

Неоконсерваторы не были и радетелями абсолютной свободы предпринимательства. Более того, И. Кристолл отмечал, что "возвращение к системе свободного предпринимательства, при которой госу-

дарство призвано играть минимальную роль... есть утопия" Но вот содержание государственного регулирования, согласно неоконсервативной доктрине, должно быть решительно переформулировано. Целью государственного экономического регулирования, по определению Кристолл, является "расширение рыночных возможностей как механизма разрешения социальных проблем". Иначе говоря, свободный рынок и свободная конкуренция объявлялись единственными надежным средством обеспечения экономического роста, воспроизводства и распределения рабочей силы и т.д., а государственному регулированию вменялось в обязанность обеспечение благоприятных возможностей этой конкуренции, в первую очередь, пользуясь языком Кристолла, "создание и расширение рынков". Все иные виды государственного регулирования, как и либеральная концепция "планового общества", неоконсерваторами решительно отвергались как "социалистическая утопия"⁹⁶.

Основная тяжесть критики неоконсерваторов пришлось на социальные программы Демократической партии. Вместе с тем в реформаторской политике демократов ими выделены два главных этапа: Новый курс Ф.Д. Рузвельта 1930-х годов и Великое общество Кеннеди–Джонсона 1960-х годов. Отношение неоконсерваторов к этим двум периодам неоднозначно: социальные мероприятия Нового курса ими с теми или иными оговорками принимались, а положения программ Великого общества решительно отвергались. Более того, в концепции Великого общества они усмотрели главный источник галопирующей инфляции, опасность для основ американизма и ярко выраженный перекокс в сторону эгалитаризма. Неоконсерватор С. Хантингтон называл рост социальных статей государственного бюджета в 1960-е годы "взрывоопасным", а Д. Мойнихен охарактеризовал Л. Джонсона как "первого американского президента, превратившегося в марионетку толпы"⁹⁷.

Обосновывая позицию неоконсерваторов, известный экономист Т. Лоуви доказывал, что социальные программы Нового курса были направлены на "заправку насоса", создание благоприятных условий функционирования и воспроизводства рабочей силы. Введенные в период Нового курса формы социального страхования охватывали трудоспособное население общества, т.е. способствовали поддержанию его производственных сил и пользовались поддержкой среди всех основных социальных слоев – бизнеса, среднего класса, рабочих. Программа же Войны с бедностью, согласно его критике, служила не экономическим (антикризисным), а откровенно идеологической цели – историческому спору с социализмом. Однако социальная политика Кеннеди–Джонсона, критиковал ее неоконсерватор, не ликвидировала, да и не могла ликвидировать этот порок, а только обнажила, выпятила его. Социальные программы демократов 1960-х годов охватывали, кроме того, не все общество и даже не трудоспособные слои, а его париев – бедняков, многодетных матерей-одиночек, нуждающихся детей, стариков. В результате, заключал неоконсерватор, они оказались непроизводительными расходами, ни в малой степени не способствовали улучшению экономической ситуации в США, а только усугубили нездоровые экономические явления⁹⁸.

Подобно мальтузианцам и социал-дарвинистам XIX в., неоконсерваторы заявили о неуничтожимости крайностей неравенства. Впрочем, наличие бедности в США ими отрицается: нищета, доказывали они, понятие относительное, низшие слои в США будут ощущать себя бедняками независимо от количества выделяемых им средств социального вспомоществования, хотя их жизненный уровень выше жизненного уровня жителей развивающихся стран. Некоторые неоконсерваторы даже объявили нищету в США не объективным явлением, а фактом субъективного восприятия низших слоев: согласно выдвинутому Д. Беллом и другими идеологами неоконсерватизма положению о "революции растущих ожиданий" простым американцам присущи не в меру завышенные экономические запросы и потребности, удовлетворить которые не под силу никому, даже самому идеальному обществу.

Неоконсерваторы объявили об угрозе эгалитаризма, заключенной, по их убеждению, в идеологии и политике Демократической партии. В отличие от многих современных либералов, рассматривающих эгалитаризм как органичное качество американизма, неоконсерваторы объявили его разрушительным для общественных основ США. Согласно их пониманию американизма его основой должен остаться принцип свободы, трактуемой прежде всего как свободное накопление и распоряжение частной собственностью.

Неоконсерваторы не решились совершенно отбросить концепцию "государства всеобщего благосостояния", а попытались преобразовать ее в доктрину "консервативного государства всеобщего благосостояния". Между "государством всеобщего благосостояния", как его понимают либералы, и "консервативным государством всеобщего благосостояния" налицо два основных отличия. Во-первых, неоконсерваторы потребовали, чтобы налоги, предназначенные для социальных нужд, были равными для всех граждан и чтобы каждый индивидум сам определял сумму дополнительных расходов для собственного социального страхования. Совершенно очевидно, что данный принцип означал бы перенесение неравенства и на социальное страхование. Во-вторых, неоконсерваторы настаивали на закреплении основных фондов социального обеспечения за властями штатов, изъяв их у федерального правительства. На практике это также существенно ослабило бы систему социального обеспечения, особенно в тех штатах, где у власти традиционно находятся консерваторы.

Неоконсерваторы не ограничились обоснованием социально-экономической программы, но активно высказывались также по общефилософским и историческим вопросам. Но здесь они по сути мало что добавили к идеям, изложенным в 50–60-е годы Росситером, Виреком и Кёрком. Так, они твердо придерживались теории органического развития общества и требовали восстанавливать и укреплять здоровые американские первоосновы. "Назад к первоосновам" – это название книги Б. Пайнса, вице-президента организации Фонд наследия, изданной в начале 80-х годов, стало своего рода паролем неоконсервативной философии. Другой известный неоконсерватор, С.П. Хантингтон, отвергал любые попытки выводить движущие силы американской истории из меняющихся социаль-

ных взаимоотношений и структур и объявлял, что подлинная тайна ее успешного саморазвития заключена в бессмертных идеалах отцов-основателей республики⁹⁹.

Самое пристальное внимание неоконсерваторы уделили морально-нравственным аспектам американского общества. Семья и религия были объявлены главными цементирующими элементами общества. И здесь неоконсерваторы со всей яростью обрушились на либералов, новых левых, хиппи и других сторонников насаждения на американской почве принципа "все дозволено". Сенатор Уильям Армстронг подсчитал, какую цену придется заплатить за "вседозволенность" нынешнему поколению американцев: 47 млн разводов, 23 млн жертв употребления наркотиков, 18 млн аборт, 189 млн серьезных преступлений и 360 тыс. убийств. Может ли, задавался риторическим вопросом сенатор, считать себя здоровым обществом, тратящее ежегодно 10 млрд долл. на порнографические журналы и видеofilмы, присуждающее престижные награды издателям "Плейбоя" и "Пентхауза"?¹⁰⁰

Противоядие от катастрофического разложения нравов современные консерваторы видят в возрождении религиозного влияния в Америке. Библия, по словам того же Армстронга, должна быть признана не в меньшей степени, чем конституция, источником "уникальности Американской республики". Консерваторов глубоко тревожит то, что приверженность подавляющего большинства американцев религиозным принципам носит чисто формальный характер и что страна, согласно самым авторитетным опросам общественного мнения, на практике давно приносит христианские заповеди в жертву принципам, определяемым рынком массовой культуры¹⁰¹.

Неоконсервативная идеология с конца 1970-х – начала 1980-х годов была взята на вооружение республиканской партией США, а ее активным и наиболее видным проводником в практической политике выступил 40-й президент США Рональд Рейган. Впрочем, он опирался не только на неоконсерватизм: идейно-политическое явление, ставшее известным в Соединенных Штатах как рейганизм, вобрало разнообразные современные течения в консерватизме.

Р. Рейган (родился в 1911 г.) проделал весьма замысловатую политическую эволюцию. В 30–40-е годы он выступал как последователь Ф.Д. Рузвельта, в 50-е, оставаясь еще в рядах Демократической партии, поддерживал политику республиканца Д. Эйзенхауэра. В 1960 г. в ходе президентской избирательной кампании он проявил себя сторонником Р. Никсона и произнес в его поддержку не менее 200 речей. Два года спустя он уже официально зарегистрировался в качестве республиканца, его поправление после этого еще более усилилось.

На президентских выборах 1964 г. Рейган выступил на стороне лидера правых республиканцев Барри Голдуотера, после чего многие американцы стали даже отождествлять его с правыми радикалами. В 1966 г., когда Рейган баллотировался на губернаторский пост в Калифорнии, демократы раскритиковали его с помощью памфлета "Рональд Рейган – пособник экстремиста", в котором, в частности, утверждалось, что "он напрямую сотрудничал с высшим звеном сверхсекретного общества Джона

Берча"¹⁰². Рейган, испытавший легкий шок, оправился весьма быстро и предпринял ловкий политический маневр: публично заклеил секретное общество правых и его лидеров.

Но связи Рейгана с крайне правыми, однако, никогда не обрывались, и в своей дальнейшей политической карьере он неизменно использовал их в качестве одной из опор, частенно прибегая к популистской риторике в духе правого радикализма. Не отрекся он и от духовных связей с Барри Голдуотером, а в 1981 г., уже будучи президентом США, в выступлении перед участниками конференции "Консервативная политическая акция" поделился таким откровением: "Если бы у нас не было Барри Голдуотера, вышедшего на трудную дорогу в одиночку, мы не могли бы сегодня праздновать наш триумф"¹⁰³.

В идейный багаж Рейгана вошли не только заповеди твердого индивидуализма Б. Голдуотера. Со временем он пополнился установками либертаристов Ф. Хайека и М. Фридмана, а потом и неоконсерваторов. Это, однако, не была какая-то электрическая смесь: принципы разных направлений консерватизма во многом перекликались, а такой честолюбивый политик, как Рейган, мечтавший покорить высшие государственные должности, не мог не соединить их в надежде получить для себя массовую опору, включающую не только американские элиты, но и десятки миллионов "средних" американцев.

Ставка на широкую коалицию консервативно настроенных избирателей впервые принесла Рейгану крупный политический успех во время губернаторских выборов в Калифорнии в 1966 г., когда он более чем на 1 млн голосов опередил своего соперника от Демократической партии. Хотя демократы без устали клеймили его как экстремиста, он сумел привлечь избирателей обещаниями освободить их от налогового гнета, расточительства "государства всеобщего благосостояния", содержавшего миллионы "лодырей" за счет трудолюбивых "средних" американцев, погасить в результате инфляцию и дороговизну, а заодно навести порядок на улицах, в студенческих кампусах. Эти лозунги прочно легли в основу консервативного кредо Рейгана.

В период избирательной кампании 1980 г., вознесшей его на высший государственный пост в стране, а затем и в годы президентства (1981–1989) Рейган неизменно стремился представить себя выразителем не классового, а общенационального интереса. Консерватизм, доказывал он, отныне не является философией меньшинства, а объединяет всех американцев. Рейган провозглашал себя архитектором Новой Республиканской партии, которая широко распахивает двери перед большим и малым бизнесом, миллионами простых тружеников, белыми и черными согражданами. Риторика его была искусна: монополии он привлекал на свою сторону, обещая резко снизить налоги на сверхприбыли, а мелкому бизнесу внушал мысль, что именно тот является истинным создателем богатств нации, творцом новых технологических идей. Президент подыгрывал идеологии национальной исключительности крайне правых, но он же осуждал расизм и склонял голову перед памятью Мартина Лютера Кинга. Идеологической основой единения американцев Рейган неизменно считал заветы отцов-основателей, Вашингтона и Линкольна,

давших Америке непреходящие демократические ценности¹⁰⁴. Вся эта риторика предподносилась на простом, понятном массам языке, да к тому же завораживающим, вторгающимся в самую душу голосом доверительного собеседника.

Рейган проповедовал идею единства и неразделимости консерватизма и демократии. Как же удавалось ему объединить эти, казалось бы, несовместимые понятия и явления? Общим их знаменателем Рейган объявил решительную неприязнь к "большому правительству", подчиняющему мелочной опеке личную инициативу всех американцев, удушающему бюрократическими путями всё и вся. Против "большого правительства", отождествляемого искусно с либеральным "государством всеобщего благосостояния", он стремился направить гнев как богатых, так и бедных американцев. Все несчастья Америки: инфляция, падение производства, преступность, безработица, и даже бедность – от "большого правительства" и "государства всеобщего благосостояния" Таков был лейтмотив идеологической атаки Рейгана против либералов.

"Большое правительство", доказывал Рейган, существует за счет налогов, поэтому налогообложение становится для него самоцелью. Но растущие налоги разрушают благосостояние каждого социального слоя, каждой семьи, каждого члена общества. Отсюда делался вывод – универсальным средством помощи всем являлось неуклонное снижение налогов, что естественно подрывало экономическую мощь "большого правительства". Заинтересовано ли общество в сохранении этой мощи? – вопрошал лидер республиканцев и давал неизменно отрицательный ответ, подкрепляемый разнообразными аргументами.

Вот типичные среди них. Расширяющиеся экономические функции правительства означают постоянный рост государственных расходов, что в условиях Соединенных Штатов вело к галопирующей инфляции и росту дороговизны. А это било по всем, в первую же очередь по средне- и малообеспеченным американцам. Увеличение государственных налогов на доходы бизнеса ведет к падению предпринимательской активности, снижению заинтересованности в расширении производства и, как следствие, к экономической стагнации. Это подрывает не только бизнес, но и экономическое процветание общества в целом. Это, кроме того, является главной причиной безработицы, поскольку предприниматели, не расширяя производства, не создают и новых рабочих мест. Рост социальных расходов, государственная помощь "большого правительства" малообеспеченным и бедным атрофирует у этих слоев способность к "самовыживанию" Когда личность паразитирует на государственной помощи, она неизбежно деградирует. Государственная помощь бедным семьям разрушает их: отцы семейств легче покидают свои гнезда, будучи уверенными, что "большое правительство" не позволит разрушить их. Гарантированные социальные услуги ведут к росту преступности: у индивидуума в условиях "государства всеобщего благосостояния" формируется убеждение, что он ничего не должен обществу, а общество должно ему все, и он не испытывает уже нравственных затруднений, идя на грабеж и другие преступления против общества. Государственное вспомоществование бедным и престарелым, субсидии на нужды здравоохранения

ведут автоматически к росту цен на медицинские услуги. "Дорогая медицина" – законное дитя "большого правительства"¹⁰⁵.

Так рассуждал Рейган, создавая либеральному государству всеобщего благосостояния образ монстра. Насколько соответствовал он действительности? Аргументы Рейгана были подвергнуты в самих Соединенных Штатах широкой критике со стороны как либералов, так и левых радикалов. Указывалось, в частности, что "большое правительство" в Соединенных Штатах на поверку было только карликом в сравнении с "государствами всеобщего благосостояния" в Швеции, Австрии, Италии, Франции, большинстве других западноевропейских стран, где и удельный вес, и темпы роста правительственных социальных расходов, а особенно объем государственной собственности были неизмеримо выше¹⁰⁶.

Американские избиратели 1980-х годов вняли, однако, голосу не критиков, а именно Рейгану. И объяснение тому во многом заключено в сфере социальной психологии: американцы, наблюдавшие в 60–70-е годы за неуклонным развитием либерального государственного регулирования, с одной стороны, и развивавшимся в тот же период процессом галопирующей инфляции и снижением показателей экономики – с другой, увязывали оба этих процесса в своем сознании воедино, выстраивали между ними жесткую причинно-следственную связь. Государство всеобщего благосостояния и либералы исчерпали кредит доверия не только в среде бизнеса, но и у "средних" американцев, вынужденных, как указывал Рейган, отдавать "большому правительству" в виде налогов 40% своих доходов. Гнев благополучной Америки был весьма расчетливо направлен против "большого правительства", а также и против малообеспеченных американцев, париев, общества, которые составляли меньшинство нации. Социально-психологический фактор, обеспечивший Рейгану и консерваторам политический успех, был справедливо назван "бунтом налогоплательщиков".

Восьмилетнее пребывание у власти правительства Р. Рейгана свидетельствует о неоднозначности, глубокой противоречивости провозглашенной им консервативной революции. Что же было воплощено в жизнь и что осталось нереализованным из выдвинутой им программы, насколько последовательно проводил Рейган свой курс? Соотнесение идеологических постулатов и политической практики 40-го президента США обнаруживает, что Рейган отнюдь не был закоренелым догматиком, напротив, проявил способность соразмерять свои мировоззренческие убеждения с реальностью и в случае необходимости даже поступать принципами. Это не раз вызывало недовольство со стороны правых консерваторов, а один из них, Д. Стокман, на исходе президентства Рейгана пришел даже к весьма неприятному для своих единомышленников выводу, что их политический кумир оказался "политиком консенсуса, а не идеологом"¹⁰⁷. Действительно, за восемь лет Рейган в полной мере раскрыл талант политического прагматика, умело балансирующего между различными социально-политическими интересами, использующего любую возможность для законодательного воплощения своей программы, но и умеющего отступить и уступить общественному мнению и политическим оппонентам, если та или иная идея не имела шансов на успех.

Наибольших практических результатов Рейган добился в реализации своей экономической программы¹⁰⁸. Следуя монетаристской концепции, его правительство существенно сократило "впрыскивание" денег в обращение, что имело непосредственное отношение к резкому снижению инфляции (с 18% накануне прихода Рейгана к власти до 3,5–4% в годы его президентства). Существенное снижение налогов на бизнес способствовало его оживлению, ускорению технологического обновления, созданию миллионов новых рабочих мест, смягчению безработицы. Улучшились показатели американской промышленности на мировом рынке. В результате роста "национального пирога" и снижения налогов для всех социальных слоев несколько упрочилось благосостояние среднего класса. В целом Рейган смог нащупать те механизмы государственного регулирования, манипулирование которыми способствовало раскрепощению предпринимательского духа и повышению конкурентоспособности американского капитализма. Его политическая практика обнаружила определенный эффект неоконсервативных экономических рецептов.

Противоречивость же этих рецептов проявилась в крайне неравномерном распределении плодов экономического подъема. От экономической политики Рейгана выиграли богатые и сверхбогатые, в гораздо меньшей степени средний класс, т.е. те, кого в западной литературе именуют "обществом двух третей". В проигрыше остались представители низшей одной трети общества. Особенно ощутимые удары они испытали вследствие резкого сокращения социальных расходов правительства. Всего пострадали около 250 статей государственных расходов. Были урезаны расходы Управления по найму и профессиональной подготовке, сокращена помощь лицам с низкими доходами, нуждающимся студентам и школьникам, престарелым, ветеранам и инвалидам. Резко пошла вниз помощь общественному транспорту, жилищному строительству, снизились субсидии штатам на социальные нужды. Были урезаны федеральные программы медицинской помощи бедным и престарелым американцам. Уровень социальной ответственности государства и соответственно социальной защищенности десятков миллионов американцев, в первую очередь, из низшей одной трети общества, понизился.

И все же в социальной политике правительство Рейгана не сумело достичь не только всех, но даже большинства из поставленных целей. Уже в 1981 г. американский Конгресс отверг предложения Рейгана о сокращении пособий по безработице и пенсионных выплат. Последующие события показали, что у Рейгана нет шансов поколебать систему социального страхования, оформившуюся в 1930–1960-е годы, и что его разрушительные усилия могли быть направлены почти исключительно на сферу социального вспомоществования (последняя в отличие от социального страхования охватывает по преимуществу неработающих и бедных американцев). Но и здесь возможности Рейгана оказались небеспредельными. И нужно заметить, что президент почувствовал ту грань, заступать за которую было опасно, перед которой нужно было остановиться, даже поступившись принципами.

Угадав тот предел в сокращении социальных расходов, до которого согласна была пойти масса избирателей, Рейган не только прекратил

дальнейшие атаки на систему социального обеспечения, но даже объявил себя на выборах 1984 г. ее главным защитником. В публичных выступлениях Рейган стал активно развенчивать как мифические утверждения оппонентов о намерениях правительства сокращать социальные расходы до нуля и делал упор на цифры, призванные изобразить администрацию в качестве друга малообеспеченных американцев¹⁰⁹.

В целом рейганизм, а вместе с ним и современный американский консерватизм проявили себя в качестве конкурентоспособной идейно-политической стратегии. Укреплению позиций современного американского консерватизма способствовал целый ряд факторов как внутривнутриполитических, так и мировых. К внутривнутриполитическим отнесем, прежде всего, кризис либерально-кейнсианской модели государственного регулирования в 70-е годы и очевидную историческую потребность в новом высвобождении предпринимательской инициативы. К мировым факторам необходимо, в первую очередь, отнести кризис и крушение социалистической системы, что укрепляло позиции сторонников частнокапиталистического предпринимательства в критике "государства всеобщего благосостояния", рассматривавшегося как аналог социализма в западных обществах. Массированная атака консерваторов на либерально-реформистское "государство всеобщего благосостояния" не увенчалась триумфом. Более того, его основы, как и механизмы государственного регулирования в целом, остались нетронутыми. Произошел их не демонтаж, а реконструкция, синтезировавшая принципы консерватизма и его компромиссы с разнообразными социальными слоями общества.

Левая альтернатива: между социализмом и радикализмом

В новейшее время левые идеологические течения в США постепенно уступили позиции, завоеванные в конце XIX – начале XX в. Сегодня, вспоминая, например, об исторических успехах американских социалистов, мы связываем их, в первую очередь, с деятельностью Соцпартии США в период первой мировой войны. Самый крупный всплеск левого радикализма, не связанного с социализмом, также относится к эпохе новой истории: он пришелся на последнюю треть XIX в. Конечно, и новейшее время знало подъемы левых политических движений: на память приходят, в первую очередь, успехи коммунистов, социалистов и радикалов в 30-е годы, которые в США даже окрестили "красным десятилетием", а также всплеск нового левого движения, опиравшегося на радикальный молодежный протест, в 60-е – начале 70-х годов. И все же влияние левых идеологий и политических движений в США в новейшее время не оправдало ожиданий, на которые уповали американские левые в первой четверти XX в.

Дискуссии о причинах поражений левых идеологий в Соединенных Штатах привлекали многих и многих авторов различных направлений. Среди этих причин большое, а подчас важнейшее место отводится историческим: необычайно благоприятные условия рождения, становления и развития американского капитализма способствовали укоренению индивидуализма в сознании масс американцев и противодействовали восприятию левых идеологий. Отрицать значение этих причин не прихо-

дится, но и преувеличивать их нет смысла: разве на рубеже XIX–XX вв. социализм и радикализм не пустили прочные корни в Соединенных Штатах? Ослабление влияния левых идеологий в последующем необходимо, как представляется, объяснять тем, что прежние исторические причины, противодействовавшие проникновению в массы социализма и радикализма, были после первой мировой войны заменены или дополнены новыми мощными факторами.

Одним из главных среди этих факторов стало то, что Соединенные Штаты в XX в. сумели занять в капиталистическом мире такую прочную лидирующую позицию, какую, скажем, на протяжении большей части нового времени занимала Великобритания. Две мировые войны XX в. способствовали не ослаблению, как это имело место с европейскими капиталистическими странами, а усилению экономической и политической мощи Соединенных Штатов. Именно после второй мировой войны в США, да и не только в них, заговорили о начале утверждения в мировой истории "Американского века". Соединенные Штаты упрочивали лидирующую роль в мире и в последующем.

Огромную роль в противодействии влиянию левых идеологий среди американских масс сыграли и целенаправленные усилия политических и идейных лидеров Соединенных Штатов. Они, особенно начиная с Ф.Д. Рузвельта, смело восприняли вызов мирового социализма и СССР и сумели направить развитие капитализма в новое русло, нейтрализуя, а подчас и устраняя те его недостатки и противоречия, которые, согласно прогнозу Маркса, в случае естественного хода вещей должны были привести буржуазное общество к краху.

Сегодня, размышляя о том, почему либерализм и консерватизм в США сумели упрочить свои позиции в споре с левыми идеологиями, необходимо учитывать и тенденции в развитии мирового, в первую очередь реального, социализма, как они воплотились в Китае, СССР, других странах Европы, Азии и Латинской Америки. Отделение в этих странах социализма от демократии, массовые политические репрессии, все замедляющееся экономическое развитие, уравнительство и казарменный коллективизм, духовный и идейно-политический тоталитаризм не могли не отвернуть от социализма даже тех американцев, которые сочувствовали левым идеологиям. Легко проследить, например, как каждая очередная информация о преступных деяниях сталинщины или брежневщины оборачивалась в США расколом и ослаблением левых сил.

Вышесказанное помогает понять, почему в США так и не возникло массовой левой партии – ни коммунистической, ни социал-демократической, ни радикальной. И все же, констатируя очевидные неудачи левых движений в Соединенных Штатах, было бы преувеличением говорить об их полном поражении или отрицать воздействие левых идеологий и политических сил на американскую историю. Американские левые являлись активными участниками исторического процесса на протяжении всего XX в., в духовных поисках и перипетиях американского общества заняли свое место и их идеалы. Реагируя на них, главные идеологии, в первую очередь либерализм, постоянно обновлялись, включая в свои доктрины требования левых, получившие широкую поддержку в обще-

стве. И кто знает, смог ли бы либерализм в США нейтрализовать своих идейно-политических конкурентов "слева" в 30-е и 60-е годы, не пойдя он каждый раз на серьезную социал-демократизацию своего кредо.

Левые движения повлияли как на духовный облик Америки XX в., так и на ее политическую практику: многие прогрессивные социальные и политические нововведения в Соединенных Штатах XX в. невозможно представить без их воздействия. Так что неудачи американских левых в завоевании собственного солидного места под американским политическим солнцем определенно компенсировались уступками их идеалам со стороны прочно обосновавшихся под этим солнцем сил и партий. Под воздействием левых – прямым или опосредованным – американское общество облагораживалось, развивалось по пути демократизации.

Распространенная в исторической литературе концепция "поражения" левых сил в Соединенных Штатах обусловлена, помимо всего прочего, отождествлением этих сил с классическими или ортодоксальными течениями социализма, так или иначе связанными теоретически с марксизмом. Но в действительности в рамках левого движения в США действовали разнообразные течения, общим знаменателем которых являлось стремление к фундаментальным структурным изменениям капиталистического общества, но которые расходились, порой существенно, в понимании способов такого переустройства. Если мы примем это во внимание и отойдем от отождествления левых с ортодоксальными течениями социализма, что было присуще как марксистским авторам, так и их оппонентам, то тогда история левой альтернативы в США предстанет не столь удручающей и безрезультатной.

Для ясной и объективной оценки левых идеологий в Америке они должны быть разделены на три течения. Первое – это течение революционного социализма. Второе – течение реформистского или демократического социализма. Третье – левый радикализм несоциалистического толка. Судьбы этих трех течений весьма различны, а сравнительное изучение их роли в американской истории обнаруживает, что левая альтернатива в США была не более ущербной, а просто иной, чем в европейских странах: в ней преобладали не классические, т.е. европейские по своему происхождению, социальные идеалы, а собственные, вскормленные на национальном идейно-политическом наследии концепции.

История американских левых в новейшее время тесно связана с мировым революционным подъемом периода после первой мировой войны. Октябрьская революция 1917 г. в России не обошла влиянием и Соединенные Штаты Америки: в стране наблюдалась весьма быстрая радикализация социалистического, демократического и массового рабочего движения. Своего пика радикализация рабочего движения достигла в 1919 г., а ее символом стала всеобщая стачка рабочих-сталелитейщиков в Сизтле, выдвинувших требование социализации собственности и создавших по русскому образцу органы рабочего самоуправления. Идея обобществления ведущих отраслей производства получила столь широкое хождение среди рабочих, что в 1920 г. даже умеренная Американская федерация труда высказалась за введение "государственной собственности и демократического контроля над железными дорогами"

Радикализация охватила и Социалистическую партию, главную и весьма влиятельную политическую представительницу левых. В период первой мировой войны вследствие правительственных репрессий численность партии существенно сократилась, но в 1918–1919 гг. в нее влились десятки тысяч новобранцев, так что количество ее членов вновь, как и в самый счастливый для партии 1912 г., перевалило за 100 тыс. Это была во многом новая левая партия, перед которой возникла острая проблема переосмысления идеологических ориентиров. И главным в идеологических дискуссиях внутри партии стало отношение к русскому опыту.

Отрицательно к большевистской революции в России относилось правое крыло партии, а ее большинство так или иначе одобряло победу русской революции. Споры внутри большинства велись о возможности использования русского опыта в Соединенных Штатах Америки. Правое и центристское течения были убеждены, что восприятие принципов русской революции будет означать для партии смерть. Давайте поддерживать Россию в ее борьбе, давайте защищать ее, призывал Морис Хилквит, но давайте не будем и забывать, что окружающие нас условия не позволяют использовать русские принципы¹¹⁰.

Левое же крыло исходило из того, что только "большевизация" американской соцпартии давала ей шанс на успех в радикализирующемся рабочем движении. Левые восприняли от русских большевиков веру в неизбежность мировой революции, которая, по их убеждению, должна была в скором времени распространиться и на Соединенные Штаты. На основе этого убеждения и оформилась Коммунистическая партия США, а создавшие ее левые социалисты объявили себя непримиримыми противниками любого соглашения, выказывая все большую враждебность в отношении покинутой ими соцпартии.

С самого своего возникновения и вплоть до 1940-х годов коммунисты США существовали фактически в качестве американской секции Коминтерна, подчиняясь всем его решениям, копируя все его постановления и программы. Этапы деятельности Компартии США с точностью до месяцев и дней совпадают с этапами деятельности Коминтерна, а все его установки в точности воспроизводились американскими коммунистами. Воодушевленная идеей мировой революции, по образцу российского Октября, Компартия США не замечала, что даже самые радикальные отряды рабочего движения в стране сохраняли верность национальным традициям: так, забастовщики 1918–1919 гг., поддерживая идею рабочих Советов, одновременно провозглашали верность демократическим принципам американской Декларации независимости и федеральной конституции, полагая, что новая власть и должна бороться за реальное воплощение этих принципов.

Национальные исторические традиции США игнорировались американскими коммунистами с самого начала, что, как выяснилось очень скоро, обрекало их на сектантское существование. Такое положение усугублялось позицией Коминтерна, который считал возможным осуществлять прямой диктат в отношении всех компартий, в том числе и американской: он непосредственно осуществлял перестановку в послед-

ней руководящих кадров, пресекал любые идеологические "ошибки". У американского истеблишмента были вполне реальные поводы для того, чтобы представлять компартию как "руку Москвы".

В 20-е годы Компартия США записала в свою программу цель установления диктатуры пролетариата, хотя как ее идея, так и само понятие не могли рассчитывать на успех среди американских рабочих. Вопреки очевидным фактам, свидетельствовавшим о стабилизации капитализма, компартия ориентировалась на скорую смену его в США, как и во всем мире, социализмом. С конца 1920-х годов компартия вооружилась принципом "класс против класса", который в ее интерпретации, воспринятой от Коминтерна, означал особенно непримиримое отношение к либералам, социалистам, фермерским партиям. Такие известные и авторитетные лидеры социалистов, как Норман Томас и Эптон Синклер, были заклеены как "социал-фашисты".

Сектантская позиция была занята коммунистами и в отношении профсоюзного движения. Не считаясь с реальностями, они стремились создавать собственные революционные профсоюзы, повторяя ошибки делеонистов начала века. В отношениях с черными американцами компартия проводила идею о том, что они представляют собой совершенно иную нацию, и выдвигала требование создания независимого негритянского государства в так называемом "черном поясе" Юга. Это требование не находило поддержки среди большинства лидеров черных американцев, ориентировавшихся на процесс их демократической интеграции в американское общество, и вызывало откровенно враждебное отношение со стороны белых американцев, решительно отвергших идею государственного членения США, как пахнущую кровью.

В 20-е – начале 30-е годов компартия непрерывно освобождалась от "попутчиков", которых клеймили то как "бухаринцев", то как "троцкистов", и в результате через десять лет после возникновения насчитывала около 7 тыс. членов¹¹¹.

Компартия резко пересмотрела свою позицию в середине 30-х годов, решительно поменяв цель борьбы за "Советскую Америку" на цель создания народного демократического фронта. Это была продуктивная в тех условиях установка, но от внимания как современников, так и историков не ускользнул тот факт, что перемена в стратегии компартии произошла не вследствие собственных теоретических поисков, а в результате исполнения решений Коминтерна, одобренных на его VII конгрессе. Впрочем, как бы то ни было, последовал один из самых плодотворных периодов в истории Компартии Соединенных Штатов, когда она внесла вклад в объединение миллионов неорганизованных рабочих в профсоюзы, борьбу против консервативных и реакционных противников Рузвельтовской коалиции. Признание возросшего влияния компартии в американской жизни выразилось в ощутимом росте ее численности – она достигла в 1938 г. 75 тыс. Поистине то был золотой период в деятельности компартии.

Во второй половине 30-х годов компартия предприняла попытку американизации своей идеологии. Она заявила о наличии в Америке богатой

демократической и радикальной традиций, которые отнюдь не были чужды социалистическим идеалам, а, наоборот, подготавливали возникновение последних. Тремя наиболее выдающимися представителями американской демократической традиции, которых компартия готова была зачислить в собственные предтечи, объявлялись Джефферсон, Пейн и Линкольн. Объявлялось и доказывалось, что принципы Декларации независимости вполне могут быть положены в основу социалистического переустройства общества. Впрочем, само понятие *социалистическое переустройство* использовалось крайне редко, зато подчеркивалось, что улучшение повседневной жизни трудящихся, неустанные усилия, направленные на претворение в жизнь разнообразных практических социальных реформ, гораздо более важны, нежели всепоглощающая борьба за власть. И здесь коммунистам было явно по пути с Ф.Д. Рузвельтом: они и заняли место на левом фланге коалиции Нового курса.

Компартия активно действовала через близких ей политиков в законодательных органах штатов и Национальном конгрессе. В 1935 г. подготовленный ею "рабочий билль" был внесен на рассмотрение Конгресса США членом Фермерско-рабочей партии Миннесоты Э. Ландином. Он составил основу одобренного в августе того же года первого общенационального закона о социальном страховании. В это же время компартия начала поиски союза с социалистами, причем не только с рядовыми, как это было прежде, но и с руководителями. И хотя ей пришлось расплачиваться за прежнее сектантское отношение к самой старой левой политической партии, и в этом вопросе наметились положительные сдвиги. Так, в 1936 г. коммунисты совместно с социалистами возглавили разнородные организации безработных, выступавших отныне в качестве национального Рабочего альянса. Вместе с социалистами коммунисты приступили к созданию Конгресса производственных профсоюзов, объединившего миллионы средне- и низкооплачиваемых рабочих.

Но все же и в 30-е годы компартии были присущи противоречия, свидетельствовавшие о непреодоленности ошибок прошлого и затруднявшие диалог с массами американцев. Партия во многом продолжала действовать как американская секция Коминтерна, подстраиваясь под его внешнеполитический курс, который в свою очередь определялся Сталиным и его окружением. До 1939 г. американские коммунисты, поддерживая внутриполитические реформы Рузвельта, в то же время резко осуждали провозглашенный им во внешней политике принцип нейтралитета и требовали активно поддерживать усилия СССР по борьбе с фашистской опасностью. Но в 1939 г. после заключения советско-германского пакта о ненападении руководство компартии поменяло на 180 градусов свою позицию и уже требовало от Рузвельта безусловного невмешательства в европейские дела, характеризуя противоречия между Германией, с одной стороны, и Францией и Великобританией – с другой, как "межимпериалистические". Очередной крутой поворот во внешнеполитической позиции компартии произошел в 1941 г. после нападения Гитлера на СССР: ее руководство теперь настаивало на безоговорочном осуждении агрессора и активной поддержке Соединенными Штатами

антигитлеровских сил. Конечно, подобные политические зигзаги не могли не вызвать настороженного отношения американцев, задававшихся вопросом о том, является ли компартия искренней выразительницей американских национальных интересов.

Серьезные противоречия характеризовали в межвоенный период и эволюцию Социалистической партии. Первая мировая война нанесла по партии ощутимый удар: многие ее представители, в том числе и бессменный, самый популярный лидер Ю. Дебс, были брошены в тюрьмы, антивоенная позиция большого числа социалистов приравнивалась к антиамериканской, что навлекало на них гнев властей снизу доверху. Но после войны партия снова стала набирать силу: ее численность превысила 100 тыс. человек, а еще не освобожденный из тюрьмы Ю. Дебс на президентских выборах 1920 г. собрал 919 799 голосов – больше, чем в 1912 г. Казалось бы, то были хорошие признаки возрождения партии. Этого, однако, не произошло.

Тому были и объективные, уже названные, и субъективные, в том числе политического и идеологического свойства, причины. Среди последних большую роль сыграл раскол левых сил, особенно антагонизм между коммунистами и социалистами. Влияние социалистов было ослаблено и их собственными стратегическими ошибками.

Политические и идеологические позиции соцпартии межвоенного периода олицетворял ее новый лидер Норман Томас, сменивший на этом посту престарелого Дебса. Томас обладал огромной энергией, целеустремленностью и работоспособностью. Всю свою энергию он без остатка отдал политике и пропагандистской деятельности. Томас стал и главным теоретиком партии: свои взгляды о социалистических перспективах Америки он изложил в 16 книгах и бесчисленном количестве статей. Его политический авторитет и влияние особенно окрепли в конце 20-х – начале 30-х годов: дебютируя на президентских выборах в 1928 г., он собрал 267 тыс., а в 1932 г. – уже около 885 тыс. голосов. В эти же годы стала возрастать и численность соцпартии, увеличившаяся с 7793 до 18 548 человек. Однако успехи эти закрепить не удалось. В дальнейшем влияние партии стало падать, и в 1948 г. на своих последних выборах Томас собрал менее 100 тыс. голосов избирателей.

На закате лет Томас объяснил причину неудачи партии лаконично: "Что же выбило почти полностью почву из-под наших ног? Причина может быть выражена в одном слове – Рузвельт. Больше можно ничего не добавлять"¹¹². Когда же ему задавали наводящий вопрос: "Не имеется ли в виду, что Рузвельт присвоил себе программу соцпартии?" – Томас отвечал утвердительно. Что же, в этом содержалась доля истины: в предвыборной программе соцпартии было много пунктов, которые отсутствовали первоначально у Рузвельта, но были впоследствии им восприняты в целях упрочнения собственной позиции и достижения социального мира. Но все же объяснять падение влияния социалистов лишь умелым политическим маневром Рузвельта было бы явным упрощением. Дело в том, что Томас не смог предпринять в ответ столь же умелого стратегического маневра.

Томас усмотрел лучшее средство противоборства с Рузвельтом в его

дискредитации. Не отрицая наличия гуманных мотивов у Ф.Д. Рузвельта и его окружения, Томас тем не менее считал их демагогами, планы которых обречены на провал. Он не верил в перспективу реформирования капитализма на либерально-демократической основе и был убежден, что реальны только три возможности дальнейшего его развития – экономический крах, фашизация, смена социализмом. Четвертая возможность – глубокое и всестороннее реформирование капитализма, во что верил и что пытался реализовать Рузвельт, – подвергалась им осмеянию.

Попытки Рузвельта лечить кризис сельскохозяйственного производства путем сокращения посевных площадей бичевались Томасом как про-капиталистический заговор против бедняков. Социальные реформы, направленные на облегчение участи низших и средних слоев и расширение их покупательной способности, развенчивались как утопия, поскольку никак не затрагивали первооснов частнокапиталистического производства и присвоения. Наконец, Томас пророчил Рузвельту полную неудачу, поскольку, по его убеждению, ньюдилеры не были в состоянии преодолеть сопротивление реакционного Верховного суда и консерваторов в Конгрессе США. Радикальные меры Рузвельта, доказывал он, все равно будут или отменены Верховным судом или похоронены Конгрессом¹¹³.

Теоретические установки, которые Томас подводил под критику Нового курса, состояли, как видно, из превращенных им в догмы положений социалистической мысли эпохи классического капитализма. Лидер социалистов, выступавший в качестве догматиков коммунистов, сам запутался в тенетах традиционализма. Впрочем, его неприязнь к ньюдилерам определялась не столько теоретическими установками, сколько ревностью политика, у которого перехватили дорогие ему принципы, да потом еще добивались с их помощью немалого успеха. Обезоруженный Рузвельтом, Томас стал предвещать политическому сопернику провал, но в действительности сам предстал в весьма неприглядной и непопулярной в массах политической роли.

В середине 30-х годов в соцпартии обозначилось три течения. На правом фланге расположилась "старая гвардия", придерживавшаяся традиционных реформистских принципов социал-демократии. На левом фланге тон задавали радикалы, требовавшие сотрудничества с коммунистами, активной деятельности в профсоюзах и даже полагавшие возможным установление "рабочей диктатуры" как средства борьбы за социалистическую цель. Томас примыкал к центральному течению – "прогрессистам", руководствовавшимся прагматическими соображениями, но он, безусловно, сочувствовал тогда и радикалам, ориентируясь на утверждение в партии левоцентристского блока. В 1934 г. на съезде социалистов была принята Декларация принципов, соответствовавшая этой ориентации, что привело к отколу от партии правого крыла, образовавшего Социал-демократическую федерацию.

После этого, казалось бы, обозначилась реальная возможность союза между социалистами и коммунистами. Она, однако, так и не смогла реализоваться. В какой степени повинны в этом и повинны ли вообще лидер социалистов и его окружение?

Отношение Томаса к коммунистической идее и марксизму было всегда

противоречивым. Впрочем, Томас никогда не отождествлял марксизм и коммунистическую теорию, проводя между ними достаточно серьезные различия. Отношение его к Марксу было в целом всегда положительным, но, разделяя многие положения марксизма, в частности принцип примата экономики в определении общественных отношений, Томас был убежден, что в условиях XX в. они должны были быть дополнены новыми концепциями и доктринами, в частности психоанализом. Коммунистов он как раз и упрекал в неспособности развить и применить Марксово учение в новых условиях, а потому и считал современное ему коммунистическое движение бесперспективным. Томас выносил оценки коммунистическому движению, опираясь на критический анализ опыта американской компартии, но с течением времени они все больше определялись практикой развития советского общества.

Отношение Томаса к советскому опыту не было негативным изначально. Напротив, он давал высокие оценки первым советским пятилеткам, одобрял социальные преобразования в СССР и даже полагал, что реальные экономические и социальные успехи Советского государства свидетельствуют, что США 1930-х годов могли бы легко разрешить все свои проблемы, позаимствовав советские принципы экономического и социального планирования. В середине 30-х годов лидер американских социалистов протестовал против проведения параллели между Советским государством и фашистской Германией¹¹⁴. Но в последующие годы его оценки Советского Союза становились все более критическими, а решающую роль в полной перемене его отношения к советскому опыту сыграло посещение Томасом СССР в 1937 г.

Посетив СССР, Томас пришел к убеждению, что там укореняются новые классовые различия и неравенство. Но самым неприятным было открытие в Советском Союзе всеохватывающей диктатуры политической верхушки и массовых беззаконий. Главный вывод извлеченный им из поездки, состоял в том, что государство не может называться социалистическим, если управляется железной рукой диктатора или монолитной партией". Как выяснилось, в первом "рабочем государстве" гораздо меньше политических свобод, нежели в "капиталистических демократиях", а свободы слова, печати, собраний и организаций отсутствуют там вообще¹¹⁵.

И все же в самих Соединенных Штатах Томас допускал возможность тактического союза между социалистами и коммунистами. Более того, без такого союза он не мыслил борьбу за социалистическую Америку. Но непременным условием союза Томас считал принятие социалистической цели коммунистами. К его огорчению, тогда коммунисты твердо придерживались тактики единого фронта между либерально-демократическими и радикальными силами и поддерживали Ф. Рузвельта По убеждению же Томаса, в Соединенных Штатах в отличие от западноевропейских стран реальной опасности фашизма и даже сколько-нибудь серьезной угрозы демократическим институтам не существовало. Объединившись, доказывал он, социалисты и коммунисты должны были бороться именно за замену капитализма социализмом, а не за либерально-демократические реформы¹¹⁶. Социалисты в Соединенных Штатах в 30-е годы были

настроены более радикально, чем коммунисты, и их радикализм, с одной стороны, и умеренность целей коммунистов – с другой, послужили одним из главных препятствий для заключения политического альянса.

Победу социализма Томас мыслил только в результате мирного политического успеха на парламентских выборах. Социалистический идеал должен был овладеть сознанием большинства избирателей вследствие широкой просветительской деятельности его приверженцев. Придя к власти, социалисты, согласно плану Томаса, должны были без промедления осуществить на основе выкупа обобществление крупной собственности. Обобществление по-американски, подчеркивал Томас, ни в коем случае не должно быть аналогом огосударствления по-советски. Предприятия должны были непосредственно передаваться в коллективную собственность рабочих, так что американский социализм с экономической точки зрения являл бы собой федерацию самоуправляющихся и связанных планирующим советом экспертов кооперативных предприятий.

Томас особенно подчеркивал, что социалистическое правительство Америки ни в коем случае не предпримет ничего подобного советской коллективизации сельского хозяйства. Отчуждены при помощи сверхналогов будут только земли сельскохозяйственных монополий и угодья, принадлежащие рантье. Что касается фермеров, то государство окажет им мощную поддержку при помощи "социализации механизма рынка", что означало бы на практике утверждение оптимальной модели спроса и предложения.

В политическом и правовом отношении социалистическая концепция Томаса утверждала и развивала уже имевшиеся в Америке демократические гарантии свобод совести, слова, печати, собраний, выборов и т.д. Здесь, полагал лидер социалистов, можно было успешно опираться на заветы авторов Декларации независимости и Билля о правах. В отличие от коммунистов, социалисты полагали, что национальные демократические традиции обладали приоритетом по отношению к международным идеологическим обязательствам партии¹¹⁷.

Кроме программы радикальных социалистических преобразований, предвыборные платформы и политические трактаты Томаса 30-х годов содержали большое количество мер по врачеванию безработицы, социальной защите малообеспеченных слоев и т.д. Эти меры как раз и были восприняты и так или иначе воплощены в жизнь Ф.Д. Рузвельтом. Свершив это, Рузвельт, вопреки прогнозам Томаса, сумел фундаментально поправить дела американского капитализма и нейтрализовать в результате радикальные требования социалистов.

Концепция Томаса может быть определена в целом как модель демократического социализма. В глазах американцев она была более привлекательна, нежели те представления о социализме, которые исповедовала Компартия США. Но все же Томас и его единомышленники не сумели увлечь за собой сколь-нибудь большое число сограждан, которые не были готовы к тем радикальным общественным изменениям, на которых настаивали социалисты, предпочитая им реформу американской системы в духе Нового курса. Томас же в возможность серьезного

улучшения американской системы при помощи реформ не верил и весьма нелестно отзывался о тех политиках из леводемократического лагеря, которые не разделяли его взглядов. А между тем в межвоенный период таковых среди радикалов было большинство.

В 20-е годы большей популярностью среди рядовых американцев пользовалось движение Р. Лафоллета, следовавшее традициям популизма и прогрессизма конца XIX – начала XX в. На выборах 1924 г. Лафоллет собрал более 4800 тыс. голосов – самый большой успех лидера левой антимонополистической партии за всю американскую историю. Однако последовавший за тем период процветания ослабил антимонополистические настроения. Силу они обрели вновь в 30-е годы. Но ни коммунисты, ни социалисты не сумели сомкнуться с ними.

Самым ярким среди массовых радикальных выступлений 30-х годов стало движение Э. Синклера, названное им самим "Покончим с бедностью в Калифорнии". Э. Синклер, знаменитый американский писатель, прославившийся своими разоблачительными социальными романами еще в начале XX в., долгие годы поддерживал Социалистическую партию. Но в 1933 г. он решительно поменял политическую привязанность и решил выдвинуться кандидатом в губернаторы Калифорнии от Демократической партии. Решение Синклера осудили как социалисты, так и коммунисты, что, однако, ничуть не смутило писателя. Америка, разъяснял он свою позицию, не готова поддерживать партии с подобными названиями, как и идеалы, обозначаемые при помощи понятий *социализм* и *коммунизм*. Идеалы радикальных общественных преобразований, по его убеждению, могли объединить американцев, только будучи изложенными на близком им языке, с помощью призывов и лозунгов, которыми вдохновлялись их знаменитые соотечественники Джефферсон, Пейн и Линкольн. Проводниками этих идеалов, приспособленных к кризисным условиям 30-х годов, должны были стать рядовые приверженцы Демократической партии, готовые последовать за новыми лидерами. Коммунисты и социалисты осудили план Синклера как реакционную утопию, а знаменитый писатель со своей стороны обвинил в утопизме социалистов и коммунистов.

Кто был прав в этом споре? Ответ заключен в конкретных фактах, свидетельствующих, что Синклер, исповедовавший идеалы, по сути не отличавшиеся от социалистических, но увязывавший их с именами великих американских демократов, добился в короткий срок политических успехов. К ноябрю 1933 г. в Калифорнии было создано около тысячи политических клубов, воспринявших его программу, он без особого труда добился поддержки рядовых сторонников Демократической партии на первичных выборах и едва не стал губернатором штата. За него проголосовали 820 тыс. избирателей, почти столько, сколько проголосовало за лидера социалистов Томаса в предшествующем году на общенациональных выборах¹¹⁸.

Синклер выпустил несколько памфлетов с изложением планов, обещавших процветание миллионам американцев. Написаны они были в живой форме диалогов, апеллировали к здравому смыслу простых людей и напоминали во многом социальные романы Э. Беллами конца XIX в.

Синклер исповедовал исключительно ненасильственные методы достижения поставленных целей и настаивал, что Декларация независимости, Конституция и Билль о правах, одобренные отцами-основателями в конце XVIII в., вполне достаточны для осуществления мирной политической революции. Цель же подобной революции – наделение всех американцев естественными и неотчуждаемыми правами на жизнь, свободу, стремление к счастью – буквально соответствовала идеалам Декларации независимости и ее великого автора Томаса Джефферсона. Так же дословно повторял Синклер и другой завет Джефферсона: творец создал землю как общее достояние людей с тем, чтобы каждый мог свободно работать на ней и пользоваться плодами своего труда.

Конкретная программа Синклера предполагала передачу правительству Калифорнии всех пустующих или покинутых разоренными фермерами земель. За счет средств штата здесь должны были быть восстановлены фермы и построены фабрики и заводы, на которых предстояло занять всех местных безработных, бездомных и бедняков. Эти коммуны, устанавливая между собой справедливые торговые связи, должны были обеспечить себя абсолютно всем. Денежный фонд для учреждения коммун создавался за счет введения правительством штата пропорционально-прогрессивного налога на крупную собственность и наследства.

Коммунальная собственность передавалась полностью в распоряжение тружеников, которые получали в качестве юридических лиц свидетельство на право владения своей долей акций. Акции могли принадлежать только непосредственно работающим на данном предприятии или ферме, они не могли продаваться другим лицам, что исключало паразитическое существование, как и возможность возникновения на территории коммун эксплуатации. На территории коммун, как, впрочем, и во всем штате Калифорния, вводилась, согласно плану Синклера, широкая система социального обеспечения престарелых, инвалидов, нетрудоспособных, матерей-одиночек и т.д.¹¹⁹

В 1930-е годы с близких движению Синклера позиций в Соединенных Штатах выступали также клубы Ф. Таунсенда, Фермерско-рабочая партия Миннесоты, Прогрессивная партия Висконсина, другие движения и организации. Большинство из них наталкивались на скептическое, а то и враждебное отношение со стороны социалистов и коммунистов (последние стали менять свою позицию только с 1935 г.). Размежевавшись, американское левое движение облегчило возможность социального маневра для американской элиты. Но и последней нужно отдать должное, объясняя ослабление к концу 30-х годов влияния в стране левой альтернативы: ее маневр был настолько широк и решителен, что фактически поглотил программу требований коммунистов, социалистов и радикалов.

Разделение американских левых оставалось непреодоленным и на протяжении всего периода после второй мировой войны. Более того, оно усугубилось с 60-х годов, приняв форму разделения их на *старых* и *новых* левых, взаимоотношения которых все более напоминали диалог глухих.

Драматично складывалась судьба Компартии США. После второй мировой войны ее поджидали два удара: с одной стороны, окрепший Конгресс производственных профсоюзов, являвшийся в значительной

мере детищем коммунистов, решил твердо избавиться от последних под предлогом отказа от любых связей с политическими партиями; с другой стороны, правительство, присягнувшее маккартистской "охоте на ведьм", сузило до крайности возможности легального существования компартии. В результате у партии практически исчезла массовая опора. В этих условиях Компартия США надеялась выжить, опираясь главным образом на поддержку КПСС. Последняя являлась для американской компартии непререкаемым авторитетом: все, что исходило от КПСС – от идеологических постулатов до информации о внутренних советских делах, – воспринималось и преподносилось ею в качестве истины в последней инстанции.

Нетрудно представить, какой шок испытала Компартия США, когда в 1956 г. XX съезд КПСС обнародовал значительную часть правды о сталинских преступлениях и трагических перипетиях жизни советского народа. То, что воспринималось и пропагандировалось американскими коммунистами в качестве достижений советского социализма, оказалось ширмой, скрывавшей страшную историю построенного на крови и костях миллионов людей казарменного социализма. Неудивительно, что доверие к американской компартии было существенно подорвано и ее покинуло изрядное число рядовых членов.

Осудив вслед за XX съездом КПСС сталинизм, Компартия США, однако, воспринимала теперь в качестве идеологического ориентира позицию постсталинского советского руководства. Некритическая поддержка сначала хрущевской, а потом брежневской политической линии не встречала понимания в Америке. В 1960-е годы компартия не смогла найти общего языка с массовым движением новых левых в США, которые, резко критикуя внутреннюю и внешнюю политику американского истеблишмента, одновременно решительно осуждали и политическую практику реального социализма. В 70-е годы среди всех западных компартий американская оставалась одной из немногих, твердо державшихся за традиционные идеологические постулаты и уповавших на непреходящее значение принципов классического марксизма.

В начале 80-х годов идеологическая платформа американских коммунистов, получившая название Новой программы Коммунистической партии США, основывалась во многом на традиционных постулатах. Она отказывалась признать качественные изменения в развитии американского, как и западного, капитализма в период после второй мировой войны, акцентировала внимание на негативных сторонах научно-технической революции, исповедовала принцип непримиримой классовой вражды буржуазии и пролетариата, пропагандировала перспективу революционной замены капитализма социализмом. Программа утверждала, что капитализм полностью изжил себя, и, не жалея для него черных красок, противопоставляла ему в качестве образца реальный социализм¹²⁰. Подобные оценки ничуть не способствовали росту популярности компартии в Америке.

Противоречивой оказалась реакция Компартии США на радикальные изменения, начавшиеся с середины 1980-х годов в СССР и других странах Восточной Европы. На теоретической конференции американских

коммунистов конца 80-х годов, специально посвященной выработке новых идеологических ориентиров, признавалось позитивное значение советской перестройки. Вместе с тем руководители партии использовали традиционные мерки жесткой классовой конфронтации, определяли свои стратегические цели, декларировали непримиримость буржуазной и пролетарской идеологий, признавали исключительно за последней право называться гуманистической¹²¹. Нельзя не отметить и того, что у Компартии США отсутствовал развернутый анализ тех серьезных изменений, которые претерпели экономика и социальная структура американского общества за последние десятилетия, а ее аналитические усилия тратились в основном на критику, причем весьма традиционную, буржуазной и социал-демократической идеологии.

В период после второй мировой войны продолжали ослабевать и позиции Социалистической партии. На президентских выборах 1948 г. ее кандидат собрал 100 тыс. голосов, в 1952 г. – 5 тыс., а в 1956 г. – 2 тыс. После этого партия в очередной раз раскололась, фактически прекратила существование, а ее самый известный преемник – Организационный комитет демократического социализма во главе с М. Харрингтоном стал принимать участие в деятельности Демократической партии, заняв место на левом фланге. И все же социализм не растворился в либерализме, но существует он, в первую очередь, в качестве течения общественной мысли. Его влияние особенно ощущалось в годы подъема нового левого движения, многие лидеры которого в той или иной мере разделяли социалистические идеалы.

Признанным лидером социалистической мысли в США в 60–80-е годы был Майкл Харрингтон (скончался в 1989 г.). В современных Соединенных Штатах, да и в мировом социал-демократическом движении его имя, как и идеи, пользуются широкой известностью. Харрингтон начал активно участвовать в левodemократическом движении с конца 40-х годов, будучи студентом. В 50-е годы он вовлекся в пацифистское движение, а в годы корейской войны отказался от службы в армии. Тогда же Харрингтон обратился к публицистике, затем из-под его пера появились серьезные социологические и политологические труды. Подлинной сенсацией стал выход в 1962 г. его книги "Другая Америка: бедность в Соединенных Штатах" (переведена в СССР в 1963 г.). Харрингтон подверг обстоятельной критике популярные тогда в Америке концепции "общества изобилия", "государства благосостояния", доказывавшие, что капитализм преодолел свои пороки и даровал благополучие всем слоям общества. Данные, приводимые Харрингтоном, свидетельствовали, что широкие слои американцев, не менее 40 млн, жили ниже черты бедности, составляя не островок, а целый архипелаг своеобразного "третьего мира" в экономически процветающих Соединенных Штатах.

Книга Харрингтона произвела впечатление шока и породила новое общественное движение, на знамени которого было начертано: "Покончим с нищетой в Америке". На запросы общества должно было отреагировать и правительство: сначала Д. Кеннеди, а потом и Л. Джонсон предложили либерально-реформистские рецепты "войны с бедностью", а сам Харрингтон был привлечен правительством к осуществлению

программы в качестве ведущего эксперта. Тогда Харрингтон не связывал реализацию своих идей с социалистическими преобразованиями, но постепенно пришел к убеждению, что поднятые им проблемы не разрешимы в рамках самого развитого государства благосостояния и что в конечном итоге капитализм должен уступить место альтернативной системе.

Уже в 60-е годы Харрингтон выдвигается в лидеры социалистического движения, становится его главным теоретиком и популяризатором в Соединенных Штатах. Из-под его пера один за другим выходят яркие, неизменно находившие широкий отклик в левых кругах книги "К демократической левой" (1968), "Социализм" (1970), "Сумерки капитализма" (1976), "Десятилетие решений. Кризис американской системы" (1980), "Будущая Америка. Упадок и подъем Соединенных Штатов" (1981), "Новая бедность в Америке" (1984), "Новые левые. История будущего" (1987) и многие другие. В 1980-е годы он возглавил организацию Демократические социалисты, вошедшую в Социинтерн.

В своих трудах Харрингтон присягнул понятию и идеалам демократического социализма. Нерасторжимость демократии и социализма, экономическая, социальная, политическая и идеологическая демократия как основа, начало и венец социализма – это, можно сказать, лейтмотив всех его трудов. Столь настойчивое увязывание социализма с демократией объяснялось самим Харрингтоном так: в XX в. от имени социализма выступали столь разнообразные силы – от социал-демократов до фашистов и красных кхмеров, что ядро и сущность социализма начали размываться. Тот же факт, что популярное у народов понятие *социализм* активно использовали в своих политических интересах реакционные и консервативные силы, привел к фальсификации этого понятия. Понятие *социализм* должно быть освобождено от консервативных и реакционных извращений, восстановлено в своей сущности, и тогда, доказывал Харрингтон, выяснится, что социалистический идеал может быть воплощен в принципе всеохватывающего демократизма, который и возвышает социализм над капитализмом.

Именно так, по убеждению Харрингтона, социалистический идеал понимался самым выдающимся его выразителем – Карлом Марксом. Харрингтон неизменно выступал в защиту Маркса, доказывая, что гуманизм и демократизм пронизывают социалистическое учение как раннего, так и позднего Маркса. Величайшая трагедия социалистического идеала и марксизма, по его убеждению, заключалась в том, что суть их извращалась не только в работах идеологических противников, но и в практике реального социализма в XX в.

Наибольший удар по социалистическому идеалу и марксизму был нанесен при этом практикой реального социализма. Маркс, указывал Харрингтон, мыслил переход от капитализма к социализму как естественноисторический: он должен был произойти по мере вызревания всех необходимых материальных и духовных предпосылок. Но первая же социалистическая революция – Октябрьская 1917 г. в России – грубо нарушила этот основополагающий постулат марксизма. Итог был печален: "социализация бедности могла утвердить только новую форму

бедности". И в дальнейшем, продолжал Харрингтон, "антисоциалистический социалистический эксперимент" в России развивался вопреки учению Маркса. Вместо преодоления отчуждения трудящихся от средств собственности, политической власти, духовных ценностей, восторжествовавший в России сталинский режим насаждал новые формы отчуждения, более чудовищные и безнравственные, чем даже при капитализме. Нужно заметить, что Харрингтон не отрицал закономерного характера русской, как и других революций в слабо- и средне-развитых странах, выступавших от имени социализма, но он утверждал, что с марксистской теорией социализма, а следовательно, и с социализмом в научном понимании связи они не имеют. Отсюда и его определение созданных в этих странах общественных систем как *анти-социалистического социализма*¹²².

Грубые искажения социалистического идеала в исторической практике XX в., по убеждению Харрингтона, отнюдь не отменяют его права на существование в качестве закономерной альтернативы капиталистической системе, в том числе и государству благосостояния, высшей форме этой системы. Критический анализ современной стадии капитализма, обоснование ее коренных, неустранимых без социалистической трансформации пороков, составляют следующую после критики реального социализма тему книг Харрингтона.

Харрингтон отмечал, что в XX в. капитализм отнюдь не исчерпал возможностей прогрессивного саморазвития, которые проявлялись тем более полно, что просвещенные лидеры западных стран вступали в сознательный, пусть и открыто не провозглашенный спор с Марксом. Их реформаторскими устремлениями, приведшими к созданию государства благосостояния, двигала и историческая конкуренция с реальным социализмом. Оценка Харрингтоном государства благосостояния имеет существенные отличия от оценок, с которыми выступали многие лево-радикальные идеологи, особенно новые левые: во-первых, он считал государство благосостояния в западных странах позитивной исторической реальностью, а, во-вторых, отнюдь не рассматривал его как воплощение "корпоративного либерализма", форму хитроумного оболванивания и порабощения трудящихся капиталом.

Государство благосостояния, с его системами социальной защиты трудящихся и низших слоев общества, доказывал Харрингтон, возникло закономерно, в его создании был заинтересован и сам народ, который в упорной борьбе вырывал социальные уступки у капитала. Другое дело, что просвещенные лидеры буржуазии, такие, как Ф.Д. Рузвельт, сознательно шли на эти уступки, понимая, что они обеспечивают самосохранение капитализма. Государство благосостояния – это не односторонняя победа или одностороннее поражение одного из противостоящих при капитализме классов, а это их исторический компромисс, знаменующий, по Харрингтону, продление жизни капитализма, но одновременно означающий и важный шаг на пути его социалистической трансформации¹²³.

Харрингтон часто определял государство благосостояния как социал-демократическую фазу капитализма. Использование им в данном случае

определения *социал-демократическая* заключает не только, как может показаться на первый взгляд, позитивное отношение к государству благосостояния, но и, как проявляется при более глубоком рассмотрении взглядов Харрингтона, критическую оценку социал-демократии. Теория и практика современной социал-демократии, по убеждению Харрингтона, отнюдь не исчерпывают сущности социализма.

Харрингтон не случайно подверг критике Годсбергскую программу социал-демократов ФРГ: она по сути ограничивает цели партии социализацией капитализма. Но социализация капитализма, при всем ее положительном значении, по убеждению Харрингтона, отнюдь не тождественна социалистическому идеалу. В чем же принципиальное различие? Социализация капитализма, пояснял он, ограничивается социализацией способа распределения при капитализме, в то время как социалистический идеал предполагает и социализацию способа производства. Социализация распределения, по Харрингтону, сыграла и при ее расширении еще будет играть положительную роль для улучшения положения трудящихся масс при капитализме и врачевания многих его пороков. Но она отнюдь не передает в руки трудового народа, а значит и не решает по-демократически вопросы о том, что и как должно производиться обществом, в чьих интересах и как должно осуществляться планирование экономического процесса.

Книги Харрингтона насыщены примерами и выводами относительно негативных последствий сохраняющегося контроля над средствами собственности и способа производства в руках частных корпораций. Деятельность корпораций, подчиненная закону частнокапиталистической накопления, приводит к торжеству расточительного производства и потребления продуктов прибыльных отраслей и одновременно запуску неприбыльных сфер, к которым относятся культура, образование, медицинское обслуживание. Коммерциализация способа, образа, самого существа жизнедеятельности людей губительна для человеческой цивилизации. Трудящиеся, отстраненные от процесса принятия решений на производстве, остаются отчужденными от экономической власти, являются объектами эксплуатации и манипуляции как в сфере производства, так и в сфере потребления.

Утверждение подлинно демократического контроля над производством и планированием предполагает, по мысли Харрингтона, социализацию основных средств производства, которая не имеет ничего общего с огосударствлением, осуществленным в восточноевропейских странах. Такая социализация предполагает разнообразие форм общественной и смешанной собственности, но во всех случаях она обеспечивает реальный контроль и распоряжение трудящимися процессом производства и распределения. При этом в полном объеме сохраняются рыночные и конкурентные отношения между предприятиями, имеющиеся по Харрингтону, непреходящее значение для экономического роста¹²⁴.

Разрабатывая политическую стратегию американских социалистов, Харрингтон пришел к убеждению, что они должны действовать на левом фланге Демократической партии США. Демократическая партия, согласно его анализу, со времен Ф.Д. Рузвельта выполняет ту же исто-

рическую миссию, что и европейские социал-демократии. Действуя в рамках Демократической партии, социалисты должны способствовать дальнейшей социал-демократизации американского общества. Она означает радикализацию прогрессивно-пропорционального налогообложения собственности и наследств, развитие демократических форм планирования производства и распределения и другие меры. Они должны подготовить постепенный переход американского общества к социализму, который произойдет не в результате революционного скачка, а вследствие естественного исторического процесса вызревания необходимых материальных условий и складывания широкого объединения социальных сил из низших и средних классов, заинтересованных в отмене капитализма и утверждения полноправной экономической и политической демократии¹²⁵.

Харрингтон не питал иллюзий относительно успехов социализма в США, отдавая себе отчет в том, что устои капитализма в стране остаются прочными и что практика стран реального социализма отнюдь не способствовала популярности социалистического идеала в мире. Тем не менее он и его единомышленники были убеждены в необходимости сохранения и пестования социалистической перспективы.

Демократическое движение в послевоенной Америке достигло высшего подъема в 60-е – начале 70-х годов, а вошло оно в историю под названием нового левого. В течение более десяти лет новое левое движение, в которое оказались вовлечены или которому сочувствовали миллионы людей, будоражило умы американцев, влияло на самые разные стороны духовной, культурной и идейной жизни Соединенных Штатов. В лоне его родились новое мировоззрение и новая идеология, которые озадачивали своей неординарностью и породили самые разные оценки. Наиболее распространенная среди них сводилась к тому, что новая левая идеология воплотила доктрины неорадикализма, нигилизма, мелкобуржуазного супербунтарства и что она означала тотальный разрыв с идеологией старых левых – как коммунистов, так и социалистов. В действительности же новое левое движение и его идеология по прошествии времени представляются явлениями куда как более сложными и противоречивыми.

Распространена точка зрения, что идеологическими кумирами нового левого движения в США являлись известные леворадикальные социологи Герберт Маркузе и Райт Миллс. Такая точка зрения представляется узкой, соответствующей по преимуществу начальному этапу нового левого движения, инициированного радикально настроенными студентами. Но по мере вовлечения в него разнообразных слоев интеллигенции оно обогащало идеологическое кредо. Одним из самых популярных понятий в идеологии нового левого движения, своеобразным его паролем, стало *отчуждение*, позаимствованное не у кого иного, как у Маркса. Как и Маркс, новые левые понимали под ним отчуждение народа в капиталистическом обществе от реального распоряжения собственностью, распределением, политической и идеологической властью и, как и Маркс, видели общественный идеал в снятии этого отчуждения. Видные идеологи новых левых в США, причем не менее популярные, чем Маркузе и

Миллс, например, такие, как В.Э. Вильямс и Ю. Дженевезе, считали себя марксистами. Правда, они выступали от имени "открытого марксизма", отрешиваясь от идеологических интерпретаций марксизма, восторжествовавших в странах Восточной Европы и мировом коммунистическом движении, что вызывало непонимание, а то и возмущение со стороны многих стран левых в США.

На завершающих этапах в идеологическом арсенале новых левых причудливо сочетались концепции Маркса и Маркузе, фабианского социализма и современной социал-демократии, идеологов ненасильственных преобразований – от Уитмена до Ганди, и левоэкстремистские доктрины троцкистского, анархистского и маоистского толка. Это создало проблему классификации новой левой идеологии, в которой можно выделить четыре главных направления: радикально-бунтарское, радикально-демократическое, радикально-романтическое и радикально-социалистическое. Но у всех этих течений можно обнаружить и нечто общее, и, может быть, главное в этом общем заключается в пристальном интересе к национальной радикальной традиции и идеалам ее выразителей как основе основ фундаментальных общественных преобразований в Северной Америке.

Этой национальной радикальной традиции был созвучен идеал коммунитаризма, который разделяли если не все, то большинство течений новых левых. В основе его лежал джефферсоновский идеал развития Соединенных Штатов Америки как сообщества мелких фермерских общин-республик, самоуправляющихся на основе прямой демократии. 200 лет спустя он получил своеобразное развитие в теории философа Э. Фромма, весьма точно обобщившего устремления новых левых. Провозгласив главными пороками современного капитализма дегуманизацию социально-экономических взаимосвязей и политического управления, манипулирование личностью со стороны государства и монополистической "техноструктуры", Фромм противопоставил ему в качестве идеала гармоничные отношения индивидуумов в федерации самоуправляющихся гражданских ячеек, каждая из которых включала бы не более 25 человек¹²⁶.

Признанный идеолог новых левых С. Линд в своих исторических эссе обнаруживал истоки радикальной идейно-политической традиции, равнозначной по сути идеалу коммунитаризма, в Декларации независимости и "Здравом смысле" Т. Пейна, В.Э. Вильямс, озаглавивший заключительную главу одной из своих монографий "Утвердим наше будущее при помощи нашего прошлого", доказывал, что теоретической основой идеального общественного устройства в Соединенных Штатах вполне могут послужить "Статьи Конфедерации" 1781 г.¹²⁷

Среди идеологов, да и политических лидеров новых левых не случайно оказалось много профессиональных историков. Их труды имели и самостоятельное научное значение, способствуя раскрытию роли простых американцев в самых разных событиях, рассмотрению, как тогда стали говорить, истории "снизу", а не "сверху". Благодаря историкам из среды новых левых американская историческая наука повернулась лицом не просто к роли личности в истории, а к миллионам и миллионам рядовых

участников исторического процесса. И все же истинный смысл активного обращения новых левых к американскому прошлому состоял в поиске национальных корней коммунитаризма, или, как еще определяли его новые левые, "индустриальной и политической партиципаторной (от англ. participation. – участие. – В.С.) демократии". Их идеологическая сверхзадача была очевидна: доказать соответствие идеалов коммунитаризма закономерностям национальной истории и национальной демократической традиции, т.е. исконным принципам американизма и американской мечты.

При всем при том многие представители новых левых, как уже было отмечено, положительно отзывались о Марксе, а некоторые считали себя марксистами. Но свой общественный идеал они предпочитали обосновывать, в первую очередь, при помощи национальной традиции, а не самого известного социалистического учения. Поступали они так по той же причине, что и Беллами в конце XIX в., и Э. Синклер в 1930-е годы. К этой причине добавились и другие обстоятельства, связанные с особенностями возникновения движения новых левых.

Новое левое движение зародилось как стихийный протест масс американского студенчества, выходцев из среднего класса, против неприемлемых для них национальных и мировых реалий 50–60-х годов. А не устраивали их главным образом две реалии – система корпоративно-либерального, как называли ее новые левые, американского капитализма и противостоящая ей система советского социализма. "Чума на оба ваших дома", – провозгласили новые левые, разделив между двумя системами ответственность за холодную войну, подавление прав и свобод разных народов мира. Намереваясь преобразовать собственный американский дом, они решительно не принимали альтернатив, исходивших от старых левых, поскольку эти альтернативы, по их убеждению, имели кровную связь с реальным социализмом. А поскольку сам реальный социализм, как и его сторонники в США, освящал казарменные реалии именем Маркса, новые левые определенное время не испытывали доверия и к последнему.

Со временем ряд интеллектуальных лидеров нового левого движения выступили с реабилитацией Маркса, доказав, что мыслитель не ответствен за пороки реального социализма. Ими было раскрыто и то, что многое в учении Маркса, в том числе и теория отчуждения, в полной мере соответствует устремлениям новых левых. Но все же они наряду с другими идеологами этого движения предпочитали черпать аргументы для своих идеалов, в первую очередь, из национального демократического наследия. Это, помимо всего прочего, облегчало отношения со студенческими массами, другими слоями американской молодежи, составившей костяк нового левого движения.

Главный критический заряд нового левого движения оказался направленным против пороков общественного устройства Соединенных Штатов. Сначала протест носил моральный характер (так зародилась знаменитая молодежная контркультура), затем он дополнился широкими политическими действиями в защиту бесправных черных американцев, белых бедняков, стран "третьего мира", права и свободы которых были

попраны Соединенными Штатами. Выкристаллизовывалась и идеология новых левых: от критики очевидных недостатков американской общественной системы эта критика восходила к ее тотальному отрицанию.

Американской системе было предъявлено обвинение в лицемерии. Оно проявлялось не только в том, что, резко увеличив в 50-е годы экономическое богатство, превратившись в "общество потребления", Соединенные Штаты оставляли за чертой бедности 40 млн своих сограждан, но и в том, что они подавляли права и свободы народов Азии и Латинской Америки. Это лицемерие заключалось также и в том, что на поверку даже благополучные две трети белых американцев, к которым принадлежали и студенты, были лишены реальной возможности и права определять, что должна производить и потреблять нация и как она должна управляться.

Стандарты потребления с помощью рекламы и иных средств манипуляции определялись монополиями, политическая власть была отчуждена от народа государственной бюрократией и двухпартийной системой, а властителями дум оказывались ведущие средства массовой информации, находившиеся в руках истеблишмента. Две трети белых американцев были сыты, одеты и обуты, у них было жилье и автомобили, но все равно они были подневольными системы, лишенными главного достоинства свободного человека – естественного и неотчуждаемого права совершать экономический, социальный, политический и духовный выбор. Новые левые провозгласили целью снятие отчуждения народа от экономической и политической власти и утверждение "партиципаторной демократии", означающей непосредственное участие каждого человека в экономическом и политическом управлении обществом.

Особое лицемерие американской системы, по убеждению новых левых, заключалось в том, что она была освящена либеральными принципами. По этой причине системе было дано определение *либерального корпоративизма*: корпорации властвовали не с помощью репрессивных методов, а посредством искусственного использования либеральных принципов представительного правления, плюрализма, государства благосостояния, народного капитализма, классового партнерства и т.д. Либерализм был объявлен врагом № 1, ибо именно он, по заключению новых левых, маскировал систему отчуждения власти от народа и превращения его в сытое, но безвольное стадо. Новые левые восприняли беспощадный приговор либерализму, вынесенный еще в 50-е годы Ч. Райтом Миллсом: "Что же касается либеральной риторики, то ее основные формулы полностью вошли в общепринятый, стандартный политический лексикон. Одержав эту риторическую победу, приведшую к тому, что самые различные позиции провозглашаются и защищаются ныне в одних и тех же либеральных выражениях, либерализм стал совершенно непригоден для выявления спорных проблем и размежевания политических платформ"¹²⁸.

Как же предполагали новые левые осуществить демонтаж системы? Единства в этом вопросе среди них не наблюдалось. И все же со временем подавляющее большинство их высказалось за абсолютно ненасильственные способы достижения общественного идеала. Не было единства среди

новых левых и в вопросе о движущих силах радикальных преобразований. Вначале среди них преобладали те, кто вслед за Г. Маркузе, безусловно, отказывали "интегрированному" в систему рабочему классу в шансе участвовать в новом левом движении и уповали на наиболее угнетенные слои населения. Но позже они уже готовы были опереться на самые широкие слои "отчужденного" от властных функций в экономике и политике народа.

Особые надежды идеологи новых левых стали связывать с работниками умственного труда, различными социальными слоями, включая рабочих, из числа "белых воротничков", оформившихся в горниле научно-технической революции. Они отказывались причислять эти слои к среднему классу, как это делали либеральные идеологи, и предпочитали говорить о формировании *нового рабочего класса*. Ведущая роль в мобилизации нового рабочего класса и дееспособной части старого рабочего класса на демонтаж системы "отчуждения" закреплялась за студентством, радикальной интеллигенцией. Долгое время новые левые отвергали ленинскую идею об организующей роли политической партии, но со временем среди них все чаще стали раздаваться голоса тех, кто считал невозможным достижение целей движения без политической партии. А в 1968 г. признанный авторитет новых левых социолог Уильям Домхоф уже обосновывал настоятельную необходимость создания Американской Революционной Партии, играющей роль идеологического и пропагандистского авангарда в борьбе с корпоративным капитализмом¹²⁹.

Новое левое движение с его духовными терзаниями и поисками, активной практической деятельностью, вместившей и создание молодежной контркультуры, и массовые протесты против войны во Вьетнаме, и бескомпромиссную борьбу за права черных американцев, явило одну из самых неожиданных и романтических страниц в американской истории. Оно окрасило собой целое десятилетие американской жизни, получившее благодаря новым левым название "бурных 60-х". Тем более странно и неожиданно, что столь яркое массовое движение лишь ненамного пережило это десятилетие.

Публицисты и ученые указывали на многие причины упадка новых левых. Очевидна и главная среди них: американская система, в которую выпустили столько критических стрел новые левые, далеко не исчерпала своей жизнеспособности, напротив, сумела проявить зрелость и гибкость, обезоружившие радикальное движение. Система нашла в себе силы для того, чтобы прекратить войну во Вьетнаме, изыскал немалые средства для социальной помощи престарелым, бедным, другим неблагополучным слоям, приняла и в существенной мере воплотила в жизнь законы, защищающие права черных американцев.

Уход новых левых с общественной арены оголил левый фланг политического спектра Соединенных Штатов. До сегодняшнего дня в США не возникло, да и нет признаков возникновения нового массового радикального движения. Левая альтернатива сохраняется в современных Соединенных Штатах, в первую очередь, в качестве течения общественно-политической мысли. При этом достаточно сильны позиции

левых в академической общине, что имеет свое объяснение: многие участники радикального студенческого движения 60-х годов сумели сделать успешную академическую карьеру и получили хорошие должности в целом ряде университетов страны, в том числе и самых престижных. В США широко известны имена историков леворадикальной ориентации – В.Э. Вильямса, Ю. Дженовезе, Л. Литвака, Э. Фонера, избравшихся президентами Организации американских историков, политологов Б. Оллмана, У. Домхоффа, Н. Бирнбаума и многих других представителей, как ее называют, "левой академии". По некоторым подсчетам, труды леворадикальных авторов ежегодно достигали полумиллионного тиража. Пользуются известностью периодические издания левой ориентации.

Какова современная платформа левого радикализма в США? В целом она носит более умеренный характер, нежели в 60–70-е годы. Взять, к примеру, социалистическую мысль. И. Хоу, второй наряду с М. Харрингтоном ведущий ее представитель в современных Соединенных Штатах, в обобщающем труде о социализме подчеркивал, что его идеалы не предполагают отмены частной собственности. Главное, доказывал он, заключается в развитии разнообразных демократических форм контроля над собственностью. Принципиальное отличие социализма от капитализма, подчеркивал он, состоит не в характере организации производства, которое в высшей степени обобществлено при капитализме, а в способах его планирования. Социалисты являются безусловными сторонниками демократического решения вопросов о распределении капиталовложений, прибыли, формирования государственного бюджета.

Хоу решительно отвергал идею переходного периода между капитализмом и социализмом и какого-либо ограничения политической демократии во имя достижения социалистических целей. Утверждение высших образцов политической, социальной и экономической демократии, доказывал он, и заключает в себе главное отличие социализма от капитализма. Все идеалы социализма, в том числе и эгалитарный, должны реализовываться вследствие естественнoисторического процесса, а не правительственных декретов¹³⁰.

Среди естественнoисторических тенденций перехода к социализму его сторонники в США особенно выделяют выкуп капиталистических предприятий рабочими (в настоящее время в Соединенных Штатах насчитывается 10 тыс. таких предприятий). Ярый пропагандист этой меры Б. Стоукс доказывал, что в перспективе предприятия, выкупленные рабочими, будут не то что уступать, но даже превосходить частнокапиталистические как по производительности труда, так и по прибыльности¹³¹.

В поисках альтернативных ценностей современные американские левые более прагматичны, чем их предшественники. Прагматизмом отличается их концепция создания местных сетей – локальных общин граждан, добровольно объединяющихся для ухода за детьми и престарелыми, организации потребительских кооперативов, альтернативного медицинского обслуживания и школьного образования, экологически чистого и соответствующего рациональным критериям транспорта. В такие локальные сети, олицетворяющие альтернативу индивидуалисти-

ческому образу жизни, вовлечено до 15 млн американцев. Обобщая их опыт, Б. Стоукс писал: "Сегодня зарождается возможность для свершения тихой революции, основанной на взаимопомощи людей. Граждане могут создавать параллельные структуры для решения проблем на местном уровне, которые со временем станут альтернативой крупным бюрократическим организациям и корпорациям, управляемым технократами"¹³².

Многие альтернативные движения в современной Америке: экологистов, коммунитаристов, перфекционистов – еще не содержат открытого отрицания системы в целом, но поддерживают и развивают критическое отношение к разным ее сторонам, в первую очередь к коммерциализации образа жизни людей. В 80-е годы коммунитарное движение вышло на создание общенациональных объединений, таких, как Национальная федерация эгалитарных коммун, Сеть сельскохозяйственных коммун и др. Станет ли эта тихая революция основой радикальных перемен в общественном устройстве Америки, на сегодняшний день представляется крайне проблематичным, но не будем забывать, что альтернативные движения 30-х и 60-х годов, казавшиеся несовместимыми с духом американизма, в конечном счете немало способствовали серьезной трансформации общественной системы Соединенных Штатов.

Современные радикалы выступали с острой критикой рейганомики – политики Республиканской партии, направленной на достижение экономического роста за счет сокращения социальных программ. Главная цель их критики – развенчать попытку консерваторов возложить ответственность за беды американской экономики на государство благосостояния. При этом радикалы часто апеллировали к опыту тех западноевропейских государств, в первую очередь Швеции, где существуют гораздо более обширные социальные программы и более жесткое выравнивание доходов. Шведская модель стала для современных американских радикалов образцом, по которому должно быть скроено и государство благосостояния в Соединенных Штатах. Обеспечение полной занятости за счет сокращения продолжительности рабочего дня, особенно на вредных и опасных производствах, повышение шкалы пропорционально-прогрессивного налогообложения и дополнительное финансирование за этот счет престарелых, малообеспеченных, развитие государственных программ здравоохранения, медицинского обслуживания, государственная защита окружающей среды, строительство бесплатного жилья для нуждающихся – вот важнейшие требования леворадикальных критиков политики Республиканской партии¹³³.

"Рейганомика тоже останется в прошлом" – так называлась статья И. Хоу в коллективной книге "Альтернативы: предложения для Америки от демократической левой". Радикалы были уверены, что неоконсерватизм уйдет с исторической арены Соединенных Штатов, и вели идеологический поиск возможностей социализации капитализма. Победа У. Клинтона и Демократической партии США на президентских выборах 1992 г. была воспринята американскими левыми с осторожным оптимизмом и надеждой на возобновление в стране либеральных реформ.

Современный этап истории американских левых дает, возможно,

наибольшие основания тем, кто рассматривает их в качестве политических неудачников и безнадежных утопистов. Но ретроспективное рассмотрение разных этапов левых движений в США XX в. обнаруживает очевидный антиисторизм подобного заключения. На протяжении последних 100 лет левые движения не однажды достигали в Соединенных Штатах размаха, побуждавшего истеблишмент, дабы ослабить или нейтрализовать их, весьма серьезно "поступаться принципами" и встраивать в американскую систему противоречащие ее духу институты. Если бы не левые движения, американское законодательство вряд ли включало бы сегодня социальные программы помощи престарелым, бедным, безработным, акты, защищающие гражданские права цветного населения, указы, ограничивающие прерогативы исполнительной власти, и многие другие демократические законы. Левые движения не просто исчезали с исторической арены: они уходили с нее, и то не полностью и не навсегда, только тогда, когда ряд из поставленных ими целей были реализованы. В такой оценке левые идеологии и движения предстают в качестве важной и неотъемлемой части американской истории и цивилизации.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: КОНФЛИКТ, СОГЛАСИЕ, ПЛЮРАЛИЗМ

В Соединенных Штатах известны две классические концепции истории американских идеологий. По завершении данной книги впору соотнести с ними собственные выводы автора.

Самым авторитетным выразителем первой из этих концепций является В.Л. Паррингтон, издавший в конце 1920-х годов фундаментальное трехтомное сочинение "Основные течения американской мысли"¹. Подобный обобщающий труд, основанный на анализе и едином видении всех сторон американской мысли, до сих пор остается уникальным явлением в американской историографии. Согласно выводам Паррингтона, идейная история Соединенных Штатов была пропитана острым, непримиримым конфликтом между локковской и антилокковской традициями, при этом первая была представлена А. Гамильтоном и федералистами в последней четверти XVIII – начале XIX в., вигами во второй четверти XIX в., социал-дарвинистами в конце XIX – начале XX в., а вторая – сторонниками Томаса Джефферсона, Эндрю Джексона, Авраама Линкольна в XVIII–XIX вв., Популистской и Прогрессивистской партиями на рубеже XIX–XX вв. Начала двух противоборствующих традиций обнаружены им в Декларации независимости 1776 года и федеральной Конституции 1787 года, а их суть, по заключению Паррингтона, выражалась в концепциях прав человека и прав собственности: «Мы, пожалуй, не совершим большой ошибки, если будем рассматривать политическую историю Америки после 1790 года в основном как борьбу между идеалами "Декларации независимости", в которой провозглашались главным образом права человека, и положениями американской Конституции, призванной служить узкопрактическим целям защиты прав собственности»².

При этом Паррингтон не придавал особого значения иным идейным традициям, в частности социалистической, полагая, что конфликт джефферсоновского антилокковского либерализма и гамильтоновского пролокковского консерватизма исчерпывал содержание американской идейной истории.

Четверть века спустя после выхода труда Паррингтона в США появилась монография Луйса Харца "Либеральная традиция в Америке. Истолкование американской политической мысли со времен революции", которая содержала противоположные выводы³. Но, как и труд Паррингтона, монография Харца была признана классической в американской истори-

ческой мысли. Только если исследование Паррингтона было знаменем прогрессистской школы, самой влиятельной в социально-критической историографии США, то монография Харца стала манифестом ее главной соперницы – школы консенсуса (бесконфликтности).

Любопытно, что Харц, как и Паррингтон, не придавал особого значения социалистической и леворадикальной идеологиям. Но вот взаимоотношения либерализма и консерватизма были истолкованы им совершенно иначе. Харц доказывал, что выделение и тем более разделение данных идеологических традиций – это историографический миф, что как американские демократы, так и те, кого считали консерваторами, являлись последователями Локка, и что в действительности для американской идейной истории было характерно не разделение на противоборствующие идеологические традиции, а либеральное единомыслие, принципиальное согласие по основополагающим вопросам. Харц также считал абсурдом отделение прав человека от права собственности, полагая, что последнее является первейшим и священнейшим среди прав индивидуума.

Кто же прав в споре о содержании и характере американских идеологических традиций: Паррингтон или Харц? Ответить на этот вопрос неоднозначно не представляется возможным, а в самих Соединенных Штатах обе концепции, как уже отмечалось, признаны классическими, стали теоретической основой двух самых влиятельных историографических школ, что свидетельствует о неисчерпаемости спора между ними и о том, что раскрытие этой проблемы по известному принципу "с одной стороны, но с другой стороны" может стать бесконечным. На мой же взгляд, обеим этим концепциям присущи как научные достоинства, так и определенная односторонность, а исследовательские материалы, приведенные в настоящей монографии, дают основание для иной, третьей концепции характера идеологических традиций в США и их взаимоотношений.

Как следует из монографии, в Соединенных Штатах на всех исторических этапах в качестве главенствующих идеологических традиций выступали две – либерализм и консерватизм, а что касается левых идеологий, то они, бросая время от времени вызов обоим идеологическим гигантам, никогда не посягали на их господство. Это, однако, не может служить основанием для преуменьшения исторической роли "малых" идеологий, ибо общественное развитие в Соединенных Штатах осуществлялось как под воздействием конкуренции между либерализмом и консерватизмом, так и их соперничества с левыми идеологиями. Существенные разногласия характеризовали на протяжении большей части американской истории и взаимоотношения между либерализмом и консерватизмом, при этом внутри каждой из этих идеологий существовали собственные различия. Так, в современном консерватизме на "левом" фланге разместилось модернистское направление социального консерватизма, а на противоположном фланге – течение правого радикализма, не желающее "поступаться принципами". В либерализме существует леволиберальное течение, во многом схожее с левым радикализмом, направление социального либерализма, которое задавало тон на протяжении большей части

XX в., и неолиберализм, во многом созвучный с неоконсерватизмом.

Соперничество идеологий в Соединенных Штатах отражало, подтверждая правоту Паррингтона, наличие реальных социальных конфликтов в стране, но эти конфликты, как ни парадоксально, свидетельствуя в данном случае уже о солидности аргументации Харца, уживались с признанием некоторых основополагающих либеральных ценностей, в первую очередь естественных и неотъемлемых прав человека и политической демократии. Конфликт, консенсус, плюрализм – эта триада, на мой взгляд, и служит ключом к пониманию характера идейно-политической истории США.

Основы идейного плюрализма в Соединенных Штатах были определены уже на первом этапе их истории. Теоретическим источником американских идейных традиций стала идеология Просвещения, из которой тогда вышли и обе главные американские идеологии – либерализм и консерватизм. Тогда же выявились существенные отличия последних от европейских аналогов: если в Европе либерализм и консерватизм формировались по сути как антагонистические идейно-политические традиции – первый вышел из идеологии Просвещения и защищал буржуазные ценности, а второй служил интересам аристократии, – то в Соединенных Штатах, где никогда не имело феодализма и которые с момента зарождения являлись буржуазными, два этих идеологических течения представляли разную интерпретацию фундаментальных принципов Просвещения – демократическую и умеренную. Наличие у либерализма и консерватизма в США единого теоретического источника предопределило неантагонистический характер конфликта между ними, что не учитывает концепция Паррингтона. Но постепенное оформление серьезных качественных различий между ними и использование либерализма и консерватизма соперничающими социальными группами дают основание определять эти идеологии как разные и самостоятельные (и здесь я расхожусь уже с Харцем).

Серьезные различия между демократами и умеренными свидетельствовали об их разных социально-политических ориентациях (недаром в литературе говорят о противоборстве джефферсоновского и гамилтоновского путей развития США). Многие из этих различий, в первую очередь расхождения в трактовке естественных и неотъемлемых прав человека и организации государственной власти, остались вне поля зрения Харца, а те же, которые им признаются, трактуются как заблуждения, ошибки, иллюзии. Он пишет, например, о "призрачном мире федералистов", их философском рационализме, увлеченности схемами Гоббса, что, по его заключению, только и привело их к "ошибочной" концепции разделения американского общества на экономические классы. Ошибки и иллюзии, но другого рода он находит и у демократов, в результате чего конфликт между ними и умеренными оказывается отражением не социальных реалий, а по преимуществу следствием субъективных заблуждений⁴.

Но если Харц недооценил глубину конфликта между демократами и умеренными, то Паррингтон ее откровенно преувеличил. При всех различиях между нарождавшимися либерализмом и консерватизмом между

ними существовало и согласие по ряду фундаментальных вопросов, что повлияло на все последующее развитие идеологического соперничества в США. Идеологический плюрализм в Соединенных Штатах не подвергал сомнению концепцию естественных и неотъемлемых прав человека, республиканизма, общественного договора как основы государственного правления, разделения властей, верховенства индивидуума и гражданского общества в отношении государства. Они приобрели характер общенационального кредо. Важным свойством двух ведущих идеологий с самого начала стали их гибкость и широта, что позволяло успешно соперничать с крайними идеологическими течениями.

Гибкость обеих главных американских идеологий проявилась и в новейшее время. Так, представители либерализма еще на рубеже XIX и XX вв. развернули широкий конструктивный спор-диалог с социалистическим учением, который послужил обретению американским либерализмом социал-реформистских черт. Социал-демократизация американского либерализма составила магистральную линию его развития в XX в., а особенно активно этот процесс протекал в 1930-е и 1960-е годы. Но слияния либерализма с левыми идеологиями не произошло, более того, опыт современного этапа выявил пределы социал-демократизации либерализма. Когда в 70-е годы объем "социальной справедливости" в США достиг размеров, вступивших в противоречие с интересами экономического роста и предпринимательской активности, либералы поступились левокейнсианским принципом социальных расходов "чем больше, тем лучше". Ведущую позицию в либерализме 80–90-х годов заняло течение неолиберализма: ориентируясь на японские и германские образцы, оно требует рационализации государственного социально-экономического регулирования.

В еще большей степени, чем либерализм, модернизировался в новейшее время консерватизм. Он как бы разделился внутри себя: его первое, ортодоксальное течение, декларирующее верность абсолютной свободе частной собственности и рынка, морально-религиозным основополагающим постулатам, все более становилось идеологическим обоснованием правого радикализма, в то время как второе, модернизаторское течение способствовало формированию нового, или социального, консерватизма. Первое течение являлось как бы противовесом левого радикализма, в то время как реальное соперничество с либерализмом вел набиравший силу социальный консерватизм. Социальный консерватизм отверг доктрину разделения общества на соперничающие классы и делал упор на ценности, в сохранении которых заинтересованы разные социальные слои. Одним из главных качеств консерватизма, как и либерализма, стал прагматизм, что делает обе идеологии эластичными, способными в случае прихода их представителей к власти поддерживать национальный консенсус.

Но различие между двумя главными идейно-политическими традициями не исчезло, более того, между ними сложилось своеобразное "разделение труда": функция консерватизма состояла в высвобождении, активизации предпринимательской активности и экономической свободы, имеющих негативным следствием углубление неравенства, а функция

либерализма – в ликвидации или смягчении крайностей неравенства, расширении социальной справедливости. В американской истории сложилось чередование консервативных и либеральных политических циклов: консервативный цикл, стимулировавший экономический рост ценой углубления социального неравенства, уступал место либеральному циклу, в течение которого развивались принципы социальной справедливости, но когда перераспределительный механизм угрожал экономическому росту, либералы уступали место консерваторам. Таким образом соперничество между консерватизмом и либерализмом способствовало поддержанию своеобразного баланса между экономической свободой и социальной демократией.

Вернемся теперь к роли в американской истории левых идеологий, которые не были оценены должным образом ни Паррингтоном, ни Харцем. В соперничестве с консерватизмом и либерализмом левые идеологии играли, в первую очередь, роль раздражителей, заставлявших обоих идеологических гигантов модернизировать свои интеграционные доктрины и механизмы. Но это не должно преуменьшать влияния левых идеологий, ведь конкуренция с их стороны не позволяла либерализму и консерватизму превратиться в идеологии-монополии, обреченные на загнивание и все менее полезные для общества.

На протяжении новейшей истории левая альтернатива в США представляла собой богатый симбиоз разнообразных идеологий, причем это разнообразие с течением времени все более расширялось. Более того, вопреки типичным, распространенным среди исследователей представлениям Америка не только не отставала от Западной Европы, но в некоторых случаях лидировала в выдвигании оригинальных леворадикальных идей. Другое дело, что в левой альтернативе США был гораздо меньшим удельный вес классических социалистических теорий. Каждая из "малых" идеологий нашла свою нишу в американском обществе, а их свободное развитие давало возможность самовыражения индивидуумам и группам, не способным интегрироваться в большинство.

Радикальные идеологии не были изолированы от либерализма и консерватизма, а взаимодействовали и соперничали с ними в живой системе идейно-политического плюрализма, оказывая влияние на обе главные идеологии. Вместе с тем идейный плюрализм в Соединенных Штатах развивался неравномерно, соотношение конфликта и консенсуса в идейной истории США не было неизменным на всех этапах. В одни периоды преобладал конфликт, в другие – консенсус. Эта неравномерность влияла на восприятие американской идейной истории разными исследовательскими школами, что объясняет серьезные расхождения их оценок.

Так, оценки прогрессистской школы оформились в начале XX в., когда идейно-политические конфликты в США были остры, как никогда. Паррингтон и его единомышленники оценили сквозь призму этих конфликтов всю идейную историю Соединенных Штатов. А концепция Харца и школы консенсуса оформилась в 1950-е годы, когда уровень идейных размежеваний в США был, как никогда, низок. Эта реальность повлияла на их вывод о господстве в США на протяжении всей истории

либерального единomyслия и грядущем "конце идеологий" в Соединенных Штатах.

Схожая ситуация сложилась в США в 1980-е – начале 1990-х годов, что объясняет ренессанс выводов школы консенсуса. Но объективная оценка идейной истории США может быть основана на изучении и осмыслении ее перипетий на всех этапах прошлого, значение которых при сравнении с современностью не должно преуменьшаться. Соблюдение принципа историзма при исследовании американских идейных традиций дает, на мой взгляд, основание заключить: плюрализм идеологий, их свободное, на ряде этапов остроконфликтное соперничество представляло характерную черту развития американского общества, влияло на его динамизм и расширяло возможности прогрессивных изменений.

Глава первая

- ¹ The Papers of Thomas Jefferson: Vols 1–21 / Ed. J.P. Boyd, Ch.T. Cullen. Princeton, 1950–1983. Vol. 1. P. 292.
- ² Пейн Т. Избр. соч. М., 1959. С. 23–26, 29–33, 41–42.
- ³ The Writings of Benjamin Franklin: Vols 1–10 / Ed. A.H. Smyth. N.Y.; L., 1905–1907. Vol. 9. P. 138.
- ⁴ The Papers of Thomas Jefferson. Vol. 8. P. 682; Vol. 11. P. 49; The Complete Writings of Thomas Paine. Vols 1–2 / Ed. Ph.S. Foner. N.Y., 1945. Vol. 1. P. 610–612.
- ⁵ Douglass E.P. Rebels and Democrats: The Struggle for Equal Political Rights and Majority Rule During the American Revolution. Chapel Hill, 1955. P. 153, 173, 178.
- ⁶ Подробнее см.: Jensen M. The American Revolution Within America. N.Y., 1974.
- ⁷ The Papers of Thomas Jefferson. Vol. 1. P. 490–492.
- ⁸ The Writings of Benjamin Franklin. Vol. 8. P. 604.
- ⁹ The Papers of Thomas Jefferson. Vol. 12. P. 442.
- ¹⁰ Ibid. Vol. 8. P. 426.
- ¹¹ Франклин Б. Избр. произв. М., 1956. С. 589.
- ¹² The Complete Writings of Thomas Paine. Vol. 1. P. 275–276.
- ¹³ Американские просветители: Избр. произв. В 2-х т. М., 1968–1969. Т. 2. С. 68.
- ¹⁴ The Complete Writings of Thomas Paine. Vol. 1. P. 376.
- ¹⁵ Американские просветители. Т. 2. С. 119.
- ¹⁶ The Complete Writings of Thomas Paine. Vol. 2. P. 288; Douglass E.P. Op. cit. P. 153, 173, 178.
- ¹⁷ The Popular Sources of Political Authority: Documents on the Massachusetts Constitution of 1780. Cambridge (Mass.), 1966. P. 34, 481; Douglass E.P. Op. cit. P. 16–15.
- ¹⁸ The Papers of Thomas Jefferson. Vol. 10. P. 244.
- ¹⁹ The Letters of Benjamin Rush: Vols 1–2. Princeton, 1951. Vol. 1. P. 386–389.
- ²⁰ The Complete Writings of Thomas Paine. Vol. 1. P. 377.
- ²¹ The Popular Sources of Political Authority. P. 248.
- ²² Wood G.S. The Creation of the American Republic. 1776–1787. Williamsburg, 1969; *Idem*. The Radicalism of the American Revolution. N.Y., 1992.
- ²³ The Popular Sources of Political Authority. P. 247.
- ²⁴ The Writings of Benjamin Franklin. Vol. 10. P. 58, 59.
- ²⁵ Американские просветители. Т. 2. С. 52.
- ²⁶ Пейн Т. Указ. соч. С. 45–56, 174.
- ²⁷ Там же. С. 179, 180; Американские просветители. Т. 2. С. 144–145.
- ²⁸ Американские просветители. Т. 2. С. 70.
- ²⁹ Франклин Б. Указ. соч. С. 582; Koch A. The Philosophy of Thomas Jefferson. N.Y., 1943. P. 122–123.

- ³⁰ Американские просветители. Т. 2. С. 60–61.
- ³¹ Там же. С. 59–60.
- ³² *Brant I.* The Fourth President: a Life of James Madison. L., 1970. P. 15–16.
- ³³ The Papers of Alexander Hamilton. Vols 1–26 / Ed. H.C. Syrett. N.Y.; L., 1961–1979. Vol. 3. P. 549.
- ³⁴ The Writings of James Madison. Vols 1–9 / Ed. G. Hunt. N.Y., 1900–1910. Vol. 2. P. 277, 283, 301, 305, 316, 319, 321, 322, 337, 339, 340.
- ³⁵ The Works of John Adams: Vols 1–10 / Ed. Ch.F. Adams. Boston, 1850–1856. Vol. 4. P. 392–397.
- ³⁶ The Writings of James Madison. Vol. 2. P. 366; The Records of the Federal Convention of 1787: Vols 1–4 / Ed. M. Farrand. New Haven; L., 1966. Vol. 1. P. 422; The Papers of Alexander Hamilton. Vol. 4. P. 192.
- ³⁷ The Papers of Alexander Hamilton. Vol. 4. P. 218; The Federalist / Ed. E.M. Earle. Wash., 1937. P. 43.
- ³⁸ The Papers of Alexander Hamilton. Vol. 4. P. 218–219.
- ³⁹ The Records of the Federal Convention. Vol. 1. P. 422–423.
- ⁴⁰ Ibid. P. 48–51, 135, 136, 420–422.
- ⁴¹ The Records of the Federal Convention. Vol. 1. P. 533, 534, 542; The Papers of Alexander Hamilton. Vol. 4. P. 504–512; Pamphlets on the Constitution of the United States / Ed. P.L. Ford. N.Y., 1968 (1st Print: 1888). P. 254.
- ⁴² The Papers of Alexander Hamilton. Vol. 4. P. 516.
- ⁴³ The Records of the Federal Convention. Vol. 2. P. 35; The Papers of Alexander Hamilton. Vol. 4. P. 609, 619.
- ⁴⁴ The Papers of Alexander Hamilton. Vol. 4. P. 510–512.
- ⁴⁵ Ibid. Vol. 7. P. 309, 313, 314.
- ⁴⁶ Ibid. P. 37–57.
- ⁴⁷ Ibid. P. 49–51.
- ⁴⁸ Circular Letters of Congressmen to Their Constituents. 1789–1829: Vol. 1–3 / Ed. N.E. Cunningham-Jr. Chappel Hill, 1978. Vol. 1. P. 191–192.
- ⁴⁹ Annals of Congress, 5th Congress, 2nd Session. P. 2093.
- ⁵⁰ Ibid. P. 2167.
- ⁵¹ Political Writings of John Adams / Ed. G.A. Peak. N.Y., 1954. P. 170.
- ⁵² *Паррингтон В.Л.* Основные течения американской мысли: В 3-х т. М., 1962–1963. Т. 1. С. 423.
- ⁵³ В США опубликовано большое число работ, посвященных идеологии отцов-основателей. Среди новейших исследований отмечу следующие: *Commager H.S.* The Empire of Reason: How Europe Imagined and America Realized the Enlightenment. N.Y., 1977; *Appleby J.* Capitalism and a New Social Order: the Republican Vision of the 1790's N.Y., 1984; *Diggins J.P.* The Lost Soul of American Politics: Virtue, Selfinterest and the Foundation of Liberalism. N.Y., 1984; *Lerner R.* The Thinking Revolutionary: Principle and Practice in the New Republic. Ithaca, 1987; *Waltz S.* The Republic Reform: War and the Making of Liberal America. 1790–1820. Baltimore, 1987; *Lienesch M.* New Order of the Ages: Time, the Constitution and the Making of Modern American Political Thought. Princeton, 1988; *Kramnick I.* Republicanism and Bourgeois Radicalism: Political Ideology in Late Eighteenth Century England and America. Ithaca, 1990; *Maison C.D., Onuf P.S.* A Union of Interest: Political and Economic Thought in Revolutionary America. Lawrence (Kansas), 1990; *Wood G.* The Creation of the American Republic 1776–1787. Chapel Hill, 1969; *Idem.* The Radicalism of the American Revolution. N.Y., 1992.

Глава вторая

- ¹ *Bancroft F.* Slave Trading in the Old South. N.Y., 1931; *Sydnor Ch.S.* The Development of Southern Sectionalism. 1819–1848. Baton Rouge, 1948. P. 95.
- ² *Carroll J.C.* Slave Insurrections in the United States. 1800–1865. Boston, 1938. P. 182.
- ³ *Паррингтон В.Л.* Основные течения американской мысли: В 3-х т. М., 1962–1963. Т. 2. С. 89.

- ⁴ *Hofstadter R.* The American Political Tradition and the Men Who Made It. N.Y., 1948. P. 68.
- ⁵ The Papers of John C. Calhoun / Ed. W.E. Hemphill, C.N. Wilson: Vols 1–16. University of South Carolina (Columbia), 1959–1985. Vol. 5. P. 42; Vol. 7. P. 369; Vol. 9. P. 148, 198–199, 482, 521–523.
- ⁶ *Ibid.* Vol. 8. P. 243, 312.
- ⁷ *Ibid.* Vol. 10. P. 416–417; Vol. 11. P. 273.
- ⁸ *Ibid.* Vol. 11. P. 266–267; Vol. 12. P. 19–22, 25–26.
- ⁹ *Ibid.* Vol. 11. P. 413–440; Vol. 12. P. 152, 247; Vol. 15. P. 267–269.
- ¹⁰ *Ibid.* Vol. 11. P. 229.
- ¹¹ *Ibid.* Vol. 10. P. 462; Vol. 12. P. 550; Vol. 13. P. 64, 103, 394–396; Vol. 16. P. 348–349.
- ¹² *Fitzhugh G.* Sociology for the South or the Failure of the Free Society. Richmond, 1854. P. 12–14; *Idem.* Cannibals All! Or Slaves Without Masters. Cambridge, 1960. P. 8, 10, 16, 28–29, 102, 118, 137–186.
- ¹³ *Fitzhugh G.* Cannibals All! P. 18.
- ¹⁴ *Fitzhugh G.* Sociology for the South. P. 235.
- ¹⁵ *Ibid.* P. 184, 190–191; *Fitzhugh G.* Cannibals All! P. 66, 78–82, 107, 133, 135.
- ¹⁶ *Fitzhugh G.* Sociology for the South. P. 69; *Idem.* Cannibals All! P. 6, 21, 119.
- ¹⁷ *Fitzhugh G.* Sociology for the South. P. 226–258; 260–306.
- ¹⁸ *Ibid.* P. 17, 18, 31, 105, 138–139, 190–193, 202; *Fitzhugh G.* Cannibals All! P. 5, 29–30, 190–198, 207.
- ¹⁹ The Proslavery Argument, as Maintained by the Most Distinguished Writers of the Southern States, Containing the Several Essays on the Subject of the Chancellor Harper, Governor Hammond, Dr. Simms and Professor Dew. Charleston, 1852.
- ²⁰ Свободные негры были наделены избирательным правом в северо-восточных штатах под воздействием Американской революции конца XVIII в., но уже в первой четверти XIX в. большинство из них было лишено его.
- ²¹ Анализ рабовладельческой мысли историками США см.: *Fredrickson G.* The Black Image in the White Mind: the Debate on Afro-American Character and Destiny, 1817–1914. N.Y., 1971; *Genovese E.D.* The World the Slaveholders Made: Two Essays in Interpretation. N.Y., 1969; *Jenkins W.S.* Slavery Thought in the Old South. Gloucester (Mass.), 1935; *McCardell J.* The Idea of a Southern Nation: Southern Nationalists and Southern Nationalism 1830–1860. N.Y.; L., 1979; *Tise L.E.* Proslavery: A History of the Defense of Slavery in America. 1701–1840. Athens (Ja.), 1988; The Ideology of Slavery: Proslavery Thought in the Antebellum South. 1830–1860 / Ed. D.G. Faust. Baton Rouge, 1981; *Genovese E.D.* The Slaveholder's Dilemma: Freedom and Progress in Southern Conservative Thought. 1820–1860. Columbia (South Carolina), 1992.
- ²² Professor Dew on Slavery // The Proslavery Argument... P. 306, 325, 355–358, 463–465.
- ²³ *Simms W.G.* The Morals of Slavery // The Proslavery Argument. P. 273, 266–268.
- ²⁴ *Fredrickson G.* Op. cit. P. 57; *Jenkins W.S.* Op. cit. P. 249; *McCardell J.* Op. cit. P. 82.
- ²⁵ *McCaldell J.* Op. cit. P. 81.
- ²⁶ *Cleveland H.* Alexander H. Stephens: In Public and Private; With Letters and Speeches Before, During, and Since the War. Philadelphia, 1866. P. 722–723, 721.
- ²⁷ *Jenkins W.S.* Op. cit. P. 58, 60, 63, 125, 129.
- ²⁸ *Stamp K.* Peculiar Institution. N.Y., 1956. P. 28; *Eaton C.* The Growth of Southern Civilization. 1790–1860. N.Y., 1961. P. 90.
- ²⁹ *Tocqueville A.* Democracy in America: Vols. 1–2. N.Y., 1945. Vol. 1. P. 259–360, 370–373, 390–392, 397.
- ³⁰ *Litwack L.F.* North of Slavery: The Negro in the Free States, 1790–1860. Chicago, 1961. P. 16, 29, 79.
- ³¹ *Ibid.* P. 40–43.
- ³² *Fredrickson G.M.* The Black Image in the White Mind: The Debate on Afro-American Character and Destiny. 1817–1914. N.Y., 1971. P. 12–13.
- ³³ *Chapman J.J.* William Lloyd Garrison. N.Y., 1976. P. 10.
- ³⁴ *Wiecek W.M.* The Sources of Antislavery Constitutionalism in America, 1760–1848. Ithaca; L., 1977. P. 168–169.

- ³⁵ The Letters of William Lloyd Garrison: Vols. 1–4 / Ed. W.M. Merrill, L. Ruchames. Cambridge (Mass.), 1975. Vol. 2. P. 17–21, 148, 257.
- ³⁶ The Letters of William Lloyd Garrison. Vol. 1. P. 540, 563; Vol. 2. P. 138; Vol. 4. P. 3, 75, 89, 651.
- ³⁷ Ibid. Vol. 4. P. 703–704.
- ³⁸ Ibid. P. 405, 408–409, 496, 567–574.
- ³⁹ Ibid. P. 405, 407.
- ⁴⁰ Ibid. P. 94–103.
- ⁴¹ The Life and Writings of Frederick Douglass / Ed. P. Foner: Vols. 1–4. N.Y., 1950–1955. Vol. 2. P. 52–53, 149–157.
- ⁴² Porter K.H., Johnson D.B. National Party Platforms, 1840–1964. Urbana, 1961. P. 7–15.
- ⁴³ The Collected Works of Abraham Lincoln: Vols. 1–9 / Ed. R.F. Basler. New Brunswick (N.J.), 1953–1955. Vol. 1. P. 112, 172, 307.
- ⁴⁴ Ibid. Vol. 2. P. 249; Vol. 3. P. 375.
- ⁴⁵ Ibid. Vol. 3. P. 375, 396.
- ⁴⁶ Ibid. Vol. 4. P. 426.
- ⁴⁷ Ibid. Vol. 2. P. 323.
- ⁴⁸ Ibid. Vol. 3. P. 462, 477, 479; Vol. 5. P. 52.
- ⁴⁹ Ibid. Vol. 2. P. 452, 461; Vol. 3. P. 92; Vol. 4. P. 2–3, 16–17; Foner E. Free Soil, Free Labor, Free Men: the Ideology of the Republican Party before the Civil War. L., 1970. P. 68.
- ⁵⁰ The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 1. P. 75; Vol. 2. P. 3, 130–132, 270; Vol. 3. P. 327; Vol. 5. P. 318.
- ⁵¹ Ibid. Vol. 2. P. 405, 409, 520, 546–547; Vol. 3. P. 16, 83, 146, 222.
- ⁵² Ibid. Vol. 5. P. 371.
- ⁵³ Ibid. Vol. 3. P. 102; Vol. 8. P. 2, 403.

Глава третья

- ¹ См.: Аудеева М.А. Идеи Фурье в США // История социалистических учений. М., 1976; Андерсон К.М. Томас Сквидмор и его утопия // Сквидмор Томас. Права человека на собственность. М., 1988.
- ² Hofstadter R. The Age of Reform: From Bryan to FDR. N.Y., 1955. P. 64.
- ³ National Party Platforms. 1840–1956. Urbana, 1956. P. 168.
- ⁴ Ibid.
- ⁵ Ibid. P. 169.
- ⁶ Петтигуру Р.Ф. Торжествующая плутократия. М., 1922. С. 53.
- ⁷ Koenig L.W. Bryan: A Political Biography of William Jennings Bryan. N.Y., 1971. P. 103, 146.
- ⁸ Мортон А.Л. Английская утопия. М., 1956. С. 187.
- ⁹ Bellamy E. Looking Backward. Boston (Mass.), 1967 (1st ed. 1888). P. 101.
- ¹⁰ Bellamy E. Equality. N.Y., 1897. P. 351.
- ¹¹ Ibid. P. 324.
- ¹² Bellamy E. Looking Backward. P. 129, 75.
- ¹³ Ibid. P. 214.
- ¹⁴ Morgan A.E. Edward Bellamy. N.Y., 1944. P. 192–193.
- ¹⁵ Bellamy E. Equality. P. 332.
- ¹⁶ Фонер Ф. История рабочего движения в США. М., 1966. Т. 3. С. 22–23.
- ¹⁷ Там же. С. 33.
- ¹⁸ Powderly T. Thirty Years of Labor. 1859 to 1889. Columbus, 1890. P. 453.
- ¹⁹ Kipnis I. The American Socialist Movement. 1897–1912. N.Y., 1957. P. 13.
- ²⁰ Ginger R. Eugene Debs: A Biography. N.Y., 1962. P. 234.
- ²¹ Бриссенден П.Ф. Промышленные рабочие мира. М.; Л., 1926. С. 11.
- ²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 488.
- ²³ Kipnis I. Op. cit. P. 14.
- ²⁴ Де Леон Д. Избр. произв. М.; Л., 1934. С. 4, 14, 79.
- ²⁵ Там же. С. 86.

- ²⁶ Там же. С. 11, 12, 18, 19, 22.
- ²⁷ *Spargo J.* The Common Sense of Socialism. Chicago, 1911. P. 91, 126; *Hillquit M.* Socialism in Theory and Practice. N.Y., 1912. P. 169; *Kipnis I.* Op. cit. P. 112.
- ²⁸ *Kipnis I.* Op. cit. P. 114.
- ²⁹ Ibid. P. 300.
- ³⁰ *Haywood W.* The General Strike. N.Y., 1912. P. 13, 14.
- ³¹ *Hofstadter R.* Social Darwinism in American Thought. N.Y., 1944. P. 33.
- ³² Ibid. P. 57.
- ³³ *Sumner W.G.* What Social Classes Owe to Each Other. N.Y., 1920. P. 119–120.
- ³⁴ *Josephson M.* The Politicos, 1865–1896. N.Y., 1935. P. 455.
- ³⁵ *Ely R.* The Ground Under Our Feet. N.Y., 1939. P. 125.
- ³⁶ Ibid. P. 126–127.
- ³⁷ История США: В 4-х т. М., 1983–1987. Т. 2. С. 28.
- ³⁸ См.: *Ward L.* Pure Sociology: A Treatise on the Origin and Spontaneous Development of Society. N.Y., 1903. P. 4; *Idem.* Applied Sociology: A Treatise on the Conscious Improvement of Society by Society. N.Y., 1906. P. 21.
- ³⁹ *Commager H.S.* The American Mind. New Haven, 1951. P. 204.
- ⁴⁰ *Ward L.* Pure Sociology. P. 261.
- ⁴¹ Ibid. P. 277.
- ⁴² Ibid. P. 16–17.
- ⁴³ *Ward L.* Applied Sociology. P. 31.
- ⁴⁴ Ibid. P. 222.
- ⁴⁵ *Уорд Л.* Психические факторы цивилизации. М., 1897. С. 117.
- ⁴⁶ Там же. С. 353.
- ⁴⁷ *Ely R.* The Ground Under Our Feet. N.Y., 1939. P. 43.
- ⁴⁸ *Patten S.* The Education Value of Political Economy. Baltimore, 1892. P. 18.
- ⁴⁹ *Adams H.S.* Relation of the State to Industrial Action and Economics and Jurisprudence: Two Essays. N.Y., 1954. P. 144–145.
- ⁵⁰ *Ely R.* Industrial Liberty // American Economic Association Quarterly. N.Y., 1902. N 1. P. 77.
- ⁵¹ *Ely R.* Socialism: An Examination of Its Nature, Its Strength and Its Weakness With Suggestions for Social Reform. N.Y., 1894. P. 254, 256.
- ⁵² Ibid. P. 259.
- ⁵³ *Ely R.* Studies in the Evolution of Industrial Society. N.Y., 1903. P. 85.
- ⁵⁴ Цит. по: *Согрин В.В.* Истоки современной буржуазной идеологии в США. М., 1975. С. 106, 107, 115.
- ⁵⁵ The Progressive Movement. 1900–1915 / Ed. and with An Introduction R. Hofstadter. N.Y., 1965. P. 125.
- ⁵⁶ *Croly H.* The Promise of American Life. N.Y., 1909. P. 26–35.
- ⁵⁷ *Fine S.* Laissez Faire and the General Welfare State: A Study of Conflict in American Thought. 1865–1901. N.Y., 1956. P. 207.
- ⁵⁸ *Smith J.A.* The Spirit of American Government. N.Y., 1907; *Beard Ch.A.* An Economic Interpretation of the Constitution of the United States. N.Y., 1913.
- ⁵⁹ *Weyl W.* The New Democracy. N.Y., 1913.
- ⁶⁰ *Croly H.* Op. cit. P. 389–390.
- ⁶¹ *Commons J.* American Shoemakers. 1648–1895 // Quarterly Journal of Economics. 1909. Nov. P. 76.
- ⁶² Social and Economic Views of Mr. Justice Brandeis. N.Y., 1930. P. 378.
- ⁶³ *Croly H.* Op. cit. P. 393.
- ⁶⁴ *Wilson W.* The New Freedom. N.Y., 1913. P. 163, 165–166, 172, 179–180, 192–193, 212–216; *Brandeis L.* Other People's Money and How the Bankers Use It. N.Y., 1914. P. 46, 51, 163, 164; Social and Economic Views of Mr. Justice Brandeis. P. 286–287, 388–390, 398.
- ⁶⁵ The Progressive Movement. 1900–1915. P. 183.

- ¹ *Nothing to Fear: The Selected Addresses of Franklin Delano Roosevelt. 1932–1945.* Cambridge, 1946. P. 150.
- ² *Fusfeld D.R. The Economic Thought of Franklin D. Roosevelt and the Origins of the New Deal.* N.Y., 1956. P. 208–209.
- ³ *Ibid.* P. 209.
- ⁴ *Roosevelt F.D. Looking Forward.* N.Y., 1933. P. 29, 31–33.
- ⁵ *Ibid.* P. 21, 35.
- ⁶ *Ibid.* P. 225.
- ⁷ *Ibid.* P. 21, 26, 28–31, 33, 231.
- ⁸ *Nothing to Fear.* P. 20, 22, 63–64, 66–68.
- ⁹ *Ibid.* P. 91, 155.
- ¹⁰ *Ibid.* P. 396, 424.
- ¹¹ Цит. по: США: политическая мысль и история. М., 1976. С. 350.
- ¹² *Nothing to Fear.* P. 170.
- ¹³ *Сивачев Н.В., Язьков Е.Ф. Новейшая история США.* М., 1980. С. 119.
- ¹⁴ *Nothing to Fear.* P. 30; *Greer T. What Roosevelt Thought: The Social and Political Ideas of Franklin D. Roosevelt.* Michigan, 1958. P. 8.
- ¹⁵ *Binkley W. The Powers of the President: Problem of American Democracy.* N.Y., 1937. P. 262.
- ¹⁶ *State of Union Messages of the President. 1790–1966 / Ed. F. Israel: Vols. 1–3.* N.Y., 1967. Vol. 3. P. 2962, 2979.
- ¹⁷ *Hamby A.L. Liberalism and Its Challengers: F.D.R. to Reagan.* N.Y., 1985. P. 67.
- ¹⁸ *Beard Ch.A. The Republic.* N.Y., 1943. P. 271–272.
- ¹⁹ *Schlesinger A.M. (Jr.). The Age of Jackson.* Boston, 1945. P. 391, 505–506.
- ²⁰ *Ibid.* P. 514–515.
- ²¹ *Goldman E. Rendezvous with Destiny: A History of Modern American Reform.* N.Y., 1955. P. 286–287; *Schlesinger A.M. (Jr.). The Age of Roosevelt: Vols. 1–3.* Boston, 1957–1960. Vol. 3. P. 396–397.
- ²² *Сивачев Н.В., Язьков Е.Ф. Указ. соч.* С. 195.
- ²³ *Bell D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties.* N.Y., 1960.
- ²⁴ *Lilienthal D. Big Business: a New Era.* N.Y., 1953; *Berle A.(Jr.). The 20th Century Capitalist Revolution.* N.Y., 1954; *Riesman D. The Lonely Crowd.* N.Y., 1954; *Lerner M. America As a Civilization.* N.Y., 1957.
- ²⁵ *Galbraith J.K. American Capitalism: The Concept of Counterbalancing Power.* Boston, 1952. P. 7, 51, 57, 111–112, 139, 149.
- ²⁶ *Гэлбрейт Д.К. Жизнь в наше время.* М., 1986. С. 191.
- ²⁷ *Stevenson A. What I Think.* N.Y., 1956. P. 3, 4, 10–11, 13, 22–23, 36, 73, 85, 96.
- ²⁸ *Ibid.* P. 3–4.
- ²⁹ *Гэлбрейт Д.К. Жизнь в наше время.* С. 196.
- ³⁰ *Stevenson A. The New America.* L., 1957. P. 257.
- ³¹ *Ibid.* P. 90, 91, 94.
- ³² *Galbraith J.K. The New Industrial State.* Chicago; L., 1967.
- ³³ *Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество.* М., 1969. С. 458, 453.
- ³⁴ *Harris S.E. The Economics of Political Parties.* N.Y., 1962. P. XXXIV, 19, 44–45, 101–102, 110.
- ³⁵ *Kennedy J.F. The Burden and the Glory.* N.Y., 1964. P. 4–5, 9, 26, 37, 176, 183, 185.
- ³⁶ *Johnson L.B. My Hope for America.* N.Y., 1964. P. 23, 51; *Idem. The Vantage Point: Perspectives of the Presidency. 1963–1969.* N.Y., 1973. P. 69–72, 87, 103.
- ³⁷ *Сивачев Н.В., Язьков Е.Ф. Указ. соч.* С. 260–261; *Олещук Ю.Ф. Эволюция социальной политики США в 60–80-е годы.* М., 1987. С. 28–29.
- ³⁸ *Galbraith J.K. Economics and Public Purpose.* N.Y., 1973.
- ³⁹ *Гэлбрейт Д.К. Экономические теории и цели общества.* М., 1979. С. 340–341.
- ⁴⁰ Там же. С. 353.

- ⁴¹ *McCarthy E.J.* The Hard Years: A Look at Contemporary America and American Institutions. N.Y., 1975. P. 61–67.
- ⁴² *Ibid.* P. 3–14; *Schlesinger A.M. (Jr.)*. The Imperial Presidency. Boston, 1973.
- ⁴³ Цит. по: *Бобраков Ю.И.* О посланиях президента Конгрессу // США: экономика, политика, идеология. 1978. № 4. С. 49.
- ⁴⁴ New York Times Review of Books. 1981. Jan. 22.
- ⁴⁵ *Потенберг Р.* Клуб неолибералов // США: консервативная волна. М., 1984. С. 233.
- ⁴⁶ Там же. С. 234.
- ⁴⁷ *Hart G.* A New Democracy: A Democratic Vision for the 1980-s and Beyond. N.Y., 1983. P. 8, 10–15, 28–29.
- ⁴⁸ Цит. по: *McElvaine R.S.* The End of the Conservative Era: Liberalism After Reagan. N.Y., 1987. P. 63.
- ⁴⁹ *Reich R.B.* The Next American Frontier. N.Y., 1983. P. 5.
- ⁵⁰ *Thurow L.* Dangerous Currents: The State of Economics. Oxford, 1983. P. 137.
- ⁵¹ *Hart G.* Op. cit. P. 54–58.
- ⁵² *Ibid.* P. 114.
- ⁵³ Цит. по: *Rotenberg R.* The Neoliberals: Creating the New American Politics. N.Y., 1984. P. 87.
- ⁵⁴ *McElvaine R.S.* Op. cit. P. 99.
- ⁵⁵ Federalism: Making the System Work / Beer S.H., Kennedy E., Ladd H.F. et al. Wash., 1982. P. 52.
- ⁵⁶ *Mondale W.F., Crim A.A., Doyle D.* Educating Our Citizens: The Search for Excellence. Wash., 1983. P. 10.
- ⁵⁷ *Hoover H.* American Individualism. N.Y., 1922; *Idem.* The New Day: Campaign Speeches of Herbert Hoover. 1928. Stanford, 1928; *Idem.* Challenge to Liberty. N.Y., 1934; The Memoirs of Herbert Hoover: Vols. 1–3. N.Y., 1952.
- ⁵⁸ The Memoirs of Herbert Hoover. Vol. 2. P. 56.
- ⁵⁹ *Hoover H.* Challenge to Liberty. P. 31–32; The Memoirs of Herbert Hoover. Vol. 2. P. 203.
- ⁶⁰ *Hoover H.* Challenge to Liberty. P. 53, 54.
- ⁶¹ *Ibid.* P. 6, 50–52; The Memoirs of Herbert Hoover. Vol. 2. P. 300.
- ⁶² *Hoover H.* Challenge to Liberty. P. 110; The Memoirs of Herbert Hoover. Vol. 2. P. 30, 167.
- ⁶³ *Hoover H.* Challenge to Liberty. P. 181.
- ⁶⁴ *Ibid.* P. 81–89, 111, 114–115, 125, 142, 154, 158–159, 170–171; The Memoirs of Herbert Hoover. Vol. 2. P. 168, 173–174, 300.
- ⁶⁵ *Lawrence D.* Stumbling in the Socialism and the Future of Our Political Parties. N.Y.; L., 1935; *Robinson E.* The New United States. Stanford (Calif.); L., 1946; *Idem.* The Roosevelt Leadership. 1933–1945. Philadelphia, 1955; *Flynn J.T.* Country Squire in the White House. N.Y., 1940; *Idem.* The Roosevelt Myth. N.Y., 1948; *Idem.* The Road Ahead: America's Creeping Revolution. N.Y., 1949; *Idem.* The Decline of American Republic and How to Rebuild It. N.Y., 1955.
- ⁶⁶ *Flynn J.T.* The Roosevelt Myth. P. 416.
- ⁶⁷ Основные труды: *Viereck P.* Conservatism from John Adams to Churchill. Princeton, 1956; *Idem.* Conservatism Revisited. N.Y.; L., 1962 (1st ed. 1946); *Kirk R.A.* The Conservative Mind: From Burke to Santayana. Chicago, 1953; *Idem.* A Program for Conservatives. Chicago, 1962 (1st ed. 1954); *Idem.* The American Cause. Chicago, 1957; *Idem.* The Roots of American Order. La Salle, 1975; *Rossiter C.* Conservatism in America. N.Y., 1955; *Idem.* Parties and Politics in America. Ithaca, 1960.
- ⁶⁸ *Rossiter C.* Conservatism in America. P. 13, 15, 28–29.
- ⁶⁹ *Viereck P.* Conservatism Revisited. P. 141.
- ⁷⁰ *Rossiter C.* Conservatism in America. P. 16; *Kirk R.A.* A Program for Conservatives. P. 24, 27–33; *Viereck P.* Conservatism Revisited. P. 18, 126.
- ⁷¹ *Rossiter C.* Conservatism in America. P. 112–114; *Kirk R.A.* A Program for Conservatism. P. 258.
- ⁷² *Boorstin D.J.* The Genius of American Politics. Chicago, 1953; *Idem.* The Americans: The Colonial Experience. N.Y., 1958; *Idem.* The Americans: The National Experience. N.Y., 1965; *Idem.* The Americans: The Democratic Experience. N.Y., 1973; *Brown R.E.* Charles Beard and the Constitution: a Critical Analysis of "An Economic Interpretation of the Constitution". Princeton,

- 1956; *Idem*. Middle-Class Democracy and the Revolution in Massachusetts. 1691–1780. Ithaca, 1955; *Idem*. Carl Becker and the American Revolution. East Lansing (Mich.), 1970; *Berthoff R.* An Unsettled People: Social Order and Disorder in American History. N.Y., 1971; *Hartz L.* The Liberal Tradition in America. N.Y., 1955.
- ⁷³ *Kirk R.A.* A Program for Conservatives. P. 157; *Rossiter C.* Conservatism in America. P. 184–185.
- ⁷⁴ *Rossiter C.* Conservatism in America. P. 302; *Viereck P.* Conservatism Revisited. P. 142.
- ⁷⁵ См. подробнее: США: политическая мысль и история. М., 1976. С. 474–484.
- ⁷⁶ См.: The State of the Union Messages of the President / Ed. F. Israel. N.Y., 1967. Vol. 3. P. 3020–3022; History of American Presidential Elections. 1789–1968: Vols. 1–4 / Ed. A. Schlesinger (Jr.). N.Y., 1971. Vol. 4. P. 3443.
- ⁷⁷ *Larson A.* Republican Looks at His Party. N.Y., 1956. P. 117, 131, 147.
- ⁷⁸ *Ibid.* P. 59–91.
- ⁷⁹ *White T.* The Making of the President 1972. N.Y., 1973. P. 69.
- ⁸⁰ *Goldwater B.* The Conscience of a Conservative. N.Y., 1960.
- ⁸¹ *Goldwater B.* With No Apologies: The Personal and Political Memoirs of United States Senator Barry M. Goldwater. N.Y., 1979. P. 154–155, 209.
- ⁸² *Donovan F.R.* The Americanism of Barry Goldwater. N.Y., 1964. P. 38–39.
- ⁸³ *Ibid.* P. 36, 128.
- ⁸⁴ *Ibid.* P. 36, 128, 137–149.
- ⁸⁵ History of American Presidential Elections. Vol. 4. P. 3569; 3571, 3675; *Goldwater B.* The Conscience of a Conservative. P. 15, 151.
- ⁸⁶ См., например: *Макашева Н.* Фридрих фон Хайек: мировоззренческий аспект экономической теории // Вопр. экономики. 1989. № 4; *Капелюшников Р.* Философия рынка Ф. Хайека // Мировая экономика и межд. отн. 1989. № 12.
- ⁸⁷ *Hayek F.* Law, Legislation and Liberty: A New Statement of the Liberal Principles of Justice and Political Economy: Vols. 1–3. Chicago, 1979.
- ⁸⁸ *Ibid.* Vol. 2. P. 65–73, 77, 84.
- ⁸⁹ *Hospers J.* Libertarianism: A Political Philosophy for Tomorrow. Los Angeles, 1971; *Friedman D.* The Machinery of Freedom. N.Y., 1973; *MacBride R.L.* A New Dawn for America: The Libertarian Challenge. Ottawa (Ill.), 1976; *Rothbard M.N.* For a New Liberty: The Libertarian Manifesto. N.Y.; L., 1978; *Ringer R.* Restoring the American Dream. N.Y., 1979.
- ⁹⁰ *Rothbard M.N.* Op. cit. P. 142–171.
- ⁹¹ *Ibid.* P. 83–84.
- ⁹² *Мелвилль А.Ю.* Социальная философия современного американского консерватизма. М., 1980. С. 4.
- ⁹³ *Kristol I.* Two Cheers for American Capitalism. N.Y., 1978. P. 125.
- ⁹⁴ *Steinfels P.* Neoconservatives: The Men Who are Changing American Politics. N.Y., 1979. P. 10–15.
- ⁹⁵ *Phillips K.P.* Post-Conservative America: People, Politics and Ideology in a Time of Crisis. N.Y., 1982. P. 44.
- ⁹⁶ *Kristol I.* Op. cit. P. 30, 56–57; *Evans M.S.* Clear and Present Dangers: A Conservative View of America's Government. N.Y., 1975. P. 151, 191–201, 209, 221, 393–405.
- ⁹⁷ *Steinfels P.* Op. cit. P. 111.
- ⁹⁸ *Lowi T.J.* The End of Liberalism: The Second Republic of the United States. N.Y.; L., 1979. P. V–XI, 193–220.
- ⁹⁹ *Pines B.Y.* Back to Basics: The Traditionalist Movement That is Sweeping Grass-Roots America. N.Y., 1982; *Huntington S.P.* American Politics: the Promise of Disharmony. Cambridge (Mass.); L., 1981. P. 10–12, 14.
- ¹⁰⁰ Transforming Our World: A Call to Action / Ed. J.M. Boice. Portland (Ore.), 1988. P. 134.
- ¹⁰¹ *Ibid.* P. 22, 29, 60, 135–137.
- ¹⁰² *Van Der Linden F.* The Real Reagan: What he Believes, What he Has Accomplished, What We Can Expect From Him. N.Y., 1981. P. 82.
- ¹⁰³ *Phillips K.P.* Op. cit. P. 15.
- ¹⁰⁴ *Evans R., Nowak R.* The Reagan Revolution. N.Y., 1981. P. 236; Ronald Reagan's Weekly Radio

- Addresses: The President Speaks to America / Comp. F.L. Israel. Wilmington (Del.), 1987. Vol. 1. P. 64, 102, 117.
- ¹⁰⁵ Ibid. P. 1, 9, 10, 22, 24, 85, 90–91, 98–99.
- ¹⁰⁶ Rayack E. Not So Free to Choose: The Political Economy of Milton Friedman and Ronald Reagan. N.Y., 1987. P. 81.
- ¹⁰⁷ Stockman D. The Triumph of Politics. N.Y., 1987. P. 10.
- ¹⁰⁸ Подробный анализ внутренней политики Р. Рейгана см.: Олещук Ю.Ф. Эволюция социальной политики США в 60–80-е годы. М., 1987; Зайченко А.С. Доходы и потребление: Американская семья среднего достатка // США: Экономика, политика, идеология. 1987. № 12; Он же. Доходы и потребление: Богатые и сверхбогатые // Там же. 1988. № 8; Шмелев Н.П., Волков Н.В., Парканский А.Б. Американская экономика в преддверии 90-х // Там же. № 10; Никонов В.А. Рональд Рейган // Вопр. истории. 1989. № 2, и др.
- ¹⁰⁹ Ronald Reagan's Weekly Radio Addresses. Vol. 1. P. 10, 73, 120; Ryack E. Op. cit. P. 187; Среди новейших американских исследований консерватизма см.: Nash G. The Conservative Intellectual Movement since 1945. N.Y., 1976; Gottfried P., Fleming T. The Conservative Movement. Boston, 1988; Keeping the Tablets: Modern American Conservative Thought / Ed. W. Buckley (Jr.), C.R. Kesler. N.Y., 1988; Hoeveler J.D. (Jr.). Watch on the Right: Conservative Intellectuals in the Reagan Era. Madison, 1991; Hamby A. Liberalism and Its Challengers: From F.D.R. to Bush. N.Y., 1992; Berman W.C. America's Right Turn: From Nixon to Bush. Baltimore; L., 1994.
- ¹¹⁰ Cantor M. The Devided Left: American Radicalism. 1900–1975. N.Y., 1978. P. 72.
- ¹¹¹ Howe I., Cozer L. The American Communist Party: A Critical History. N.Y., 1974. P. 172, 187.
- ¹¹² Seidler M.B. Norman Thomas: Respectable Rebel. Syracuse, 1961. P. 313.
- ¹¹³ Thomas N. Fascism or Socialism? The Choice Before Us. L., 1934. P. 7, 15, 24–26, 33, 92, 165; Idem. After the New Deal, What? N.Y., 1936. P. 12, 43, 46, 77, 187.
- ¹¹⁴ Thomas N. Fascism or Socialism? P. 65–67.
- ¹¹⁵ Seidler M.B. Op. cit. P. 182, 185, 187.
- ¹¹⁶ Thomas N. After the New Deal, What? P. 7.
- ¹¹⁷ Ibid. P. 156, 158, 161–163, 169–170; Thomas N. Fascism or Socialism? P. 93, 212, 217, 223–224.
- ¹¹⁸ Harris L. Upton Sinklair: American Rebel. N.Y., 1975. P. 316, 351.
- ¹¹⁹ Sinclair U. I, Governor of California and How I Ended Poverty: A True Story of the Future. Los Angeles, 1933. P. 2–3, 10, 20, 61; Idem. We, People of America and How We Ended Poverty: A True Story of the Future. Pasadena, 1935. P. 13–14, 19, 23, 29, 31, 34–35, 50, 60.
- ¹²⁰ Новая программа Коммунистической партии США // США: Экономика, политика, идеология. 1983. № 1–4.
- ¹²¹ Political Affairs. 1989. N 8. P. 3–4, 7, 20.
- ¹²² Harrington M. Socialism. N.Y., 1970. P. 5–6, 8–9, 29, 36–37, 42, 110, 142–143, 152–155, 167–169, 182–185, 198, 207; Idem. The Twilight of Capitalism. N.Y., 1976. P. 31, 123, 130.
- ¹²³ Harrington M. Socialism. P. 251, 263, 268; Idem. The Twilight of Capitalism. P. 300, 306, 318.
- ¹²⁴ Harrington M. Socialism. P. 208, 211, 214, 271, 283, 291, 301, 304, 308, 352–361; Idem. Decade of Decision; The Crisis of the American System. N.Y., 1980. P. 90, 97, 142, 144–145, 171, 188, 219–220, 247.
- ¹²⁵ Harrington M. Socialism. P. 352, 355–361, 371; Idem. Decade of Decision. P. 14, 89, 90, 108, 145, 167, 171, 174, 301–305; Idem. The Next Left: The History of a Future. N.Y., 1987. P. 7, 54–55, 61, 69, 104, 155, 190, 194.
- ¹²⁶ Fromm E. The Revolution of Hope. N.Y., 1968; Idem. To Have or to Be? N.Y., 1976. О концепции Э. Фромма см.: Лейбин В.М. Философия социального критицизма в США. М., 1976. С. 189–197; Баталов Э.Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США. М., 1982. С. 284–286.
- ¹²⁷ Lynd S. Intellectual Origins of American Radicalism. L., 1968; Williams W.A. America Confronts A Revolutionary World: 1776–1976. N.Y., 1976. P. 184.
- ¹²⁸ Миллс П. Властвующая элита. М., 1959. С. 447.
- ¹²⁹ Domhoff W. How to Commit Revolution // The New Left: A Documentary History / Ed. M. Teodori. N.Y., 1969. P. 457.
- ¹³⁰ Howe I. Socialism in America. San Diego, 1985. P. 187, 192, 195, 198–199, 209.

¹³¹ *Stokes B. Workers – Participation – Productivity and the Quality of Work Life.* Wash., 1978. P. 36.

¹³² *Stokes B. Helping Ourselves: Local Solution to Global Problems.* N.Y., 1981. P. 142.

¹³³ *Alternatives: Proposals for America from the Democratic Left / Ed. I. Howe.* N.Y., 1984; *Kuttner R. The Economic Illusion: False Choices Between Prosperity and Social Justice.* Boston, 1984; *Birnbaum N. The Radical Renewal: The Politics of Ideas in Modern America.* N.Y., 1988.

Вместо заключения: конфликт, согласие, плюрализм

¹ *Parrington V.L. Main Currents in American Thought: an Interpretation of American Literature from the Beginnings to 1920: Vols. 1–3.* N.Y., 1927–1930 (рус. пер.: *Паррингтон ВЛ. Основные течения американской мысли.* М., 1962–1963. Т. 1–3).

² *Паррингтон ВЛ. Указ. соч. Т. 3. С. 355.*

³ *Hartz L. The Liberal Tradition in America: An Interpretation of American Political Thought since the Revolution.* N.Y., 1955 (рус. пер.: *Харц Л. Либеральная традиция в Америке.* М., 1993).

⁴ *Харц Л. Указ. соч. Гл. 2, 3.*

SUMMARY

Basing on his own studies of american ideological history the author makes an argument with classical concepts of the role of ideologies in the USA. The first classical concept which belongs to progressive school of historians and especially to V.L. Parrington insists on antagonistic character of differences between liberalism and conservatism and does not pay special attention to radical ideologies. The second classical concept which was developed by consensus school and especially by L. Hartz stresses the domination of a liberal basis in all principal American ideologies and rejects any importance of radical ideologies in America. Principal conclusion of this book is that american ideological history and developments are based on three main principles: conflict, which reflected real differences of social and political interests in the USA; consensus meaning an acceptance by all ideologies (the only exception is communist ideology) of some common theoretical premises; and pluralism which means a competition and coexistence of American ideologies.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
<i>Глава первая</i>	
РЕВОЛЮЦИЯ XVIII ВЕКА: НАРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИЙ	7
Идейные поиски демократов: Джефферсон, Франклин, Пейн и другие	7
Между Гамильтоном и Мэдисоном: у истоков консерватизма	31
<i>Глава вторая</i>	
КАПИТАЛИЗМ И РАБСТВО	50
От Кэлхуна до Фицхью: мир рабовладельцев	50
"Свободная земля, свободный труд, свободные люди!"	70
<i>Глава третья</i>	
ВСТУПАЯ В XX ВЕК	90
Вызов "снизу": от популизма к социализму	90
Ответ "сверху": от У.Г. Самнера до В. Вильсона	110
<i>Глава четвертая</i>	
1920–1990-е ГОДЫ: КОНЦЕРТ ИДЕОЛОГИЙ	133
Либеральное кредо: от Ф.Д. Рузвельта до У. Клинтона	133
Течения консерватизма: от Г. Гувера до Р. Рейгана	169
Левая альтернатива: между социализмом и радикализмом	195
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: КОНФЛИКТ, СОГЛАСИЕ, ПЛЮРАЛИЗМ	220
ПРИМЕЧАНИЯ	226
SUMMARY	236

CONTENTS

INTRODUCTION	3
<i>Chapter one</i>	
REVOLUTION OF THE 18-th CENTURY: CREATING TRADITIONS	7
Ideological search of democrats: Jefferson, Franklin, Paine and others	7
Between Hamilton and Madison: genesis of conservatism	31
<i>Chapter two</i>	
CAPITALISM AND SLAVERY	50
From Calhoun to Fitzhugh: the world of slaveholders	50
"Free soil, free labour, free men!"	70
<i>Chapter three</i>	
ENTERING THE 20-th CENTURY	90
Challenge from below: from populism to socialism	90
Response from above: from W.G. Sumner to W. Wilson	110
<i>Chapter four</i>	
1920–1990: CONCERT OF IDEOLOGIES	133
Liberal credo: from F.D. Roosevelt to W. Clinton	133
Currents of conservatism: from H. Hoover to R. Reagan	169
Left Alternative: between socialism and radicalism	195
IN A CONCLUSION: CONFLICT, CONSENSUS, PLURALISM	220
NOTES	226
SUMMARY	236

Научное издание

Согрин Владимир Викторович

**ИДЕОЛОГИЯ
В АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИИ:
от отцов-основателей
до конца XX века**

*Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Российской Академии наук*

Заведующая редакцией "Наука–история"

Н.Л. Петрова

Редактор издательства

Н.Ф. Лейн

Художник

Э.Л. Эрман

Художественный редактор

В.Ю. Яковлев

Технический редактор

Н.М. Бурова

Корректор

Г.В. Дубовицкая

Набор выполнен в издательстве
на компьютерной технике

ИБ № 1560

Л.Р. № 020297 от 27 ноября 1991 г.

Подписано к печати 29.12.94
Формат 60×90 1/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная. Усл.печ.л. 15,0
Усл.кр.-отг. 15,0. Уч.-изд.л. 16,7
Тираж 950 экз. Тип. зак. 3284

Издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485,
Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург, В-34, 9-я линия, 12